

1328 535

М.А. ТАУБЕ
ю

**«ЗАРНИЦЫ»
ВОСПОМИНАНИЯ
О ТРАГИЧЕСКОЙ СУДЬБЕ
ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОЙ
РОССИИ
(1900—1917)**

ПАМЯТНИКИ
ИСТОРИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ

РОССПЭН

Москва
2007

ББК 63.3(2)52

Т12

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 05-01-16351

Издание увидело свет при содействии
«Института практического востоковедения»

Под редакцией **А.Сорокина, Т.Чеботаревой**

Подготовители и авторы комментариев:

Волхонский М.А., Гайда Ф.А.

Таубе М.А.

Т12 «Зарницы»: Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900—1917). — М.: «Памятники исторической мысли», «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. — 272 с., илл.

Русский вариант Воспоминаний профессора, барона М.А. Таубе, известного историка, юриста-международника и дипломата публикуется впервые. На страницах воспоминаний представлена широкая панорама общественно-политической жизни России конца XIX — начала XX века. Воспоминания содержат ценнейшие сведения о положении России в системе международных отношений, о деятельности Министерства иностранных дел и народного просвещения, о борьбе группировок в правительственных кругах накануне Первой мировой войны. В книге читатель найдет яркие портреты государственных деятелей Российской империи: министров иностранных дел В.Н. Ламздорфа, А.П. Извольского, С.Д. Сазонова, министра народного просвещения Л.А. Кассо, председателей Совета министров П.А. Столыпина, В.Н. Коковцова и И.Л. Горемыкина.

Воспоминания написаны ярким, живым языком, и будут интересны не только специалистам историкам, но и широкому кругу читателей.

Редактор *М.А. Айламазян*

Художественное оформление *А.В. Кубанов*

Компьютерная верстка *М.Н. Верховина*

Подписано в печать 19.01.2006

Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Усл.-печ. л. 17,0. Тираж 800 экз. Заказ № 5931

Издательство «Памятники исторической мысли»

Москва, ул. Воронежская, 37/43, 334

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)

117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82

Тел. 334-81-87 (дирекция)

Тел./факс. 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

© Бахметевский архив Колумбийского университета (США), 2007

© «Памятники исторической мысли», 2007

ISBN 5 - 88451 - 196 - 5

ISBN 5 - 8243 - 0691 - 5

© «Российская политическая энциклопедия», 2007

© Т. Чеботарева, предисловие, 2007

ПРЕДИСЛОВИЕ

Михаил Александрович Таубе родился 15 мая 1869 г. в Павловске, в семье инженера барона Александра Михайловича Таубе (1834—1897), потомка древнего дворянского рода Таубе-Туве из Эстляндии. Представители этого рода, рассеянные по разным странам Европы после поражения в Великой Ливонской войне (1558—1582), более трехсот лет состояли на службе российского императорского дома и дали России не одно поколение блестящих военачальников, выдающихся общественных деятелей и замечательных ученых.

После защиты в 1897 г. магистерской диссертации на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета Михаил Александрович Таубе в течение нескольких лет читал курс лекций по международному праву в Харьковском университете. В 1906 г. он вернулся в Санкт-Петербург, где принял заведование кафедрой международного права в университете и одновременно занял должность юрисконсульта при Министерстве иностранных дел.

22 апреля 1911 г. барон Таубе был назначен товарищем министра народного просвещения. Он неоднократно выступал в Государственной думе (например, по вопросу о выделении из Царства Польского Холмской губернии в 1912 г.) и активно участвовал в разработке закона о введении всеобщего начального образования, так никогда и не принятого, и, по словам самого Михаила Александровича, «затерявшегося в бюрократических недрах». В 1914 г., во время болезни Льва Аристидовича Кассо, бывшего в то время министром народного просвещения, а также в течение нескольких месяцев после его смерти, Михаил Александрович успешно управлял Министерством. Однако дворцовые интриги помешали ему получить портфель министра народного просвещения и вместо поста министра барону Таубе предложили место сенатора, а в начале 1917 г. назначили членом Государственного совета.

После октябрьского переворота 1917 г. Михаил Александрович переехал с семьей в Финляндию, где принял участие в работе Комитета по русским делам, в состав которого входили А.Ф. Трепов, генерал Н.Н. Юденич, граф Н.Н. Перовский и другие. Однако финский период жизни М.А. Таубе оказался весьма непродолжительным, ибо уже в 1919 г. его пригласили читать лекции по истории международных отношений и международного права с древнейших времен до начала XX в. в Упсальском университете в Швеции. Впрочем и в Упсале Таубе задержались ненадолго — в 1921 г. Михаил Александрович с семьей переехал в Берлин, где в качестве члена Высшего Монархического Совета вел активные переговоры с заинтересованными представителями немецких военных и монархических кругов о возможности германско-венгерской интервенции против советской России.

Вместе с генералом Глазенапом, предполагаемым командиром русского отряда, который должен был выступить из Латвии или Литвы в район Пскова, барон Таубе отправляется в Будапешт и получает аудиенцию у правителя Венгрии адмирала Хорти, который весьма благосклонно отнесся к идее германско-венгерской интервенции при сочувственной поддержке Франции. Однако разногласия с черносотенцем Николаем Евгеньевичем Марковым-вторым, фактически возглавившим Высший Монархический Совет, и трагическое убийство в 1922 г. университетского товарища Владимира Дмитриевича Набокова, окончательно отвратили барона Таубе от эмигрантской политики и он решил выйти из состава Высшего Монархического Совета.

Отход от политики высвободил достаточно времени, чтобы обратиться к науке. В 1922 г. Михаил Александрович закончил и выпустил в свет подробный свод данных по истории идеи международного мира с древнейших времен до образования Лиги наций — «Вечный мир или вечная война?». В том же году он прочитал в Париже курс лекций по значению Балтийского вопроса в истории России с древнейших времен и побывал на заседании сессии Института международного права в Гренобле, а в марте 1923 г. начал читать курс лекций в только что открытом в Берлине Русском научном институте. В эти же годы он активно участвует в работе по организации Гагской Академии международного права* и дает

* Academie de Droit Internationale de la Haye (1923—1939), один из первых проектов, осуществленных Отделом международного права Фонда Карнеги за международный мир, благотворительной организации, основанной американским филантропом Эндрю Карнеги в 1910 г. Торжественное открытие Гагской Академии международного права состоялось летом 1923 г. во Дворце Мира в Гааге.

частные консультации по вопросу о русском церковном имуществе в Германии и о праве собственности на русскую православную церковь в городе Дармштадте.

В 1925 г. барон Таубе возвращается к малоизученной теме, которой увлекся еще в России в начале 1900-х годов. Аграфы, то есть незаписанные в евангелиях изречения Иисуса Христа, вновь привлекают его исследовательский интерес. Одновременно с этим он активно сотрудничает с русской эмигрантской прессой, публикует статьи на немецком языке в берлинских научных журналах и готовит большой цикл лекций о развитии международных отношений и международного права в Восточной Европе, используя русские летописи и средневековые хроники соседних с Древней Русью государств.

В 1928 г. барон Таубе получает предложение вести два курса по международному праву и международной политике в двух высших учебных заведениях — в филиале Русского института при юридическом факультете Парижского университета и в Институте Карнеги, французско-американском научном центре*. После длительных переговоров в 1929 г. семья Таубе переезжает в Париж, но тем не менее Михаилу Александровичу довольно часто приходится читать лекции в Берлине и Гааге.

В тот же год по просьбе прямых потомков наследственных командоров ордена Св. Иоанна Иерусалимского барон Таубе начинает заниматься восстановлением в правах и признанием русской ветви знаменитого Мальтийского ордена. Приором этого Великого Приорства Российского, учрежденного императором Павлом в 1798 г., был избран великий князь Александр Михайлович, заместителем которого стал известный в эмиграции публицист и поэт, граф Александр Александрович Салтыков. Интересно отметить, что его прямой предок, фельдмаршал граф Николай Иванович Салтыков, был первым заместителем императора Павла по званию Великого Магистра.

Дело о восстановлении в правах, как выяснилось впоследствии совершенно безнадежное, заняло более двадцати пяти лет, о чем Михаил Александрович подробно рассказывает в опубликованной в 1955 г. на французском языке монографии под названием «Русский Император Павел I — Великий Магистр Ордена Св. Иоанна Иерусалимского».

* Le Centre Europeen de la Dotation Carnegie pour la Paix Internationale был основан в Париже в 1912 г. на средства Фонда Карнеги за международный мир. В центре проводились занятия по международному праву и осуществлялся ряд публикаций о современных проблемах международной жизни, а также ежемесячный международный информационный бюллетень Лиги наций.

В 30-е годы Михаил Александрович много занимается лекционной и преподавательской работой и активно участвует в создании особого Международного института Востока, идею которого горячо поддерживал приехавший из Америки в Париж Николай Константинович Рерих. Одновременно с этим он много занимается юридическими консультациями и выигрывает дело о наследовании в капитале, положенном в берлинский банк Мендельсон и К° на имя детей покойного Императора Николая Второго. Иск, возбужденный по инициативе мorganатической вдовы Великого Князя Михаила Александровича, княгини Брасовой, благополучно завершился в 1934 г. разделом 600000 марок между шестью законными наследниками Российского императорского дома.

В 1932—1937 гг. барон Таубе преподает в Мюнстерском университете, не оставляет своих парижских студентов и как обычно читает лекции в Гааге, причем на темы весьма актуальные для политической обстановки того времени, например, о нерушимости международных договоров или третейском разбирательстве международных споров с древнейших времен. В 1938 г. по особому предписанию из Берлина Мюнстерский университет расторгает с Михаилом Александровичем контракт 1931 г., и он уезжает в Париж с тем, чтобы больше никогда не вернуться в Германию. Как выяснилось впоследствии, его квартира с оставшимися там рукописями и книгами в конце войны была разрушена бомбами союзников.

Шесть военных лет не могли не отразиться на научной и преподавательской деятельности барона Таубе. Берлин, Мюнстер, Стокгольм и Гаага были отрезаны, а вместе с ними отпала и основная лекторская нагрузка. Однако Михаил Александрович не перестает интересоваться вопросами международного права и русской истории. В военные годы он пишет и готовит к публикации ряд исследований о происхождении русского государства и о крещении Руси — монографию о первом литовско-русском государстве Киеве и первом русском христианском князе Аскольде, а также Историю Великой Ливонской войны при царе Иване Грозном.

В первые послевоенные годы барон Таубе возвращается к идее написания истории своего времени и собственной жизни на русском языке. Надо отметить, что его воспоминания на немецком и французском языке, опубликованные в начале 30-х годов, пользовались в свое время большим успехом.

Предлагаемые читателю мемуары барона Михаила Александровича Таубе (1954—1956), были написаны или вернее надиктованы

в Париже по заказу Архива русской и восточно-европейской истории и культуры при Колумбийском университете города Нью-Йорк* и открывают собой серию так называемых заказных мемуаров. Идея подобной мемуарной акции принадлежит Анатолию Петровичу Вельмину, которого без преувеличения можно назвать основным поставщиком архивных материалов для открытого весной 1951 г. в Нью-Йорке Русского архива. Адвокат по профессии, Вельмин был хорошо знаком с первым хранителем архива, Львом Флориановичем Магеровским, и в годы перед Второй мировой войной плодотворно сотрудничал с Русским заграничным историческим архивом в Праге, в котором Магеровский заведовал газетным отделом.

Именно знакомство с Магеровским сподвигло Анатолия Петровича 24 декабря 1952 г. написать директору архива, профессору Колумбийского университета Филиппу Мозли, следующее письмо:

Многоуважаемый Филипп Артурович,

С 1929 по 1949 гг. я состоял представителем в Польше Русского Заграничного архива в Праге. Об этой моей работе может Вам дать заключение Л.Ф. Магеровский. Теперь я охотно продолжил бы эту работу для Вашего Архива. Хотя я сейчас живу и не в Париже, но очень близко от него — наш город находится в 20 минутах езды по ж.д. от Парижа, сообщение с которым удобное — 25 пассажирских поездов в сутки.

При встрече в июле сего года в Париже с профессором Михаилом Михайловичем Карповичем, я говорил ему о таком своем желании и встретил с его стороны очень благожелательное отношение.

Меня хорошо знает В.А. Маклаков.

Я окончил юридический факультет Киевского университета и до революции состоял на службе в Киевском Окружном Суде, исполняя обязанности Старшего Нотариуса этого суда.

Около 20 лет — 1925—1944 — я провел в Варшаве на положении русского политического эмигранта, состоя там Товарищем Председателя, а с 1936 года —

* Архив русской и восточно-европейской истории был основан в апреле 1951 г. на базе Колумбийского университета в Нью-Йорке (Соединенные Штаты Америки). Учредителями и организаторами архива были профессор Колумбийского университета Филипп Мозли, Джероид Робинсон, Эрнст Симмонс и Борис Бахметев, а также профессор Гарвардского университета Михаил Карпович, историк Борис Николаевский и архивист Лев Магеровский. Начальные средства были получены от благотворительного Фонда Рокфеллера, а в последующие годы Архив существовал на дотации Гуманитарного фонда, основанного Борисом Бахметевым. В 1975 г., после получения основного капитала Гуманитарного фонда в распоряжение Колумбийского университета, Архив был переименован в Бахметевский архив русской и восточно-европейской истории и культуры. В настоящее время насчитывает около 1500 фондов с более чем двумя миллионами единиц хранения.

Председателем Русского Попечительского об эмигрантах в Польше Комитета. Во Франции проживаю с октября 1945 года.

Прошу Вас, многоуважаемый Филипп Артурович, принять уверения в моем глубоком уважении к Вам.

Руководство Русского архива и само прекрасно осознавало, что без собственного представителя в Европе Архиву будет довольно непросто пополнять свои фонды. К тому же, конкурирующая организация, Гуверовский Институт войны, революции и мира, уже имел своего представителя в Париже, генерала Николая Николаевича Головина. Именно поэтому предложение Вельмина было встречено весьма благосклонно и Анатолий Петрович стал постоянным представителем Архива во Франции. С помощью Вельмина практически во всех русскоязычных газетах Парижа были помещены объявления об открытии нового Архива русской эмиграции, преемника Русского заграничного исторического архива в Праге.

С 1953 по 1957 г. А.П. Вельмин переслал в Нью-Йорк более трехсот посылок с архивными материалами русской эмиграции и вел активные переговоры о заказных мемуарах. В письме к Магеровскому, датированном 5 марта 1954 г., Вельмин сообщает:

Барон Михаил Александрович Таубе, бывший профессор Международного права Санкт-Петербургского университета, Сенатор, бывший товарищ Министра народного просвещения, предлагает написать воспоминания о всем том, чему свидетелем и участником он был за свою долгую жизнь (ему вскорости исполняется 85 лет)...

Идея Вельмина была встречена в Русском архиве с большим воодушевлением и Архив обязался заплатить за мемуары барона Таубе 100 американских долларов, что для послевоенного Парижа было весьма немалой суммой. Впоследствии сумма вознаграждения за заказанные мемуары варьировалась, однако не в зависимости от степени известности или занимаемого в прошлом положения, а в соответствии с финансами, которыми располагал на то время Русский архив, из своих скудных средств пытающийся помочь русским эмигрантам в голодном послевоенном Париже. Впрочем, парижские мемуары уникальны не только своим заказным характером. Они создавались простыми очевидцами истории, которые при других обстоятельствах никогда бы не решились запечатлеть на бумаге события своей, на первый взгляд, ничем не примечательной жизни. Поэтому совершенно естественно, что тематика заказных мемуаров охватывает весьма широкие исторические пласты: царская семья, Первая государственная дума, Первая мировая война, деятельность

русского Красного Креста, Временного правительства, революция 1917 года и Гражданская война, Русская армия и флот, положение русских стариков в католических монастырях Франции, военные и гражданские организации в рассеянии, а также деятельность различных политических партий.

Приведем хотя бы несколько примеров мемуаров из заказной серии. Это 550 страниц воспоминаний Дмитрия Ивановича Абрикосова, посвященные детству, юности и дипломатической карьере в Англии, Китае и Японии. Мемуары Владимира Александровича Базилевского, в которых описываются последние дни Белой армии в районе Оренбурга и Семиречья. Нина Сергеевна Дон делится своими воспоминаниями о предреволюционной России и о своей жизни в эмиграции. В «Моем ларце» Марии Николаевны Германовой рассказывается о детстве, юности и годах работы актрисы в Московском Художественном театре. Формированию Русского охранного корпуса и жизни эмиграции в Югославии посвящены воспоминания Юрия Константиновича Мейера. Надо заметить, что из хранящихся на сей день в Бахметевском архиве трехсот мемуаров, более ста датируются временем мемуарной акции.

Всего за годы работы в качестве представителя Русского архива в Париже (1953—1960) Анатолию Петровичу Вельмину удалось найти, договориться с фондодержателями и переслать в Нью-Йорк свыше семисот посылок с архивными материалами. Даже после переезда в дом престарелых, он тем не менее продолжал поставлять архивные материалы. Впрочем, неверно думать, что комплектование фондов Русского архива ограничивалось только Францией. Лев Флорианович Магеровский и в Америке находил людей, которые считали за честь передать свои бесценные материалы Русскому архиву. К 1977 г., то есть за 26 лет собирательской деятельности, Магеровскому удалось приобрести или получить в дар более 900 фондов, насчитывающих около полутора миллионов единиц хранения и создать второй по величине архив русской эмиграции в Соединенных Штатах Америки.

На русском языке мемуары барона Таубе публикуются впервые. Это — мало поддающаяся расшифровке рукопись в 4 папках и машинопись в 3 папках, всего около полутора тысяч страниц. Поскольку во время написания воспоминаний Михаил Александрович Таубе почти полностью ослеп и почерк его практически не поддавался расшифровке, Русский архив оплатил диктовку и перепись воспоминаний на машинке. Именно поэтому в публикации не сохранены особенности пунктуации автора.

В Российском государственном историческом архиве в Москве хранятся дневники барона Таубе времен русско-японской войны, поездки за границу в 1912 г., Первой мировой войны (1914–1915) и другие. Публикуемые нами материалы являются естественным продолжением его летописи о времени и о себе и связывают воедино две отнюдь неординарные жизни этого замечательного человека.

Т. Чеботарева

Барон М.А. Таубе и его «Воспоминания»

Многогранность, незаурядность личности — вот первое впечатление, которое оставляют «Воспоминания» барона Михаила Александровича Таубе. Разнообразие сфер интересов и деятельности этого человека, отразившееся в «Воспоминаниях», удивительно. Талантливый ученый, юрист-международник, получивший признание русской и европейской научной общественности, М.А. Таубе, благодаря своему высокому профессионализму сумел сделать быструю карьеру на государственной службе сначала в Министерстве иностранных дел, а затем в Министерстве народного просвещения. Успешной карьере во многом способствовали унаследованные от предков, немецких баронов, такие черты характера как твердость, обостренное чувство долга и чувство собственного достоинства.

Барон Михаил Александрович Таубе принадлежал к старинному роду (в древности называвшемуся Dube), известному с XIII в. В начале XVII в. Иоганн Таубе из ветви Hallinar, переселился из Прибалтики в Саксонию. Его сын Иоганн Георг 9(19) июня 1638 г. был возведен императором Фердинандом III в баронское достоинство Священной Римской Империи и стал родоначальником трех ветвей рода: баварской, саксонской и русской. Основателем русской ветви стал правнук Иоганна Георга — также Иоганн Георг (1750—1830), который поселился в России в казенном имении Рутцау (ныне Рукава) у самой границы с Пруссией и заведовал почтовой конторой. В 1795 г. он женился на Елизавете Шульц (1777—1848), от которой имел девятерых сыновей и трех дочерей. В 1865 г. за родом Таубе было признано дворянское достоинство, а в 1870 г. сыновьям Иоганна Георга Таубе было разрешено пользоваться в России родовым баронским титулом. Дед Михаила Александровича Фердинанд Иванович Таубе (1805—1870), окончив в 1831 г. институт Инженеров путей сообщения, стал первым управляющим Царскосельской железной дороги. Отец Михаила Александровича Александр Фердинандович Таубе (1834—1897), также

окончил в 1858 г. институт Инженеров путей сообщения и достиг должности главного инспектора императорских поездов. От брака с Анной Яковлевной Буторовой (1833–1916) у него было шестеро сыновей. Михаил Александрович Таубе родился 15 мая 1869 г. в Павловске и был пятым сыном в семье. В 1887 г. он окончил с золотой медалью Шестую петербургскую гимназию и вскоре поступил в С.-Петербургский университет на юридический факультет*. Именно с этого момента автор начинает увлекательное повествование о своей жизни и деятельности.

Оставленные М.А. Таубе «Воспоминания» открывают перед читателем широкую панораму политической и научной жизни России начала XX в. Особую ценность воспоминаниям придает то, что, по меткому замечанию самого автора, они посвящены «главным образом рассказу о малоизвестных, так сказать интимных сторонах этих событий». Благодаря этой особенности «Воспоминаний» некоторые общеизвестные, хрестоматийные факты политической истории России начала XX в. приобретают новизну и особый интерес для исследователей. В то же время скрупулезность и детальность изложения, являющиеся особенностью литературного стиля М.А. Таубе, позволяют читателю почувствовать с особенной остротой время заката Российской империи.

В начале XX в. научный и бюрократический мир России оказались тесно связанными. «Служилый Петербург, — писал И.И. Тхоржевский, — как бы предчувствуя предстоящую ему преобразовательную работу, уже запасался людьми: стягивал к себе, обирая профессию, свежие умственные силы»**. Неслучайно молодой студент-юрист собравшийся делать блестящую дипломатическую ее, твердо решил «подпереть» ее научными занятиями по кафедре международного права, «чтобы на этой почве разнообразных интересов различных государств, научиться точнее и объективнее разбираться в “правде” и “неправде”». Закончив с дипломом первой степени в 1891 г. юридический факультет С.-Петербургского университета, М.А. Таубе был оставлен при Университете для подготовки к профессорскому званию на кафедре международного права под руководством профессора Федора Федоровича Мартенса. Между именитым профессором и молодым ученым установились очень теплые, дружеские отношения. Иначе как «дорогим учителем и другом» Таубе не называл

* Бовкало А.А. Барон Михаил Александрович Таубе // Из истории Русского генеалогического общества. СПб., 2001. С. 88–93.

** Тхоржевский И.И. Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., 2000. С. 32.

знаменитого ученого международного, который стал для него не только научным руководителем, но и наставником и другом.

Успешно защитив в апреле 1896 г. магистерскую диссертацию Таубе переезжает на два года в Харьков, где начинает преподавать в местном университете по кафедре международного права. За недолгое пребывание в стенах Харьковского университета молодой магистр успел завязать дружеские отношения с профессором гражданского права Л.А. Кассо, что через десять лет сыграло решающую роль в его карьере. Подготовив вдали от «петербургской бюрократически-светской сутолоки» докторскую диссертацию, Таубе в сентябре 1899 г. возвращается в Петербург и через два месяца после блестящей защиты получает степень доктора международного права^{*}. С этого момента жизнь молодого ученого и дипломата оказалась тесно связана с тремя сферами петербургской общественной жизни: научной, бюрократической и светской, которые по замечанию автора были «мало симпатичные, но интересные».

На страницах своих воспоминаний Таубе откровенно пишет о «досадной атмосфере» зависти, интриг и слухов в среде петербургской профессуры. Три года упорных научных занятий принесли свои плоды. В марте 1903 г. М.А. Таубе был избран экстраординарным профессором С.-Петербургского университета по кафедре международного права. В то же время, его диссертационная работа «Христианство и организация международного мира» получила заслуженное признание не только среди специалистов по истории международного права, но также среди широких слоев русского образованного общества. Исследования молодого ученого заинтересовали Л.Н. Толстого, особенно — выводы автора «о ярко-отрицательном отношении первоначальных христиан к войне, как и ко всякому виду человеческого насилия и зла». С нескрываемой гордостью пишет Таубе в воспоминаниях о своей переписке с Л.Н. Толстым, который предложил ему опубликовать работу в популярном изложении в его московском издании «Посредник», что и было осуществлено в 1905 году.

В силу своих родственных связей Таубе оказывается причастным к светской и придворной жизни Петербурга. В первых главах «Воспоминаний» он касается болезненного вопроса о «темной сети разных закулисных влияний на императора Николая II и императрицу Александру Федоровну». Исследователям политической истории России начала XX в. будут, несомненно, интересны

^{*} ГА РФ. Ф. 596. Оп. 1. Д. 9. Л. 5.

сообщаемые автором факты о деятельности «великокняжеского оккультного кружка», и его роли в принятии политических решений накануне русско-японской войны.

Несмотря на разнообразие сюжетов «Воспоминаний» барона М.А. Таубе все же большая часть сообщаемых автором фактов касается деятельности российского Министерства иностранных дел (МИД), что, безусловно, придает воспоминаниям еще большую ценность. К сожалению, среди многочисленного корпуса воспоминаний русских государственных и общественных деятелей начала XX в. существует не так много мемуаров, освещающих деятельность внешнеполитического ведомства Российской империи в этот сложный исторический период. Поэтому воспоминания барона М.А. Таубе будут особенно интересны специалистам, занимающимся историей внешней политики России.

На службу в МИД Таубе поступил еще в 1892 г. и был определен делопроизводителем в Газетную экспедицию при Канцелярии МИД. Не найдя в Министерстве области серьезного практического применения своим знаниям, Таубе в 1900 г. переходит на должность заведующего 1-го административно-юридического отделения Второго департамента МИД. Молодой доктор международного права, ученик Ф.Ф. Мартенса, профессор столичного университета вынужден был довольствоваться скромной юрисконсультской работой. С иронией Таубе описывает свое представление товарищу министра В.С. Оболенскому, который откровенно его предупредил: «Имейте в виду, что по дипломатической службе Ваша степень доктора Вам никакого преимущества не доставит». Однако начавшаяся скоро русско-японская война быстро обнаружила недостаток в Министерстве людей с учеными степенями. Личный состав МИД, по мнению Таубе, оказался не готов к решению сложных вопросов, требующих обширных знаний в сфере международного права. В этих условиях профессионализм и огромная работоспособность быстро выдвигают Таубе на первый план в деятельности Министерства. Он с головой уходит в работу различных консультаций, межведомственных комиссий, составление многочисленных записок*. Одной из главных задач, вставших перед Министерством с началом военных действий, стало составление свода правил, которыми должны были руководствоваться русские военно-морские власти. Вся эта кропотливая юридическая работа, которая целиком и полностью легла на плечи заведую-

* ГА РФ. Ф. 596. Оп. 1. Д. 9. Л. 14 об.—15.

щего 1-м административно-юридическим отделом Второго департамента, была блестяще выполнена за месяц*.

Благодаря своему положению юрисконсульта Таубе мог в деталях наблюдать деятельность Министерства иностранных дел Российской империи. Это придает особую ценность его воспоминаниям, в которых как в зеркале отразился весь механизм принятия внешнеполитических решений, все недостатки личного состава и внутренней структуры Министерства, о котором автор часто отзывается как о «примитивном» или «заскорузлом». На страницах воспоминаний отчетливо просматриваются основные недостатки Министерства: разобщенность и соперничество департаментов, невысокий профессиональный уровень чиновников центрального аппарата, келейный способ принятия внешнеполитических решений. С горькой иронией Таубе пишет о совещании у министра по случаю начала русско-японской войны, когда товарищ министра иностранных дел В.С. Оболенский предложил рассматривать нападение японских миноносцев на русскую эскадру в Порт-Артуре не как начало войны, а как всего лишь «мирную блокаду». Однако, благодаря высокому профессионализму и интенсивности работы отдельных сотрудников, Министерство иностранных дел, несмотря на все недостатки, продолжало с успехом отстаивать интересы России на международной арене.

Несомненным успехом российского МИД в период русско-японской войны было благополучное разрешение «гульського инцидента». В ночь на 9/22 октября 1904 г. 2-я Тихоокеанская эскадра адмирала З.П. Рожественского обстреляла английскую рыболовную флотилию, приняв их за японские миноносцы. В ответ Англия потребовала предания суду командующего и командиров кораблей эскадры. Согласно заключенному 12 ноября 1904 г. русско-английскому соглашению дело было передано на расследование международной следственной комиссии. Две главы «Воспоминаний» М.А. Таубе, посвященные этому инциденту, проливают свет на многие неясные стороны, как самого конфликта, так и работы первой в истории дипломатии международной следственной комиссии. Неожиданно назначенный одним из членов русской делегации в составе международной комиссии, Таубе на несколько месяцев оказался погруженным «в толщу военно-морских и международно-политических недоразумений, интриг и столкновений, едва не приведших Россию сверж войны с Японией, до войны также с ее союзницей, Бри-

* ГА РФ. Ф. 596. Оп. 1. Д. 9. Л. 15.

танской империей». С массой интереснейших деталей и подробностей автор раскрывает перед читателем секреты сложной дипломатической «кухни»: выработку процессуального регламента для комиссии, переговоры с английскими и французскими представителями, многочисленные меморандумы в различных фазах дела, публичные и закрытые заседания Комиссии, допрос свидетелей и проч. Очень интересны свидетельства Таубе о роли бывшего руководителя заграничной агентуры департамента полиции П.И. Рачковского и адмирала Ф.В. Дубасова в разрешении «гулльского инцидента».

Вернувшись из Парижа в Петербург М.А. Таубе оказывается в стране охваченной революционной лихорадкой. Правительство напрягало все силы в борьбе с разрастающимся революционным движением. В ноябре 1905 г. на одном из докладов министра иностранных дел император Николай II обратил внимание гр. В.Н. Ламздорфа на необходимость взаимодействия русской консульской службы с министерством внутренних дел в борьбе с революционным движением. На нескольких страницах Таубе подробно останавливается на истории создания хорошо известного историкам доклада В.Н. Ламздорфа от 3/16 января 1906 г. о борьбе с международным революционным движением. Масса приводимых автором малоизвестных деталей деятельности Министерства по борьбе с революционным движением, несомненно, заинтересует историков, которые смогут узнать не только предысторию этого доклада, но и его дальнейшую судьбу.

Проявленный Таубе во время русско-японской войны высокий профессионализм дипломата и юриста-международника выдвинул его в число довольно узкого круга лиц, непосредственно принимавших участие в разработке внешней политики Российской империи. В своих воспоминаниях о российском внешнеполитическом ведомстве Г.Н. Михайловский называет М.А. Таубе одним из троих знатоков международного права в Министерстве и выдающихся юрисконсультов*. Составленные Таубе аналитические записки по сложнейшим международным вопросам неизменно высоко оценивались руководством Министерства и служили основой для принятия внешнеполитических решений. Неслучайно А.П. Извольский в конце ноября 1905 г., зная о своем возможном назначении на пост министра иностранных дел и стремясь заранее заручиться поддержкой в центральном аппарате Министерства, лично приходит познакомиться с Таубе, как с

* Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920 гг. М., 1993. С. 38.

«автором интересных консультаций». Во время продолжительной беседы «программная речь» будущего министра о необходимых радикальных реформах в Министерстве встретила полное сочувствие со стороны Таубе. В результате Михаил Александрович оказался деятельным участником предпринятых новым министром мероприятий по реформированию внутренней структуры и кадровой политики Министерства. Читатель, прочтя главы, посвященные деятельности внешнеполитического ведомства в 1906–1908 гг., лучше поймет как мотивы реформы внутренней структуры внешнеполитического ведомства, так и причины ее относительной неудачи. По мнению современных исследователей, проведенные А.П. Извольским реформы, несомненно, повысили эффективность работы МИД, но все же не смогли внести принципиальных изменений в его деятельность*.

Одновременно Таубе был привлечен А.П. Извольским к разработке нового внешнеполитического курса, направленного на установление «равновесия в отношениях России со всеми великими державами». Воспоминания, несомненно, являются ценным источником о мотивах и содержании внешней политики России в период с 1906 по 1909 г. На страницах воспоминаний читатель найдет увлекательный рассказ о «дипломатической кухне» Министерства иностранных дел Российской империи. Сложные переговоры России с Германией и Швецией об отмене Аландского сервитута, русско-японское соглашение, англо-русский договор о разделе сфер влияния в Средней Азии и на Ближнем Востоке, дипломатическое поражение А.П. Извольского в Бухлау — все это с массой интереснейших подробностей излагается на страницах воспоминаний. В конце 1908 начале 1909 г. Таубе принимает активное участие в подготовке и проведении Лондонской военно-морской конференции, которая должна была решить все наиболее спорные вопросы международного военно-морского права. Приводимые на страницах воспоминаний различного рода дипломатические курьезы, связанные с подготовкой конференции, красочные описания церемоний ее открытия, подробности конфиденциальных переговоров Таубе с членами британской королевской фамилии, — все это позволит читателю погрузиться в особую атмосферу европейских международных отношений перед началом Первой мировой войны.

* Емец В.А. Механизмы принятия внешнеполитических решений в России до и в период Первой мировой войны // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 67; Игнатьев А.В. Внешняя политика России в 1905–1907 гг. М., 1986. С. 114–117.

Внимание читателя обязательно привлекут характеристики министров иностранных дел В.Н. Ламздорфа, А.П. Извольского, С.Д. Сазонова. Вкрапленная в повествование отдельные фразы, монологи и диалоги, автор как настоящий художник точными штрихами, создает портреты людей, определявших направление внешней политики Российской империи в начале XX в. Граф Ламздорф предстает перед читателем в образе «последнего русского министра иностранных дел, “de l’ancien régime”». Сторонник политики балансирования между Германией и Францией, он в марте 1905 г. открыто говорит Таубе о возможных трагических последствиях выступления России на стороне Антанты против Тройственного союза: «Пусть уже кто-нибудь из моих преемников согласится вступить в новые, более эффективные комбинации, новые войны — еще более неудачные, чем теперешняя, конец которым — неизбежная революция... конец Императорской России».

Не менее ярок образ А.П. Извольского, который в воспоминаниях Таубе выглядит скорее как амбициозный и чрезвычайно тщеславный общественно-политический, а не государственный деятель. Приведенные автором подробности поездки министра иностранных дел в Бухлау выпукло характеризуют личность Извольского. По мнению Таубе, именно легкомыслие министра иностранных дел, выехавшего на важные переговоры «с пустым портфелем», т.е. без предварительной подготовки, ничего не зная о существовавших между Россией и Австрией двух тайных договоров 1876 и 1877 гг., содержащих пункты об аннексии Боснии и Герцеговины, и не предупредив о своих планах председателя Совета министров и императора, в конечном итоге спровоцировало Боснийский кризис 1908 года.

Сложной и противоречивой показана в воспоминаниях фигура министра иностранных дел С.Д. Сазонова. Несмотря на свое явно отрицательное отношение к нему, как к руководителю внешней политики России, Таубе отдает ему должное как человеку. «Простой, прямой и заведомо честный в самом прекрасном значении этого слова, — писал о нем Таубе, — он вместе с министерским портфелем Извольского, не унаследовал ни малейшей черты его “снобизма”: связей в придворных кругах и в высшем светском обществе не искал... и хронический дефицит в кассе своего Министерства противозаконными удержаниями из содержания своих служащих не пополнял». Но в роли министра его отличали «недостаток деловой подготовки», «слабое представление обо всем развитии русской иностранной политики до XX в., случайность, непоследовательность, нервность в его собственных политических исканиях, крайнее англофильство и сентиментальная любовь к

“братушкам”, постоянная склонность принимать свои желания, иллюзии и фантазии за реальные факты». Давая столь нелестную характеристику Сазонову, автор воспоминаний не голословен и подкрепляет свое мнение целым рядом характерных эпизодов из деятельности министра.

В апреле 1911 г. М.А. Таубе был назначен товарищем министра народного просвещения. С этого времени начался новый этап его жизни, тесно связанный с деятельностью министра народного просвещения Л.А. Кассо. «Министр сокрушительных эффектов», как называли его в общественной среде^{*}, волевой, талантливый, но не любивший рутины, сильно нуждался в заместителе, на которого смог бы полностью положиться в деле управления Министерством. Михаил Александрович полностью оправдал надежды своего нового начальника, стал его первым и незаменимым помощником. Он с головой погружается в общие текущие дела по Министерству, в частности — председательство в Совете министра народного просвещения. Вместе с товарищем министра В.Т. Шевяковым представляет интересы Министерства в Малом совете министров, Сенате и Государственной думе. Несколько лет Таубе, по его собственному признанию, пришлось работать «в невероятной перегрузке делами» Министерства народного просвещения, и постоянно «лавируя между далеко не всегда согласными между собой — фактически совершенно самодержавными министрами, под благожелательным, но слабым надзором “Конституционного самодержца”»^{**}. Наблюдая изнутри за деятельностью Совета министров, Таубе приходит к выводу о разрозненности и неэффективности высшего государственного аппарата империи. Исследователям, несомненно, будут интересны приведенные автором в качестве иллюстраций к сделанным им выводам примеры бессмысленной внутренней борьбы ведомств в Совете министров.

В силу должностных обязанностей барон стал частым посетителем российского парламента. Тематика его выступлений была чрезвычайно широка, а думская оппозиция возненавидела его за твердую позицию, широту познаний и глубину аргументации в самых разнообразных вопросах. Неоднократно Таубе выступал в Государственной думе по таким острым темам как выделение Холмского края из Царства Польского, расходование части кредитов начального образования на нужды русских школ в Финляндии, о пределах законодательной инициативы Государственной думы.

* Голос Москвы. 1911. 28 августа.

** Там же.

В заключительных главах своих увлекательных «Воспоминаний» М.А. Таубе, с характерной для его стиля детализацией и яркими портретами государственных и общественных деятелей, дает картину крушения Российской империи. Такие хорошо известные историкам факты, как борьба с «немецким засильем», сопровождавшаяся травлей государственных служащих и офицеров с немецкими фамилиями, «министерская чехарда», вмешательство «темных сил» в государственные дела, рост революционных настроений в обществе и армии, — все это излагается автором с позиции личного опыта, и, тем самым, придает жизненность и правдивость Воспоминаниям барона М.А. Таубе.

* * *

Подлинник публикуемых воспоминаний барона М.А. Таубе хранится в фондах Бахметевского архива. Воспоминания публикуются впервые. Текст воспоминаний сопровождается комментариями самого М.А. Таубе, которые имеют римскую нумерацию и помещены в конце каждой главы. Комментарии от составителей в тексте имеют арабскую нумерацию и помещены в конце текста воспоминаний. В тексте также постранично приведены переводы иностранных слов и фраз, отмеченные звездочками. В данной публикации исправления опечаток подлинника специально не оговариваются. Издание снабжено аннотированным указателем имен, указателем географических названий и иллюстрациями.

Составители приносят глубокую благодарность всем, кто оказал содействие и помощь в подготовке публикации: Г.М. Кропоткину, Г.А. Литвиненко, кандидату исторических наук О.М. Тупичину.

*М.А. Волхонский,
Ф.А. Гайда*

Профессор барон
М.А. ТАУБЕ

«ЗАРНИЦЫ»
ВОСПОМИНАНИЯ
О ТРАГИЧЕСКОЙ СУДЬБЕ
ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОЙ
РОССИИ
(1900—1917)

Как мне назвать эти страницы
О том, что было суждено?
Они лишь дальние зарницы

Грозы промчавшейся давно...
Читатель, их прочтя бесстрастно,
Забудет книгу о былом,
А мной воспоминанья властно
Владеют, как тревожным сном.

Но близко, близко пробужденье!
Судьба несет нам мир иной:
Руси — от зла освобожденье
И вечный автору покой.

Париж, 1954.

ВВЕДЕНИЕ

Моим старым записям о разных происшествиях и событиях в государственной и общественной жизни Императорской России в течение двух последних десятилетий ее существования, посвященным главным образом рассказу о малоизвестных, так сказать интимных сторонах этих событий, я предпосылаю, довольно неожиданным образом, несколько воспоминаний... о знаменитой Боркской катастрофе Императорского поезда в 1888 году¹.

Почему? Потому что это трагическое событие с сопровождавшими его последствиями, тяжело отразившееся (как сказано будет сейчас) на судьбе моей семьи, заставило автора этих воспоминаний призадуматься над официальной ложью, нередко поработавшей себе сильных мира сего, и критически пересмотреть те старые консервативные и слишком монархические лозунги, с которыми он — тогда еще молодой студент-юрист С.-Петербургского университета — собирался вскоре начать (предположительно блестящую) дипломатическую карьеру. В частности, тогда же он решил постараться «подпереть» эту карьеру более серьезными научными занятиями в том же университете по кафедре международного права, — именно, чтобы на этой научной почве разнообразных интересов различных государств, научиться точнее и объективнее разбираться в «правде» и «неправде», по великому завету, что только истина сумеет нас освободить (Иоанн. VIII, 32).

Итак, спрашивается, что такое собственно была эта катастрофа 17 октября 1888 года (в настоящее время вероятно очень многими совершенно забытая) и в чем состояли ее последствия, неожиданно тяжело поразившие целый ряд высших чинов Инженерного ведомства, начиная с министра путей сообщения, адмирала Посьета, и в числе их и моего отца, тогдашнего инспектора Императорских поездов, инженер-действительного статского советника барона Александра Фердинандовича Таубе?

Ответ на эти вопросы можно и должно дать в настоящее время с полной ясностью и объективностью: если «официальная ложь» в

этом деле никогда официально же опровергнута не была, истина раскрылась для императорской фамилии и их ближайшего окружения уже с начала следующего 1889-го года, а затем просочилась в ряде письменных и печатных сообщений, исходивших от разных авторитетных и хорошо осведомленных лиц ¹.

Вот, что в действительности случилось 17 октября 1888 года на железнодорожной линии Харьков—Азов близ станции «Борки».

Поезд, в котором император Александр III со всей своей семьей возвращался в Гатчину (свое обычное зимнее местожительство) из поездки на юг, потерпел страшное крушение от бомбы или «адской машины», подложенной в непосредственной близости от вагона-столовой, в котором находилась тогда вся царская семья: от взрыва был убит на месте камер-лакей, подававший в эту минуту блюдо государю, собака, лежавшая у его ног, а в совершенно разбитом вагоне этом тяжелая крыша от напора воздуха была выворочена вверх и, каким-то чудом удержанная остатком продольной стенки, повисла над сидевшими за столом, которые выбрались на откос железнодорожного полотна. Тут же находились, разбросанные на большом пространстве немногие раненые или убитые, а также из соседнего вагона выброшенный вверх вместе с диваном, на котором он сидел, управляющий Харьковско-Азовской дорогой инженер В.А. Кованько.

Вся эта картина, казалось бы, определенно указывала на истинную причину катастрофы, — взрыв бомбы или «адской машины» в непосредственной близости от вагона-столовой. В этом смысле и высказывались многие из находившихся в поезде лиц, предположительно считая виновником этого террористического покушения на жизнь всей царской семьи бесследно исчезнувшего помощника повара Императорского поезда, который вероятно был либо разорван брошенной им бомбой, либо сошел с поезда на последней его остановке, предварительно подложив к вагону-столовой «адскую машину» с часовым механизмом, точно рассчитав момент взрыва к известному ему времени завтрака царской семьи. Однако тогда же было выставлено и другое объяснение причины катастрофы, исходившее притом от самого государя. Дело в том, что, выйдя из разрушенного вагона-столовой на железнодорожную насыпь, он наткнулся на кусок прогнившей шпалы, который тут же и передал министру путей сообщения Посъету, заявив ему, что такие «гнилые шпалы» — не выдержавшие тяжести движения двух паровозов Императорского поезда — очевидно и объясняют последовавшее крушение.

В этом, так сказать «Высочайше указанном» направлении и повелось вскоре предварительное следствие по делу Боркской

катастрофы, порученное известному в то время талантливому прокурору Уголовного кассационного Департамента Сената А.Ф. Кони, с привлечением к суду ряда видных представителей железнодорожного ведомства, предположительно прямо или косвенно повинных в тех или других упущениях, в общей сложности вызвавших катастрофу: к следствию были именно привлечены с отрешением от их должностей министр путей сообщения адмирал Посьет, главный инспектор русских железных дорог барон Шернваль, инспектор Императорских поездов барон Таубе, управляющий Курско-Харьковско-Азовской железной дорогой инженер Кованько и другие лица.

Напрасно было указание последнего, что подобных «гнилых шпал» можно было бы подобрать сколько угодно по сторонам всего его железнодорожного пути, ибо как раз незадолго перед тем производилась замена старых шпал безукоризненно крепкими новыми. Нужны были теперь объяснения барона Таубе — против выставленного (субсидиарно к «гнилым шпалам») обвинения, будто по его личному приказу Императорский поезд шел с усиленной сверх разрешенной правилами скоростью: фактически было установлено, что поезд тогда шел с более чем скромной скоростью, не превышавшей 37 верст в час, и что, если был фактически отдан такой приказ, то это могло бы произойти лишь по настоящему приказу самого государя, действительно неоднократно сетовавшего на то, что поезд в 1888 году барон Таубе пускает с той же скоростью, какую соблюдал его отец «полковник фон Таубе» в эпоху памятной еще в императорской фамилии «Царскосельской черепахи»... в 1856 году¹¹.

Вот эти защитительные аргументы разбивались однако о следственное искусство «судебного соловья» (так тогда называли Кони) — усердно старавшегося не без странных ухищрений подпереть Высочайшую гипотезу о крушении поезда и в результате судебная волокита затянулась уже на несколько месяцев, морально измотав все нервы ни в чем не повинных, но отставленных от должностей, а, следовательно, потерпевших и материально, лиц инженерного ведомства.

Оказалось, однако, что за все это время — весьма неожиданным образом не только для пробиравшегося уже, как говорили, в министры юстиции прокурора Кони, но и для всесильного тогда еще начальника дворцовой полиции, генерал-адъютанта Черевина, производилось другое следствие по тому же делу, органами тайной русской государственной полиции за границей. Так было установлено, что «поваренок» (связь которого с террористами «проспала» дворцовая полиция Черевина) действительно подло-

жил к вагону-столовой свою «адскую машину», бежал в Румынию, а затем, наконец, нашел приют в Эльдorado русских политических убийц в Швейцарии или во Франции^{III}.

Выводом из всего этого сложного положения получилось то, что французы называют «*сoup de theatre*»*. Действительно, приблизительно через шесть месяцев после катастрофы неожиданно было опубликовано Высочайшее повеление о прекращении судебного следствия по делу о Боркской катастрофе — без объяснения повода к такому повелению и без «*integrum restitutio*»** потерпевших от этого несправедливого следствия. В связи с этим, в полугодовой день после катастрофы, все ее пережившие были собраны в Гатчинский дворец на благодарственный молебен и на панихиду по убитым или с тех пор скончавшимся. Государь лично сказал адмиралу Посъету и моему отцу, что он теперь знает об их невиновности, тем не менее, никто в своих должностях восстановлен не был, истина о Боркской катастрофе объявлена во всеобщее сведение не была, и обещание данное государем затем адмиралу Посъету, дабы снять с инженерного ведомства огульное против него обвинение — исполнено Александром III не было^{IV}.

Все это, вместе взятое, не могло не производить в заинтересованных в раскрытии истины семьях удручающего впечатления, следы которого чувствовались среди них, конечно, еще много лет спустя. В частности в нашей семье, мой отец морально разбитый за эти шесть месяцев судебного следствия — и только медленно потом оправившийся на своей новой двойной службе по ведомству императрицы Марии и по инспекции Владикавказской железной дороги — неоднократно говорил, что если бы не его пять сыновей, не стоявших еще твердо «на своих ногах», он отказался бы от этой неслыханной тогда высокой пенсии по Высочайшей «милости», а потребовал бы не милости, а элементарной справедливости в форме опровержения той официальной лжи, которая в конце концов родилась из мимолетного неправильного впечатления самого государя и из его злосчастных слов о «гнилых шпалах». Само собою разумеется, что такое «требование» моего отца никогда исполнено не было бы и только повлекло за собою для него лишения и бесполезные неприятности.

Все это не могло не запомниться в семье. Несправедливый, тяжелый удар казался ей тем более чувствительным, что при-

* Неожиданная развязка (*фр.*).

** Полное восстановление (*лат.*).

шелся он, по странному совпадению, в год для нас втройне юбилейный:

Не все в ней, конечно, но все-таки многие помнили, во-первых, что 250 лет перед тем, 19 июня 1638 года, род Таубе был императором германским Фердинандом III сопричислен к сословию «баронов и знаменосных сеньоров» (Frei und Bannerherren: seigneurs bannerets) Священной Римской Империи^V. Затем, в 1888 году исполнилось 50 лет с момента вступления в русское подданство моего деда, в то время молодого инженера-капитана (род. в 1805 г.) Фердинанда Ивановича фон Таубе, с избранием его директором Царскосельской железной дороги, наконец, 25-го числа того же октября месяца 1888 года исполнялось 25-летие брака моих родителей, которое собиралась торжественно праздновать вся наша родня... Мало того, очевидно по инициативе императрицы Марии Федоровны, чрезвычайно благоволившей ко всей нашей семье, ко дню 25 октября из «Кабинета Его Величества» был прислан моей матери великолепный подарок: брошка — «trifle» — трилистник из трех больших ярко-голубых камней бирюзы, окаймленных крупными бриллиантами. Но, увы, этот символический «porte-bonheur»* в данном случае оказался вестником долгих грустных месяцев, несомненно самого тяжелого периода в жизни моих родителей.

Действительно все тогда затмевалось воспоминаниями о Боркской катастрофе и связанной с ней «административной лжи».

Правда, и после упомянутого выше царского заявления моему отцу о его невиновности, ему и вторично довелось услышать то же самое от самого императора, причем выяснилось, что ему будет назначена необычно высокая пенсия в 5000 рублей: после богослужения и завтрака в Гатчинском дворце в годовщину Боркской катастрофы мой отец был удостоен довольно продолжительной беседы с государем и особенно с императрицей Марией Федоровной, которая после расспросов о всей нашей семье, между прочим сказала ему следующее:

«Мы все Вас очень жалеем и часто вспоминаем...»^{VI}

Однако мой отец, как и все несправедливо пострадавшие с ним служащие инженерного ведомства, хотели не жалости и милости, а элементарной человеческой справедливости. И впечатление от всей этой истории в семье осталось удручающее.

Вот в таких-то условиях автор настоящих строк и решил, как сказано выше, усиленно засесть, уже на 2-ом курсе своего Юридического факультета, за изучение всей премудрости международно-

* Амулет (фр.).

го права, читавшейся только на 4-ом году пребывания в Университете. Цель: своим ответом по этому предмету на выпускных экзаменах постараться обратить на себя внимание экзаменатора, знаменитого профессора Федора Федоровича Мартенса, чтобы добиться остаться при Университете по его кафедре, для приготовления к профессорскому званию.

Этот довольно смелый план удалось выполнить вполне успешно, и после бесконечных экзаменов осенью 1891 года за все четыре года университетских занятий — в первой тогда еще «Государственной Испытательной комиссии»² — 22-летний «кандидат» юридических наук (как еще по старой памяти, продолжали называть лиц, окончивших испытания с «дипломом 1-ой степени») оказался почти одновременно причисленным и к кафедре профессора Мартенса, и к Министерству иностранных дел^{VII}.

Таким-то образом новый «магистрант» С.-Петербургского университета и вместе «атташе» ко II-ой, так называемой газетной, экспедиции³ при Канцелярии министра иностранных дел^{VIII} стал в течение пяти лет делить свое время между двумя одинаково интересными, но иногда и утомительными работами: сотрудничеством по составлению для Его Величества ежедневной сводки статей иностранной прессы о России и ознакомлением с историей международного права и его корифеями в разных столичных библиотеках — Университетской, Академической, Императорско-публичной, а также и прекрасной частной библиотекой его дяди, барона Константина Фердинандовича Таубе, бывшего тогда переводчика «Геффтера», на русский язык^{IX}.

Работа в этой последней области, по плану профессора Мартенса, шла по пути значительно отличавшемуся от обычного хода подготовки молодых «магистрантов» к предстоявшим им трудным экзаменам по их специальности в пленуме Юридического факультета. Мартенс советовал мне подготовить прямо свою магистерскую диссертацию.

«Когда она у Вас будет готова, — говорил он мне, — то сдать магистерские экзамены будет сравнительно уже не трудно; ибо факультет будет уже знать, что имеет дело с научно вполне созревшим работником».

Так оно, действительно, и случилось. Диссертация моя, избранная на историко-юридическую тему о самом «зарождении» европейского международного права в средние века, была закончена через три года, напечатана весной 1894 года и после благополучной сдачи двух упомянутых выше факультетских экзаменов — на что ушло еще два года — защищена на публичном диспуте 28-го апреля 1896 года.

А затем последовало некоторое разочарование. Дело в том, что при обычно ограниченном количестве научных работников, имеющих ученые степени, на университетские кафедры сплошь и рядом назначались (или избирались) — в противность строгому формальному требованию университетского устава — лица, имеющие лишь степень магистра соответствующей науки, кафедру которой они спокойно и занимали — после присоединения к их званию спасительного «и.д.» (т.е. «исполняющие должность»). Итак, и пишущий эти строки имел полное основание надеяться на назначение его (тоже «и.д.») на свободную в то время кафедру международного права в Харьковском университете. Такая кандидатура и была мною выставлена, и принята самым лестным образом тогдашним министром народного просвещения, старым, умным и хитрым графом Деляновым. На любезнейшем приеме у него, на его частной квартире, я был только удивлен той легкостью, с которой наши министры иногда лгут в лицо заинтересованным лицам, без всякой при этом надежды, что им поверят:

«Прочел, с удовольствием прочел Вашу интересную книгу», — такими словами встретил министр! Но, как говорил император Николай Павлович, «Россией правят столоначальники», — и согласие министра на мое назначение было парализовано в «департаменте», желанием заправить Харьковского университета. Оттуда писали, что хотя их кафедра международного права формально и свободна, но фактически она занята читающим лекции по этому предмету профессором уголовного права Даневским — отлично себя чувствующим на этих двух «стульях» и высиживающим при этом еще собственного кандидата, магистрата (не имевшего еще ученой степени) Ястржембского. В конце концов, если барону Таубе так хочется читать лекции по международному праву и жить в столь далекой и чуждой ему «слободской Украине», то не удовлетворится ли он пока — как еще не «доктор» своей науки — должностью и званием «штатного доцента» и этот харьковский фортель был, конечно, явно рассчитан на отказ петербургского кандидата. Но новорожденному магистру международного права донельзя хотелось продолжать свою научную работу — и возможно скорее превратиться, именно, в «доктора» — в более спокойной и деловой обстановке, чем петербургская бюрократически-светская суতোлка. Словом, с 1-го января 1897 года, неожиданно для моих дипломатических коллег, я оказался — на целых два с половиной года — провинциальным «педагогом», лишь на тройные в году университетские каникулы возвращавшимся на берега Невы.

В конце концов, это сравнительно не такое уж продолжительное пребывание в Харькове — оказавшееся вообще весьма интересным во многих отношениях — в чисто деловом смысле принесло мне два больших «плюса»: докторскую диссертацию и дружбу с тамошним профессором гражданского права Л.А. Кассо^х, будущим министром народного просвещения (1910 г.). Если этот последний факт оказал известное влияние на мою судьбу лишь через много лет, то напечатание в Харькове весной 1899 года 2-го тома «Зарождения международного права» привело тогда же к возвращению моему в Петербург.

Диссертация моя была защищена — кажется не без успеха — на публичном диспуте в С.-Петербургском университете 31 октября 1899 года. Это «научное торжество» (как было принято писать в газетных отчетах) с последующим вручением мне золотого докторского значка от сослуживцев по Министерству иностранных дел сопровождалось возвращением моим на активную службу в этом ведомстве, вместе с зачислением в число штатных доцентов С.-Петербургского университета.

Все это обозначало собою, конечно, окончательное возвращение мое в ту самую светско-бюрократическую, но и ученую среду, от которой я временно откололся для приобретения более солидной научной подготовки к предстоявшей мне по примеру профессора Мартенса, двойной служебной работы, государственной и общественной, в довольно сложной петербургской обстановке, в России конца XX века.

Примечания

¹ Особенного внимания заслуживают следующие лица, определенно говорившие о Боркской катастрофе, как о террористическом акте: по их высокому общественному положению — тогдашний прокурор СПб. Судебной палаты, впоследствии министр юстиции, Н.В. Муравьев (Русско-немецкий сборник «Последний самодержец». Берлин, 1908. С. 28), военный министр Сухомлинов («Воспоминания». Париж, 1924. С. 78), великий князь Александр Михайлович («Воспоминания». Т. II. Париж, 1933. С. 170), а по сообщенным мне подробностям — инженер Н. Изнар (газета «Возрождение», 29 и 30 октября 1925 г.) и барон Н.В. Дризен (там же, от 25 марта 1935 г.).

^{II} В 1856 году имел место курьезный «инцидент», получивший тогда широкую огласку в Петербургском обществе.

Великая княгиня Мария Николаевна (герцогиня Лейхтенбергская), любимая дочь Николая I, опаздывая как-то к беду ее брата, императора Александра II, в Царское Село, была возмущена категорическим отказом моего деда, директора Царкосельской железной дороги, дать ей немедленно экспрессный поезд с усиленной скоростью. Она наговорила «полковнику фон Таубе» разных неприятностей, обозвала его поезда «черепашью» и в частности угрожала жаловаться на него

государю (который ее жалобы не принял). И вот, при одной из ближайших встреч с моим дедом она, извинившись перед ним, неожиданно передает ему великолепную сделанную эмалевую черепаху, оказавшуюся футляром для не менее великолепных маленьких золотых часов, украшенных фигурой летящего белого голубя. И пояснение этого подарка было следующее: «Cette tortue est naturellement Votre insupportable chemin de fer; mais Vous — Vous êtes cette colombe volant avec exactitude et précision»...

Этот великолепный подарок произвел сенсацию в тогдашних придворных и светских кругах и настолько в них запомнился, что еще в 1915 году престарелый сенатор А.А. Нарышкин расспрашивал меня, существует ли «черепаха с часами голубем» в моей семье и где она находится — почти 40 лет спустя, после этих расспросов я могу констатировать, что она все еще жива и принадлежит в настоящее время мне.

III Все это обнаружилось по бумагам убитого в Париже русскими революционерами генерала Селиверстова, занимавшегося во Франции политической контрразведкой. Подробности об этом см. в упомянутых выше «Воспоминаниях» генерала Сухомлинова.

IV Об этом, со слов самого (крайне возмущенного) адмирала Посыета, категорически говорит барон Дризен в цитированной выше своей статье («Политические салоны старого Петербурга»).

V Любопытно, что до наших дней сохранился оригинал этой императорской грамоты: он находится в семейном архиве рода Таубе в рукописном отделении королевской шведской (Университетской) библиотеки в Упсале.

VI Прием моего отца в Гатчине 17 октября 1889 года, под свежим впечатлением он рассказал в семье, описан был мною в письме 19-го того же октября к старшему в нашем роде, будущему сенатору барону Николаю Эрастовичу Таубе, у которого случайно и сохранилось это письмо, и после его кончины возвращено мне.

VII Мое оставление при СПб Университете по кафедре международного права состоялось 1-го декабря 1891 года, а причисление к Министерству иностранных дел — 2-го января 1892 года.

VIII Первым управляющим этой «экспедицией» был весьма известный в Петербурге конца XVIII и начала XIX века французский эмигрант граф де-Лаваль (будущий тесть декабриста Сергея Трубецкого и одновременно австрийского посла графа Фикельмона), портрет которого и висел в одной из комнат этого учреждения. С тех пор, в течение более 100 лет, неизменно управляемое французами или полуфранцузами, оно усердно исполняло свою довольно архаическую функцию ежедневного составления для государя обзора иностранной прессы — непременно на французском языке и в форме каллиграфически написанных объемистых тетрадей на атласной бумаге. За отсутствием у меня каллиграфических способностей на мою долю выпала более интересная работа просмотра германских газет и толстых английских ежемесячников. Начальником этой экспедиции при мне был недолгое время (уже не появившийся по болезни в Министерстве) мало еще обрусевший француз граф М. Сансэ, а затем милейший обрусевший, но великолепно знавший французский язык Андрей Иванович Нивэ (Nivet).

* Эта черепаха, разумеется, — Ваша несносная железная дорога; но Вы — Вы этот голубь, летящий аккуратно и точно (*фр.*).

^{IX} Этот мой дядя Константин Фердинандович Таубе, по окончании курса Александровского лицея занялся переводом на русский язык лучшего в те годы иностранного руководства по международному праву немецкого профессора Геффтера (1879). Работа эта была выполнена великолепно и обратила на себя внимание нашей профессуры, но автор ее не продолжил своей научной деятельности, увлекшись порученной ему вскоре трудной технической работой по Министерству иностранных дел: он был назначен управляющим 1-ой экспедиции при Канцелярии министра, на обязанности которого состояло составление шифров для наших дипломатических и консульских учреждений за границей. Тут необходимо заметить, что параллельно с этой деятельностью шла по Министерству работа еще более секретная по расшифровке иностранных шифров, о которой не раз будет упомянуто дальше, но она оставалась в глубокой тайне даже для служащих в Министерстве и производилась в особом помещении вне стен Министерства на Дворцовой площади.

^X Лев Аристович Кассо, сын богатого помещика Бессарабской губернии, родом из румынских греков, воспитывался в Париже, родился в 1865 году в Париже, где и окончил среднюю школу (Lycée Condorcet), а университетское образование получил в Берлине, откуда с докторской степенью явился в Россию и сначала читал лекции в Юрьевском (Дерптском) университете.

Глава I

Петербург в начале XX-го века

В сумрачном ожидании войны с Японией¹

Возвратившись в конце 1899 года из Харькова в Петербург я для начала нового века очутился, так сказать, в тройном обсервационном пункте за тем, что происходило в этой мало мне симпатичной, но интересной и знакомой уже по первым годам царствования императора Николая II, столичной обстановке... По народной русской поговорке: «назвался груздем, полезай в кузов», я залез тогда сразу в три «кузова» петербургской общественной жизни: в научный, бюрократический и светский, по университетской работе, службе в Министерстве иностранных дел и по некоторым моим родственным и светским связям. Об этих впечатлениях и воспоминаниях по указанным трем путям сейчас и будет идти речь.

* * *

Само собою разумеется, что в центре моих тогдашних интересов стоял С.-Петербургский университет., и мое ожидание превращения скромного его приват-доцента в экстраординарного, а не то и в ординарного профессора.

В этой области все складывалось и шло нормальным темпом — если не считать мелких неприятностей, о которых дальше будет сказано несколько слов и которых я не стал принимать близко к сердцу. Главное — это было спокойно и добросовестно продолжать начатую научную работу, терпеливо ожидая того момента, когда через три года мой учитель, профессор Ф.Ф. Мартенс, руководитель и друг, отслужит свой профессорский срок и на освободившуюся таким образом кафедру международного права С.-Петербургского университета приват-доцент Таубе будет иметь довольно много шансов быть избранным, если даже не прямо назначенным министром народного просвещения.

Итак, эти три года научной работы шли нормально, подготовлялся третий том моей истории зарождения международного права, и я должен сказать, что часы моих лекций, с их весьма слабой посещаемостью этих специальных курсов, с несколькими часами, неизменно затем проводились в разных залах Университетской библиотеки, — переходя по которым я сам отыскивал, что мне нужно и тут же рылся в найденных книжных памятниках международной старины — принадлежали к наиболее счастливым частям моего тогдашнего трудового дня.

Но от этих наших послушных друзей, как давно уже принято называть наши книги, живые «друзья» создавали вокруг этой работы подчас довольно досадную атмосферу.

«Что же это наш Мартенс, давно уже европейская и даже мировая знаменитость, так возится с этим Таубе?» — доносилось до меня из так называемых «магистрантских» кругов Университета.

И тотчас же подсказывались ответы на этот ехидный риторический вопрос, один нелепее другого.

Оказывалось, что Федор Федорович (Мартенс) так дорожит этим Таубе главным образом потому, что ученик его, великолепно играя на скрипке, является неизменным и необходимым участником постоянных домашних концертов в доме Мартенса, которыми старый ученый особенно дорожит и гордится... Очень любя музыку, я никогда в жизни не держал даже в своих руках скрипки, а на концерты Мартенса получил, к сожалению, в качестве скромного слушателя — приглашение всего два или три раза за всю жизнь.

Другие говорили: «Да нет! Мартенс так связан с Таубе, потому что на этого своего ученика он взвалил всю “черную” работу по печатанию, по поручению Министерства иностранных дел, его знаменитого многотомного “Собрания трактатов России”... Фактически я не затратил ни одного часа на такую помощь моему учителю, ибо, как всем в Министерстве иностранных дел было известно, утомительные переговоры, все препирательства и объяснения с типографией по этому делу и пр. и пр. давно уже взял на себя милейший скромный вице-директор Департамента хозяйственных дел этого министерства, Михаил Иванович Муромцев, старый преданный друг Мартенса.

И, наконец — а это были совсем гнусные и глупые инсинуации — был пущен слух, что Мартенс готовит в Таубе преемника себе по университетской кафедре, потому что рассчитывает видеть в нем также своего зятя — выдав за него замуж свою старшую дочь! Не только гнусно, но и глупо это было потому, что было рассчитано на полное неведение семейного положения обоих названных

семейств: я был тогда уже женат, а старшая дочь моего учителя вскоре была просватана и вышла замуж за графа Соллогуба.

Но, вот, приблизился решительный для моей университетской «карьеры» 1903 год, и тут совершенно неожиданно случилась попытка «провалить» мою кандидатуру, — попытка, исходившая непонятным для меня образом из самых почтенных и симпатичных для меня профессорских кругов. Дело заключалось в следующем:

Оставалось уже немного времени до дня факультетского заседания, назначенного для баллотировки кандидатов на освобождающуюся кафедру международного права, когда меня неожиданно посетил наезжавший время от времени из Москвы в Петербург мой харьковский друг Л.А. Кассо и повел со мною следующую, весьма меня изумившую беседу:

«Вы знаете, Михаил Александрович, — сказал он, — я только что виделся с одним из самых выдающихся и уважаемых членов Вашего факультета, Львом Иосифовичем Петражицким, и он со всей свойственной ему деликатностью, уполномочил меня передать Вам совет отказаться от Вашей кандидатуры».

?!

«Да, да, по его мнению, Вы будете несомненно забаллотированы в пользу Вашего же приятеля и тоже доктора международного права А.Н. Мандельштама, а ведь всегда неприятно быть забаллотированным, даже в наших ученых собраниях, и лучше уже заблаговременно ретироваться...»

«Дорогой Лев Аристидович, — ответил я ему, — информация Льва Иосифовича основана вероятно на каких-то неясных для меня профессорских пересудах. Я лично никакими подсчетами голосов «за» или «против» меня заниматься не мог и не занимался, но такие знатоки и участники факультетской «стряпни» как сам наш декан В.И. Сергеевич, профессор Горчаков, профессор Георгиевский (мой дальний родственник с материнской стороны), не говоря уже о моем Мартенсе, категорически уверяли меня, что мое избрание обеспечено, — и притом значительным большинством голосов... Это еще не значит, что Мандельштам будет забаллотирован, ибо и у него наверное есть немало сторонников в факультете. Но, в таком случае — и при наличии для него очень лестного отзыва профессора Мартенса — можно, пожалуй, ожидать избрания двух кандидатов на кафедру, а тогда уже Министерству придется решать, кого из двух избранных назначить профессором...»

«Все это довольно странно, — заметил мне Кассо, — если Ваша информация правильна, остается предположить, что у Вас имеется в факультете какой-то упорный недоброжелатель, желающий

во что бы то ни стало провести в профессора Мандельштама (хотя он, сидя драгоманом в Константинополе, тут, в общем, малоизвестен) и для этого прибегает к этому мало корректному способу “отвести” Вашу кандидатуру, через безукоризненно порядочного Петражицкого, так сказать, застрашать Вас провалом».

«Не знаю, может быть, — сказал я в заключение, — поживем — увидим».

И вот, настал день — или точнее вечер — этого факультетского заседания. Обладая унаследованными от родителей, слава Богу, вполне здоровыми нервами, я не принял никаких мер для немедленного, по телефону, извещения моего о результате баллотировки, спокойно улегся спать в обычное время, факультетского заседания, обычно затягивавшегося весьма поздно, во сне не видел, и крепко проспал до того момента, когда ранним утром, был разбужен неожиданно принесенной телеграммой. Открываю: ...и что же в ней значится? (Передаю сейчас конечно, приблизительно, но смысл и тон ее безусловно точен).

«Сердечно поздравляю с блестящим избранием» — подпись — Пиленко.

Я был, само собою, бесконечно тронут, этим рыцарским жестом со стороны моего конкурента, третьего кандидата на кафедру, который оказалось, несмотря на свою великолепную магистерскую диссертацию, как не имевший еще степени доктора, подвергнут баллотировке, по этому нормальному соображению, вовсе не был.

Дальнейшие сведения о том, что происходило в этом факультетском заседании, 10 марта 1903 г., были для меня не менее удивительны.

Оказывается, из 17 (как полагается) голосовавших, я получил 13 избирательных ответов и 4 неизбирательных, тогда, как Мандельштам не собрал их и половины, будучи таким образом тоже неожиданно забаллотирован, вероятно к немалому конфузу милейшего Льва Иосифовича Петражицкого.

Естественно было и тогда, как и теперь, спросить себя, чем же собственно объясняется столь неожиданно удачный для меня исход голосования? А он был еще подчеркнут, вскоре затем, при требовавшейся второй баллотировке в Совете университета, при которой, если память мне сейчас не изменяет, из четырех голосовавших против меня в факультете, два успели «передумать», так что весь Совет, за исключением двух своих членов, высказался за меня единогласно.

При оценке этого положения я и тогда, как и теперь, далек от какого бы то ни было самомнения, самовосхищения и самопре-

клонения. В данном случае сыграли несомненно свою роль два обстоятельства, расположивших в мою пользу столь значительное число моих будущих коллег: одно из них было строго научного и, так сказать, теоретического характера, другое широко литературного и, до известной степени, даже «пропагандного» свойства. Теоретическое научное обстоятельство заключалось в следующем: в эти первые годы по возвращении моем в Петербург из Харькова я занялся продолжением своей работы о «зарождении международного права» в цивилизованном европейском мире и в 1902 году напечатал I-ю (и наиболее важную) главу предположенного III тома соответствующей моей «истории», посвященную именно капитальному вопросу о «Христианстве и организации международного мира». Работа эта была действительно большая (по затронутой теме) и первая по этому предмету на русском языке, в основу которой было положено изучение мнений древнейших «отцов и учителей» христианской церкви, с приведением, конечно, их подлинных отзывов на греческом или латинском языках. Не удивительно, что этот труд обратил на себя внимание нашего ученого мира; не удивительно также и то, что даже (первоначально не очень ко мне благоволивший) протоиерей профессор Горчаков сделал даже кое-какие попытки «переманить» меня к себе в помощники, с передачей мне впоследствии «своей» кафедры канонического (церковного) права. Но вот этот научно-теоретический успех повлек за собою и другие последствия — широко общественного и, как я сказал, почти что демонстративно-пропагандного характера¹.

Дело в том, что на работу мою обратил внимание ни кто другой, как Лев Николаевич Толстой. Как об этом тогда же разнесся слух в московском его окружении. Ознакомившись с ее, по-видимому, ясно выраженным выводом о ярко-отрицательном отношении первоначальных христиан к войне, как и ко всякому виду человеческого насилия и зла, великий писатель земли русской завел со мною переписку на эту тему¹¹ и, в конце концов, предложил мне заняться ее популяризацией в смысле нового ее издания, в его московском издательстве «Посредник», где это популярное издание и вышло в 1905 году.

Вот всему этому я и приписывал свой, по выражению А.А. Пилленко, «блестящий успех» на профессорских выборах в 1903 году.

Итак, с 1903 года я водворился официально на «свою» кафедру международного права С.-Петербургского университета, тем самым оставив моего дорогого учителя и друга Федора Федоровича Мартенса уже «за штатом». Но он продолжал, конечно, оставаться центральной в России фигурой в области теоретическо-

го и практического применения учений этой столь мало оцениваемой науки. Для меня область серьезного практического применения — по Министерству иностранных дел еще не наставала. Это случилось лишь через год, в разгаре Японской войны (как мы увидим в следующей главе), а пока по этому ведомству пришлось довольствоваться довольно скромной юрисконсультской работой по «второму Департаменту» этого министерства⁴, куда меня в то время «переманил» умный и опытный его директор — будущий посол в Японии — Николай Андреевич Малевский-Малевич. Пока что этим и пришлось удовлетвориться доктору международного права и экстраординарному профессору столичного университета, ибо, как это ни странно, до учреждения особой «Юрисконсультской части» в Министерстве иностранных дел почти за все время его существования не додумались, а общее отношение в ней к «ученому миру» было довольно равнодушное, чтобы не сказать прямо холодное. Недаром, при моем представлении товарищу министра иностранных дел графа В.Н. Ламздорфа князю Валентину Сергеевичу Оболенскому — после возвращения моего из Харькова с готовой докторской диссертацией — я выслушал от него следующее наставление:

«Поздравляю Вас, но имейте в виду, что по дипломатической службе Ваша степень доктора Вам никакого преимущества не доставит», — на что я не мог себя удержат, чтобы не ответить (но в самом скромном тоне, всю язвительность которого милый князь, конечно, не понял):

«Я никогда не сомневался, князь, что ученые степени для нашего Министерства иностранных дел совершенно не интересны...»

Очень симпатичный, но не особенно далекий этот князь «складень» — как мы звали дорого князя Оболенского-Нелединского-Мелецкого — изменил свое мнение лишь во время надвигавшейся на нас Японской войны, когда люди с учеными степенями вскоре пригодились даже и для тогдашнего, во многих отношениях довольно примитивного, ведомства у Певческого моста¹¹.

И тут я перехожу к изображению моих наблюдений с третьего моего тогдашнего «наблюдательного пункта»: рядом с Университетом и Министерством иностранных дел оставались, ведь, мои разные родственные светские связи, которые давали подчас довольно богатый (и в общем прискорбный) материал и для тогдашних размышлений и для теперешних воспоминаний.

Суммы тех и других сводились к следующему:

Абсолютно неподготовленное на Дальнем Востоке для борьбы с таким вооруженным с головы до ног и патриотически наэлек-

тризованным соперником, каким была Япония, Русское правительство само упорно лезло в войну с ним, подталкиваемое в Петербурге не только группой высокопоставленных дельцов (имевших там для своих предприятий громадные выгоды), но и таинственной кликой разных авантюристов русских и иностранных, густой сетью окутавших царскую семью и старавшихся на долгое время подчинить ее своему влиянию.

Эта моя формулировка требует, конечно, ближайшего обоснования, к тем тогдашним наблюдениям, распадаясь на несколько отделов, одинаково верных, фактических деталей.

1) Неготовность России к войне и усиленная подготовка к ней в Японии.

Этот тезис, открыто сформулированный в Петербурге, вызвал бы немалое возмущение и энергичный протест во всех кругах, более или менее близких к тогдашнему Военному министерству, управляемому малоспособным генералом Куропаткиным. Но на Дальнем Востоке в частности, в Порт-Артуре — он не мог удивить никого из сколько-нибудь осведомленных в военном деле лиц и достаточно объективных, чтобы противиться господствовавшему там официальному оптимизму.

В этом смысле я оказался правильно осведомленным, как говорится, из первых рук, моим родным братом Борисом Александровичем Таубе, вернувшимся в 1901 1/2 году из Порт-Артура в Петербург.

Подобно нескольким другим моим ближайшим родственникам — офицерам Генерального штаба^{IV}, мой брат был еще в 1899 году командирован на Дальний Восток, участвовал в 1900 году в международной экспедиции для освобождения Пекина от захвативших его «боксеров»⁵, был награжден прусским орденом Короны с мечами — судьями, кажется, достаточно строгими и компетентными в военном деле — и в 1900 году был назначен исполняющим должность начальника штаба Порт-Артурской крепости, а во время своего пребывания на маневрах в Японии и благодаря нашей разведывательной службе, мог, конечно, непосредственно соприкоснуться с тем, что происходило там по военной части. И доклады его, пересылавшиеся в Петербург, неизменно гласили: японцы лихорадочно готовятся к войне, у нас подготовка войск чрезвычайно слаба, и в количественном и в качественном отношении. Но доклады эти встречались в столице неприязненным образом и, в конце концов, этот «мало патриотический пессимист» после ряда разных неприятностей по начальству предпочел выйти в отставку (в конце 1903 г.). И вот, возвратясь в Петербург, он-то и поведал мне о том, что назревало на Дальнем Востоке.

2) Авантюристические и шовинистические настроения в Петербурге.

В противоположность тому, о чем рассказывал мой брат, петербургский ярко-противояпонский «патриотизм» выражался в двух направлениях. С одной стороны, группа весьма известных в то время крупных великосветских аферистов — группа Абазы, Вонлярлярского, Безобразова, так тогда ее называли — с ее якобы миллионными лесными предприятиями на реке Ялу⁶, с другой стороны, самоуверенное легкомысленное окружение министра Куропаткина, знали лишь один ответ на все предупреждения быть более осторожными в их «игре с огнем»: все это один «bluff»* от зазнавшихся япошек — «макаки» не посмеют, а сунутся, так «шапками закидаем» и «сбросим в море». Такое настроение начало гипнотизировать даже всегда столь осторожное Министерство иностранных дел и, во всяком случае, столь миролюбивый его глава, как граф Владимир Николаевич Ламздорф, ничего с ним не мог поделать. Нам было известно, что все его представления в Царском Селе (т.е. у государя) о необходимости большего внимания к японским протестам, вызванные опасениями уже за Корею, встречали там чрезвычайно холодный прием.

3) Поддержка в царской семье политики противояпонских настроений целой кликой окружавших ее «темных сил».

Только что сказанное о миролюбивом бессилии ответственного руководителя русской внешней политики, министра иностранных дел, объяснялось именно сильным влиянием у государя разных безответственных советчиков, проникавших под разными предлогами в самые высшие дворцовые круги, и явно стремившихся перенести свой мнимый авторитет из области частных интриг в сферу чистой политики — и внутренней, и внешней.

Здесь мы касаемся болезненного вопроса о той действительно «темной сети» разных закулисных влияний на императора Николая II и императрицу Александру Федоровну, которые, в конце концов, привели к «распутинщине», компрометировали царскую семью и оказались одним из факторов, вызвавших революцию.

Со всей необходимой осторожностью этого вопроса нельзя здесь не коснуться, ибо уже тогда, в первые годы этого столетия, эти фатальные для России влияния, — может быть еще неясные и незаметные для большой публики и неизвестные народу — не могли укрыться от сколько-нибудь внимательного наблюдателя, сидевшего в Петербурге или в Царском Селе.

* Блеф (фр.).

Систему частных советчиков и закулисных совещаний и корреспонденций император Николай II унаследовал, к сожалению, от своего отца, который при всем своем «самодержавии» и рядом с такими (тоже так сказать «самодержавными») министрами, как Победоносцев и граф Дмитрий Толстой, не отказывался прислушиваться и к мнениям частных застрельщиков, вроде Каткова или князя Мещерского. Кстати сказать, этот последний пережил эпоху Александра III и перешел именно «по наследству» в закулисные корреспонденты Николая II^V. Но имя этого, давно уже, как известно, скомпрометированного, князя Мещерского я здесь называю лишь для полноты картины, — которая заполнена другими фигурами, более интересными и более зловещими для судьбы царской семьи, и, через нее, и всей России.

В 1900—1903 гг., о которых здесь сейчас идет речь, дворцовая «камарилья» все более и более окутывавшая государя и императрицу сетью своих советов, внушений и интриг, состояла — весьма пестрая по своему составу — из пяти главных лиц: под главенством и руководством великого князя Николая Николаевича, которого я считаю прямым «злым гением» императора Николая II, это были две тоже фатальные для России «черногорки»^{VI} — великие княгини Стана (Анастасия) и Милица Николаевны и два... никому неизвестных дотоль французских авантюриста, афериста или (по-русски) просто проходимца.

С них я и начну свою характеристику всей этой компании. Это были французский бездипломный врач «guérisseur»* по фамилии Филипп (Philippe) и его ученик, гораздо более влиятельный в оккультных масонских кругах, «docteur» Encos, по прозвищу Папиус. Историю их «действия» в России, начинающуюся с 1900 года, надо начинать с учителя, т.е. с «исцелителя» Филиппа. Такова была свившая себе гнездо в Петербурге основная ячейка этих спиритов и оккультистов, которые, запутывая себя самих и друг друга, перешла от своего «столоверчения» к попыткам исцелять приходивших к ним разочаровавшихся в официальной медицине больных, пускались в предсказания на разные темы (то радостные, то зловещие) и, наконец, потихоньку вторгались в область государственной политики внутренней и внешней. Что им удалось при этом очень рано, уже с 1901 года, завлечь в свои сети несчастную императрицу Александру Федоровну, несколько не удивительно: бедная, измученная и физически и морально женщина (частыми

* Знахарь (фр.).

деторождениями и долгим бесплодным ожиданием наследника) не могла, конечно, не отозваться на посулы французского геррисера, который был горячо ей рекомендован великой княгиней Милицей Николаевной и предсказывал ей, при условии постоянного надзора за ее детьми, скорое рождение страстно желаемого сына: это и был «доктор» Филипп, пользовавшийся при этом высоким покровительством тогда еще вельяма в Царском Селе любимого и уважаемого «Николаши», т.е. именно великого князя Николая Николаевича.

А за спиной Филиппа стоял его ученик, еще более ловкий и честолюбивый авантюрист — Анкос-Папюс, разъезжавший в то время (с 1900 г.) уже по всей Европе в поисках не столько новых способов лечения, как новых адептов для основанного им «немартинизма»⁷.

Он, прозванный «Великим моголом»⁸, замышлял, ведь, реформировать все европейско-американское масонство, с тем, конечно, чтобы самому стать во главе...

Здесь, само собою, невозможно входить в интересные детали биографии этих двух оккультистов, из которых первый скончался уже в 1905 году (тогда в нем разочаровались в России и выслали из Царского Села), а второй — только в 1916 году, все время до тех пор поддерживая связь с нашей императорской четой. Для желающих погрузиться в эту любопытную, в значительной степени еще очень темную область имеется достаточно напечатанных материалов: для Филиппа — обстоятельная, составленная на основании официальных французских данных хроника всех его медицинских походов от их начала, в Лионе, в дни его молодости, вплоть до его смерти^{vii}, а для Папюса — целая посвященная ему монография, написанная его друзьями, и могущая быть полезной для истины, дополнением точными данными об его оккультной карьере в капитальной исторической энциклопедии всемирного франкмасонства^{viii}.

Для нас же интересна только часть, касающаяся их работы в России — для нее пагубная, по моему мнению, о котором можно было уже подозревать, именно уже в эти первые годы нового века, перед Японской войной.

Об этом-то и пойдет сейчас речь. Но раньше, чем сообщить, что мне тогда уже стало известно, довольно интересно и необходимо пояснить каким образом открытому с молодости врагу всяких оккультных (и в особенности оккультно-политических) комбинаций, выпало в то время на долю заглянуть за кулисы этого архисветского кружка собиравшегося во дворце и под покровительством августейшего «Николаши».

Писания мои, которыми и закончится настоящая I глава моих «Воспоминаний» — естественно распадаются на три крупных параграфа, отвечающих на следующие вопросы:

1) Какое оказалось у меня соединительное звено с этим великодушным оккультным кружком?

2) Под каким предлогом была сделана попытка ввести меня в этот кружок?

3) Что именно, несмотря на неудачу этой попытки, удалось тогда узнать о тайной политической деятельности этого кружка?

1. По первому из этих пунктов объяснение мое такое. Одной из самых интересных женских фигур среди моих родственников со стороны отца была в то время младшая его сестра, Александра Фердинандовна Таубе (род. в 1859 году). Воспитанная матерью (вдовой моего деда, скончавшегося в 1870 году, и мачехой моего отца) в точнейшем «синодском православии», но с уклоном в сторону занятий спиритуалистическими и в частности спиритическими вопросами, она, оставшись в 1893 году по смерти матери, одинокой и обладательницей весьма крупного состояния предпочла на всю жизнь сохранить свободу, не выйдя замуж и посвятив свое время в России — делам благотворительности, а за границей — поездкам по разным странам с ознакомлением с близкими ей по духу лицами и обществами. И вот, в Швеции она примкнула к очень серьезному теософско-спиритическому кружку «Эдельвейс»⁹, в то время весьма высокочтимому на всем Скандинавском Севере; а затем, через «Эдельвейс» она была завербована и в петербургский кружок великого князя Николая Николаевича.

2. Из этого обстоятельства, однако, отнюдь не следовало, чтобы она, при всем расположении ко мне, могла подумать — как говорится — ни с того ни с сего — о введении меня в эти секретные собрания, о которых она никогда со мною не распространялась. Но вот тут неожиданно случился со мной действительно удивительный, до сего времени для меня необъяснимый казус, о котором она не могла умолчать в Николаевском дворце. Это был следующий необычный случай моего ясновидения. Дело было так.

В доме и квартире моей матери давно уже проживала другая моя (двоюродная) тетушка, также оставшаяся одинокой, с того же 1893 года, но без всяких средств — Елизавета Федоровна Таубе^{IX}. И вот, как-то под самое Рождество я вижу странный и казалось бы ничем не вызванный сон: приходит почтальон с письмом из Германии на имя моей тетушки, — она при мне его открывает и читает, — содержание его я забыл, но осталось ясно в памяти подпись: «Элла Шен» (Ella Schön).

Тетушка Лизонька смеется:

«Действительно, как странно! С чего это? Ведь у меня в Германии со стороны моей давно умершей матери, есть дальняя родственница по имени Элла, которую я никогда сама не видела и с которой мы по родственной традиции обмениваемся письмами два—три раза в год... Но фамилия ее вовсе не Шен, а Сирициус».

На этом дело пока и кончилось, я отправился из дому по своим делам, либо в Университет, либо в Министерство иностранных дел.

Возвратившись под вечер, к обеду, я нахожу дома всех в полном «трансе». Что же оказывается? Не успел я утром уйти, как явился почтальон с письмом из Германии к Елизавете Федоровне; она его читает... письмо именно от Эллы, подписано правильно «Элла Сирициус», но в нем она извещает кузину, что выходит замуж за господина Шен!

Итак, какие-то мои в это утро действовавшие оккультные способности не только «провидели» приход почтальона с этим немецким письмом, но не забыв и буквально его текста, констатировало в моем мозгу его содержание в форме предполагаемого результата: Эллы Сирициус превращенной в Эллу Шен!

Вполне понятно, что этот необычайный случай моего неожиданного ясновидения, произвел сенсацию всюду, где о нем рассказывали, и что моя тетка Александра Фердинандовна не могла не поведать о нем в кружке великого князя. Отсюда, как результат, и его и ее вопрос, не ввести ли этого необыкновенного «духовидца»-профессора в их спиритические собрания?

Принципиально, конечно, да. Но неизвестно еще, как отнесутся к этому новому сочлену обычные их незримые гости, вызываемые на этих собраниях духи.

И великий князь берется выяснить это к следующему собранию. А на следующем собрании Александре Фердинандовне Таубе сообщается ответ духов: «Этого профессора Михаила Таубе допускать на ваши сеансы нельзя ни в каком случае».

3. Оставалось мне подивиться этому ясному ясновидению тамошних духов о новоявленном ясновидице, — и на этом успокоиться. Но не успокоилась моя возмущенная таким отказом тетушка, и теперь стала менее открытой на счет, по крайней мере, общего духа и общей атмосферы этих собраний, поскольку там иногда поднималась завеса над политическими их чаяниями и воззрениями.

И вот, общий вывод в этом отношении был следующий — то же, что проповедовалось у генерала Куропаткина:

Смелее и нас ждут блестящие перспективы на Дальнем Востоке! Японцев не опасаться! Война с ними будет триумфом для России!^x

Другими словами: тезисы «доктора Филиппа», который к ним только скромно прибавлял: «Один из залогов этих триумфов, — это назначение главнокомандующим великого князя Николая Николаевича!»

«Sapient sat»^{*}, сказали бы в Древнем Риме. Но то же самое могли сказать, в 1903 году, и в новой столице русской. На этом и можно перейти к нашей второй главе — воспоминаниям о Японской войне, со всеми ее катастрофическими для России подробностями и последствиями.

Примечания

^I Сверх примечаний к отдельным главам, в конце этой работы собраны различные Приложения, имеющие документальный характер. Они начинаются с касающейся вообще всех ее глав росписи упоминаемых в них моих родственников, — необходимые для ориентирования читателей в моем довольно обширном и сложном родстве.

^{II} У меня сохранились (и находятся в Париже) три письма Льва Николаевича Толстого: от...

Из них самое интересное, длинное и принципиально важное для характеристики историко-религиозных его воззрений, было воспроизведено в fac-similé^{**} (и в «расшифровке» не всегда ясной рукописи великого писателя) в моей книге: «Вечный мир или вечная война?» (Берлин, 1922 г.). См. обо всем этом также журнал «Наш приход» (орган русского католического прихода в Париже), 1951 г. № 9. Это главное письмо приводится in extenso^{***} и здесь, в Приложениях в конце всей работы.

^{III} Только министр Извольский сделал было попытку создать особый Юрисконсультский отдел в Министерстве иностранных дел, но так и не осуществил своего намерения. За все время до революции все юридические вопросы распределялись в нем следующим образом: 1) наиболее серьезные и сложные казусы отсылались на консультацию «непременного члена Совета министров», т.е. профессора Мартенса; 2) юридические дела, как-нибудь касавшиеся внеевропейских и внеамериканских стран оставлялись в прежнем «Азиатском департаменте» (в мое время называвшимся Первым)¹⁰; 3) все остальные сосредоточивались во Втором департаменте (некогда «Департамент внутренних сношений»)¹¹, первым отделением которого я и стал управлять с 19... года.

^{IV} Академию Генерального штаба¹² с середины прошлого века окончили мои дяди Фердинанд и Георгий Фердинандович Таубе, мои братья Александр и Борис Александровичи и мой двоюродный брат Сергей Фердинандович Таубе.

* Для мудрого достаточно (*лат.*).

** Факсимиле (*фр.*).

*** Полностью, дословно (*лат.*).

^V Уже во время эмиграции в мои руки случайно попала, на несколько дней, целая коллекция таких писем в оригиналах, из которых я и сделал некоторые выписки. См. об этом Приложения в конце работы.

^{VI} Стана (Анастасия) Николаевна, родилась в 1867 г., в первом браке замужем за князем Георгием Романовским, герцогом Лейхтенбергским, во втором, с 1907 года (несмотря на запрет таких браков канонами православной церкви), с родным братом мужа ее сестры Милицы, великим князем Николаем Николаевичем младшим.

Милица Николаевна родилась в 1867 г., замужем за великим князем Петром Николаевичем с 1889 г.

^{VII} Весь этот богатый и достоверный биографический материал о «докторе» Филиппе у Maurice Paleologue «La Russie des Tsars pendant la grande guerre». Т. I (Paris, 19...). С. 211–220.

^{VIII} О «маге» спирите, мартинисте, предсказателе и авантюристе Папюсе, два редчайших издания (оба имеются в библиотеке автора): 1) Papus — sa vie, son œuvre. (Paris, ...); 2) Internationales Freimaurer Lexikon — von E. Lennkoff, O. Posner (Zurich—Leipzig—Wien, 19...).

^{IX} Это совпадает с утверждением М. Палеолога в его указанной выше хронике жизни и деятельности Филиппа.

^X Все эти даты и цифры не могли бы, конечно, остаться в моей памяти и быть приведены здесь, если бы они не были совершенно точно записаны и потом напечатаны в оригинальной книжке, изданной перед самой революцией: «За XXV лет: 1891–1916» (в Сенатской типографии. С.-Петербург, 1917).

Эта моя, так сказать, работа автобиографии имеется у меня в единственном экземпляре, который после моей смерти должен быть передан в Архив русской и восточноевропейской истории и культуры в Нью-Йорке в качестве Приложения II к настоящим «Воспоминаниям».

Глава II

Конфликт и война с Японией. — «Гульский инцидент» с эскадрой адмирала Рожественского и Англо-русская конвенция о мирном его расследовании. — Личный состав Международной следственной комиссии по этому делу, созданной в Париже. 1903—1904 гг.

При создавшемся в Петербурге, как было сказано выше, воинственно-авантюристическом настроении в различных политически-влиятельных кругах, в течение всего 1903 года было уже довольно ясно, что Россия катится по наклонной плоскости, медленно, но верно, к войне с Японией, — войне продолжительной и трудной; ибо воевать за 10000 верст от имперского центра при однокольном только железнодорожном пути в Порт-Артуре, проходившем при этом частью по чужой территории — Маньчжурии, да еще при сравнительной слабости нашего флота в Тихоокеанских водах¹³, было, очевидно, вовсе не легко, даже если бы весь тот Квантунский «колониционный» район был в военном отношении оборудован гораздо лучше, чем это было на самом деле.

Недаром, никто другой, как Сергей Юльевич Витте, рискуя утратить у государя свой унаследованный от времени императора Александра III авторитет, решил подать Николаю II записку¹⁴, предостерегающую его от всяких противояпонских авантур, указывая, что и без того Россия в остром конфликте с Японией, близка война, вероятно неудачная, а за неудачной войной может быть и революция...¹

Но что могла сделать такая записка — даже поддержанная, вероятно, донесениями нашего способного и осторожного военного агента в Японии, полковника Самойлова, — против соединенного давления на государя Безобразова с компанией, Филиппа с компанией, Куропаткина с его военными чиновниками и наконец

самого великого князя Николая Николаевича, в своем тщеславии и властолюбии надеявшегося быть назначенным главнокомандующим... по спиритическому внушению Филиппа, только что реабилитированного путем проведенной им отставки умного и энергичного начальника русской тайной полиции во Франции, П.И. Рачковского, который осмелился раскрыть самозванство этого лионского лже-доктора?

Тем не менее, японцы в течение всего этого года все еще продолжали свои дипломатические попытки найти какой-нибудь компромиссный выход из критического положения, несмотря даже на неудачу такого их выдающегося государственного деятеля, как князь Ито¹⁵, примирительная миссия которого в России потерпела фиаско¹¹.

Японская «Белая книга» дипломатических документов того времени остается для заинтересованных живым памятником их усилий в пользу мира, а с русской стороны примером того, как не следует вести дипломатических переговоров.

Этот политический русско-японский нарыв назрел наконец к началу следующего 1904 года и, как известно, лопнул — с большим скандалом — в конце января. Здесь тяжело вспоминать, как вечером 26-го января месяца, без объявления войны японцы спокойно вошли в Порт-Артурскую гавань и подорвали наши военные суда¹⁶; но не бесполезно вспомнить, ибо, вероятно, никому не известно, как известие об этом действительно предательском (с точки зрения международного права) нападении было первоначально встречено в нашем Министерстве иностранных дел.

Дело заключается в следующем курьезном инциденте:

Когда за ночь в Петербурге было получено шифрованное телеграфное сообщение о происшедшем в Порт-Артуре — утром следующего дня был вызван к министру графу Ламздорфу Мартенс на совещание с ним и с его товарищем, князем В.С. Оболенским.

И вот, что на этом совещании произошло, как это мне тотчас после него рассказал мой старый учитель, зашедший ко мне поведать об удивительном ходе мыслей у некоторых из заправил нашей дипломатии.

«Выслушайте невероятную историю, — сказал мне Ф.Ф.Мартенс, — прихожу я к министру и узнаю от него потрясающее известие о начале войны. И вот, князь Оболенский неожиданно заявляет мне: “Мы думаем, что, к счастью, это еще не начало войны...”».

«А что же это такое?»

«Ведь объявления войны со стороны японцев не было, а Вы же в вашем курсе международного права говорите, что до начала

войны могут иметь место так называемые “менее мирные способы” разрешения конфликтов, в частности “мирная блокада”. Не может ли Порт-Артурский казус быть истолкован, как один из таких приемов?»

«Многоуважаемый князь! Случаев “мирной блокады” немало в истории международных отношений, но я не вижу ничего “мирного” в вооруженном нападении и потоплении наших военных судов!»

«Это совпадает и с мнением военного министра, — говорит граф Ламздорф. Итак, к сожалению, это действительно война. N'en parlons plus* — решил он, обращаясь к своему товарищу».

«С этим я от них и ретировался, — прибавил Федор Федорович. — Надо думать, что подобное толкование “мирной блокады” было первым и последним в истории нашей дипломатии...» (В этом мой учитель ошибся, ибо, как будет сказано в своем месте, аналогичный абсурд повторился в том же ведомстве осенью 1914 года при начале войны с Турцией.)

* * *

Для моей работы по Министерству иностранных дел начало войны с Японией имело то значение, что немедленно пришлось засесть за кропотливое и довольно утомительное составление подробных правил, которыми наши военно-морские власти должны были руководствоваться в отношении норм международного морского права. Ясно должны были быть сформулированы, от имени Русского Правительства, вопросы о военной контрабанде, блокаде (не «мирной»), потоплении нейтральных торговых судов и пр. и пр.

Возник тут сначала формальный вопрос: кто будет этим делом в Министерстве иностранных дел заниматься?

«Война с азиатами — говорили в бывшем Азиатском Департаменте, — этим делом должны заниматься мы», — и Второй Департамент был бы, конечно, только очень рад избавиться от этой неблагоприятной работы. Но, как и можно было ожидать, очень скоро сказалась техническая неподготовленность наших министерских «азиатов» для такой юридической работы, и, вероятно, «со скрежетом зубным» ревнивый к своей компетенции директор I-го Департамента, Н.Г. Гартвиг, должен был передать все это дело директору Департамента II-го, Н.А. Малевскому, который далее и передал его в свое «Отделение I—I»¹⁷, т.е. пишущему эти строки. А сей последний, вероятно, справился бы не скоро с

* Не будем больше об этом говорить (*фр.*).

этим поручением, если бы ему тогда же не был придан ценный и симпатичный сотрудник от Морского министерства в лице полковника по Адмиралтейству Ивана Александровича Овчинникова. С ним вместе мы благополучно и составили «Правила, которыми Россия намерена руководствоваться во время войны с Японией»^{III}.

Эти правила естественно отражали собою традиционные взгляды Русского Правительства и русской науки на вопросы международного морского права во время войны, вполне согласные с практикой всей континентальной Европы, но значительно расходящиеся по разным пунктам с англо-американскими понятиями, что и вызывало в течение всей Японской войны, бесконечные протесты Британского Правительства...^{IV}

Однако все это не только стусевалось, но совершенно испортилось из-за неожиданно выпавшей на мою долю почетной, но весьма трудной задачи заменить моего учителя Ф.Ф. Мартенса в политико-юридическом деле международного значения, — остром конфликте с Англией, вспыхнувшем в октябре того же года.

Я имею здесь в виду знаменитый «Гульский инцидент»¹⁸, т.е. столкновение эскадры адмирала Рожественского, посланной на Дальний Восток, в Северном море, на так называемой «Доггер-Банке», с флотилией мирных английских рыбаков, довольно сильно пострадавших от наших выстрелов. Адмирал доносил, в объяснении, что рыбацьи суда прикрывали собою два японских миноносца, которые и перешли в атаку на головной броненосец эскадры «Суворов», который своим немедленным открытым огнем либо потопил, либо окончательно прогнал японские суда, бесследно скрывшиеся в тумане.

Все это произошло в ночь с 8/21 на 9/22 октября 1904 года и, конечно, немедленно вызвало сильное возмущение с обеих сторон: в России — как предательское нападение врага, под прикрытием нарушивших свой нейтралитет английских властей, допустивших возможность такой засады за якобы мирными рыбаками; а с английской стороны — как ничем не вызванный расстрел этих рыбаков на большой международной морской дороге близ самых берегов Англии, ибо никаких японских миноносцев ни в этом районе, ни вообще в английских водах, якобы, не находилось.

Возбуждение с обеих сторон росло, и англичане требовали уже задержки русской эскадры у Испании, куда она успела пройти, суда над адмиралом Рожественским и главными офицерами его эскадры, торжественного извинения Императорского Правитель-

ства перед Великобританским, и, конечно, возмещения убытков понесенных рыбаками, из которых несколько было ранено, а другие потеряли свои суда.

Все это улеглось отчасти, когда, по приказу государя, было объявлено, что по расследовании дела, потерпевшие рыбаки будут вознаграждены, а затем и совершенно, когда по инициативе нашего Министерства иностранных дел, Великобританскому правительству было предложено, ввиду разноречивого объяснения инцидента, отдать дело на расследование беспристрастной нейтральной комиссии, составленной из адмиралов и юристов. Это было бы в согласии с недавно еще подписанной в Гааге конвенцией (1898 г.)¹⁹, первый случай разрешения большого международного конфликта международной же «следственной Комиссией» (Commission Internationale d'Enquête). Наше Министерство иностранных дел и Foreign Office²⁰ на этом и порешили, и довольно быстро сошлись и на тексте соответствующего соглашения, и на предполагаемом составе этого международного судилища, первого в этом роде во всей истории междугосударственных отношений.

«Судилище» должно было состоять из пяти адмиралов, а именно, трех нейтральных вместе с русским и английским и двух «юрисконсультов-ассессоров» (Jurisconsultes Assesseurs).

С русской стороны таковым должен был быть, естественно, наш старый всемирно-известный «международник» — профессор Мартенс.

И вот тут-то и случился совершенно для всех, — и в особенности для меня, — неожиданный «камуфлет», на место моего учителя, выдвинули меня, и на несколько месяцев оторвали меня от «Певческого моста»²¹ и от моего Университета, погрузив прямо, можно сказать, в самую толщу военно-морских и международно-политических недоразумений, интриг и столкновений, едва не доведших Россию, сверх войны с Японией, до войны также и с ее союзницей, Британской империей. Дело заключалось в следующем.

В один из первых дней ноября, когда я, после моих утренних лекций в Университете, только успел в «Отделении I—I» Второго Департамента засесть за просмотр прибывшей дневной корреспонденции, мне пришли сказать, что профессор Мартенс вызывает меня к себе, в коридор смежный с комнатами Департамента, как это бывало всегда для наших доверительных бесед (ибо особые кабинеты имелись только у директора и вице-директора Департамента). И вот, мой старый учитель и друг встречает меня следующими словами:

«Я пришел спешно сообщить Вам большую касающуюся Вас новость, от которой Вы может быть не будете в особенном восторге: юрисконсультотом от России в будущую Парижскую следственную комиссию по Доггер-Банкскому делу будете назначены Вы...»

«Как так? А Вы то, что же??!»

«А я вот что, — ответил мне Мартенс, — я только что был у нашего министра и категорически заявил ему, что по этому делу в Париж я не поеду и что, следовательно, он должен вместо меня, представить государю о Вашем назначении».

«Но почему же все это?»

«Да официальных причин сколько угодно: мой уже довольно преклонный возраст, разные недомогания, разные семейные заботы, недопускающие сейчас продолжительной отлучки из Петербурга и т.д. А настоящую причину я открою Вам сейчас, — и пока Вам одному. Дело в том, что в Англии у меня немало старых испытанных друзей, обычно хорошо осведомленных в политических вопросах, которые уверяют меня под честным словом, что никаких японцев в районе Доггер-Банки при переходе эскадры адмирала Рожественского не было, что с ней случилось крупное недоразумение, объясняемое некоторыми (содержимыми пока в секрете) чисто уже опереточными подробностями. Словом, в Париже наш тезис, выставяемый адмиралом, потерпит полный провал и, следовательно, для русского флота и для русского правительства огромный конфуз на весь мир. Вы поймете, дорогой Михаил Александрович, что завершить мою сорокалетнюю научную и дипломатическую карьеру участием в подобном деле у меня нет никакой охоты... А потому я предоставляю расхлебывать эту весьма темную историю кому угодно, — и прежде всего, конечно, Вам!»

«Очень Вам благодарен, — заметил я иронически... — Но хорошо ли в данном случае осведомлены Ваши британские друзья и, в крайнем случае, разве нет тут никакой надежды на приличный выход из неприятного положения?»

«Vous y êtes* — мне доверительно тоже пишут, что собственно Foreign Office совершенно не намерен серьезно ссориться с нами из-за этого глупого дела, и если только мы не будем упорствовать в отстаивании выдумки Рожественским созданной для прикрытия своей грубой ошибки. Итак, не теряйте все-таки надежды выйти, как говорится, “сухим из воды”. Да, к тому же, даже и полный провал в этом деле для Вас совсем не то, чем был бы для меня: для

* Вы угадали (фр.).

меня — скандальный финал длинной, довольно-таки удачной карьеры, для Вас — неудачное (не по Вашей вине очевидно) начало громкой в будущем карьеры, благодаря именно этому исключительно громкому международному делу».

«Благодарю Вас еще раз (так закончил я наш обмен мнений) — теперь за Ваше любезное предсказание. Хорошо ли, худо ли, мне остается только, как говорят французы, по возможности “faire bonne mine a mauvais jeu”^{*}».

Эту-то «bonne mine» я всеми силами и старался не потерять в течение многих еще недель после памятного разговора с моим Мартенсом, — вплоть до того момента, когда в Париже уже всем стало ясно, что мы из этой «грязной истории» выходим не только не замаранными, но даже с решением Следственной комиссии вполне приемлемым даже для самого адмирала Рожественского!

Но до этого момента пришлось немало потрудиться, при этом подчас не столько в трагических, как в комических условиях.

О моем участии в рассмотрении этой глупой трагикомедии и должно представить читателю точную хронику, начиная с самых тех дней начала ноября 1904 года.

* * *

Мои занятия Гульским делом я начал естественно с просмотра довольно объемистой уже официальной корреспонденции, накопившейся в Министерстве иностранных дел с 8 октября, т.е. сообщений британского Foreign Office, с одной стороны, а с другой — донесений адмирала Рожественского, неизменно поддерживавшего свой «японский» тезис, а также разных тайных агентов русской полицейской службы за границей, поддерживавших этот тезис в том смысле, что по всему пути русской эскадры на Восток, начиная с датского побережья, кишели, будто бы, японские шпионы, а в некоторых местах замечались даже будто бы японские военные суда. Самое важное, что привлекло тогда мое внимание из этого письменного материала, это был составленный в Британском Министерстве иностранных дел проект англо-русской конвенции, долженствовавший лечь в основу рассмотрения дела Международной комиссией, созываемой в Париже. Проект этот был уже принят принципиально графом Ламздорфом, который в своей радости, что конфликт разрешается мирным путем, не стал входить в особенную критику предлагаемого ему текста. Между тем текст этот, по моему мнению, был явно неприемлем с русской точки зре-

* Делать хорошую мину при плохой игре (фр.).

ния, — что я и не преминул объяснить моему министру. Не входя здесь в подробности, за которыми я отсылаю любопытствующих читателей к французскому и немецкому изданиям моих политических мемуаров — укажу только на главный пункт моей критики, ибо достигнутое графом Ламздорфом его исправление сыграло немалую роль (как увидим в своем месте) в благоприятном разрешении всего этого процесса в Париже. В английском проекте говорилось, именно, что Следственная комиссия займется рассмотрением всех споров, имеющих отношение к инциденту с русской эскадрой; между тем, ввиду слухов о каких-то таинственных разветвлениях этого инцидента (по словам профессора Мартенса) представлялось необходимым точно оговорить в конвенции, что дело идет лишь о столкновении, имевшем место в таком-то и таком-то районе Северного моря (географически ясно определенном) и в ночь с 8/21 на 9/22 октября 1904 года^V. У англичан возникли недоумения и неудовольствие по поводу этого русского требования, возникшего, так сказать, накануне подписания «целиком» («*intégralement*») уже принятой конвенции, граф Ламздорф, к счастью, вышел из затруднения, заявив, что его «*intégralement*» не значило «*littéralement*»^{*}, и что наше уточнение не противоречит принципиальному общему одобрению английского текста... Правильно или нет было это грамматическое толкование, я и сейчас судить не берусь; но важно то, что Foreign Office предпочел не входить в филологические препирательства с русским министром, славившимся великолепным знанием французского языка, и, в конце концов, 12/25 ноября русско-английская конвенция была подписана со всеми предложенными нами изменениями.

Теперь оставалось только установить, согласно ее тексту, личный состав этой Commission Internationale d'Enquete^{**}. Она была вскоре установлена в следующем составе:

1. Семь членов комиссии: 5 адмиралов и 2 «юрисконсульта-ассессора». Адмиралы были назначены следующие:

- 1) Русский — Н.И. Кознаков.
- 2) Английский — сэр Луи Бюмонт (Sir Louis Beaumont).
- 3) Французский — Фурнье (Fournier).
- 4) Американский — Девис (Davis).
- 5) Австрийский — барон Шпаун (Spraun), который по своему служебному старшинству и высокому возрасту и был избран председателем Комиссии.

^{*} Дословно (фр.).

^{**} Международная следственная комиссия (фр.).

Юрисконсультами ее оказались:

1) Английский — сэр Эдуард Фрей (Sir Edward Frey), носивший пышный титул Lord Chief Justice of England*.

2) Русский — пишущий эти строки.

2. Представителями интересов спорящих сторон с функциями адвокатов в гражданских процессах, которые по конвенции 29 июля 1898 года о Следственных комиссиях носили названия «Агентов» (Agents) соответствующих Правительств, были назначены:

1) С русской стороны — советник нашего Посольства во Франции А.В. Неклюдов.

2) С английской стороны — советник Великобританского Посольства в Париже ирландец О-Бэрн (O'Beirn).

3. Им в помощь были приданы: русскому «Агенту» — А.Н. Мандельштам, английскому — Лорд Десарт (Desart), в качестве уполномоченного группы пострадавших английских рыбаков из города Гулля (Hull).

4. Далее из любезности французского Министерства иностранных дел к русской делегации были откомандированы для технической помощи по вопросам военно-морского права и французского судопроизводства — юрист Фромаже (Fromaget), а для постоянной связи с «Quai d'Orsay»²² — чиновник этого Министерства виконт де Грегейль (de Gregueil).

5. Наконец, так же уже вне прямых требований англо-русской конвенции, но в связи с процессуальной защитой русских интересов — в состав нашей делегации вошли еще: начальник Канцелярии Морского министерства генерал-майор В.А. Штенгер и три свидетеля-очевидца инцидента в Северном море откомандированные со своей эскадры адмиралом Рожественским в Париж для дачи показаний перед Следственной комиссией: капитан Кладо, на шумевший перед тем своими статьями в «Новом Времени» против собственного Министерства²³, и лейтенанты Эллис и Шрамченко.

Всем вышесказанным были, по-видимому, исчерпаны необходимые приготовления к нашей экспедиции в Париж. Мне лично оставалось добиться еще лишь одного: ввиду постоянных трений по вопросу их компетенции между I-м и II-м Департаментами Министерства иностранных дел и более чем холодных личных отношений между их директорами, Н.Г. Гартвигом и Н.А. Малевским-Малевичем, я просил разрешения графа Ламздорфа (и без труда его получил), для избежания лишней бюрократической

* Лорд судья Великобритании (англ.).

волокиты, пересылать свои донесения по Гулльскому делу непосредственно ему и от него получать соответствующие ответы и директивы; то и другое должно было идти через Императорское Посольство в Париже, т.е. проходить лишь через руки русского посла во Франции — умного и симпатичного А.И. Нелидова.

Примечания

^I Об этой записке определенно говорит, между прочим, член Государственной думы Н. Львов, в своей статье «Гр. Витте и П.А. Столыпин», напечатанной в газете «Возрождение». (К сожалению, приславший мне ее, в вырезке, мой корреспондент не мог указать даты и номера газеты, в котором она появилась.)

^{II} Миссия князя Ито имела в виду установление, если не прямого союза с Россией, то по крайней мере широкого политического соглашения с ликвидацией всех взаимных недоразумений на Дальнем Востоке. Но в Петербурге она не встретила достойного внимания, и неудача князя Ито в России имела, к сожалению, своим последствием заключение союза между Японией и Англией. (См.: Граф Ковцов. «Из моего прошлого». Т. I. Париж, 1933. С. 377.)

^{III} По их Высочайшем утверждении «Правила» эти были опубликованы в «Собрании узаконений и распоряжений Правительства» за 1904 год. № 26. См. мое издание «За XXV лет». С. 27 (и прил.). СПб., 1917.

^{IV} Эти протесты обычно заявлялись во II-м Департаменте нашего Министерства иностранных дел торжественно и мрачно являвшимся туда советником Английского Посольства Spring Rice (С. Райсом) и весьма лаконично и хладнокровно отстранялись Н.А. Малевским, указанием на исключительную компетенцию в вопросах «призового» права наших военно-морских судов, с Адмиралтейств-советом в роли Верховного призового суда. В качестве представителя Министерства иностранных дел в его решениях принимал участие и автор настоящих воспоминаний. Удачная принципиальная работа по кодификации всех правил международного морского права во время войны была впервые в истории произведена на почве компромисса между европейскими континентальными и англо-американскими воззрениями лишь на большой военно-морской Конференции в Лондоне в 1908–1909 году²⁴, о которой будет еще идти речь позже, в моей главе V.

^V Другая предложенная мною поправка, которую англичане в конце концов не могли не принять, касалась заключающейся в том же «Введении» («Preamble») к конвенции характеристики инцидента, как стрельбы русской эскадры по английским рыбакам — тем предreshался бы умысел и прямая ответственность адмирала Рожественского, тогда как на самом деле стрелял он по неизвестной цели, а рыбацьи суда были задеты лишь рикошетом. В этом смысле и было изменено это место в английском проекте конвенции.

Глава III

Гульский инцидент (II). Международная следственная комиссия. Дело запутывается (декабрь 1904 г.)

Русская делегация, назначенная для участия в расследовании Гульского инцидента, собралась в Париже в полном составе в первых числах декабря 1904 года и, после традиционных официальных визитов местным властям, тотчас же, вместе со своими иностранными коллегами, приступила к работе в отведенных для нее залах Министерства иностранных дел на Кэ д'Орсэ.

Поначалу целый ряд заседаний Комиссии был посвящен малоинтересной, но необходимой предварительной работе по составлению процессуального «регламента» для всего делопроизводства Комиссии. Ведь, как было замечено выше, никаких прецедентов у нее в международной истории не было и, следовательно, все приходилось начинать *ab ovo*^{*}, ибо было даже неизвестно, какой язык окажется официальным языком избранным для этого делопроизводства: не английский ли — по национальности пострадавших рыбаков и, так сказать, государства-истца? Руководствоваться при этих занятиях приходилось уставами гражданского судопроизводства разных стран и, конечно, особенностями данного спорного казуса.

Эта работа протекала, в общем, очень гладко и мирно, но, вместе с тем, она на первых же днях выяснила два весьма прискорбных для дела обстоятельства личного свойства, а именно, явную неспособность двух из пяти назначенных адмиралов справиться с выпавшими на них непривычными обязанностями. Это были: австрийский адмирал барон Шпаун, избранный председателем Комиссии и, к сожалению, русский — Н.И. Казнаков.

* С самого начала (*лат.*).

Что касается барона Шпауна, уж очень престарелого моряка, плохо знавшего французский язык и абсолютно чуждого судопроизводственным вопросам — то затруднение с ним разрешилось быстро и просто, путем довольно известного в международной практике «трис'а»: в один прекрасный день Комиссия единогласно объявила себя превращенной в «подкомиссию», председателем этой последней (т.е. ее же самой) избран, также единогласно, французский адмирал Фурнье.

Сложен и неприятен был вопрос об адмирале Казнакове, который с первых же двух—трех заседаний, всем членам русской делегации показался совершенно неприспособленным для своей ответственной роли. Беда тут была не в том, что он никак не мог, по своей старческой слабости, освоиться с окружавшими его иностранцами, так что адмирал Фурнье превратился у него в «Мурнье», а причисленный к нам виконт де Грегейль, получил имя «Григуль»; беда была, конечно, и не в том, что к возмущению нашего милого «республиканца» А.Н. Мандельштама, адмирал усиленно расспрашивал, кто собственно был этот загадочный Мирабо, по имени которого был назван старый отель на рю де ла Пэ, в котором все мы остановились; даже и не то было плохо, что он терял, между прочим, свое время на бесплодные и бесцельные поиски той гостиницы, в которой он останавливался в Париже при Наполеоне III. Все это было только мелкими показателями его несомненного «рамолисмента». Но что было особенно скверно, это то, что в заседаниях Комиссии он отвечал на вопросы невпопад, ставил сам какие-то, не касавшиеся данного дела вопросы и, словом, обнаружил себя в наших общих глазах не только нулем для нашей задачи, но прямо отрицательной величиной.

Обо всем этом я как-то и беседовал с нашим «Агентом» в комиссии А.В. Неклюдовым, отправляясь в русское посольство.

«Я считаю своим служебным долгом, — сказал я ему, — подробно написать о таком положении вещей нашему министру иностранных дел, прося его добиться у государя замены Казнакова другим лицом».

«Не советую Вам этого делать, — возразил мне Неклюдов. Ничего из Вашего рапорта не выйдет, кроме неприятностей для Вас же; ведь, даже если граф Ламздорф решится говорить о столь деликатных вопросах нашему монарху, то, как Николай II из Петербурга может войти в точную оценку нашего здешнего положения? Ведь адмирал Казнаков там известен только по своей безупречной репутации, к тому же назначен он сюда, по слухам, по рекоменда-

* Уловка (фр.).

ции императрицы Марии Федоровны, которая знает его чуть ли ни с самого своего появления в русских территориальных водах, 40 лет тому назад...»

Наш посол А.И. Нелидов, взглянул на дело, однако, иначе, вероятно, и с своей стороны уже придя к соответствующим выводам...

«Пишите, пишите немедленно графу Ламздорфу, — сказал он мне, — а я сегодня же буду ему об этом телеграфировать. Думаю, что и Морское министерство нас в этом поддержит»¹.

Результат такого решения оказался столь же быстрым, как и радикальным. Прошло немного дней, как раз к нашему «семейному» завтраку в отеле «Мирабо» адмирал Казнаков явился явно расстроенным и растерянным.

«Подумайте, какая странность, — сказал он нам, развертывая полученную телеграмму. — Вот что пишет мне морской министр: “Ввиду Вашего недомогания, государь соизволил разрешить Вам временно вернуться в Петербург. Заместитель Ваш уже назначен. Благоволите выехать немедленно”. Что это такое, — прибавил адмирал, — я ведь никому ни на какое недомогание не жаловался. Это какая-то мне неясная интрига моих недоброжелателей... Но я человек военный и разговаривать долго не привык. А потому возвращаюсь в Петербург завтра же. А Вас, — обратился он ко мне, — я попрошу сейчас же после завтрака сопровождать меня в прощальных визитах по Парижу».

И вот, во время этого сопровождения он дал мне лишнее доказательство того, что наша общая «интрига» только объективно отвечала его физически-интеллектуальному состоянию.

«Вы знаете, Михаил Александрович, — объявил он мне, — я догадываюсь, откуда идет эта интрига. Это, я думаю, проделки императора Вильгельма. Ведь, в таком-то году (он назвал чуть ли не 50-й год), когда я командовал фрегатом таким-то, встретился с ним в кругосветном плавании там-то (кажется он назвал Нагасаки), мне пришлось сделать ему замечание за какую-то формальную оплошность или некорректность... И вот, злопамятный человек, он мне этого не забыл».

Комментарии, кажется излишни, как в аналогичных случаях принято выражаться в газетах.

* * *

Через несколько дней приехал в Париж и преемник Казнакова: это был адмирал Ф.В. Дубасов, известный всей России со времени его морских подвигов в русско-турецкую войну 1877 года, а в особенности высокочтимый в нашем флоте — точный, строгий,

решительный, внушавший к себе в подчиненных и любовь и страх. Это сразу почувствовалось у нас и не только с первого же общего совещания всех членов нашей делегации, но и в Международной комиссии; ибо и там, на первых же заседаниях в его присутствии произошел следующий казус, когда британский адмирал, по поводу какой-то статьи обсуждавшегося проекта регламента, за отсутствием все еще решения об языке следственного производства, произнес довольно пространное свое объяснение на английском языке, адмирал Дубасов немедленно ответил ему не менее длинной аллюкцией — по-русски.

Эффект этой мирной демонстрации оказался чрезвычайным: не только все поняли, что «дни Казнакова» прошли, что русская делегация имеет своим представителем не менее сильную фигуру, чем сэр Луи Бьюмонт^{II}, но и к великой радости французов, вопрос о нашем официальном языке в Следственной комиссии решился в пользу французского языка, традиционного в европейской дипломатии, по крайней мере с XVII века.

* * *

Этот двойной успех русской делегации — внутренний и внешний, который не мог, по адресу англичан, не подлить, как говорится, «*de l'eau dans leur vin*»*, нисколько не отразился, однако, к счастью, на установившихся у нас самых дружеских отношениях с нашими британскими оппонентами. Тут сыграл известную роль другой инцидент, которого неожиданным «виновником» оказался я.

Это произошло в течение все той же первой половины декабря вскоре после того, как по желанию адмирала Дубасова вся делегация перебралась из отеля «Мирабо», поблизости, в маленький семейного типа элегантный отель «*Vendôme*», между площадью того же имени и рю Сэнт Онорэ. По какому-то специальному вопросу, связанному с нашим регламентом и ожидавшимся уже началом допроса свидетелей, адмирал просил меня пойти переговорить с английским юрисконсультom — тут же на *Place Vendôme*** , в отеле «Бристоль», где разместились вся британская делегация. Я застал сэра Эдуарда Фрея за работой, перед большим заваленным бумагами письменным столом, с неизбежным на нем английским *box'om**** для документов. Поговорив с интересным и симпатичным стариком сначала о деле,

* Воду в их вино (*фр.*).

** Вандомская площадь (*фр.*).

*** Сейф (*англ.*).

а потом «о всякой всячине», я собирался уже уходить, когда мой будущий оппонент сказал мне:

«Да, нет. Посидите еще немного. Я пойду тут рядом со мной за моим адмиралом, который будет очень рад присоединиться к нашей беседе...»

И сэр Эдуард медленно направился через свой очень большого размера кабинет к соседнему номеру, отделявшему его от комнат адмирала.

И только, когда он был там уже на пороге я, взглянув на оставленные им на столе документы, сообразил закричать ему вслед: «Сэр Эдуард. Сэр Эдуард. Вы не заперли все Ваши секреты в box».

Надо было видеть эффект этого возгласа. Мой «лорд, главный судья Англии» остановился на пороге, сделал (красный, как рак) два шага к своему столу, но тотчас же воскликнул: «Oh, really! But I'm quite sure of you!»* и вновь повернувшись ко мне спиной, пошел своим черепашьям старческим ходом к своему адмиралу.

А я? Я плотно углубился в свое покойное кресло и против всех элементарных правил не только великого Макиавелли, но и любого маленького служащего британского же Intelligence Service²⁵ остался спокойно ждать возвращения моих двух британских противников. Должен сказать тут в свое оправдание (?!), что я ощущал при этом столь малое желание заглянуть в план готовившейся против нас юридической атаки сэра Эдуарда, как если бы в трамвае или автобусе мне представилась возможность вытащить бу-мажник, неосторожно торчащий из кармана соседа.

Вероятно, это мое ощущение почувствовалось вскоре вошедшими в комнату адмиралом и его советником, ибо наша беседа возобновилась самым непринужденным образом и продолжалась довольно долго.

Обоюдное, оставшееся от нее впечатление, укрепилось еще через два—три дня, когда я, прихворнув тогдашней «инфлюэнцией» неожиданно получил от британского «Агента» О-Бэрна какое-то чудодейственное против нее снадобье, действительно в 24 часа поставившее меня на ноги. И в мою благодарственную по этому поводу записку умному ирландцу (будущему советнику Английского Посольства в Петербурге) я не преминул включить следующее «bon mot»**, разнесшееся потом среди членов нашей Комиссии: «Когда большого лечат англичане вместе с русскими, никакая болезнь против них не устоит...»

* О, правда! Но я полностью доверяю Вам! (англ.)

** Острота (фр.).

На ближайшие дни, в связи с допросом пострадавших «свидетелей», наш политический барометр предвещал однако же бурю, и некоторое успокоение внесло на сей раз, к счастью, не прочитанные мною английские документы в отеле «Бристоль», а совершенно неожиданное разоблачение, первостепенной важности, дошедшее до нас с русской стороны. Оно исходило от пришедшего ко мне знакомиться (без всякого предупреждения) отставленного в то время от должности начальника русской тайной полиции во Франции Петра Ивановича Рачковского.

«Вы вероятно удивлены моим появлением, — сказал он мне, усаживаясь рядом со мною на маленький диванчик в своей скромной комнате в Hôtel Vendôme, — и удивлены тем более, что я ведь сейчас не нахожусь на службе нашего правительства, будучи отставлен за свои разоблачения шарлатана Филиппа. Тем не менее, зная трудное положение, в котором находится наша делегация, — и в частности, Вы, как ее юрисконсульт, в этом темном деле, я счел прямым своим долгом русского человека довести до Вашего сведения, что мне по этому поводу известно и что, к сожалению, от Вас скрывают, отнюдь не англичане, которые заговорят вскоре откровенно, а наши собственные соотечественники: адмирал Рожественский, с одной стороны, и Морское министерство, с другой. И сообщения мои касаются двух разных вопросов. Первый — это характеристика тех свидетелей, которых Ваша делегация собирается выпустить в подтверждение рапортов адмирала Рожественского по нападению на его эскадру двух японских миноносцев. Я не берусь судить, были ли те суда, по которым стрелял Рожественский, японскими миноносцами или нет, но что для нас несомненно, это то, что все «свидетели» выловленные моим бывшим подчиненным Мануйловым из разных английских, голландских и скандинавских трущоб, не стоят, как говорится, ни гроша^{III}. Это вероятно без всякого исключения — вся “публика” той категории, которая готова за деньги (нашего Департамента полиции) показать решительно все, что угодно. Я определенно знаю, что обо всех их англичанами заготовлены их тюремные “послужные списки” и выход их от лица русского правительства закончится для нас лишь громадным скандалом перед Следственной комиссией и перед всем миром. Итак, мой совет: профильтруйте как можно строже всю эту (извините за выраженье) сволочь и выпускайте на сцену только не опороченных морально рыбаков, якобы видевших “что-то” подозрительное в ту темную ночь и в том роковом районе. Не менее важно

мое второе сообщение. Оно касается той роли, которую во всей этой истории играла “Камчатка”».

«Камчатка? — переспросил я в изумлении. — Да при чем тут Камчатка?»

«Я так и думал, — отвечал мне Рачковский, — что Вы лично об этом ничего не знаете. Это тайна — спрятанная пока в портфеле Вашего коллеги генерала Штенгера, а также, конечно, в воспоминаниях наших храбрых моряков, присланных Рождественским в Париж: “Камчатка” — это имя старого транспортного судна, пристегнутого к его эскадре, которое сыграло, как я догадываюсь роль в самом возникновении инцидента на Доггер-Банке».

«Решительно ничего об этом ни от кого не слышал, — заметил я, — и буду особенно Вам благодарен, если Вы просветите меня в этом отношении».

«В вечер 7-го октября, — отвечал Рачковский, — то есть значит, за несколько часов до инцидента, “Камчатка”, заблудившись в тумане, значительно отстала от остальной эскадры и, испуганная своим одиночеством, терроризованная слухами о японских засадах по всему ее пути и наконец сильно подбодренная винными парами своего храброго командира Степанова и его экипажа^{IV} встречала пальбой каждое судно, попадавшееся им на этой большой морской дороге. В результате — ряд поврежденных торговых судов разных национальностей (к счастью без человеческих жертв), которые “Камчатка” принимала за нападающих японцев... Потерпевшие были все вознаграждены “под шумок” нашим Морским министерством и это англичанам сделалось, конечно, известным. Но для главного инцидента интересно здесь то, что Степанов без всякого сомнения доносил о своих мнимых японцах Рождественскому беспроволочным телеграфом, а тот, доведенный этим, очевидно, до нервного состояния, с своей стороны обстрелял первые попавшиеся “подозрительные” суда, оставшиеся неизвестными и вероятно никогда японскими не бывшие...»

Мне оставалось только сердечно поблагодарить Рачковского и немедленно доложить все адмиралу Дубасову.

Адмирал всем этим был естественно «изведен» до крайности, и к допросу были немедленно привлечены генерал Штенгер и капитан Кладо. Приводя с оправдание своей скрытности категорическое приказание их непосредственного начальства (морского министра и адмирала Рождественского) никому ничего не говорить об инциденте с «Камчаткой» они теперь могли только подтвердить и дополнить разоблачения Рачковского. Оказалось, с одной стороны, что Морское министерство действительно принуждено было возместить разным нейтральным судовладельцам убытки, поне-

сенные ими при пальбе «Камчатки», а с другой, открылась и прямая причинная связь между этим инцидентом и «японскими миноносцами» на Доггер-Банке. Капитан Кладо, принадлежавший к штабу головного броненосца «Суворов», рассказал, как адмирал Рожественский, обеспокоенный беспроволочными донесениями Степанова (последнее из которых заявляло, что над ними появились уже японские аэропланы), приказал своему штабу вычислить, когда приблизительно японцы, напавшие на «Камчатку» около 9 часов вечера накануне (т.е. 7-го октября) обнаружив, что это только плохое судно, отставшее от эскадры, повернут к югу, догонят и обгонят эту последнюю для атаки на головной броненосец; ответ был «между 1 и 2 часами ночи». И вот, по фатальному совпадению, как раз в половине второго ночи эскадра очутилась в районе большой рыбацкой флотилии, за судами которой в тумане показались два несомненных военных судна. Остальное уже понятно, но что это за суда, наши моряки — в противоположность донесениям Рожественского, утверждать не брались...

Запас наших сведений о Гульской истории, таким образом, значительно пополнился, и с этим запасом мы должны были через два—три дня явиться на самое судоговорение и допрос пострадавших рыбаков. Но перед этим, согласно регламенту, должен был еще произойти между обеими делегациями обмен списками лиц, которых они представят в качестве свидетелей, — сначала со стороны обвинения, а потом со стороны защиты.

«Ну, Михаил Александрович, — сказал мне адмирал Дубасов перед нашим выездом на это предварительное заседание, — чувствую я, что англичане первыми выставят против нас как раз свидетелей скандала с «Камчаткой», чтобы сразу же публично осрамить наш флот и показать в какой атмосфере происходил Доггер-Банкский инцидент. Но это для нас совершенно недопустимо и это уже специально Ваше дело, как юриста, каким-нибудь «фортелем» отвести этих неприятных свидетелей».

Адмирал оказался прав, ибо мы сразу увидели, что длинный британский список свидетелей возглавлялся несколькими скандинавскими моряками, пожелавшими очевидно после получения вознаграждения в Петербурге, получить нечто и из Лондона, — за свои показания о «Камчатке», имя которой так рядом с ними в этом списке и фигурировало.

И вот, произошла в Комиссии следующая памятная сцена. Председательствующий адмирал Фурнье заявляет:

«Наконец мы дошли до допроса свидетелей. Надеюсь, что с обеих спорящих сторон (*parties en litige*) возражений против обоих представленных списков не окажется, и что таким образом уже на

завтрашний день мы можем назначить свое первое публичное заседание с их допросом. Итак (обращаясь к английскому юрисконсульту-ассессору), что Вы скажете по поводу русского списка?» (В нем помимо наших моряков фигурировали так же, как мне помнится, два «честных норвежца»)^V.

«Мы не возражаем против русского списка», — отвечает сэр Эдуард Фрей.

«А Вы относительно английского списка?» — обращается ко мне адмирал Фурнье.

«Я должен, к сожалению, сделать по его поводу, — отвечал я, — существенную оговорку, — а именно просить об отводе всех свидетелей неанглийской национальности».

«Это почему?» — с неожиданной для его старческого возраста резкостью и весь вспыхнув, как тогда в его кабинете, спрашивает меня лорд-судья Великобританского Королевства.

«Да потому, что мы призваны здесь расследовать инцидент на Доггер-Банке с группой военных судов адмирала Рожественского, среди которых никакой “Камчатки” не было».

«Но Вы должны же знать, что это судно входило в состав его эскадры, сильно от нее отстало в ту ночь и оказалось виновником в целом ряде недопустимых случаев стрельбы по нейтральным торговым судам, — с чего и началось все прискорбное происшествие на Доггер-Банке».

«Наша делегация об этих случаях ничего не знает, — принужден я был солгать “по долгу службы”. — Когда же и где все это происходило?»

«Это происходило в течение нескольких часов вечером 7-го октября в таком-то и таком-то районе Северного моря, к северу от Доггер-Банки...»

«Благодарю Вас, сэр Эдуард, за разъяснения. Но отсюда следует, что, даже если бы мы были осведомлены об этом деле, то не могли бы им сейчас заняться: по конвенции, заключенной между нашими обоими правительствами 25 ноября сего года, Международная следственная комиссия призвана расследовать совершенно точно, дело о столкновении, имевшем место на Доггер-Банке, в ночь с 8 на 9 октября между эскадрой адмирала Рожественского с флотилией английских рыбаков из Гулля, а не какой-то нам неизвестный инцидент происшедший по Вашему утверждению вечером предыдущего дня, не на Доггер-Банке и у старого транспортного судна. Поэтому сторонам ясно, что не об этом последнем говорит означенная конвенция. Вот почему, по моему мнению, инцидентом с “Камчаткой” Следственная комиссия заниматься не имеет права, заниматься им и не будет».

«Что Вы на все это скажете и как собственно гласит конвенция, на которую ссылается русский юрисконсульт-ассессор?» — так обратился теперь английский адмирал к своему «агенту», как адвокату-представителю Британского Правительства в этом процессе.

«Да, барон Таубе, формально совершенно прав, — отвечал О-Бэрн. Этот акт действительно точно определяет предмет нашего расследования именно так, как это только что сказал русский юрисконсульт-ассессор. Но, тем не менее, мы не можем отказать от допроса свидетелей по существу инцидентов с “Камчаткой”, ибо, с нашей точки зрения, эти инциденты составляют интегральную часть того общего дела, которое мы призваны расследовать по той же конвенции 25 ноября».

«Другими словами, — возразил я, — Вы возбуждаете теперь с юридической точки зрения, так называемый “предварительный вопрос” (*question préalable*), который заключается в том, составляет ли действительно дело “Камчатки” интегральную часть дела Доггер-Банки или нет. Это, конечно, новый вопрос, но мы ответить на него сейчас ничего не можем и должны были бы собрать соответствующие материалы в нашем Морском министерстве».

«Вопрос теперь достаточно ясен, — прервал меня английский адмирал. — Русские правы по форме, мы, по нашему мнению, по существу, от рассмотрения которого наши оппоненты, если я верно их понимаю, вовсе не отказываются, но с этим важным делом еще не знакомы. Итак, предлагаю прервать теперь заседание нашей Комиссии, чтобы дать возможность русской делегации разобратся в Петербурге и с этим делом “Камчатки”. Кстати наступит скоро и рождественский перерыв наших занятий; мы разъедемся на Christmas* на несколько дней раньше, и к допросу свидетелей приступим уже после дня Нового года».

С этим Комиссия единогласно согласилась — к великому удовольствию адмирала Дубасова и без видимого внешнего неудовольствия английской делегации. Но ее подлинные чувства вылились на другой же день, в форме язвительной статьи (открытой для любых закулисных влияний) газеты «*Matin*»**, которая разразилась заметкой приблизительно такого содержания:

«В кругах близких к заседающей сейчас в Париже Международной Следственной комиссии чрезвычайно смущены неожиданным вынужденным перерывом ее занятий и отсрочкой ожидавшегося на днях допроса пострадавших от стрельбы эскадры адмирала Рожественского. Виновник перерыва — новый представитель, не-

* Рождество (*англ.*).

** «Утро» (*фр.*).

известно почему назначенный в данном случае вместо старого всемирно-известного профессора Мартенса, обычно являвшегося от России на больших международных съездах, при участии которого и не случился бы этот досадный перерыв, вызванный формальным предложением желающего выказать свое усердие молодого профессора. Надо надеяться, что в Новом году мы вновь сможем здесь приветствовать тайного советника Мартенса...»

«Эта статья, — сказал мне на прощанье А.И. Нелидов, — лучшая реклама для Вашей здешней работы».

«А наше Морское министерство, — прибавил адмирал Дубасов, приехавший проститься с русским послом вместе со мною, — будет особенно Вам благодарно за то, что Вы спасли русский флот от угрожавшего ему публичного скандала в самом начале нашего столь сложного дела».

Примечания

^I Мое первое донесение графу Ламздорфу из Парижа, в котором я упоминал и об этом нашем первом «инциденте» был от 10 декабря 1904 года.

^{II} Между прочим, когда начали приближаться заседания Комиссии, английский адмирал с его округлыми чертами лица, коротко подстриженной седой бородой и общей довольно полной фигурой в публике обыкновенно принимали за русского, а адмирала Дубасова, высокого, стройного, худого, с прямыми резкими чертами лица — за англичанина (мать Федора Васильевича и была, если не ошибаюсь, англичанкой).

^{III} Рассмотрение и критика предварительных письменных показаний таких добровольных свидетелей привлеченных к делу главным образом Мануйловым была поручена адмиралом А.Н. Мандельштаму, который принялся за это очень усердно, но слишком доверчиво, особенно желая собрать наиболее обильный материал в подтверждение тезиса адмирала Рожественского. Но Ф.В. Дубасов отнесся к большинству этих добровольцев (в согласии с Рачковским) совершенно отрицательно и из всех них, если не ошибаюсь, были вызваны в Париж человека три—четыре, а из этих последних фактически представился перед Комиссией только один «честный норвежец», упоминаемый в следующей главе моих воспоминаний. Надо добавить, что во избежание подозрений в подкупе, в наших правительственных вызовах таких свидетелей в Париж ясно говорилось, что кроме оплаты их проезда и пребывания во Франции, они ни на какое вознаграждение рассчитывать не должны.

^{IV} Этот капитан Степанов славился, как очень способный и храбрый офицер. Если не ошибаюсь, он погиб в Цусимском бою.

^V «Честный норвежец» в конце концов, после окончания Гульского дела в Париже приехал в Петербург с требованием особого вознаграждения за свое показание, которое, по его мнению, решило все в благоприятном для русских смысле. Ему напомнили эти объявления Русского Правительства о таких свидетелях (см. выше прим. 4) и полицейским порядком выпроводили его на родину.

Глава IV

Гульский инцидент (III). Следственное дело распутывается (январь—февраль 1905 г.)

Пребывание адмирала Дубасова и его юрисконсульта-ассессора в Петербурге, продолжавшееся до конца декабря старого стиля, не ознаменовалось, конечно, их розысками об инцидентах, происшедших с «Камчаткой», ибо это достаточно уже нами выяснилось из раскрывшегося уже в Париже секретного портфеля генерала Штенгера, а личным докладом адмирала Дубасова государю о положении дела с исходатайствованием посылки Рождественскому телеграфного приказа о немедленной высылке в Париж с нарочным, судовых журнальных книг главных броненосцев его эскадры. Только их записи (говорил Ф.В. Дубасов) выведут нас, наконец, из того тумана, в котором он запутался сначала сам, а потом запутал и нас всех.

И действительно этот туман рассеялся вскоре после возвращения нашего в Париж, ибо в течение января 1905 года нас обрадовали три приятных сюрприза, один вслед за другим быстро продвинувшие русскую делегацию к благоприятному выходу из всего этого запутанного дела.

Первый из этих «сюрпризов», именно и состоял из ознакомления с упомянутыми судовыми журналами с «Суворова» и других броненосцев, которые, как известно, лучше всяких живых свидетелей документально живописуют жизнь корабля — по дням, часам, а иногда (как и в данном случае) даже по минутам. Привезены они были в Париж вследствие приказа государя (конечно мало приятного адмиралу Рождественскому), лейтенантом Вальрондом прямо из Носи-Бея (в Африке), где тогда стояла для «передышки» русская тихоокеанская эскадра.

Итак, вот что, происшедшее в ночь с 7 на 8 октября 1904 года, прочитал из этих журналов адмирал Дубасов в присутствии В.А. Штенгера, А.В. Неклюдова и моем:

(Дальнейшие «часы и минуты» передаю здесь сейчас конечно, только приблизительно, но их взаимоотношения и вся общая картина затем воспроизводится совершенно точно)¹.

1 ч. 35 мин. ночи. Эскадра входит в пространство моря, занятое многочисленной флотилией рыбацких судов.

1 ч. 40 мин. Прямо, по прямой линии хода эскадры в тумане показываются две темных фигуры каких-то военных судов.

1 ч. 41 мин. Приказ открыть по ним огонь из передовых орудий.

1 ч. 43 мин. Эти военные корабли дают свои показательные огни: это — крейсера «Аврора» и «Дмитрий Донской».

1 ч. 44 мин. Приказ прекратить огонь.

Трудно описать выражение лица адмирала Дубасова при чтении этих исторических строк — возмущение, сожаление, стыд за своего коллегу, столь же высокого ранга, но и удовольствие, и даже радость, что «туман» наконец для нас рассеялся: произошла ошибка, оптический обман, всегда возможный в море в туманное осеннее время, но, вместе с тем далее уже служебный обман, из ложного стыда, своих же соратников, своего министра, своего государя: японские атакующие эскадру миноносцы оказались своими собственными кораблями, запоздавшие в пути из-за того же тумана и от стрельбы Рождественского потерпевшие не менее английских рыбаков, — что осталось секретным на много, много лет¹¹.

«Как все это странно, — резюмировал Ф.В. Дубасов вытекающее из всего этого положение для нашего дела, — мы, как и Рождественский не можем раскрыть эту тайну (спасающую его однако от обвинения стрельбы по рыбакам), а англичане, которые наверно обо всем этом осведомлены, тоже будут об этом молчать, ибо дело русского адмирала стреляющего по русским судам в открытом море, англичан не касается, никакому международному расследованию, очевидно, не подлежит, а вопрос о вознаграждении случайно при этом пострадавших был разрешен, ведь, личным вмешательством государя тотчас после первого же известия об этом инциденте».

С этим разрешением Доггер-Банкской тайны — но и с весьма смутными чувствами из него вытекавшими — мы должны были теперь открыть заседание Комиссии с допросом пресловутых «свидетелей».

* * *

С этими новыми впечатлениями русской делегации предстояло теперь принять вновь участие в возобновлявшихся после праздничного перерыва заседаниях Следственной комиссии — уже публичных, в большом зале здания Министерства иностранных дел, и это, наконец, для допроса свидетелей. Но какой же было нам впредь держаться тактики?

Неужели старой, опять начав препирательства с англичанами о представленном ими списке свидетелей с отводом тех, которые должны были говорить о «Камчатке». Были соображения и «за» и «против»... И вот тут неожиданно опять получился для нас приятный сюрприз: вернувшийся из Лондона британский «Агент», в частном письме, после разных мелочей, так сказать по дамскому обычаю, в постскриптуме извещал меня, что Foreign Office разрешил ему не препираться более с нами об этом их списке свидетелей, а скорее вести дело к полюбовной приемлемой для обеих сторон развязке.

«Значит ли это, — спросил я его при встрече, — что вы вовсе отказываетесь от показаний этих свидетелей?»

«Да, не знаю... Пока мы хотим перевести их в самый конец нашего списка».

«Ну, что ж! Это уже вполне мыслимый компромисс, ибо к концу этих допросов ваших многочисленных рыбаков, эти свидетели успеют всем достаточно надоесть, а “скандинавов” никто больше слушать не станет. Но, все-таки, не гарантирую Вам, что если они появятся, наш Агент не покинет зала заседания, заявив, что это дело Гульевского инцидента не касается, и давно ликвидировано русскими властями непосредственным удовлетворением пострадавших...»

Мое предсказание о быстром испарении интереса ко всем этим свидетелям, оправдалось скорее, чем можно было ожидать. Надоели они всем в зале: постепенно засыпали все — адмиралы, юрисконсулы, адвокаты и любопытствующие слушатели из первоначально многочисленной публики, неизменных, жаждущих всяких сенсаций представителей прессы. Окончательно проснулись все эти слушатели только раз за много дней, ушедших на эти нудные показания. Это случилось от громкого, почти истерического выкрика главного судьи Англии, когда он вдруг вскочив с места (и побагровев в третий раз на моих глазах за время нашего знакомства), закричал на очередного вышедшего давать свои показания рыбака: «The Bible! The Bible!»*.

Оказалось, что этот единственный свидетель из столь многих других, забыл или не захотел, начиная свои показания, дотронуться до лежавшего перед ним на свидетельском столике внушительного фолианта Библии, — в знак того, что он свое показание делает под присягой...

И в самом деле — как было не задремать от этих в течение многих дней с точностью часового механизма бесконечно повторявшихся в тех же выражениях монотонных сцен: появляется очередной свидетель (несколько первых слегка прихрамывали или держали руку на перевязи) — и глава их адвокатов лорд Десорт,

* Библия! Библия! (англ.)

приглашает его дать свое показание. Далее шел длинный давно всем известный рассказ о появлении русской эскадры в районе обычной ловли рыбы на Доггер-Банке, ее стрельбе и их потерях. И затем столь же неизменно повторялся обмен репликами:

Лорд Десорт: «Did you see any strange craft among your trawlers?» (Видели ли вы какое-нибудь постороннее судно среди ваших рыбачьих судов?)

Свидетель (энергично): «No, Sir!»*.

Лорд Десорт: «I thank you»**.

Свидетель: глубокий поклон и выход из залы.

И все это всем до такой степени надоело, что к концу показаний свидетелей с английской стороны зал заседания представлял из себя «аравийскую пустыню», и только в первом ряду кресел мужественно выдерживала эту тоску почтенная супруга моего юридического оппонента леди Фрей, которая в своем платье, близко походившем на кринолины первых лет правления блаженной памяти королевы Виктории и в зеленой вуали на шляпке того же времени, живо напоминала юмористические фигурки из незабвенного «Punch'a»²⁶.

Вот почему эта снотворная обстановка решительно изгнала из моей памяти, давали ли в конце концов или нет свои показания свидетели инцидентов с «Камчаткой».

Кажется мне сейчас, что нет, а если да, то эти показания прошли совершенно незаметно и никакого впечатления не произвели, «что и требовалось доказать»...

Интерес к делу повысился, и зал вновь наполнился слушателями в тот день, на который был назначен допрос наших свидетелей моряков. Но это удовольствие длилось недолго: один за другим Кладо, Эллис, Шрамченко, Вальронд, громко, кратко, точно и холодно повторили показания о весьма кратковременной стрельбе эскадры по двум подозрительным военным судам, неожиданно для них выплывшим из густого тумана; по траулерам они, конечно, не стреляли, а что это были за подозрительные суда, в частности, не были ли они японскими миноносцами, они не знают, а потому никакого предположения об этом строить не могут.

Что касается «честного норвежца», как мы его прозвали (единственного из профильтрованных А.Н. Мандельштамом моряков, вызывавшихся сделать показания «в пользу русских»), то его свидетельство было скорее комично и, во всяком случае, тоже никакого впечатления не произвело. Незадолго до инцидента на Доггер-Бан-

* Нет, сэръ! (англ.)

** Благодарю Вас (англ.).

ке он в том же районе увидел издали, все в том же тумане, какой-то «блестящий пояс» в небе по его выражению (*une bande lumineuse*), т.е. очевидно луч прожектора, а так как по удостоверению всех прибрежных государств Северного моря никаких их военных судов в ту ночь там не находилось, то прожектор этот так же очевидно (по мнению норвежца) исходил из японского миноносца...

Этим кончился допрос свидетелей — *une queue de poisson**, — как говорят французы. Абсолютно ясно стало только одно: в противоположность первоначальному английскому тезису, никто по гульским рыбакам не стрелял, ибо иначе от всей их флотилии вероятно остались бы одни щепки.

* * *

Все это было для нас не так плохо, а тут еще подоспел и третий благоприятный для нас сюрприз: приглашение русской делегации на завтрак к министру иностранных дел Делькассэ. А ведь в дипломатическом мире давно известно, что если в разгар трудной международной конференции является приглашение к завтраку у министра иностранных дел или к чаю у премьер-министра или к представлению главе государства, даже без чая и без еды, то это означает, что, по мнению местного правительства, конференция близится к благоприятному концу. Так оно оказалось и в данном случае.

Завтрак у Делькассэ был устроен, конечно, «по первому классу» в кулинарном отношении: не было недостатка ни «*pointes d'asperges***», ни в «*truffles sous serviette****», ни в изрядном количестве легкой и приятной «*tisanes de champagne*****», ибо какой гастроном пьет доделанное шампанское уже за завтраком. Но эти тончайшие произведения французской кухни только замедляли приближение «психологического момента», когда на пиршествах этого рода дозволяется уже начать говорить о «делах»: по французскому выражению момент «*entre la poire et le fromage******». И вот, так как после этой «груши» «сыр» не появлялся довольно долго, Делькассэ имел достаточно времени чтобы, поворачиваясь, то к адмиралу Дубасову (сидевшему рядом с ним по правую руку), то ко мне (сидевшему рядом с ним по левую руку), изложить нам свой взгляд на политические прогнозы переживаемого времени и, в частности, нашего Гульского дела.

* Ничем (*фр.*).

** Верхушки спаржи (*фр.*).

*** Трюфели под салфеткой (*фр.*).

**** Легкое сладкое шампанское (*фр.*).

***** Под конец обеда (букв.: между грушей и сыром) (*фр.*).

Вот, вероятно, к чему сводились его откровенные размышления, которые он просил нас передать графу Ламздорфу.

«Я особенно рад, сказал он, что это досадное Гульское дело, простое недоразумение, вызванное густым туманом в ту несчастную ночь, — благополучно заканчивается, как теперь всем ясно, духом соглашения (*esprit de conciliation*), одинаково искусно проявленным русской и британской делегациями. Ведь, в рамках широкой политической акции, “*entente cordiale*”, начатой мною с Англией, политические недоразумения между ней и Россией — нашей союзницей — являются серьезной помехой моим планам²⁷. И наоборот: через Францию сближаясь постепенно с Англией — сейчас, к сожалению, союзницей Японии²⁸, вследствие Ваших ошибок с князем Ито^{III}, Россия достигнет, как я надеюсь, и благополучного конца этой неудачно для Вас протекающей войны с Японией».

В ожидании (еще очень далекого) «благополучного конца» нашей войны с Японией, такая речь французского министра иностранных дел означала, во всяком случае, благополучное разрешение Гульского дела.

* * *

Достаточно скоро наступил день решительного, последнего заседания Комиссии адмиралов, сопровождавших их юрисконсультов и агентов.

Накануне адмирал Дубасов хотел иметь обмен мнений с глазу на глаз с адмиралом Фурнье.

«Вы знаете, — сказал он мне, — я хочу без всяких дипломатических тонкостей, по-военному, поставить ему ряд вопросов, чтобы завтра для нас не случилось никаких сюрпризов — на этот раз, может быть, неприятных. И я намерен его предупредить, что малейшая фраза, похожая на этот «*blâme*» (порицание) по адресу России — понятия, с которыми оперировали англичане в начале нашего дела — заставит меня покинуть зал заседания и объявить, что я уезжаю из Парижа, сорвав все следственное производство до его действительного конца».

«Ну, Федор Васильевич, — сказал я, — до этого дело, конечно, не дойдет, иначе завтрак у Делькассэ был бы невыносим».

Более подробно адмирал со мной обо всем этом не говорил и в частности мне не сообщил, а я из деликатности его об этом не спрашивал, касался ли он в разговоре с Фурнье деликатного вопроса о стрельбе адмирала Рожественского по «Дмитрию Донскому» и «Авроре».

* Сердечное согласие (*фр.*).

Как бы там ни было, все обошлось благополучно, и, как сейчас будет видно, адмирал Фурнье на этом последнем нашем заседании а *huis clos** показал себя настоящим дипломатом.

Ибо вот, вкратце, что на нем происходило.

Для начала произошла юридическая комедия обратного превращения якобы «подкомиссии» в пленарную «комиссию» под председательством адмирала барона Шпауна.

Австрийский уже довольно дряхлый «морской волк», чуждый всяких юридических тонкостей, счел своим долгом сейчас же «взять быка за рога» и сразу поставил на разрешение комиссии (т.е. для этих вопросов только пять адмиралов) два основных вопроса в первоначальном английском понимании дела:

1) Была ли стрельба русской эскадры по английским рыбацким судам?

2) Были ли на месте происшествия японские миноносцы?

На оба вопроса адмиралы единогласно ответили отрицательно (с той разницей, что по второму адмирал Дубасов, как близкий коллега Рожеественского, воздержался от голосования).

Таким образом, по авторитетному мнению Следственной комиссии адмиралов, никаких японцев при инциденте на Доггер-Банке не было.

Это для нашей делегации, с момента ознакомления с судовыми бумагами броненосцев Рожеественского, никакой тайной не было; но неясно было тут то, что из официального ответа на второй вопрос адмирала Шпауна логически вытекал третий еще вопрос (в том же английском понимании дела): не подлежит ли русский адмирал порицанию за свою неосмотрительную стрельбу по неизвестной цели попадания?

И казалось, что вот-вот вопрос о «*blâme*» будет поставлен на голосование председательствовавшим австрийским адмиралом — и «мой» адмирал, я видел, сидел «как на иголках»...

Но тут в дело вмешался адмирал Фурнье.

«Итак, — сказал он, — никаких японских миноносцев в этом деле не было. Что же это обозначает для нашего окончательного решения? Если командующий русской тихоокеанской эскадрой стрелял не по гульским рыбакам (как мы только что решили) и не по японским миноносцам, и не по другим каким-либо военным или торговым судам других государств, которых в районе Доггер-Банки также не было, то очевидно надо остановиться на следующей альтернативе: либо тут был какой-то оптический обман, своего рода фата-моргана, всегда возможная с любым из нас в такую

* При закрытых дверях (*фр.*).

туманную ночь, либо... (и тут Фурнье несколько заикнулся) он стрелял по собственным русским судам».

«Как?» — воскликнули одновременно австриец и американец.

«Да, да, по собственным судам, — повторил Фурнье. — Это и были неизвестные военные корабли, вероятно пострадавшие от его стрельбы, — прибавил он, мельком взглянув на английского адмирала, которому очевидно также была известна истина^{IV}. — Но если это так, то само собою разумеется, что вопрос о русском адмирале, стреляющем по русским судам в открытом море, никаким суждениям никакой международной комиссии не подлежит. Вопрос о порицании ему просто выпадает из нашей компетенции. Его может решить единственное лицо в мире: Император Всероссийский. Согласны ли вы со мною, уважаемые коллеги?»

Последовало минутное молчание. Но, как известно со времен старых корифеев римского права: «Qui tacit cum loqui debuit et potuit, consentire videtur» («Кто молчит, когда должен и может говорить, тот, по-видимому, соглашается»).

«Итак, и этот вопрос наш разрешен, — констатировал французский адмирал, — и все дело об инциденте на Доггер-Банке самым для всех примирительным образом и безобидным для русских».

«Если это так, то остается условиться только еще об одной так сказать технической подробности того официального “rapport des amiraux”^{*}, которого ожидают командировавшие нас в Париж правительства. Ведь после того, что мы только что решили, было бы нелогично допустить в этом заключительном нашем рапорте что-либо обидное для адмирала Рожественского и русского флота; но, вместе с тем, невозможно просто вычеркнуть из него все, что тут было сказано в течение всего производственного дела и что фактически уже фигурирует в наших протоколах., например, разоблачений об инциденте с “Камчаткой”, — прибавил он тихим голосом. — Но для согласования этих двух противоположных заданий для нашей комиссии имеется способ, довольно известный в дипломатической практике многих государств. Мы напечатаем две параллельные версии нашего доклада: одну — несколько сокращенную, как говорили у нас во Франции в старину “ad usum Delphini”^{**}, в котором все деликатные подробности наших прений будут выпущены, это для публики и слишком всюду любопытствующей прессы. Другая версия, полная, напечатанная в самом ограниченном числе экземпляров, — для наших правительств и членов нашей комиссии: в ней страницы первой версии будут, где

* Рапорт адмиралов (фр.).

** Подправленный, выхолощенный (букв.: для дофина) (лат.).

нужно, дублированы, т.е. скажем, за “общей” страницей 10-й в секретной версии нашего доклада будет еще следовать страница 10 bis, предназначенная только для “посвященных” и т.д.»^V

На этот уже чисто технический «трюк» также последовало общее согласие, и наше последнее историческое заседание, разрешившее для нас столь благополучно все это Гульское дело, было закрыто под гром взаимных поздравлений, приветствий и пожеланий, как заканчивается каждый благопристойный международный съезд.

Через несколько дней, когда были приготовлены пять экземпляров «Рапорта пяти адмиралов», эти члены Международной следственной комиссии собрались еще для его подписания и этим мирным торжеством закончилось все производство этого дела. Смысл «Рапорта» был, согласно сказанному выше, самый для нас благоприятный: весь инцидент на Доггер-Банке не более, как прискорбная случайность, всегда мыслимая в военное время, при данных условиях, — то есть стрельба в сильном тумане по цели, оставшейся невыясненной с некоторым ущербом для нескольких английских рыбацких судов, оказавшихся по прямой линии направления этих выстрелов; ущерб этот, по справедливой оценке Британского Правительства и должен быть возмещен пострадавшим рыбакам Русским Правительством.

Этот единственный практический результат всего следствия привел к весьма умеренному счету, предьявленному нашему правительству для уплаты; вознаграждение было, конечно, немедленно уплачено, и этим весь инцидент был окончательно ликвидирован. Последние мои доклады о нем из Парижа министру иностранных дел были мною написаны 10 февраля, а заключительный общий доклад был сделан уже в Петербурге 10 марта. Теоретически говоря, другим его результатом с русской стороны мог бы явиться вопрос об ответственности адмирала Рожественского уже не перед англичанами, а перед своим собственным правительством. Тяжелое, падавшее на него обвинение, которое адмирал Дубасов в своем личном докладе и формулировал перед государем, заключалось в том, что он-то ведь, в конце концов, по своим судам по ошибке стрелял, и, тем не менее, из ложного стыда не только это скрыл, но и систематически, в течение нескольких месяцев своей выдумкой об японских миноносцах вводил в заблуждение и морского министра и самого государя, не говоря уже о всем русском «общественном мнении»^{VI}. Ведь, это последнее, крайне возбужденное против Англии за ее мнимое предательское сокрытие японских миноносцев среди рыбацких судов, оно чуть не довело нас до войны с Англией, возмущенной со своей стороны, мнимой стрельбой русской эскадры по мирным рыбакам. Но Николай II, вполне основательно понял, что

не время возбуждать вопрос об ответственности адмирала ведущего эскадру на тяжелый бой с превосходными японскими силами... и, как вскоре оказалось, на гибель при Цусиме. Какие международные политические последствия имела вся эта история, читатель увидит из следующей главы этих воспоминаний.

Примечания

^I Эти часы и минуты воспроизводятся здесь так, как 26 лет тому назад, лучше помня их, чем теперь, я напечатал это в своей работе «La politique russe d'avant-guerre et la fin de l'Empire des Tsars» (Paris, 1928. P. 40), но и тогда с той же оговоркой, как в вышеуказанном тексте. Совершенно точная запись их была мною в свое время сделана по подлинным судовым журналам, о которых здесь идет речь, и осталась в большом томе моих материалов и записей по Гульскому делу, которые были переданы мною в 1917 году на хранение в Архив Министерства иностранных дел. Выписки из подлинников всего моего личного дипломатического архива от 5 мая 1917 года у меня сохранились. См. Приложение IV.

^{II} Как это ни странно, легенда о японских миноносцах на Доггер-Банке, подтвержденная по тем или другим соображениям людьми абсолютно неизвестными с работой Следственной комиссии и с ее официальным «Рапортом» (подписанным и адмиралом Дубасовым), продолжает существовать даже и до наших дней. Еще не так давно автору приходилось разочаровывать в этом отношении таких «патриотов» (и особенно патриотов) своего отечества.

^{III} Союзный договор Японии с Англией был заключен в 1902 году.

^{IV} Сверх упоминаемых ниже (прим. 6) неосторожных переговоров адмирала Рожественского с передовым эшеломом его эскадры о понесенных ею потерях от его стрельбы, которые были записаны английскими береговыми станциями беспроволочного телеграфа.

^V Как все члены Следственной комиссии, автор этих строк получил оба экземпляра «Рапорта 5 адмиралов», общий и секретный. Они были включены в мои материалы о Гульском деле, упомянутые выше в Приложении I и находились в одном из 14 картонов, сданных мною в мае 1917 года в Архив Министерства иностранных дел.

^{VI} Эта ответственность — как и понятный конфуз — адмирала углублялась еще тем, что как оказалось, его стрельба нанесла кораблям его передового эшелона не меньший ущерб и материальный и моральный, чем гульским рыбакам: кроме разных повреждений на «Дмитрии Донском» и «Авроре» на одном из них был ранен лоцман, сопровождавший эскадру. А адмирал Рожественский имел даже неосторожность спрашивать его об этом по беспроволочному телеграфу во время перехода по Ла-Маншу, близ английских приемников, которые и записывали, конечно, эти адмиральские разговоры и таким образом в Лондоне обо всем этом знали то, что он скрывал от Петербурга.

Очевидно то же было и с подробным допросом с увольнением с этого эшелона за какую-то провинность повара, который на одной из первых остановок на африканском берегу, был там ссажен с корабля и остался, конечно, озлобленным свидетелем всего происшедшего в ту роковую ночь.

Глава V

На перепутье к новому государственному строю. Сумбур внутренней и внешней политики (1905—1906 гг.)

По возвращении в Петербург в конце февраля 1905 года, я был, конечно, еще долгое время принужден оставаться под парижскими впечатлениями. Атмосфера Министерства иностранных дел была еще, так сказать, насыщена редким для нас в те годы удовольствием читать газетные дифирамбы всей его работе по Гульскому делу, и мне приходилось постоянно рассказывать любопытствующим коллегам, родным и знакомым о разных его деталях. В частности некоторым любителям государственных тайн пришлось также повествовать о любопытном дошедшем до меня тогда деле по тому же Морскому министерству, которое, не будучи в связи с Международной следственной комиссией, могло бы, при неблагоприятном его развитии, также привести нас еще к какому-нибудь «Гульскому инциденту»; но, к счастью, заняв нас всего в течение двух—трех дней, оно не получило дальнейшего движения и ввремя было «сдано в архив».

Это был вопрос о подкреплении тихоокеанской эскадры двумя полностью оборудованными крейсерами, которые одно из южноамериканских правительств (если не ошибаюсь Аргентина) будто бы соглашалось продать нашему Морскому министерству. Дело это стоит здесь кратко упомянуть, хотя бы из-за той комической, чтобы не сказать прямо шутовской формы, в которой оно доплыло до меня в Париже и потом неизменно приводило в восторг моих слушателей в Петербурге.

В один прекрасный день (в январе или феврале 1905 года) известный уже читателю П.И. Рачковский — тогда уже восстановленный в своей бывшей должности — доверительно, но официально, по поручению из Петербурга, уведомил меня, что некто господин Valbert (или что-то в этом роде), приехавший по некоему

секретному делу из Петербурга, обратится ко мне с просьбой выяснить ему некую международно-правовую деталь этого дела; имея основания скрывать свою самоличность и свою миссию, он не придет ко мне в мой отель Vendôme, а позволит себе вызвать меня в свой автомобиль и отвезет меня для совещания в какую-то своего рода конспиративную квартиру. На все это я должен был, дескать, пойти без всякого опасения, ибо это действительно официальное, данное ему поручение, а не чья-то попытка на время (или навсегда) изъять меня из Гулььского дела.

И вот, как-то в часы перерыва наших занятий — на Кэ д'Орсэ, между двенадцатью и часом, за мною заезжает таинственный автомобиль, в котором со мной знакомится господин Valbert — и мы начинаем кружить по Парижу... очевидно для того, чтобы замести следы, подумал я. Однако, к моему удивлению, эта поездка ограничилась довольно хорошо известным мне центром Парижа и закончилась на Boulevard des Italiens* перед неким шикарным рестораном, ни на какую «конспиративную квартиру» не похожим. Там нас ожидал уже заказанный отдельный кабинет и был сервирован великолепный завтрак, в течение которого все мои старания раскрыть анонимность господина Valbert (а разговор наш перешел уже на русский язык) или заговорить о деле окончились неудачей; господин Вальберт полагал, что портить гастрономическое удовольствие скучными казенными делами никогда не следует.

Однако всему бывает конец, и по окончании завтрака мой амфитрион²⁹ увлек меня к ожидавшему его все время автомобилю, который снова стал делать свои зигзаги по центру Парижа. Кончилась эта поездка (к моему повторному изумлению) в двух шагах от моего же отеля Vendôme, тут же на рю Castiglione, перед отелем «Континенталь». И вот — это был третий и самый сильный «номер» этого приключения — господин Valbert на свой вопрос консьержу громадного отеля, нет ли для него писем, получает в ответ: «Il n'y a rien Monsieur l'amiral**».

«Ах, черт, — воскликнул тут господин Valbert, — мое инкогнито раскрыто».

И немудрено, прибавим сейчас же: ибо как потом оказалось, мнимый господин Valbert не нашел ничего лучшего, как для своего секретного поручения остановиться в гостинице, в которой всегда останавливался в Париже, только предварительно сбрав свою русскую бороду; но консьерж из отеля и газетные коррес-

* Итальянский бульвар (фр.).

** Ничего нет, господин адмирал (фр.).

понденты бывают хитрее, и в одном из бульварных листков появилась фотография г-на Valbert (без бороды), а рядом с нею изображение его же с бородой в адмиральской форме со всеми его регалиями и с подписью: «L'amiral Abaza»^{*}.

И когда мы поднялись по лифту в его (на этот раз действительно «конспиративную») комнату под небесами, он и раскрыл, наконец, сам в этом смысле свое неудачное инкогнито.

И тут начался, наконец, разговор о порученном ему деле — покупке (как сказано выше) двух крейсеров в Южной Америке, неясность этой комбинации с правовой точки зрения и желательность потому получить от меня консультацию, как сие можно было бы осуществить без риска навлечь неприятности для Русского Правительства, для аргентинцев... и для покупаемых судов, превращая их якобы в русские.

Я обещал адмиралу в спешном порядке написать объяснительную записку по интересовавшему его вопросу и действительно через два—три дня передал ее ему, как вывод из теоретических тогдашних суждений в науке международного права, ибо никакой официальной регистрации¹ этого вопроса в конвенциях наших еще не было.

Смысл же моего ответа заключался в том, что превратить аргентинские корабли в русские конечно можно, предварительно посадив на них русский командный состав и подняв затем на них Андреевский флаг в открытом море, но эта сложная и вообще дорогостоящая операция рискует натолкнуться там же очень скоро на японские миноносцы — уже не «туманные», как на Доггер-Банке, а на самые настоящие — и погибнуть далеко от предположенного пункта соединения с эскадрой адмирала Рождественского. Не знаю под влиянием ли моей записки, или финансовых возражений столь экономного и осторожного министра, как В.Н. Коковцов^{II}, но весь этот русско-аргентинский план был, в конце концов, к счастью оставлен..., а я по этому делу тоже оставлен в покое.

Вероятно и этот странный инцидент моего гульского сиденья в Париже был прибавлен адмиралом Дубасовым к его характеристике моей работы в Париже, когда он, еще до моего возвращения в Петербург, счел нужным посетить министра иностранных дел не с просьбой, а с требованием назначить мне, по этому ведомству, награду, соответствующую реальному значению благополучного окончания Гульского дела, а не узкобюрократическим соображениям Департамента личного состава этого Министерства.

^{*} Адмирал Абаза (*фр.*).

Дело в том, что в ответ на заданный графу Ламздорфу вопрос: «Государь за это дело пожаловал меня своим генерал-адъютантом, а чем вы предполагаете отличить барона Таубе?», — он получил прямо взбесившую его справку (как он сам мне все это рассказывал при встрече): «Барон Таубе, по непонятному нам капризу, все время отказывался от получения очередных наград и вот за все 14 лет своей службы в нашем ведомстве он не получил ни одного ордена, а потому ему будет пожалован орден Станислава 3-й степени...» Реакция Дубасова на это сообщение была столь же острой и энергичной, как это соответствовало всему его характеру:

«Если Вы, — сказал он графу Ламздорфу, — не перескочите для него всех Станиславов и всех Анн, и он не получит минимум Владимира 4-й степени, я буду говорить об этом лично государю, который лучше оценивает нашу парижскую работу, чем вверенное Вам министерство...»

Граф Ламздорф очевидно испугался — и я получил-таки Владимира 4-й степени, вероятно к великому негодованию некоторых чиновников Министерства иностранных дел, тем более, что мой адмирал не ограничился этими своими заботами о возвеличении моей особы: вскоре по его Морскому министерству я получил великолепную золотую «табакерку» с алмазным вензелем Николая II, окаймленным двумя крупными бриллиантами, а в следующем 1906 году я думаю вследствие его же нажима на Министерство народного просвещения, я был назначен уже и ординарным профессором С.-Петербургского университета.

Петербургские отзвуки моей парижской работы на всем этом, очевидно, не закончились. Я с большим интересом мог еще выслушать от графа Ламздорфа не только разные (банальные) комплименты, но, — что было гораздо важнее — и политические выводы, которые он делал из ликвидации всего этого Гульевского дела, принимая от меня мой заключительный рапорт от 10 марта 1905 года:

«Вы знаете, — сказал он мне, — что меня главным образом интересует в благополучном разрешении этой странной и неприятной морской истории и, в частности, в откровенностях Делькассэ во время его устроенного Вам официального завтрака. Это — старания, как автора знаменитого отныне англо-французского “Entente cordiale”³⁰, затянуть Россию в эту политическую комбинацию; он явно желает сделать из нее “une triple Entente”³¹, в про-

* Сердечное согласие (фр.).

** Тройственное согласие (фр.).

тивоположность Бисмарковской “Triple alliance”³¹, Англия—Франция—Россия против Германии—Австрии—Италии. Но я лично — и конечно пока и наш государь — против всяких “против”. Может быть, это недостаточно эффектная внешняя политика — за что, я знаю, иногда меня и ругают — балансировать между Францией (нашей союзницей) и Германией, с которой мы связаны тысячами исторических, династических, культурных и экономических уз. Итак, пока я еще русский министр иностранных дел, никакие «Truffles sous serviette»³² (вспомнил он, смеясь) не заставят меня пересесть с двух стульев, на которых я сижу, на один из них... с тем, чтобы другой мой сосед крепко дернул другой мой стул, и тогда я с треском грохнусь на пол... со всеми последствиями этого неприятного положения. Пусть уже кто-нибудь из моих преемников согласится вступить в новые, более эффективные комбинации, новые войны — еще более неудачные, чем теперешняя, конец которым — неизбежная революция... конец Императорской России».

Увы! Мне, конечно, не раз приходилось в течение ближайших лет вспоминать эти предостерегающие, пророческие слова последнего русского министра иностранных дел, «de l’ancien régime»³³, как он иногда себя называл.

* * *

Одновременно с графом Ламздорфом, основные цели политики министра Делькассэ не трудно было разгадать и другому лицу, зорко присматривавшемуся к тому, что происходило в Париже и Лондоне: Вильгельму II. Можно было следовательно ожидать уже какого-то «шахматного хода» с его стороны, чтобы не допустить включения России в этот западный политический союз, а наоборот закрепить как-нибудь традиционные узлы, связывавшие Петербург с Берлином, и так или иначе восстановить их договорные дружеские отношения, столь неосторожно им же нарушенные в 1890 году^{III}.

Предприимчивый германский император и осуществил эти свои намерения, устроив 21 июня этого года свое свидание с Николаем II в Бьерке и, так сказать, навязав там русскому царю особую декларацию о их политическом соглашении³².

О Бьеркской конференции, произведшей в свое время настоящую сенсацию в европейском дипломатическом мире, писалось

* Тройственный союз (фр.).

** Трюфели под салфеткой (фр.).

*** Старого режима (фр.).

столько — и на все лады и на всех языках — что здесь невозможно входить в юридические и политические детали этой темы, к тому же проанализированной некогда и автором этих строк^{IV}.

В своих теперешних воспоминаниях он имеет в виду осветить лишь те неизвестные сколько-нибудь широкому кругу лиц последствия этого акта, которые усложнили собою всю русскую политику и не только внешнюю, но и внутреннюю — в последние месяцы и без того столь трудного 1905 года и в которых автору также пришлось принять непосредственное участие.

Установим для начала, что, с юридической точки зрения, Бьеркское соглашение, заключенное в форме необычной для привычного международного договора, было ни что иное, как политическая личная декларация о продолжающейся в их лице традиционной дружбе между их соседними империями и их царственными домами. Подписание этого акта явилось для русского государя, правда, полной неожиданностью, но, тем не менее, вполне соответствовавшим его тогдашним мыслям и чувствам: война с Японией, после Цусимской катастрофы еще продолжалась, мир с нею посланным в Японию С.Ю. Витте заключен еще не был³³, Англия все еще оставалась союзницей нашего врага^V, а отношение к нам Германии во все время этой неудачной войны было не только корректным, но действительно дружеским; с другой стороны, начавшиеся уже в разных частях России революционные беспорядки должны были постоянно напоминать, что в борьбе с ним Русское Правительство может опереться не на Францию и Англию, а лишь на монархическую и консервативную Германию. Несомненно, эти мысли разделялись и графом Ламздорфом. Но вот, в этом личном вопросе, Вильгельм II сделал капитальную ошибку для своего дела: вместо контрассигнования декларации адмиралом Бирилевым он должен был бы настоять на спешном приглашении в Бьерк графа Ламздорфа, который при своей щепетильности во всех личных вопросах, не почувствовал бы себя обиженным таким забвением его министерских функций и не примкнул бы, вместо этого, к противникам соглашения, подписанного Николаем II. А противников этого акта в Петербурге сразу оказалось немало. Все, кто по внешне- или внутреннеполитическим соображениям относились отрицательно к Германии и, в частности, к Вильгельму II, т.е. между прочим, вся русская левая интеллигенция, левая пресса, — все, кто теми или другими негласными узами были связаны с официально запрещенным, но сравнительно широко импортирующимся из Франции масонством³⁴, — все, кто так или иначе был связан с высоко ценимым в финансовых кругах

международным еврейством. И все это возглавлялось, конечно, придворным антигерманским («черногорским») кружком под водительством великого князя Николая Николаевича. К нему же не замедлил присоединиться по возвращении в Петербург, произведенный в графы творец Портсмутского мира с Японией, С.Ю. Витте..., на которого, видимо, близоруко возлагал для себя столько надежд тот же император германский, принимавший его в своем охотничьем замке в Роминтене чуть ли не с царскими почестями. Но немецкие политики никогда не были хорошими психологами и Вильгельм II столь же неудачно обошелся без Ламздорфа в Бьерке, как и надеялся на германофильство Витте. А этот, последний, честолюбивый и властолюбивый оппортунист, конечно, не поколебался сделать политический вольг³⁵ в 180 градусов прямо от Роминтеня, как только он на берегах Невы убедился в том, что терять ему союзника в лице великого князя Николая Николаевича не приходится. В общей передрыге среди начавшейся революции, манифеста «17 октября» и нового государственного строя³⁶, очень уж ему хотелось стать первым русским премьер-министром перед первым русским парламентом.

Итак, против «Бьерке» и императорской подписи образовалась коалиция во главе с двоюродным дядей государя, портсмутским миротворцем и самим министром иностранных дел, которые за неимением лучшего аргумента пустили в ход слух, будто, июльское соглашение двух монархов составлено против Франции и противоречит русским договорным с нею отношениям. Это было явной ложью, ибо декларация упоминала, наоборот, о желательности привлечения Франции к этому русско-германскому пакту, но кто же заботится об истине, когда ее силятся опровергнуть высокие мира сего? Да и вообще: как заметил еще старый французский поэт:³⁷

On est de glace aux vérités,
On est de feu pour les mensonges...

Об этот «огонь лжи» и не пожелал тогда обжечься и русский царь и не воспротивился стараниям своего министра иностранных дел просто признать как «nul et non avenue» Бьеркское соглашение, которое все противоположные усилия германской дипломатии так и не смогли претворить во что-то реальное или, по крайней мере, официально признанное. При молчаливом согласии Николая II бьеркский младенец был признан мертворожденным.

* Мы любим ложь с безумным пылом,
А к правде — льда мы холодней (фр.).

** Недействительный и считающийся не имевшим места (фр.).

И тут мы касаемся некоторых сторон сложной психологии последнего русского самодержца, которую, по нашему мнению, объясняет многое в его действиях и речах за все его 23-летнее царствование. Человек честный и благородный в самом широком значении этих слов, к тому же глубоко верующий и трогательно влюбленный в свой русский народ, это был человек с политически неясной, всегда двоящейся мыслью и слабой волей, неизменно капитулируя перед всякой более сильной волей и всяким на него решительным наскоком, но... неоднократно затем, пытаясь вернуть уступленное каким-либо другим путем. К этому надо прибавить, что над всем этим у него, как царя и сына Александра III, висел какой-то гипноз его якобы «самодержавия» и якобы «православия», ибо «самодержцем» он был менее, чем какой-либо из русских царей (кроме Федора Иоанновича, и, конечно, несчастного Иоанна Антоновича), а «православие» его не признал бы ни один строгий и правдивый иерарх русской или вообще Вселенской церкви из-за его длительных и тесных сношений с разными магами, чародеями, вызывателями духов или прямыми «язычниками»(?) (как Распутин).

Весь этот сложный психологический сумбур не мог не привиться и к общему политическому сумбуру, внутреннему и внешнему (как мы и озаглавили эту главу), — как это и будет видно из следующих ниже моих воспоминаний.

При одном из докладов министра иностранных дел в начале осени 1905 года Николай II обратил внимание графа Ламздорфа на крайнюю желательность посильной помощи со стороны русского консульского персонала в странах Западной Европы усилиям Министерства внутренних дел в его борьбе со все растущим в России революционным движением: заграничные его агенты наблюдают, конечно, на месте по возможности за террористическими кружками, с которыми местные правительства не могут (или не хотят) бороться, но русская политическая полиция на Западе не в силах уследить за теми, по видимости, совершенно мирными группами, которые из-за неприязни к императорской России питают ее врагов идеологически или материально, распространяя революционную литературу или поддерживая денежно подозрительных лиц в самой России.

Граф Ламздорф, конечно, сразу почувствовал, откуда ветер дует: эти речи явно были не от «Делькассэ», а от Вильгельма II и разговоров с ним, против которых он только что восстал. Но желание государя и Бьеркское соглашение можно замолчать, а с революцией бороться действительно все-таки нужно... Недаром на ее первый акт — шествие священника Гапона к Зимнему

дворцу и стрельбу на Дворцовой площади в январе того же 1905 года министр иностранных дел мог любоваться из своих собственных окон...³⁸

Итак, были даны распоряжения в наши консульства в первую очередь в Швейцарии, Франции и Англии о доставлении возможных сведений, как материала по возбужденному Его Величеством вопросу. И очень скоро эта анкета — не особенно обогатившая еще II Департамент Министерства иностранных дел — дала неожиданно ценный материал для Министерства иностранных дел, но... привела — тоже совершенно неожиданно — к столкновению графа Ламздорфа с другим графом — Витте.

Но раньше этого инцидента, оставшегося неизвестным никому, кроме двух—трех лиц, надо упомянуть о другом столкновении в связи с этим делом, в котором оказался пишущий эти строки и председатель С.-Петербургского Окружного суда. Об этом курьезном эпизоде из истории нашего дипломатического ведомства в конце бурного 1905 года тоже невозможно не упомянуть.

Дело в том, что в разгаре всей этой моей личной работы, которой сверх лекций в Университете я был в то время достаточно перегружен, я получил из С.-Петербургского Окружного суда вызов на ближайшую его сессию в качестве присяжного заседателя. Естественно, что со стороны директора II-го Департамента немедленно последовало уведомление председателя означенного суда, что барон Таубе занят делом данного ему спешного служебного поручения и явиться в Окружной суд для выполнения выпавшей на его долю обязанности, не может. По правилам наших судебных уставов, такое официальное служебное сообщение должно было бы механически повести за собою исключение этого барона Таубе из списков «присяжных» данной сессии с перенесением его, если нужно, на одну из последующих. Но эффект получился иной: этот барон Таубе был распоряжением данного суда приговорен за свою неявку к штрафу в 100 рублей, за каковой суммой к нему вскоре и явился судебный пристав, ушедший от него, правда, с пустыми руками, но тоже с угрозой, что теперь появится уже полицейский пристав для наложения ареста на его, барона Таубе, имущество в размере означенных 100 рублей и затем продажа оного с публичных торгов. Что было делать, чтобы парализовать это явно незаконное требование Окружного суда? Только «разыграть» одно из наших самодержавных (а иногда и самодурных) ведомств против другого. И вот министр иностранных дел доверительно просит министра внутренних дел известить С.-Петербургского градоначальника, что в случае поступления к нему требования председателя Окружного суда о принудительном взыскании с барона Таубе

штрафа в 100 рублей, означенное требование исполнению не подлежит, ибо барон Таубе фактически занят известным ему, министру внутренних дел, доверительным делом и оштрафование его было бы явно противозаконно.

Так, Петербургский градоначальник и поступил, но затем, чтобы отвязаться от повторного прибытия к нему «отношения» по тому же делу Окружного суда, ответил, что требование суда передано им для сведения в Департамент личного состава Министерства иностранных дел для вычета означенных 100 рублей из причитающегося там барону Таубе вознаграждения — этот Департамент немедленно дал председателю Окружного суда повторную отповедь: никаких вычетов из содержания барона Таубе не будет, ибо оштрафован он был — занятый особым делом по Высочайшему повелению, совершенно противозаконно.

Надо думать, что в данном случае упоминание о Высочайшем повелении образумило этого упорного председателя Российской Феиды и на этом этот инцидент и закончился, а я, в наказание, не был даже никогда больше назначен в присяжные заседатели, — чем и не был ни в какой мере огорчен.

* * *

Затем за этим пустяковым интермеццо следовал другой — не менее странный, но, конечно, гораздо более серьезный и, главное, показательный для тогдашнего сумбура в области самых важных государственных интересов.

Как было сказано выше, наши консульские агенты за границей усердно принялись за собирание потребованных от них сведений и соображений, причем особое ценное рвение в этом деле выказал наш энергичный генеральный консул в Лондоне (бывший военный) барон Унгерн-Штернберг.

Пользуясь своими широкими знакомствами в английских общественных и в частности финансовых кругах, он, на особом совещании с участием крупных еврейских капиталистов, без особого труда добился от них согласия на изменение практикуемого ими способа благотворительной помощи их единоверцам в России: посылаемые им довольно часто и довольно значительные деньги разным корреспондентам, или — так объяснял барон Унгерн-Штернберг — в руки революционного еврейского «Бунда»³⁹, — во избежание чего не лучше ли учредить в каждой из Западных губерний особые благотворительные комитеты с обязательным участием местных раввинов, которые и будут распределять направленные в эти комитеты английские деньги среди действительно нуждающегося еврейского населения.

Этот новый порядок и вошел вскоре в силу к великому облегчению Министерства внутренних дел, которое могло теперь констатировать, что с прекращением приливов английских фунтов безответственным, якобы нуждающимся евреям, деятельность тайных типографий и вооруженных восстаний «Бунда» в Западном крае значительно сократилась.

И вот, в самом конце года в этом, казалось, полюбовно с английскими «благотворителями» созданном положении дела произошел полный крах — не громкий, но тем не менее весьма скандальный. Заключался он в следующем:

В один прекрасный день граф вызывает к себе, вместе со мною, директора II Департамента^{VI} для доклада о ходе нашего дела «об идеологической и финансовой поддержке русских революционеров со стороны западноевропейских общественных кругов».

«Вы знаете, — взволнованно говорит он, — у меня был только что граф Витте и сделал мне целую “семейную сцену” (*une scène de famille*) по этому, как он меня упрекал, скрытому от него делу. А между тем, — говорил он, — этим делом затронуты и обижены выдающиеся английские финансисты, в расположении которых к нам в высокой степени заинтересовано наше Министерство финансов и все операции наших заграничных займов. Итак, не просьба, а требование графа Витте, немедленно отменить все, что было налажено нами вместе с Министерством внутренних дел, и не вмешиваться впредь в эту благотворительную деятельность лондонских еврейских кругов».

«Что Вы на это скажете?». А.К. Бентковский отвечает, что все ведь устроено по добровольному соглашению нашего генерального консула с этими финансистами, что новый порядок функционирует на местах вполне удовлетворительно, и что все дело вытекло из специально данного ему, графу Ламздорфу, Высочайшего повеления.

«Но что же теперь мне делать? — растерянно спрашивал наш министр, — граф Витте говорил со мною и очень авторитетно и даже резко, и Вы понимаете, что ссориться с ним из-за этих англо-еврейских субсидий я не намерен».

«Позвольте, граф, напомнить Вам еще раз (вмешался тут я), что все дело возникло согласно указанию, лично данному Вам государем. Если Вы желаете теперь поддерживать тот новый порядок в этом деле, который имеет за собою также и министра внутренних дел, то было бы правильно и естественно, если бы Вы доложили о Вашем разговоре с графом Витте Его Величеству. Тогда уже государь решит, согласиться ли с Витте, — и все пойдет по-старому, или рекомендовать ему не вмешиваться далее в это дело».

волюции^{VIII}, а второй — должен был благословить его не на казни и ссылки, а на отречение от престола и пострижение в монашеский чин...

Так, ровно через 80 лет после добровольного исчезновения из России одного запутавшегося в своих внутренних и внешних политических комбинациях самодержца Всероссийского Александра I — Федора Кузьмича⁴¹ — другой самодержец Всероссийский, запутанный своими советчиками, готов был из таких же «*taedium regni*»^{*} искать спасения в монашестве^{IX}. Но митрополит отказал ему в просимом благословении — передать «бразды правления» полуторогодовалому ребенку, опекаемому каким-то Советом регентства.

Можно себя спросить, правильно и целесообразно ли поступил высший иерарх русской церкви. Его царь в христианском своем смиреннии пришел к нему ясно признать свою неспособность управлять великой Империей, и просить его снять с него непосильное ему уже бремя власти. А митрополит думал лишь о том, что управление страной регентом при маленьком государе может быть будет еще более трудным и неудачным. И духа провидения Господь митрополиту Антонию не дал...

В результате все осталось по-старому, и в свой новый государственный строй в 1906 году Россия вступила в настоящем сумбуре и внутренней и внешней политики^X.

Примечания

^I Вопрос о переходе нейтральных военных судов под флаг одного из воюющих государств был рассмотрен и регламентирован только на Лондонской военно-морской конференции 1908—1909 гг.⁴² (о которой речь будет, между прочим, идти в следующей главе этих воспоминаний).

^{II} Комическое выступление адмирала Абазы в Париже в начале 1905 года было только прелюдией к его попытке дать широкое осуществление этой авантюры с покупкой южноамериканских военных судов весной того же года. Попытка эта окончилась полным фиаско, благодаря, в значительной степени энергичной оппозиции министра финансов В.Н. Коковцова, который рассказывает подробно о заключительном фазисе этой истории в своих воспоминаниях. (См.: Коковцов В.Н. «Из моего прошлого». Т. I. С. 66—69).

^{III} Как это впоследствии неоднократно и горько оплакивалось немцами, Вильгельм II, разошедшийся тогда с Бисмарком, в 1890 году отказался возобновить созданный «железным канцлером» тайный союзный договор с Россией 1881, 1884 и 1887 гг.⁴³, что и вызвало тогда сближение правительства Александра III с французами и затем закончилось франко-русским союзом⁴⁴.

* Отвращение к царской власти (*лат.*).

^{IV} Свидание двух императоров состоялось в Бьерке, а 14 июня 1905 года состоялось подписание ими вышеупомянутого соглашения. Против всех традиций европейской и русской дипломатии, договор этот с русской стороны, за отсутствием министра иностранных дел, был контрассигнирован морским министром адмиралом Бирилевым, которому государь не дал прочесть текст подписываемого акта. Этим потом воспользовались его критики, для опорожнения юридической силы договора, хотя такая форма заключения международного соглашения, противоречила лишь обычаю, но не нормам русского государственного права, для которого ясное волеизъявление самодержавного монарха оставалось всегда законным и обязательным. Подробному разбору этого политического эпизода посвящена вся глава II моих первоначальных мемуаров, в их французском и немецком издании: «La politique Russe d'avant-guerre» (Paris, 1928) и «Der grossen Katastroffen entgegen» (Berlin, 1937).

^V Англо-японский союз был возобновлен 12 августа 1905 года⁴⁵ — Портсмутский мирный договор подписан Витте 5 сентября того же года⁴⁶.

^{VI} В виде предполагавшегося в случае мира с Японией назначения послом при дворе Микадо⁴⁷ директора II Департамента Министерства иностранных дел Малевского-Малевица, на его место был назначен его вице-директор А.К. Бентковский, впоследствии сенатор, всю свою службу прошедший в этом департаменте и превосходно знавший все его дела. Вице-директором 27 июня 1905 года был назначен барон М.А. Таубе.

^{VII} См. об этом в связи с историей масонских влияний на различные европейские династии замечательную работу Н. Riegelmann «Die Europäische Dynastien in ihren Verhältnis zur Freimaurerei» (Без года. С. 316).

^{VIII} См. об этом упомянутую выше монографию, стр. 38 и следующие, где, между прочим, этот «Великий могол» мартинистов изображен «en troïka russe» в саях в одну лошадь (стр. 35).

^{IX} Об этом подробно рассказывает бывший товарищ обер-прокурора Святейшего синода кн. Жевахов («Воспоминания». Т. II. Новый сад, 1928).

^X В 1906 году при созыве так называемого «Предсоборного присутствия»⁴⁸, Николай II, при приеме высших иерархов из его членов, поставил им вопрос об их отношении к его собственной кандидатуре в патриархи Московские и всей Руси, после отречения от престола и ухода в монашество. Приведенные этим вопросом в замешательство иерархи уклонились от ответа. (См. статьи проф. М. Зазыкина. Предсоборное присутствие 1906 г. в газете «Наша страна» (Буэнос-Айрес). № 21. 1950).

Глава VI

Два года в сложных международных комбинациях министра Извольского (май 1906 — апрель 1908 г.)

Познакомился я с Александром Петровичем Извольским, министром иностранных дел с 1906 года, 20-го ноября (старого стиля) 1905 года при следующих, довольно своеобразных условиях, запечатлевшихся в моей памяти. То, что я тогда услышал от него, бросало уже яркий свет и на его первоначальные намерения реформировать это действительно весьма «заскорузлое» в те времена ведомство¹ и, в частности, на его отношения ко мне лично в первые счастливые годы моего почти пятилетнего с ним сотрудничества.

В тот день, заваленный разного рода текущей работой по II Департаменту, я засиделся до позднего часа и оставался в нем уже один в своем вице-директорском кабинете, до которого, из полной тишины, изредка доносились лишь отдаленное пение всеобщей из домово́й церкви Министерства. И вдруг — стук в дверь: удивленный, иду сам открыть неожиданному посетителю и лицом к лицу сталкиваюсь с А.П. Извольским, которого узнаю только по портретам, тогдашним посланником при Датском дворе. И потом передо мной и столь же неожиданный его «profession de foi»* (которая дальше будет передана лишь вкратце) — любезное вступление в разговор:

«Пришел лично познакомиться с автором интересных консультаций о юридическом положении датских проливов и всей нашей теперешней акции по шведско-норвежскому вопросу¹¹. От них повеяло каким-то новым духом из нашего архаического ведомства иностранных дел...»

Тут пауза и затем еще большая неожиданность в форме следующей откровенности: «Не удивляйтесь моему выпадку против

* Исповедание веры (фр.).

нашего ведомства. Могу Вам доверительно сообщить, что я вызван сюда государем в связи с уходом графа Ламздорфа в отставку и принципиально уже решенным моим назначением министром иностранных дел...»

И затем, при моем почти полном (сочувственном) молчании, уже началась прямо «программная» речь о том, в какой радикальной реформе нуждается Министерство иностранных дел: реформа эта должна быть двух родов — организационной и личной. По части организации (как совершенно правильно заметил Извольский) совершенно нетерпимо, что рядом с «Азиатским» департаментом⁴⁹ нет особенного департамента для политических европейско-американских дел и что нет в Министерстве и особого юрисконсультского отдела.

«Если всю политическую переписку по Европе, — сказал будущий министр, — берет на себя лично граф Ламздорф со своим товарищем министра, а все серьезные юридические дела взваливают на Мартенса и на Вас, то такой порядок (или беспорядок) явно нетерпим в сколько-нибудь нормально организованном Министерстве иностранных дел...»

А затем пошла критика уже совершенно личного характера.

Не стесняясь иногда касаться деликатной стороны этих вопросов и называя прямо фамилии неугодных ему лиц, Извольский зашел уже очень далеко в своем протесте, когда был прерван громким, дошедшим до нас пением из министерской церкви.

«Что это такое?» — в недоумении спросил он.

«Это всенощная на “Введение во храм Божией Матери”», — ответил я.

Тут эффектный дипломатический монокль беспомощно выпал из его глаза^{III}. И будущий министр поднялся уходить и мы распрощались. При прощании и еще любезная фраза:

«Итак, пока до свидания. Я очень рассчитываю на Вашу работу в предстоящей мне новой деятельности...»

Было уже около восьми часов вечера, пение из церкви еще доносилось и я вспомнил мою старую слепую бабушку, наставлявшую своих внуков по праздникам: «Да пойдите же в церковь, хоть лоб перекрестить».

И в церкви я застал еще «Взбранный Воевода...»

На левом клиросе, как всегда усердно молился набожный граф Ламздорф... вероятно стараясь не смотреть на кощунственный образ Спасителя, поднесенный одному из его предшественников не в меру усердными его почитателями, на котором Иисус Христос был изображен с чертами лица Николая Карловича Гирса...

Так произошло 20 ноября 1905 года мое духовное прощание со старым и деловое знакомство с новым режимом моего Министерства иностранных дел.

* * *

Столь ярко выраженному нетерпению А.П. Извольского сесть в министерское кресло графа Ламздорфа пришлось однако несколько охладиться, ибо его назначение состоялось только через несколько месяцев. Действительно, оно должно было войти в общий план перестройки всего высшего государственного аппарата в России: вслед за принципиально провозглашенным новым строем в Манифесте 17 октября 1905 года необходимо было ясно формулировать неподлежащие изменению основные законы и определить структуру нового, так называемого (по любимому выражению В.Н. Коковцова), объединенного правительства с новой должностью его председателя во главе и вместе с подготовкой созыва первой Государственной думы, наметить личный состав этого Совета министров⁵⁰ и только тут возник вопрос о замене графа Ламздорфа — не желавшего считаться ни с какими «демократическими» учреждениями — А.П. Извольским, стремившимся, наоборот, предстать перед первым русским «Парламентом», в качестве первого «конституционного» русского министра иностранных дел...

Все это состоялось лишь весной 1906 года, и еще обсуждение в присутствии государя нового текста Основных законов⁵¹ в Совете министров^{IV} происходило при участии министра графа Ламздорфа.

С его репутацией «реформатора» Извольский был принят всюду — а главное в прессе и в кругах Государственной думы — весьма благосклонно. Конечно, и в самом Министерстве оказалась группа лиц, приветствовавших своего нового начальника, энергичного, умного, отлично подготовленного к занятию столь важного и ответственного поста. Излишне особенно подчеркивать, что среди них находился и автор этих воспоминаний.

На первых же порах новый министр привлек его и к бесконечным совещаниям о реформе центральных учреждений ведомства иностранных дел, и, что важнее, к тесному с собою сотрудничеству в ряде политических вопросов.

Что касается реформ, то все так называемые «*ria desideria*»^{*} натолкнулись очень скоро на прозаический вопрос об их финансировании: устроить два новых департамента, «Европейский» и «Юридический» было в этом отношении не так-то легко, и из всех этих проектов, в конце концов, ничего не вышло, — как впрочем и

* Благие намерения (*лат.*).

из первоначального очень резко выраженного намерения Извольского произвести известную «чистку» в личном составе бывших в его окружении служащих; это окружение оказалось настолько сплоченным и связанным тысячами нитей со всем петербургским «обществом», с финансовыми и (главное) с дворцовыми кругами, что и в этом вопросе министр-новичок в столичном деловом и светском водовороте должен был, скрепя сердце, капитулировать.

Фактически провел он сравнительно скоро только вопрос о своих ближайших личных сотрудниках; открыто жалуясь на то, что до него должность обоих «советников» министра являлись простыми синекурами, он решил именно на них переложить те политические функции, которые в главной их части были бы поручены его двум неосуществленным новым департаментам. И вот, на эти должности были назначены из заграничных наших дипломатов — Н.Н. Шебеко, и из петербургского личного состава — барон М.А. Таубе^V. Причем было решено, что тому и другому министрам будут передаваться для обработки по мере надобности именно политические вопросы, тогда как за советником бароном Таубе естественно сохранялись и прочие его обязанности, как и Мартенса, юрисконсульта Министерства иностранных дел.

Эта новая на меня нагрузка в деловом отношении оказалась, к счастью, очень интересной и при этом весьма приятной в отношении моего сотрудничества с А.П. Извольским, в самых симпатичных формах.

Вскоре после своего назначения министром иностранных дел (12 мая 1906 года) и моего назначения советником (в начале 1907 года) А.П. Извольский в первом же доверительном разговоре со мной поднял деликатный вопрос о Высочайшем утверждении секретного доклада его предшественника от 3 января 1906 года, упомянутом уже нами выше⁵².

«Граф Ламздорф, — сказал А.П., — оставил мне в наследство план чего-то вроде “Священного союза” Александра I⁵³, но я этого наследства не принимаю, о чем и доложу на днях государю...»

«Вы позволите мне заметить, господин министр, — возразил я официальным тоном, — что граф Ламздорф, конечно, не думал ни о какой “Sainte Alliance”, то была в 1815 и 1818 гг. попытка стабилизировать тогдашний территориальный и династический строй Европы, международная затея Александра I, в которой его по очереди морочили то Талейран, то Меттерних. Доклад же 3-го января состоял не из таких мыслей, а из желания остановить рост угрожающей не только нам, но и всей Европе социальной револю-

* Священный союз (фр.).

ции, — ибо усердно перебрасываемая в Россию с Запада идея разрушения теперешнего культурного общественного строя — прав человека, свободы совести, права собственности и т.д., будучи привиты или навязаны нашему довольно примитивному народу, несомненно перебросится обратно и обрушится на всю Западную Европу, а это понимает сейчас, кажется, только одна монархическая Германия. Вот на какой почве желал устроить с ней сближение и сотрудничество граф Ламздорф».

«Я этот ход мыслей вполне понимаю, — сказал Извольский, — но нахожу, что такая работа входит в задачу не Министерства иностранных дел, а Министерства внутренних дел, по Департаменту полиции; пусть там и изобретают вместе с германской полицией меры совместной борьбы с общеевропейской революцией. А против желания сближения с Германией на чисто международно-политической почве я не только не возражаю, но вполне его разделяю, как интегральную часть всего моего плана равновесия в наших отношениях с разными великими державами: ни Англо-французская “Антанта”, ни Германно-Австрийский союз...»⁵⁴

«Это как раз то, что мне говорил и граф Ламздорф», — поспешил я заметить.

«Тем лучше, тем лучше, — продолжал Извольский, — я даже думаю, что в области наших конкретных международных задач настоящей минуты мы даже начнем с попытки установить совместную работу именно с Германией, но не по политическим вопросам, а по отношению к большой и сложной политической проблеме установления нового мирного правопорядка на всем Европейском Севере, т.е. между государствами прилегающими к Балтийскому и Немецкому морям. Вам, с Вашими докладными записками о датских проливах, и о новой независимости Норвегии это известно лучше, чем кому-либо. Поэтому я сегодня же поручаю Вам заняться изготовлением обстоятельного доклада по всему комплексу вопросов, входящих в это Северо-Балтийское дело. Не забудьте при этом, конечно, что при договорном установлении нового «status quo» в этой части Европы, указать, что наложенное на Россию в 1856 году обязательство не укреплять Аландские острова⁵⁵ должно быть отменено».

«Так же, как предшествовавший ему англо-французский договор 1854 года, — позволил я себе прибавить, — ибо, гарантируя территориальную неприкосновенность Швеции, он в то время был явно направлен против России».

«Да, да, — заметил Извольский, — Вы имеете в виду так называемый Сангоберг'ский трактат в эпоху Крымской войны⁵⁶. Отлично. Итак, приступайте к этой работе».

Из последнего замечания нового министра я с радостью удостоверился, что он не новичок в сфере истории русской международной политики, вероятно, давно и основательно готовил себя к полученному теперь высокому посту.

Это сознание могло только закрепить наши начавшиеся с ним с прошлого ноября добрые деловые отношения.

С указанной выше работой и началась моя помощь Извольскому в его, как увидим, весьма сложных широких политических комбинациях. За нею, уже в 1907 году, последовало привлечение меня к Японскому и Английскому делу, а в 1908 году последовало и Австрийское. И все это закончилось для меня участием в большой военно-морской конференции в Лондоне в 1908—1909 гг.⁵⁷ в качестве полномочного на ней представителя Русского Правительства.

І. Северное дело

Написанный мною согласно приведенным выше взглядам Извольского подробный доклад по всему Балтийско-Северному вопросу (с замечаниями о необходимости отмены Аландского сервитута) был предложен государю и был Его Величеством утвержден в качестве основы для переговоров со всеми заинтересованными государствами. Тогда и начался усиленный обмен мнений с их дипломатическими представителями в Петербурге.

В Министерство иностранных дел зачастили посланники шведский, норвежский, датский, послы — германский, французский и английский, причем оба последних сразу же объявили, что Канробертский договор 1854 года потерял, конечно, силу и будет официально отменен.

Эта текущая работа закончилась к концу года еще докладом государю о предполагавшейся тогда «нейтрализации» Норвегии (подобно Швейцарии и Бельгии) — не состоявшейся в конце концов из-за несогласия Англии, и закончилась на вопросе о вошедшем тогда уже давно в сферу русских интересов Шпицбергенском архипелаге на крайнем севере. Что касается специально особенно тесного сотрудничества по этим вопросам с Германией, то это дело приняло решительный и благоприятный оборот лишь в течение следующего 1907 года. А именно, в июне, ввиду предстоявшего свидания государя с Вильгельмом II в Свинемюнде⁵⁸ (как ответного визита на визит германского императора в Бьерке в 1905 году) был изготовлен подробный материал по всему этому делу, который Извольским и был вручен там канцлеру князю Бюлову в последние дни июля или первые дни августа.

Затем, на основании выраженного германским правительством принципиального согласия с нашей точкой зрения, в Петербурге был мною составлен проект особого «секретного протокола» по Балтийскому вопросу⁵⁹, заключающего в себе обязательную взаимную поддержку обоих правительств в этом деле с упоминанием готовности Германии поддержать русские требования об отмене Аландского сервитута. Этот первостепенной важности документ был подписан, в моем присутствии, в здании германского консульства 16/29 октября 1907 года германским послом бароном Шен и товарищем министра иностранных дел К.А. Губастовым^{VI}.

На столь твердом основании дело пошло далее уже быстро. Самым трудным при этом вопросе был, конечно, пункт об отмене Аландского сервитута.

Дело в том, что им была создана в шведской народной психологии уверенность, что это ограничение суверенных прав России на названный архипелаг составляет существенную гарантию безопасности шведской территории, с русской же точки зрения представлялось, конечно, невозможным допустить такое положение в новых договорах — тем более, что Франция и Англия были очень склонны советовать русскому правительству именно начать укрепление островов на случай будущего столкновения России не со Швецией, а... с Германией. К этому комплексу политических вопросов касавшихся Балтийского моря и Швеции присоединился параллельно из-за Норвегии и вопрос о территориальной неприкосновенности прибрежных к Северному морю государств.

Все это привело к длительным международным переговорам, благополучно законченным к концу 1907 года и приведшим к подписанию целого ряда новых трактатов.

С русской стороны это был коллективный русско-шведско-датско-германский договор 10/23 апреля 1908 года о территориальной неприкосновенности государства Балтийского моря⁶⁰; и тут же потребовалась вся дипломатическая тактичность Извольского, чтобы обойти ставшие на пути затруднения.

Едва верилось, что шведы пойдут на уступки и примут отмену Аландского сервитута. В этом направлении энергичный нажим на Стокгольм произвело германское правительство, продолжавшее после Бьеркского соглашения думать о тесном сближении с Россией, и в этом же смысле действовал там влиятельный дипломат и вполне русофил, тогдашний шведский посол в Берлине до того и после того бывший шведским министром иностранных дел граф Арвид Таубе (женатый на баронессе Таубе из Эстляндии) — вследствие чего эта конвенция в шведско-немецких дипломатических

кругах и получила, между прочим, кличку «la convention Taube»*. Однако перед самым подписанием ее, с ясным упоминанием Аландского сервитута к великой досаде Извольского (и моей) произошло личное вмешательство в дело шведского короля, который в собственноручном письме к Николаю II умолял его обойтись без такого раздражающего его подданных географического названия. Пришлось тогда прибегнуть к составлению (и не без труда) такого нового дополнительного акта, который своим талмудическим текстом не дразнил бы шведов, давший в то же время полное удовлетворение нашим требованиям формулой, придуманной Извольским вместе с его советником, в которой говорилось, что подтверждение полного территориального «status quo» договаривающихся государств не может быть истолковано для каждого из них в смысле ограничения его полного суверенитета.

Итак, и русский суверенитет над Аландскими островами ничем не ограничен и укреплять их или держать там военный флот Русское правительство имеет отныне право (что оно сейчас же и сделало). На этом дело со шведами и кончилось *on n'y a vu que du feu***, как говорят французы^{VI}.

Этой сумбурной картиной сложного Северного дела можно было бы здесь ограничиться, если бы не случился с ним довольно любопытный инцидент, до сих пор не преданный гласности.

Он произошел в секретном заседании военно-морских чинов под председательством великого князя Николая Николаевича по вопросу о мерах к подавлению ожидавшегося тогда в этих военных кругах вооруженного восстания в Финляндии. Ввиду своеобразного юридического положения этой страны, связанной с Россией со времен Александра I в форме особого «Великого Княжества»⁶¹, на совещание были приглашены министр иностранных дел, а сей последний взял с собою, в качестве «сведущего лица» своего нового советника.

Председательствовавший поднял вопрос о том, в каком виде представляются министру иностранных дел те или другие карательные меры, которые будут там приняты в случае восстания. На это я объяснил, что по нормам международного права, преступлениями, подлежащими военно-полевому суду, считаются лишь вооруженные выступления отдельных лиц, в частности, так называемые франтиреры, и что, наоборот, организованные отряды повстанцев, открыто носящие оружие и соответствующие отличительные знаки, рассматриваются, как правильные «комбатанты»,

* Конвенция Таубе (*фр.*).

** В полном сумбуре (*фр.*).

к которым и применяются общегражданские законы и правила международных войн; в данном случае это, тем более, что Военное министерство Финляндии по воле императора Александра II обзавелось собственной особой армией, тогда как упомянутые законы и обычаи войны приняты всеми цивилизованными государствами на международных конференциях 1874 и 1898 гг.⁶², созывавшихся как раз по инициативе Русского Правительства.

Эти мои объяснения вызвали явное неодобрение со стороны великого князя. Лицо его стало подергиваться нервной судорогой, и он резко сказал (приблизительно):

«Итак, Министерство иностранных дел согласно рассматривать этих бунтовщиков и предателей, как правильную военную сторону».

«Да, неужели, Ваше Высочество, — рискнул я возразить, — можно расстрелять целые правильно организованные военные части или даже целую армию, носящую оружие».

Физиономия великого князя обнаружила уже полное состояние нервного бешенства, и он закричал (это буквально так): «Только бы хватило их берез — всех перевешаю».

На этом выкрике, сопровождавшемся грозным взглядом в сторону министра иностранных дел и его советника и закончился этот весьма для нас неприятный обмен мнений, затем осужденный А.П. Извольским, когда мы мирно возвращались с ним на Дворцовую площадь. Вопрос о казнях оказался бесполезным, ибо никакого вооруженного восстания в Финляндии, к счастью, не произошло.

II. Японское дело

Как только, в течение первого года своего министерства, Извольский почувствовал себя твердо сидящим на своем новом посту, он, в качестве старинного друга Японии и открытого противника Японской войны, не замедлил в 1907 году возбудить вопрос о действительно прочном примирении с ней, с возвращением к идеям и планам князя Ито (не раз уже упомянутого выше)⁶³. Получив на это одобрение государя и полное сочувствие со стороны японского правительства, он немедленно приступил к предварительным переговорам с послом Микадо при русском Дворе, и когда эти переговоры достаточно подвинулись, поручил мне уже чисто техническую работу по составлению проекта тайного дружественного договора с нашим бывшим врагом.

Написанный мною проект, с многочискими поправками или дополнениями министра, был принят и японским правительством и подписан в С.-Петербурге 17/30 июля 1907 года Извольским и

японским послом⁶⁴. Правительство Микадо осталось так довольно заключением этого соглашения о мирном разрешении сфер интересов и влияния обоих государств на Дальнем Востоке, что мне, только техническому в последний момент сотруднику Извольского в этом деле, была вручена звезда ордена Восходящего Солнца, — столь высокое отличие, что оно не забылось среди японской дипломатии даже после революции и целые 20 лет спустя дало повод к удивительной демонстрации в мою честь со стороны японского посла в Брюсселе^{VIII}.

III. Договор с Англией

С договором, заключенным с Британской империей 18/31 августа 1907 года, по всем спорным пунктам обоюдной политики обоих государств в Азии, — Персия, Афганистан и даже Тибет⁶⁵, — я был ознакомлен министром уже по его заключении, с просьбой высказать о нем откровенно мое мнение. Я его и высказал весьма не двусмысленно, само собой после внимательного рассмотрения текста этого длинного дипломатического документа.

«Идея положить конец бесконечному англо-русскому соперничеству, — сказал я ему, — в Азии и устранение столь же бесконечных британских подозрений и жалоб по поводу будто бы воображаемых Англией русских интриг от Дальнего Востока до Персии, — именно великолепно, и Вас за нее должны благодарить все истинные поборники международного мира не только в Лондоне, но и в Петербурге. Но, как во всякой сделке, как частной, так и междугосударственной, и в данном случае надо себя спросить, на чем практически покоится этот договор, и что получают или уступают друг другу договаривающиеся страны. В данном случае ясно видно, что и где мы уступили Англии, менее ясно, что мы получили: мне кажется, ничего или очень мало, кроме конечно, благосклонности Великобритании, которую можно само собою рассматривать различно...»

Я не мог, очевидно, ответить творцу этого англо-русского договора, что сделки эти в общем представляются мне, по не очень вежливому французскому выражению, как форменный «*matché de dupes*»*. Извольский вероятно понял эту мою мысль и мне кажется, что этот деловой обмен мнений в начале августа 1907 года был первым «ушатом холодной воды» на наши до той поры исключительно симпатичные, сердечные отношения. Тем не менее, Извольский понял и принял к сведению мое дополнительное замеча-

* Сделка простофили (*фр.*).

ние, что договор этот вызовет в Берлине предположение, что столь широкое англо-русское соглашение идет еще дальше того, что читается в официальном тексте и что включение России во франко-английскую «Entente cordiale»^{*} отныне совершившийся факт.

«Вы правы, — сказал мне Извольский, — и так как такое предположение неверно, то мы должны постараться рассеять у немцев все подозрения этого рода...»

Из этого замечания и родилось вышеупомянутое секретное русско-германское соглашение 16/29 октября того же года, которое формально касалось только Северного дела и Балтийского вопроса, но которое очевидно, не могло бы иметь место, если бы англо-русский договор об Азии был бы политической смычкой обоих государств против Германии.

Этими столь важными договорами конца 1907 года и начала 1908 г. в середине апреля этого последнего года закончилось пока мое сотрудничество с А.П. Извольским по всей линии задуманных им сложных международных соглашений, — казалось бы к полному обоюдному удовольствию. Тем не менее, как это ни странно, именно в это время появились первые признаки возможного охлаждения между мною и министром, совсем не по моей вине (как это будет сейчас видно) и вероятно благодаря лишь излишней его нервности в связи с громадной его работой.

Вот какие два казуса я тут имею в виду:

Вполне удовлетворенный в своем тщеславии (если оно у меня было) данными мне из Швеции и Норвегии звездами Северной Звезды и Св. Олафа, я понял из описанных далее бестактностей Извольского, что пора просить его оставить меня целиком в области лишь чисто юридических занятий по Министерству иностранных дел, в особенности ввиду предстоявших двух больших конференций по вопросам международного права.

Эти курьезные маленькие столкновения с Извольским будут, поэтому рассказаны в моей следующей главе, посвященной 2-ой Гаагской конференции мира⁶⁶ и Лондонской военно-морской конференции 1908—1909 годов⁶⁷.

Примечания

¹ Многое из приведенных уже в первых главах этих воспоминаний довольно ясно характеризует различные неприятные стороны тогдашней службы в Министерстве иностранных дел. Что критическое и местами ироническое к нему отношение автора вытекало не из его предвзятого мнения, а из всей фактической обстановки службы в нем, в этом можно убедиться по аналогичным наблюдениям

^{*} Сердечное согласие (*фр.*).

такого известного нашего дипломата, как посланник Петр Сергеевич Боткин. (Не смешивать с его близким родственником Сергеем Петровичем Боткиным). Этот талантливый представитель русской политической службы за границей оставил любопытные записки из первых лет его деятельности, весьма наглядно рисующие своеобразные порядки «ведомства у Певческого моста» в конце XIX и начале XX веков. (См. его «Картинки дипломатической жизни». Париж, ...) ⁶⁸.

II Мои юридические консультации о датских проливах были поданы министру иностранных дел в апреле и июне 1905 года. Что касается шведско-норвежского дела, упомянутого Извольским, то в октябре того же года, ввиду расторжения шведско-норвежской унии, по моему совету русское правительство первым признало независимость Норвегии «в ее полной территориальной неприкосновенности», что парализовало шедшие с Запада злонамеренные слухи о намерении, будто бы, России аннексировать некоторые пограничные земли этого слабого нового государства, отделенного от Швеции.

III Это было единственной (по моему наблюдению) дипломатической «ужимкой» Извольского, вообще державшегося весьма естественно и просто. Но в торжественных случаях или в затруднительные минуты монокль неизменно то вставлялся в глаз, то из него выпадал легким поднятием бровей.

IV Это состоялось в марте 1906 года; касающиеся внешних сношений Империи статьи 12 и 13 Основных законов прошли почти без изменения в составленной мною редакции.

V Мое назначение советником состоялось 2 апреля 1907 года.

VI Полный текст, до тех пор не опубликованный, этого «*Protocole Secret*» 16/29 октября 1907 года был напечатан мною в «*La politique Russe d'avant-guerre*». С. 157.

VII Описанный инцидент имел место в секретном заседании 12 апреля 1907 года.

VIII В Брюсселе японский посол устроил блестящий раут в честь собравшихся тогда в Генте из разных стран членов Института Международного права и накануне этого торжества прислал ко мне одного из своих секретарей с просьбой прийти на раут украшенным звездой данной мне в 1907 году ордена Восходящего Солнца. Вследствие моего ответа, что все мои ордена (за исключением случайно уцелевшей Владимирской звезды) были украдены у меня в революционный 1917 год, на другой день мне были принесена от посла, по крайней мере, бело-красная розетка этого ордена, с которой я и появился на рауте. И вот, к всеобщему изумлению многочисленных присутствовавших, при моем входе посол поспешил мне навстречу со следующими словами: «Добро пожаловать (*Soyez le bienvenu*). Я счастлив, приветствовать здесь кавалера нашего “Восходящего Солнца”, как представителя старой Императорской России, которая для нас, японцев, не умерла». Замечательно, что в те же годы аналогичную демонстрацию позволил себе германский посланник в Гааге, барон Луциус (бывший советником посольства в Петербурге) на устроенном у него в мою честь дипломатическом завтраке.

Глава VII

Новые международные юридические дела в Министерстве иностранных дел и Боснийско- Герцеговинский аннексионный конфликт с Австро-Венгрией. — Лондонская военно-морская конференция. — Беседа с английским наследником престола и аудиенция у императора

Николая II. — Последние недоразумения с Извольским

Переход советника министра по политическим и юридическим делам на роль советника только по юридическим вопросам означал собою по внутреннему приращенному распоряжку в Министерстве добровольный переход «из попов в диаконы»; ибо юридические дела были переданы Извольским в верховное распоряжение товарищу министра, а товарищем министра был в то время уже не К.А. Губастов — с которым Извольский успел разойтись вскоре по подписании им «Секретного протокола с Германией», а Николай Валериевич Чарыков (характеристика которого будет дана ниже).

Итак, я вместе с Мартенсом перешел, так сказать, в ведение Чарыкова, а именно для подготовки, как замечено уже выше, 2-ой (так называемой) Гаагской конференции мира⁶⁹. Чем же было, однако, вызвано это мое некоторое охлаждение к Извольскому после столь блестящего заключения Северо-Балтийского дела? Ответ: двумя мелкими «недоразумениями», до которых я никогда не был охотником ни в частной, ни в общественной жизни.

Недоразумение номер I заключалось в следующем:

Вскоре после подписания министром октябрьского протокола с Германией я был удивлен при одном из очередных ему докладов, его необычно холодным видом и мало любезной формой нашего делового разговора.

«Что такое сегодня с министром?» — спросил я, выходя от него, у сидевшего в комнате рядом с его громадным кабинетом верного и бесменного его секретаря К.Н. Гулькевича.

«Да, кажется, ничего с ним не случилось, — ответил Гулькевич. — Это уже, вероятно, что-нибудь лично Вас касающееся, s'il Vous bat froid*, как говорят французы».

«А я этой перемены температуры ожидал, — заметил находившийся тут Савинский директор канцелярии министра. Пойдите ко мне, я что-то Вам покажу».

Заинтересованный спускаюсь с ним в его кабинет, и он с усмешкой раскрывает одну из секретнейших папок во всем министерстве — коллекцию шифрованных телеграмм иностранных дипломатов своим правительствам... Надо при этом пояснить, что в те времена так называемый «cabinet noir**» Министерства работал так исправно, что за исключением одного только из нескольких австрийских шифров, все остальные немедленно расшифровывались, так что Его Величество имел возможность в тот же или на другой день читать у себя (раньше их адресатов), все шифрованные депеши иностранных послов и посланников в Петербурге.

Перевернув несколько листов, Савинский положил передо мной расшифрованную два или три дня перед тем телеграмму германского посла в Берлин. Она заключала в себе подробный и очень точный отчет о последнем его разговоре со мной по Балтийско-Аландскому делу.

«Барон Шен, — сказал я, внимательно прочитав депешу, — очень хорошо запомнил все существенное из сообщений, которые я ему сделал, а эти последние — в полном соответствии с указаниями нашего министра. Я не вижу, поэтому, где тут объяснение его неожиданной холодности».

«Да Вы не дочитали до конца!» — прервал меня Савинский.

Читаю заключительную фразу этого секретного сообщения германского посла своему статс-секретарю по иностранным делам. (Привожу сейчас конечно, только приблизительный перевод, но точный по смыслу).

«Вы особенно заметите это разъяснение барона Таубе, ибо, как я сообщал и раньше, фактически он сам ведет все это Северное дело...»

«Да, — сказал я, — я не вижу ничего особенного. Ведь все эти переговоры, фактически действительно ведутся мною, но по желанию самого Александра Петровича и, само собою, под его контролем...»

* Если он холодно Вас принимает (фр.).

** Черный кабинет (фр.).

«Да, а все-таки, — заметил мой собеседник, — заметили ли Вы верхний левый угол этой дешифровки?» — и он положил передо мной несколько других листов того же рода; на них всех в левом верхнем углу фигурировала очень хорошо мне знакомая прямая черта между двумя точками, сделанная синим карандашом, — знак прочтения данной бумаги Его Величеством.

«Итак, как видите, — с торжеством констатировал директор канцелярии, — Александр Петрович не посылал этой расшифровки государю, а это по прямому его приказу...»

«Странно, очень странно», — так закончил я эту неожиданную откровенность моего товарища по университету.

Вывод был ясен: очевидно, министр не желал, чтобы государю стало известно, в особенности от иностранцев, что в его Министерстве существует дело, которое фактически ведется не им, а каким-то другим лицом. Но, может быть, а еще не принял бы особенно близко к сердцу малоприятную эту странную, на мой взгляд, деловую ревность, если бы не случился вскоре потом другой небольшой, но для меня малоприятный инцидент — уж прямой наскок на меня со стороны Извольского и притом при свидетелях.

Это случилось за немного дней до назначенного у него в кабинете торжественного подписания Балтийского четверного договора. Вот как это произошло:

Только что я вошел к нему с обычным докладом, как он с большим волнением сказал:

«Вы знаете что? Теперь на днях должен быть подписан наш Балтийский трактат, а между тем, мы с Вами (он только из вежливости не сказал просто: «Вы») проспали важный пункт в этом деле».

«Какой же?» — с удивлением спросил я.

«Да отмену Канробертского договора⁷⁰, о котором Вы же упоминали в самом начале этого дела, а потом и забыли».

«Да нет, Александр Петрович, договор этот был французами и англичанами объявлен потерявшим силу, в согласии со шведским правительством».

«Когда же это было? Я ничего подобного не помню. Вы наверное ошибаетесь. Дайте мне доказательство».

Я сейчас же вышел в соседнюю, секретарскую комнату, где обыкновенно оставлял у Гулькевича свое объемистое «дело» в синей обложке, посвященное северным вопросам. Таким образом, можно было всегда тут же наводить все справки о ходе этого дела.

С моими близорукими глазами поиски англо-французского уведомления об отмене договора 1854 года продолжались добрых полчаса: приходилось перебирать листик за листиком, чтобы не пропустить этой «пропавшей грамоты» и не начинать поисков сначала.

Между тем (было около пяти часов) на столе Гулькевича появился самовар и начали сходиться для традиционного чаепития некоторые старшие служащие Министерства или приезжие наши дипломаты, а Извольский в это время несколько раз проходил через эту импровизированную «чайную» — из своего большого официального кабинета в меньший, находившийся с другой стороны внутреннего коридора. Наконец он остановился у моего стола, — тогда как я продолжал перебирать свои бумаги.

«А Вы все ищите несуществующую бумагу?» — вдруг (так буквально) насмешливо язвительно спросил он.

«Да, нет. Она существует», — стараясь быть спокойным, ответил я. И случилось так, что не успела закрыться за ним дверь в его кабинет, как этот документ лежал передо мной.

«А вот и несуществующая бумага», — сказал я, повернувшись к сидевшим за чайным столом коллегам. И затем, сейчас же вслед за министром, даже без обычного стука в дверь, вошел в его кабинет.

«Вот несуществующая бумага, господин министр», — сказал я вежливо, но очень, очень холодно. Монокль появился в глазу Александра Петровича, он внимательно прочитал двойной англо-французский ответ об отмене старого против-русского договора и слегка сконфуженным видом возвратил его мне:

«Я, наверное, об этом забыл», — сказал он, и я молча откланялся. «Sapientī sat»*, как говорили старые, умные римляне. И тут я понял, что для меня этого второго урока было достаточно.

* * *

Мой переход с зыбкой почвы международно-политических комбинаций на твердую почву международных конференций выразился поначалу в участии моем вместе с профессором Мартенсом и под его председательством в ряде междуведомственных совещаний для подготовки будущей русской делегации на предстоявшей летом того же 1908 года 2-ой «конференции мира» в Гааге.

Здесь нужно напомнить, что так прозвали, после довольно туманной русской программы 1-ой такой конференции, созданной по инициативе Русского правительства, говорившей о всеобщем мире, разоружении и т.д., на самом же деле эта 1-ая Гаагская конференция, как затем и 2-ая обратилась в очень замечательные съезды представителей правительств со всего мира для кодификации правил публичного международного права на время мира и на

* Для мудрого достаточно (*лат.*).

время войны, в частности, с установлением Палаты международного Третейского суда⁷¹, а впоследствии и постоянного Международного трибунала^I.

Само собою, разумеется, что, участвуя в этих наших подготовительных работах, для конференции, я уже предвкушал удовольствие, рядом с моим старым учителем, познакомиться с симпатичной, скромной резиденцией королевы Нидерландской и столицей почти всех больших международных съездов. Но этой моей надежде тогда не суждено было сбыться, и в великолепном «Дворце мира», возведенном в Гааге по инициативе того же Ф.Ф. Мартенса, мне пришлось много раз заседать лишь много позже^{II}.

В один прекрасный день, призвав меня к себе, Извольский объявил мне, вероятно, почти еще никому неизвестную новость:

«Наученные горьким опытом японской войны, когда наш флот так энергично контролировал и топил их торговые суда, англичане собираются кодифицировать международное военно-морское право и собирают для этого большую международную конференцию в Лондоне. Это будет поважнее “Гааги”. Вы туда и отправитесь. Они почему-то торопят меня с этим делом; поэтому немедленно отложите Вашу работу, собирайте особую междуведомственную комиссию и приступайте к делу. Вы с начала японской войны и до сих пор как член призового военно-морского суда⁷² все эти вопросы хорошо знаете».

И вот пошла для меня новая юридическая работа под формальным, как и для Гааги, руководством товарища министра Чарыкова. Но о нем министр счел нужным дать мне следующее наставление:

«В Лондон поедете Вы и даже в качестве полномочного главы русской делегации, но петербургские Ваши занятия должны возглавляться товарищем министра. Николая Валериевича Вы хорошо знаете, поэтому имейте в виду: это превосходный человек, прямой, работающий, скромный, строгий к себе и снисходительный к другим, но, как говорится по-русски “на него находит”, — и тогда лучше с ним не спорить — он и сам вовремя одумается».

Характеристика, данная Извольским своему товарищу, вскоре подтвердилась, но для начала дело наладилось очень хорошо. В наше новое междуведомственное совещание вошли, конечно, представители министерств морского, военного, торгового мореплавания, а также и Министерства иностранных дел; в качестве моего помощника я выбрал барона Бориса Эммануиловича Нольде^{III}. И вот, по настоянию Чарыкова, который предпочитал лич-

ные переговоры письменным сношениям, — начались мои довольно частые поездки в Париж и в Берлин. Ибо было очевидно, что англичане будут стараться навязать нам на конференции свои специфические британские взгляды на все объекты военно-морского права, и что против этих взглядов надо установить юридическую коалицию государств континентальной Европы, с Францией и Германией во главе.

Полное единство наших интересов в этих вопросах с французами и с немцами подтвердилось очень скоро, и у меня установились наилучшие деловые отношения с моими коллегами в Париже и Берлине. То были блестящий профессор Парижского университета и 1-й юрисконсульт Министерства иностранных дел Рено (Louis Renault) и занимавший аналогичную должность в Берлине так называемый «Justitiar des Auswärtigen Amtes»* Криге (Kriege). Этот последний оказался, между прочим, типичным образцом прусского чиновника, в полной мере, со всеми достоинствами и всеми недостатками. Притом отлично осведомленный в международно-политических вопросах, мелочный и точно формулировавший свои взгляды, лишенный всяких других интересов, кроме своей службы, преисполненный безграничного почтения к величю Германского Рейха, своего министерства и своей собственной особы, которую он даже подходя к телефону, определял так: «Wirklicher geheimrat, Dr. Kriege, Exzellenz»**.

Все это нисколько не мешало ему находиться в самых дружеских отношениях с его почти что антиподом, — упомянутым уже Louis Renault, с которым ему приходилось работать вместе на разных технических международных съездах.

И вот, в разгаре этой моей новой работы, петербургской и заграничной, летом 1908 года произошел первый инцидент с Чарыковым, как раз в том стиле, о котором меня предупреждал Извольский.

После одной из моих поездок в Париж и Берлин, из которых я возвращался с точно установленной с Рено и Криге программой наших будущих работ на Лондонской конференции по вопросам военной контрабанды, блокады, потопления нейтральных судов и пр. в Петербург, барон Нольде встретил меня с усмешкой:

«А у нас тут большая для Вас новость! — сказал он. — Три дня тому назад мы получили английскую ноту насчет конференции и уже на нее ответили».

* Юрисконсульт по иностранным делам (нем.).

** Действительный тайный советник, доктор Криге, Ваше превосходительство (нем.).

Нота и ответ заключали положения, диаметрально противоположные тому, что было условлено мною с французами и немцами.

«Да неужели Вы не сказали Чарыкову, что нужно было, по крайней мере, выждать известного ему по датам моего возвращения и узнать, что было условлено, по его же инициативе, в Париже и Берлине?» — спросил я.

«Само собою, да. Но Вы, ведь, знаете, — не без раздражения сказал Нольде, — когда на него “находит”, ничего с ним не поделаешь». На все мои доводы он холодно ответил мне, что британская нота спешная, что на нее надо ответить немедленно и вручил мне им же написанный текст ответа, который был переписан и отправлен в английское посольство.

«Хорошо, — сказал я, — посмотрим, как из этого глупого положения можно теперь выпутаться: из нашего дела, очевидно, исчезнут либо Чарыковский ответ англичанам, либо — я».

А в кабинете товарища министра произошел затем курьезный обмен мнений.

«Рад Вас видеть, — любезно приветствовал меня Чарыков. — Уверен, что все Вам удалось отлично устроить в Париже и Берлине. Но отчего у Вас такой недовольный и озабоченный вид?».

«Да, по моей поездке все благополучно, — отвечал я, — но вот Нольде мне показал последнюю английскую ноту и Ваш ответ на нее, а это, к сожалению, значительно меняет дело».

«А, что? Она Вам не нравится?» — с некоторым смущением спросил он.

Тут, без всяких недомолвок, я объяснил товарищу министра весь абсурд создавшегося положения, нетерпимый ни для дела, ни лично для меня.

«Вы понимаете, Николай Валериевич, что этот Ваш ответ англичанам совершенно противоречит тому, о чем я условился в Париже и Берлине, выставляет либо наше министерство, либо лично меня, в самом невозможном свете: с Рено и Криге я договариваюсь об одном — против английских тезисов, а Вы в это время эти, правда только предварительно, тезисы одобряете. Если это так останется, я лично из этого дела выхожу».

Чарыков задумался.

«Вы знаете, Михаил Александрович, — сказал он мне после продолжительного размышления, — я вижу, что я напутал в этом деле; но Вы тут не причем. Ну что же делать, я лично напутал, я лично должен это и распутать... Приходите ко мне в это время завтра».

Через 24 часа я предстал пред товарищем министра, с любопытством ожидая, что из всего этого выйдет.

«А вот и моя нота», — с чисто детской радостью встретил меня Николай Валериевич, передавая мне свой ответ англичанам, само собою уже проштемпелеванный с соответствующей пометкой британского посольства. «Вы знаете, — прибавил он, — прямые пути самые короткие. Я съездил в английское посольство и просил посла возвратить мне мою ноту, сославшись на происшедшее недоразумение, “entre collègues ça arrive” и ноту мне возвратили», — с торжеством заключил он.

«Это замечательно, — сказал я, — но ведь содержание ее англичанам не только известно, но вероятно передано уже и в Лондон, и из этого двусмысленного положения нам надо как-то выпутываться».

«Ну, уж это Ваше дело, — наставительным тоном заметил Чарыков. — Для меня мой ответ англичанам больше не существует, а Вы, как юрист, теперь там что-нибудь придумайте, чтобы, как говорится, и волки были сыты и овцы целы».

Пришлось, следовательно, как-то спасти эту «овцу» в образе нашего товарища министра иностранных дел с его удивительной «candeur» по французскому выражению — трогательное чистосердечие, не без некоторой дозы глупости...

И спасение произошло — в форме написанного мною ответа на английскую ноту, составленному по следующему плану: текст Чарыкова был разрезан пополам, в середину его вставлено диаметрально противоположное ему по смыслу техническое объяснение нашей, т.е. русско-франко-германской точки зрения, с оговоркой, что английский взгляд на дело является действительно очень значительным, но, тем не менее, все-таки, однако и т.д. имеются и другие точки зрения; а в результате, все выяснится де, на предстоящей в Лондоне конференции.

Чарыков пришел опять-таки в чисто детский восторг от моего проекта ответной ноты.

«Да, я вижу, что Вы, в сущности, не изменили ни одного слова из моего ответа», — с торжеством констатировал он.

«Ни одного», — подтвердил я, — и в таком тексте и состоялся наш ответ англичанам.

Больше никаких недоразумений у нас с Чарыковым не было и усиленная подготовка к конференции прервана была только осенью того же 1908 года громким конфликтом с Австрией по делу Боснийско-Герцеговинской «аннексии»⁷³.

* * *

* Между коллегами такое бывает (фр.).

Австрийское дело (Бухлау)

1908 год, столь уже обильно насыщенный дипломатическими комбинациями А.П. Извольского, закончился большой его зарубежной поездкой — Вена (или вернее Бухлау), Париж, Лондон, Берлин, — предпринятой для осуществления нового его политического проекта: параллельно с отменой Аландского сервитута (который он, как мы видим, в конце концов достиг) и по примеру канцлера князя Горчакова, который в 1870 году добился отмены возложенного на Россию в 1856 году запрета держать военный флот в Черном море⁷⁴, он поставил себе целью получить от Турции разрешение проводить наши военные суда через турецкие проливы⁷⁵. Такое разрешение казалось можно было тогда получить в Константинополе от нового революционного правительства «младотурок»⁷⁶, а необходимое на это согласие наших постоянных противников в балканских делах, Англии и Австрии, тоже казалось тогда вполне достижимым: к такому оптимизму склоняли русского министра иностранных дел, с одной стороны, его предварительные дружественные переговоры с англичанами при свидании Эдуарда VII с Николаем II в Ревеле в том же году⁷⁷, с последующим заключением столь выгодного для них договора 1 августа, — а с другой, благоприятный, как ему казалось, обмен мнений о том же с австрийским послом в Петербурге и полученное от него приглашение пожаловать к ним в замок Бухлау для дальнейших переговоров. Окрыленный такими надеждами, Извольский, туда и отправился в октябре 1907 года. Все это было хорошо и естественно, не хорошо было, однако, следующее: в противоположность своему обыкновению тщательно подготавливать свои дипломатические ходы, А.П. на сей раз поехал в свою круговую поездку, так сказать, с пустым портфелем, — в чем он впоследствии откровенно и сознался. По совершенно непонятным причинам он даже не счел нужным посвятить в свои секретные планы ни председателя Совета министров (Столыпина), ни даже государя; для всех его удача должна была, очевидно, оказаться приятным сюрпризом, достойным, быть может, быть увенчанным пожалованием ему звания канцлера Российской империи... Ну, а в случае неудачи? О ней Извольский, очевидно, так мало думал, что в участии по международной линии «забыл» даже, после англичан и австрийцев, зондировать, в отношении своих планов, почву в Германии, союзницы Австрии. Словом, в Бухлау он явился только со своим собственным проектом: согласитесь на наше желание свободно проводить наш флот через турецкие проливы, и мы согласимся на давнее ваше желание

окончательно присоединить к двуединой империи занятые с 1878 года турецкие провинции Боснию и Герцеговину⁷⁸. Но в Бухлау к плану такого обмена, признанного принципиально приемлемым, отнеслись все-таки довольно холодно в том смысле, что, ведь, собственно Австрия имеет, дескать, уже давно согласие Русского Правительства на такое присоединение... Как так?

Это заявление было для Извольского неожиданностью и загадкой, которая разрешилась лишь по возвращении его в Петербург. А пока, следовательно, условились о том, что все будет оформлено с обеих сторон именно не раньше этого возвращения русского министра в Россию и окончательной международной санкции этого нового положения вещей на Ближнем Востоке.

Но, вот тут-то и произошло двойное, неприятное для Извольского, недоразумение. Неизвестно, не понял ли он как следует барона Эренталя и графа Берггольда, своих собеседников в Бухлау, или те сознательно его обманули, но во всяком случае, не успел он доехать до Парижа, как в Вене была официально опубликована окончательная «аннексия» названных выше славянско-турецких областей. А затем, не без участия вызывавшегося из Вены в Бухлау в качестве секретаря «князя Сан-Донато» (т.е. попросту Елима Демидова), весть обо всем этом австро-русском соглашении разболтана в Вене^{IV}, передана по телефону в Лондон, и там Извольского встретил неожиданно холодный прием.

Советник тамошнего русского посольства рассказывал мне, как он сам, выехав навстречу министру в Дувр, впервые на пути в Лондон, сообщил ему, что англичане категорически отрицают, будто бы ему были даны в Ревеле какие-то обещания насчет турецких проливов, так что сейчас надеяться на присоединение Британского правительства к достигнутому соглашению с австрийцами не представляется возможным. Это и было, действительно, официально заявлено Извольскому в Foreign Office.

Вся неудача этого его дипломатического путешествия по Европе была еще, прямо жестко, подчеркнута в Берлине, где статс-секретарь по иностранным делам явно уклонялся от всяких разговоров с ним на политические темы, тогда как император Вильгельм присутствовавший на данном ему завтраке, не сказал ему демонстративно почти ни слова.

Прием в Петербурге был уже совсем плохим. Пресса согласным хором обвиняла министра в прямом предательстве по отношению к этим столь любящим нас балканским «братушкам», притом без всякого эквивалента для России сделанным в Вене уступкам; в правительственных кругах с неудовольствием спрашивали себя, кто собственно его просил и уполномочил пускаться в эту дипло-

матическую авантюру. Неудивительно поэтому следующее развитие этого дела в Северной столице.

Тотчас по своем возвращении А.П. потребовал меня к себе.

«Вы посмотрите, — сказал он с величайшим раздражением, — каким материалом по несчастному вопросу об этой австрийской аннексии меня снабдило мое министерство».

И с этими словами он сунул мне в руки раскрытую папку, в которой одиноко лежал листик расшифрованной телеграммы Савинским, посланный ему в Париж на спешный запрос о каких-то старых русско-австрийских соглашениях о Боснии и Герцеговине. В телеграмме фигурировала выписка в несколько строк по этому вопросу из учебника международного права Мартенса.

«И это все!» — воскликнул Извольский. («По чьей вине», подумал я).

«Но вы-то, надеюсь, знаете что-то большее на этот счет?»

«Конечно, Александр Петрович». И я вкратце изложил ему всю международно-политическую конъюнктуру 70-х годов прошлого века и, в частности, подробности тех двух тайных договоров с Австрией, на которые вынужден был пойти император Александр II, начиная свою войну с Турцией 1877—1878 гг., дабы обеспечить свой военный тыл на Балканах от всяких неожиданностей со стороны Австро-Венгрии: Рейсштадт 1876 г. и Будапешт 1877 год⁷⁹.

«Откуда Вы все это знаете? — спросил он меня, — раз эти договоры, как секретные, не были опубликованы... и остались неизвестными даже министру иностранных дел».

«Да, это очень просто. Они упоминаются в превосходной двухтомной истории царствования императора Александра II, с которой я в свое время подробно ознакомился».

«Так вот что, — сказал министр, — приготовьте мне, пожалуйста, немедленно памятную записку, из которой, по Вашим же словам, было бы ясно, что Босния и Герцеговина эвентуально тогда уступленные нами Австрии для управления, в случае русской победы над Турцией, могли быть окончательно аннексированы в любой момент без согласия России, и что, следовательно, никакого “предательства” я не совершил. Я должен на днях обязательно доложить об этом государю, а потом объясняться о нем в Государственной думе».

«Слушаю, господин министр., — отвечал я, — но только должен положить, что в профессорских кругах не принято в серьезных работах важные документы цитировать из вторых рук. Требуемую Вами записку я берусь написать, только имея перед глазами тексты 1876—1877 годов».

«Так идите от моего имени к Горяинову (директор Государственного архива Министерства иностранных дел) и спрашивайте себе там все, что Вам угодно».

Однако Горяинов направил меня к тому же Савинскому, директору канцелярии министра, у которого, оказывается, должен был храниться этот договор в особом секретном шкафу. Иду к Савинскому, у которого это интересное интермеццо продолжается:

«Шкаф для тайных договоров у меня действительно имеется, — говорит он, указывая на таинственную железную дверь в стене своего кабинета и потряхивая американскими ключами, висевшими на его часовой цепочке, — но открыть Вам его я не могу без особого Высочайшего повеления: так гласит один из пунктов инструкции, данной раз навсегда директору канцелярии министра иностранных дел...»

Прошу его соединить меня телефоном с Извольским и сообщая о встреченном затруднении.

«Передайте трубку Савинскому», — кричит он мне в телефон, окончательно изведенный.

Через минуту Савинский обращается ко мне: «Министр мне заявил, что Высочайшее повеление у него имеется. Поэтому, милости прошу, садитесь здесь и ройтесь в шкафу сколько Вам угодно».

И я стал там не только «рыться», но и выискивать, что мне было нужно из интересного, ибо по профессиональному любопытству я перечитывал и многие другие документы этого небольшого, но исключительно важного архива, — в особенности все акты Тройственного союза императоров 1870 и 1880 гг. с тайными договорами 1881, 1884 и 1887 годов^{80v}.

Нагруженный выписками из всего этого драгоценного материала, я тем же вечером засел за работу и на другой день моя объяснительная записка об австрийской аннексии была, к большому удовольствию Извольского, готова. Затем, в Царском Селе у него все обошлось благополучно, также как потом и в Государственной думе.

Весьма неблагополучно продолжал, однако, развиваться этот вопрос в большой международной политике. Все старания Извольского — для «спасения лица» — добиться, по крайней мере, признания аннексии на новой международной конференции по делам Ближнего Востока потерпела неудачу. В июле 1908 года, после того, как Австрии удалось заключить с Турцией новую конвенцию признавшую окончательную утрату Турцией этих двух провинций⁸¹, Германское правительство раздражилось теперь лично на Извольского, поставив чуть ли не ультимативное требование о

немедленном официальном признании Россией создавшегося положения на Балканском полуострове. В Совете министров заговорили уже о появившемся призраке возможной войны с Австрией, поддержанной и Германией, — и Извольскому пришлось капитулировать.

Даже, единственный не решенный против него вопрос в этом Балканском кризисе 1907—1908 гг., повернулся против его мнения: умного, ловкого, хитрого князя Болгарского Фердинанда Кобургского — пришлось-таки благодаря его гениальной выдумке признать царем болгарским^{VI}.

Лондонская военно-морская конференция

После составления моей записки по австрийскому делу за мной, в области политических вопросов, оставались только заключительные переговоры по Балтийскому делу, закончившемуся, однако, как было указано выше, в апреле 1908 года. Этот период моей непосредственной работы с А.П.Извольским несколько испортили для меня два маленьких казуса, вызванных его крайней нервностью в эти тяжелые для его самолюбия месяцы.

Оба произошли незадолго до благополучного окончания Балтийско-Аландского дела.

По желанию Извольского я должен был еще прочесть две или три разъяснительные лекции об этом вопросе в «Клубе общественных деятелей»⁸². Были напечатаны также соответствующие правительственные сообщения в разных газетах, — и шум, поднятый вокруг этого несчастного Боснийско-Герцеговинского дела, постепенно затих. Но не затихла буря в душе Извольского, и с этой поры он стал открытым и ярким ненавистником Австрии, а через нее и поддерживавшей ее в этом вопросе Германии. Это тем более, что первые месяцы нового 1909 года принесли ему еще дальнейшие неприятные сюрпризы по тому же делу. Во-первых, в феврале он потерпел полное крушение в вопросе о признании «царем» болгарским князя Фердинанда (Кобургского), который перехитрил нашего министра иностранных дел и при своем посещении Петербурга был-таки признан государем в своем новом, уже признанном в Вене, титуле; с другой стороны, все старания Извольского «спасти лицо» по крайней мере, проведя вопрос об австрийской аннексии через конференцию великих держав, тоже оказались бесплодными. Ибо в Берлине решили, что никаких конференций для закрепления нового создавшегося на Балканском полуострове положения, не нужны и так повернули дело, что Россия очутилась перед своего рода ульти-

матумом Германии, за которым впервые появлялся уже призрак возможной войны с Германией. Наш Совет министров под давлением и своего председателя П.А. Столыпина и министра финансов В.Н. Коковцова, решительно отвернулся от этого призрака и Извольский со своей ненавистью к двум немецким империям остался пока в одиночестве.

Свидетелем всего этого в Петербурге я уже не был, ибо в конце декабря 1909 года выехал уже в Лондон в британский Foreign Office в качестве полномочного главы русской делегации на открывшей свои заседания Лондонской военно-морской конференции. Делегация состояла из представителей целых четырех ведомств — иностранных дел, морского, военного и торгового мореплавания, а всех таких делегаций в Лондоне оказалось десять. Английское правительство пригласило на нее именно те государства, которые, по его мнению, наиболее были заинтересованы и компетентны в вопросах военно-морского права.

То были (в алфавитном порядке), кроме самой Англии и России — Австро-Венгрия, Германия, Голландия, Испания, Италия, Соединенные Штаты Северной Америки, Франция и Япония.

Здесь было бы неуместно распространяться о существовании работы этой конференции, охватившей все спорные до того времени вопросы военно-морского международного права и приведшей к благополучному компромиссу их решений, сформулированному в «Декларации» — своего рода новом кодексе общепризнанного теперь международного права на случай войны, как, например: вопросы военной контрабанды, блокады и пр. и пр.

Обсуждались они в течение полутора месяцев (до середины февраля 1909 года), вызывали подчас бурные прения, но, в конце концов, были все-таки благополучно разрешены — увы, как оказалось, только в теории, ибо при первом же их применении на практике в Первую мировую войну они в большинстве случаев своего экзамена не выдержали.

Упомяну здесь только, что для всех континентальных государств едва ли не самым трудным вопросом было добиться признания русского взгляда на возможность, в крайних случаях, потопления нейтральных судов с их контрабандным грузом. Дело в том, что мои коллеги Рено и Криге не желали взять на себя почин в атаках на противоположный взгляд англо-американской доктрины, и мне пришлось открыть в данном случае «военные действия». При этом глава английской делегации в частном разговоре спросил меня: «Неужели Вы собираетесь перед всем военно-морским миром защищать здесь вашу пиратскую русскую практику во время японской войны?»

Я хотел было ответить ему, что «пиратская» ли она была или нет, покажет предстоящее голосование по этому вопросу и произнес на конференции довольно резкую речь, которую один из немецких свидетелей характеризовал потом, как «удары молотом» (des Hammerschläge), собравшую в пользу русского толкования единогогласное решение за русский взгляд против одних англичан^{VII}.

Для подписания от имени России торжественного акта этой декларации я приезжал затем в Лондон в середине июня того же года, снабженный конечно, полномочной грамотой подписанной Николаем II, и скрепленной государственной печатью Российской империи^{VIII}.

Не вдаваясь здесь, как сказано, в юридический анализ этого международно-правового документа (который дан в моих старых французских и немецких воспоминаниях), я не могу не упомянуть о трех «спектаклях», при которых мне пришлось присутствовать во время пребывания в Лондоне. Их было три, из которых первые два были даны всем членам делегаций, а третий специально мне одному.

Первый спектакль заключался в наблюдении с особой отведенной нам трибуны торжественного открытия Парламента королем Эдуардом VII. Это красочное зрелище, чисто средневековое и королевская процессия особенно осталась в памяти в той ее части, где после довольно нестройного шествия «стражи Генриха VIII» в соответствующих исторических костюмах, появился герцог Норфолькский, в качестве наследственного маршала Англии⁸³, несший непосредственно перед королем и королевой на бархатной подушке государственный меч Великобритании и подвигавшийся при этом задом спиной, обращенный лицом к Их Величествам!

Совсем не эффектен был, напротив, данный второй «спектакль» к концу конференции, когда выяснилось уже, что она закончится благополучно, — все члены делегаций были приглашены в Buckingham'ский дворец⁸⁴ для представления Эдуарду VII.

Этот королевский прием заключался в том, что через довольно бедные (по сравнению с нашим Зимним дворцом) залы мы были проведены в небольшую комнату, в которой и продефилировали перед Его Величеством, безмолвно приветствовавшим главных делегатов рукопожатием, а остальных — милостивым наклоном головы. На лице Эдуарда VII отражалась при этом невероятная скука, а на лицах моих иностранных коллег нетерпение, когда же кончится эта неинтересная и никому не нужная церемония. Никаких «открытых буфетов» или завтраков «à la fourchette»^{*} при этом не было, — и мы, наконец, разъехались в придворных экипажах,

* Плотный завтрак (фр.).

по выражению немецкого полномочного делегата «Höchst langweilig und lieblos» (в высшей степени скучно и неинтересно).

Ни того, ни другого эпитета нельзя было, однако, применить к третьему «представлению» от королевского двора, данного тогда специально мне. Дело в том, что принц Уэльсский, наследник престола и будущий король Георг V, выразили нашему послу в Лондоне желание со мной познакомиться, и граф Бенкендорф не замедлил устроить для него интимный обед «en petit comité»* во дворце посольства.

Тут, прежде всего, поразила меня внешность Его Высочества, необыкновенно похожего на своего двоюродного брата, нашего государя; иллюзия, что видишь перед собой Николая II, усиливалась тем, что принц Георг появился украшенный голубой Андреевской лентой... Лучшим же его украшением служил весь его любезный радушный вид, — нисколько не сходящийся с холодным, чопорным видом его супруги, будущей королевы Мэри. Тотчас после обеда принц Уэльсский пригласил меня подойти с ним к камину, и началась интереснейшая непринужденная беседа на англо-русские политические темы. Беседа эта началась с большой моей бестактности, если смотреть на дело с дипломатически-придворной точки зрения. Дело в том, что принц открыл ее на английском языке, а у меня он успел основательно позабыться. Для салонных разговоров по-английски я еще годился, но вести серьезный разговор с наследником Британского престола, казалось мне рискованным, и я, извинившись перед ним, спросил Его Высочество, не могу ли я отвечать (только отвечать!) по-французски. Принц Георг тотчас же сам заговорил на этом языке, которым он владел превосходно.

Беседа состояла в том, что в настоящее время называется дипломатическим «tour d'horizon»**: беглый обзор всех политических районов и вопросов, интересующих оба государства.

Само собою, что основой для этого служил англо-русский договор 18/31 августа 1907 года Извольского, от которого принц был, конечно, в восторге.

«Не достает в нем только Египта, — заметил мой собеседник, — Ваша дипломатия ведь на него и не покушается. Но скажите все-таки Вашему министру, что мы сидим там прочно и из Египта ни в каком случае не уйдем...» (Он вспомнил, вероятно, при этом странную экспедицию «Казака Ашимова» в Эфиопию при Александре III)⁸⁵.

* В узком кругу (фр.).

** Обзор (фр.).

Обо всем этом и было мною отписано в Петербург, в последнем моем донесении из Лондона, на котором Николаю II угодно было написать несколько слов благодарности мне и всем членам русской делегации.

О том же, конечно, шла, между прочим, речь и на моей аудиенции у государя в его маленьком, скромном кабинете Александровского дворца в Царском Селе. Аудиенцию эту назначил он сам и расспрашивал о моих лондонских впечатлениях довольно долго, причем (в самом начале) выразил удовольствие по поводу дружной совместной работы членов делегации в данном случае.

«А то, — сказал он, — после всех международных съездов, или здешних междуведомственных комиссий бывает так, что все представители отдельных ведомств ссорятся друг с другом, и до меня доходят жалобы их министров друг на друга».

И в заключение государь затронул столь интересовавший его, как мы уже видели выше, вопрос о возможном сотрудничестве европейских правительств в борьбе с революционным движением⁸⁶.

«Я знаю, — сказал Николай II, — что с этим вопросом Вам раньше пришлось ознакомиться при графе Ламздорфе. За время Вашего пребывания в Лондоне не доходили ли до Вас, может быть, слухи, что и англичане начинают понимать общеевропейское значение этого вопроса?»

«Только совершенно случайно, — отвечал я государю, — зашла речь об этом предмете, вне всякой связи, конечно, с занятиями конференции. Я познакомился и потом несколько раз встречался с одним высокообразованным богатым членом английской *gentry* (поместного дворянства), который, заговорив о революционном движении в России после японской войны перевел вопрос на ту общую, широкую область, о которой упомянули Вы, Ваше Величество».

«Так вот, при Ваших весьма частых профессорских и дипломатических разъездах по Европе, не теряйте, на всякий случай, из виду всю важность этого дела, несомненно, угрожающего всем странам Европы».

В Петербурге до Извольского уже дошел слух о довольно необычной продолжительности моей аудиенции у Николая II и результатом этого — тоже неожиданным для меня — явились странные затруднения по опубликованию выраженной мне и моим коллегам Высочайшей благодарности...

В России, кроме государя императора, значение лондонской конференции оценило по достоинству, кажется, только Морское министерство, представитель которого полковник И.А. Овчинников и был на ней моей правой рукой. Зато исключительное

внимание к ней и признание ее кодификационных заслуг она вызвала на европейском континенте; как внешний признак этого можно привести пожалование русскому главноуполномоченному исключительно высокой награды — звезды прусского «Красного Орла» и австрийской звезды ордена Франца-Иосифа; французы воздержались от нового ордена, потому что незадолго перед тем мне был дан уже крест Почетного легиона.

Но, по возвращении из второй поездки в Лондон — для подписания Декларации (29/16 июня 1909 г.) — меня ожидала более серьезная неприятность. Ведь за несколько дней до моего выезда в Лондон для подписания от имени России этого нового кодекса военно-морского международного права, неожиданно скончался в своем маленьком имении близ города Вольмара (Лифл. губ.) мой дорогой учитель и друг Федор Федорович Мартенс (7 июня 1909 г.).

А в связи с этой очень поразившей меня утратой и по поводу возведенного самим Извольским в близких ему кругах моего назначения на его должность в Министерстве, столь же внезапно разразилась совершенно скандальная история, — сложная комбинация служебных передвижений для иного замещения этой должности. Дело в том, что вопреки своим собственным добрым намерениям в начале своего пребывания в Петербурге, Извольский стал нередко руководствоваться при новых назначениях, не столько оценкой, удачным выбором кандидата, сколько внешними соображениями, личной его материальной обеспеченности, связями со светскими петербургскими кругами, наконец, приятными ему свойственными связями с его женой, рожденной графиней Толь.

В результате для данного случая получилась следующая «история»:

Как-то — это было уже в июле или даже августе, — ко мне зашел приехавший только что в Петербург некий наш заграничный дипломат польского происхождения «граф» (как он себя приказывал титуловать) Прозор. Это был очень милый, безобидный человек, оккультист и спирит, русский язык знавший плохо, но великолепно французский, немецкий, за какие-то заслуги продвигавшийся по службе и в своем хорошо оплаченном *farniente** не творивший ни добра, ни зла и чувствовавший себя за границей превосходно. И вот, он с совершенно растерянным видом поведал мне, что только что был принят нашим министром, который сообщил ему, что метит назначить его на должность покойного Мартенса.

* Праздность (фр.).

«Вы понимаете, — сказал мне Прозор, — как это меня поразило: никаких познаний в международных юридических делах у меня, как Вы знаете, нет, а в материальном отношении потеря моего заграничного поста представляется для меня катастрофой... И Вы один можете спасти меня».

«То, что Вы мне сообщили, — отвечал я, — действительно очень странно и похоже на плохую шутку. Но разве Вы не представили министру Ваших чисто деловых соображений против такого назначения?»

«Конечно! Но министр отвечал мне, что мое юридическое невежество неважно, ибо все наследство по этой части будет передано Вам, а мне будут найдены какие-то другие занятия. За кулисами я узнал, что мое назначение необходимо для освобождения моего заграничного места, а это последнее входит в целую систему передвижений наших коллег, с целью продвижения по службе князя Кудашева, состоящего, как Вы знаете, в свойстве с Маргаритой Карловной Извольской (женой министра)».

«Тогда, — отвечал я ему, — я могу сказать Вам только следующее: требовать от министра, чтобы он назначил непременно меня на должность покойного профессора Мартенса, я, конечно, не могу, и, в конце концов, назначить на эту должность он имеет право кого ему угодно, хоть дворника нашего министерского дома на Морской, номер 20 (так я и сказал) да и вопрос о моем превращении из «советника Министерства» в неперменного члена Совета министров, в служебном отношении меня не особенно интересует. Но что меня интересует — это то, чтобы при такой странной комбинации на меня не наваливали лишних оставшихся после Мартенса разных обязанностей, лишая меня в то же время его бывших прав. Поэтому я могу, конечно, заявить, что дел, бывших в производстве у моего учителя, я в случае назначения другого лица на его место ни в каком случае не приму».

«Ну, в таком случае я спасен! — воскликнул обрадованный спирит. Обойтись без Вашей работы он не может».

На этом я с будущим русским дипломатом в Южной Америке (куда он был, в конце концов, назначен) и расстался. Не теряя времени, направился к директору департамента личного состава и повел с ним следующую беседу. Это был очень симпатизировавший мне барон Карл Карлович (или «Карлос») Буксгевден.

«Я прихожу к Вам, — сказал я ему, — по весьма деликатному делу. Из верного источника (безразлично какого) я узнал, что в противоположность своему первоначальному намерению, министр имеет сейчас намерение назначить на должность покойного Федора Федоровича Мартенса не меня, а другое лицо. Это — его

право и я в его распоряжения вмешиваться, конечно, не могу. Но во избежание деловых недоразумений в будущем, я пришел Вам заявить, что в случае такого “стороннего” назначения, ни одного из дел Мартенса в свое производство не приму».

«Позвольте, позвольте, дорогой барон! — остановил меня тут директор личного состава. Тут Вы идете уж слишком далеко — я понимаю Ваше неудовольствие в случае такого неожиданного назначения, о котором я, впрочем, ничего не слыхал, — но как можете Вы, все-таки, отказаться от какой-либо надбавки в Вашей теперешней работе? Ведь это тоже область непосредственных распоряжений министра».

«Весьма может быть, — отвечал я. — Но хартия свобод русского “человека и гражданина” даже до 17 октября состояла из трех коренных правил: право болеть, ходатайствовать и подавать в отставку. И вот в случае недоразумений я воспользуюсь этим последним правом, но никаких Мартенсовских дел все-таки не приму!»

Барон Карлос тут задумался.

«И что же? Вы разрешаете мне эвентуально сказать это министру?»

«Да я не только это разрешаю, но убедительно прошу Вас это сделать. Ведь для этого я и пришел к Вам».

Прошло после этого дня два, и случайно встретив Буксгевдена в нашем коридоре.

«Ах, вот а *groros!* — воскликнул он. Я был у министра по разным делам и, между прочим, он упомянул и о Вашем назначении. Дошедшие до Вас слухи, очевидно, просто министерские недоброжелательные по отношению к Вам сплетни».

Я не стал входить в дальнейшие объяснения с бароном, который, очевидно, успел доложить Извольскому о нашей беседе... и Прозор, по его выражению, был спасен.

И действительно, на следующий день, когда я отправился с очередным докладом к Извольскому по какому-то юридическому вопросу, министр был, как в прежнее время, исключительно внимателен, любезен, полон разных комплиментов и, наконец, сказал:

«Кстати, позвольте Вас поздравить. Я сказал барону Буксгевдену заготовить о Вас доклад государю: Вы знаете, что должность покойного Мартенса, на которую я Вас назначаю «IV класса» и потому требуется именной указ Сенату».

Мне оставалось бы тут — более или менее холодно — поблагодарить министра и удалиться. Но он имел неосторожность прибавить, вероятно, заметив мой более чем сдержанный вид:

* Кстати (*фр.*).

«Это Вас, конечно, не удивляет: ведь, никакого другого кандидата на эту должность и быть не могло!».

И вот, с молодости не любя оставлять без отпора прямую ложь в моем присутствии, я спокойно и вежливо заметил все-таки своему министру:

«Мне это тем более приятно сейчас от Вас слышать, так как имелся в виду и другой кандидат на эту должность».

«Какой кандидат? — воскликнул Извольский и монокль был вставлен в его правый глаз. — Охота Вам верить всяким здешним сплетням!»

«Да это не сплетни, господин министр: мне это сказал три дня тому назад, тотчас же после приема у Вас тот самый граф Прозор, которому Вы прочили эту должность».

Читателю предоставляется представить себе физиономию А.П. Извольского при этом известии. Но со своим смущением он, в качестве бывалого дипломата, все-таки справился; только монокль выпал из глаза и, сделав вид, что он не расслышал, и, наклонившись к столу, он стал рыться в своих бумагах.

«Да, вот еще, — сказал он на прощанье, — будьте добры, сказать барону Буксгевдену, чтобы вместе с докладом о Вас он заготовил представление государю о назначении Вас, по следам Мартенса, членом от России Международного третейского трибунала в Гааге»⁸⁷.

Я откланялся... А с противоположного конца огромной комнаты в своей блестящей военной форме начала прошлого столетия на меня одобрительно смотрел прямой и честный балтийский немец, граф Карл Федорович Толь, участник наполеоновских войн и главноуправляющий путями сообщения России — родной дед жены министра, громадный батальный портрет которого Извольский счел уместным выставить на страх врагам в своем официальном кабинете.

Моя принципиальная победа над бюрократическими хитростями Извольского привела к реальным результатам только осенью: в октябре я был, наконец назначен «непременным членом Совета М.И.Д.», а в ноябре членом от России в Гаагском Международном третейском трибунале. Причем, однако, за свое «предерзостное состояние» (согласно нашему официальному языку XVIII века) я был наказан удержанием из моего нового содержания 1000 рублей в год, назначавшихся Мартенсу, за особые работы по международному праву... Зато я не был лишен гораздо более важной функции покойного Федора Федоровича по Министерству юстиции: еще в сентябре, по решению попечителя Императорского училища правоведения⁸⁸, принца Алек-

сандра Петровича Ольденбургского, я получил там ординатуру по кафедре международного права.

Итак, переход мой на 1910 год — после столь беспокойного и богатого разнообразными впечатлениями 1909 года, — был ознаменован пересадкой меня уже на третье кресло в чиновном Петербурге: как махровый «совместитель» я теперь юридически был подчинен трем министрам — народного просвещения, иностранных дел и юстиции — и потому, в случае какого-либо нового каприза Извольского, мог в самом деле совсем распротиться с его довольно странным ведомством...

Но в 1910 году Извольскому было уже совершенно не до меня: он был поглощен мыслью о наилучшем устройстве своей собственной дальнейшей судьбы, ибо после его провалов 1908—1909 гг., он не сомневался, что оставаться далее у Певческого моста ему не придется и надо только выждать постоянного места за границей, в более интересном центре, чем Мадрид, который ему уже предлагали; нет, Лондон или Париж, а пока:

«Разве я могу оставить Министерство иностранных дел Сазонову?» — любезно говорил он направо и налево об им же выбранном себе в товарищи министра. Но в этом последнем вопросе, все знали, что Александр Петрович со всеми своими помощниками не уживается — три товарища министра за четыре года! — и потому считали, что на Сергея Дмитриевича Сазонова оставить русские иностранные дела вполне возможно.

Правда, здесь нужно сказать, что в данном случае Извольский в своем пессимизме был вполне прав (как это и будет видно из последних глав этих воспоминаний) и что этот третий товарищ Извольского оказался едва ли ни худшим из всех глав этого ведомства за весь императорский период истории России. Но за ним был козырь немалый в эпоху заключения англо-русского договора 1907 года: полная поддержка британского Foreign Office и Сэнт-Джемского двора.

И вот, когда Извольский окончательно созрел для Парижа, Его Величество в бытность свою в Гессенском замке Вольфсгартен (близ Дармштадта) на отдыхе, в семье императрицы Александры Федоровны, подписал 25 сентября 1911 года указ о назначении его, Сазонова, управляющим Министерством иностранных дел.

По случайному совпадению в тот же день и там же был подписан Николаем II и другой указ об аналогичном назначении: на место давно просившегося на покой в Государственный совет, пожилого и почтенного министра народного просвещения Шварца, был назначен, по особому настоянию председателя Совета министров П.А. Столыпина, никто другой, как профессор

Московского Университета и директор тамошнего лицея цесаревича Николая, то есть — мой старый харьковский приятель Лев Аристидович Кассо.

Как вскоре оказалось, что последнее назначение должно было — против моего желания — пересадить меня с Дворцовой площади к Чернышеву мосту⁸⁹, а вместе с тем, естественно, перевести и читателя в следующую главу моих воспоминаний.

* * *

Примечания

^I В противоположность учрежденной на Гагской 2-ой Конференции мира Палате международного суда (Cour de Justice Internationale) в этот период существовавшая с 1898 года Постоянная Палата третейского суда в Гааге (Cour D'arbitrage Internationale) не являлась особым постоянно функционирующим судебным органом международного общения цивилизованных стран, а только имела хранящийся в канцелярии этого учреждения список назначенных в него всеми государствами лиц эвентуальных третейских судей в том или другом процессе, призываемых *ad hoc** особой конвенцией (компромиссом) спорящих государств. Таким образом, можно быть всю жизнь членом этого Третейского трибунала и никогда в Гааге не бывать и ни в каком процессе судьей не быть. Так и автору этих воспоминаний пришлось быть третейским судьей в трех разных международных процессах не *ex officio*, а по особому выбору споривших правительств.

^{II} Мало кому известно, даже в самой Гааге, что великолепный построенный там «Дворец мира» — резиденция разных международно-правовых учреждений — явился результатом совета, данного в этом смысле профессором Мартенсом американскому миллиардеру Карнеги (Carnegie), запросившему его о наилучшем употреблении громадной суммы, которую он желал истратить на какое-нибудь международно-правовое дело.

^{III} Барон Б.А. Нольде, мой значительно более молодой товарищ по международно-правовым занятиям, читал в те годы лекции не в С.-Петербургском Университете, но в С.-Петербургском политехникуме. Докторской диссертации он не написал и остался магистром этой науки. В Министерстве иностранных дел он играл тогда роль своего рода юрисконсульта в 1-ом (Азиатском) Департаменте, как я, в свое время, во 2-ом.

^{IV} С особенным интересом я тогда познакомился с подлинниками знаменитых секретных Бисмарковских договоров 1880 г. XIX столетия, создававших союз трех императоров (1881 и 1884), причем третий из них (1887) продолжал традиции русско-германской дружбы даже когда из нее выпала Австрия. Это был так называемый «договор обратного страхования» (Rückversicherungsvertrag), путем которого Германия обеспечивала себе добрые отношения к России оставаясь союзницей Австрии⁹⁰. Все это, как оказалось в 1920 году из моего разговора с Сазоновым (в Париже), осталось совершенно неизвестным этому преемнику Извольского, он

* Специально (лат.).

Ламздорф В.Н.

Кассо Л.А.

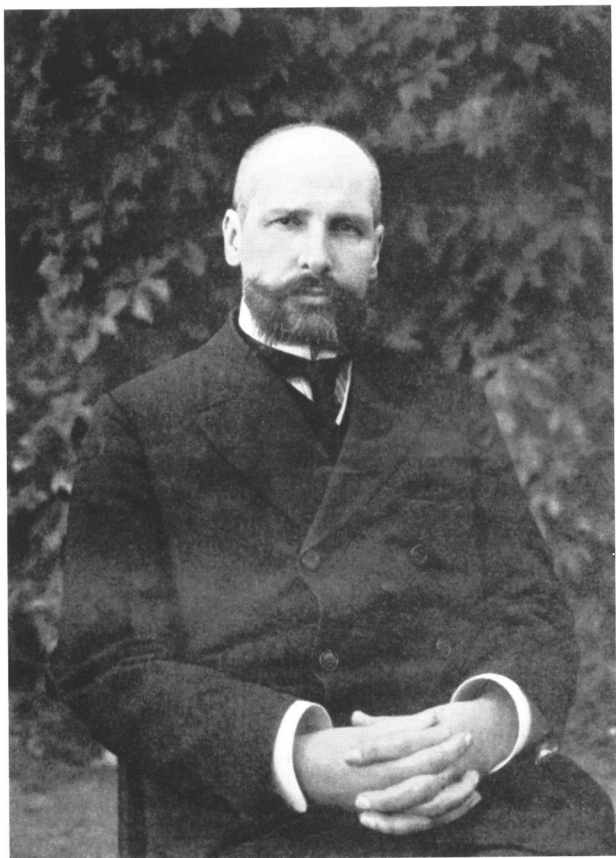
Извольский А.П.

Сазонов С.Д.

Витте С.Ю.

Столыпин П.А.

Кокотцов В.Н.

Горемькин И.Л.

Мартенс Ф.Ф.

Таубе М.А.

Малевский-Малевич Н.А.

Бенкендорф А.К.

Слева – вице-адмирал Ф.К.Авелан,
справа – контр-адмирал З.П.Рожественский

Штенгер В.А.

Таубе М.А.

Казнаков Н.И.

Кладов Н.Л.

Бирилёв А.А.

Саблер В.К.

полагал, что эти союзные русско-германские договоры Александра III с Вильгельмом I просто позднейшая выдумка немецких публицистов! Итак: два русских министра иностранных дел в течение 10 лет (1906—1916), не любопытствовали даже заглянуть в железный шкаф секретных русских договоров, находившийся в стене их же канцелярии!

^V Елим Демидов в бытность свою уже посланником в Афинах каялся в этой своей англофобской неосмотрительности своему бывшему сослуживцу барону Алексею Юльевичу Икскуль-Гильденбандту, который и передал мне об этом «по секрету» — уже в эмиграционное время.

^{VI} Получив разрешение приехать в С.-Петербург (в феврале 1909 года) на похороны великого князя Владимира Александровича, как участник Русско-турецкой освободительной войны 1877—1878 гг., князь Фердинанд Болгарский был осведомлен своим военным агентом в России о колебании Николая II признать ли его царем и в случае благоприятного для него решения вопроса, знамя почетного караула, выставленного на вокзале в С.-Петербурге для его встречи, должно было быть наклонено и к этому моменту оркестр заиграет новый царский гимн «Шуми Марица» вместо обычного Преображенского марша. И вот, по выходе из вагона, почтительно поздоровавшись с государем, он тотчас остановился перед караулом и его знаменем и со слезами на глазах обратился к Николаю II: «Дозвольте, Ваше Величество, облобызать эту священную для меня реликвию — свидетельницу освобождения Болгарии русской кровью», — и потянулся к высоко колыхавшемуся на своем древке знамени. Что оставалось делать государю, как не сказать «Опустить знамя». Оно было приспущено, Фердинанд его поцеловал и музыка заиграла «Шуми Марица» и политический акт болгарями, против советов Извольского, был выигран.

Я посвятил этому курьезному и красочному дипломатическому фортелю Фердинанда Кобургского специальную статью в журнале «Le Monde Slave»* 1930 года, номер от июля. С. 111. «A propos de la politique Russe d'avant-guerre»**.

^{VII} Лондонская морская конференция описана мною во всех подробностях в VII главе моей «La politique Russe d'avant-guerre», где патетический момент обсуждения русского пиратства — потопления нейтральных судов изображен на стр. 217.

^{VIII} Подлинник Высочайшей верительной грамоты с подписью Николая II и Государственной печатью находится в настоящее время у моей старшей дочери, вдовы доктора А. Налруп, в Швеции (Tureborg) близ Стокгольма.

* «Славянский мир» (фр.).

** К вопросу о довоенной политике России (фр.).

Глава VIII

В пекле Министерства народного просвещения

1. Первый год под непрошеной эгидой Л.А. Кассо (1911)

В 1911-ом году я по воле судеб и против своей собственной воли — как это будет объяснено сейчас — превратился в товарища министра народного просвещения и вследствие этого высокого назначения очутился, по выражению титула этой главы, в самом пекле этого весьма беспокойного ведомства. Случилось это происшествие следующим образом:

В один из последних дней сентября 1910 года меня посетил неожиданно приехавший в Петербург из Москвы Л.А. Кассо, и сообщил мне сенсационную новость о своем назначении управляющим Министерством народного просвещения. Оказалось, что председатель Совета министров, П.А. Столыпин, уже довольно давно познакомившись с ним при своих приездах в Москву, особенно настаивал на принятии им этой должности, и он, в конце концов, на это согласился. И на мои добрые пожелания успехов Льву Аристидовичу на его новой трудной должности, мой харьковский друг ответил мне, что он рассчитывает не только на мое сочувствие, но и на содействие на этом новом поприще, и теперь же просит меня стать у него товарищем министра.

Немало пораженный всей этой краткой беседой, я тут же ответил новому министру категорическим отказом. Я ведь чувствовал себя отлично, пустив после кончины Мартенса, еще более глубокие корни в области занятий международного права и не имел ни малейшего желанья более близко познакомиться с «осиным гнездом», как я позволил его себе назвать, Министерства народного просвещения, где его, Кассо, ожидают всяческие внешние и внутренние трудности и неприятности.

«Я так и думал, что Вы мне это скажете, — сказал мне на это Кассо, — я и сам на Вашем месте сделал бы то же... Но, по крайней мере, посоветуйте мне, кого взять вместо Вас из Вашего

петербургского профессорского круга, человека верного работающего, умеренно-правого по политическим воззрениям... Черносо-тенцев, у Вас, в С.-Петербургском университете, к счастью, нет...»

И я сразу рекомендовал ему Владимира Тимофеевича Шевякова, — «естественника», даже энтомолога по профессии, дельного энергичного работника и весьма симпатичного человека.

«Он не юрист, как бы Вам, вероятно, хотелось, — прибавил я, — но отлично разбирается в университетских вопросах».

«Ну, на днях же ближе познакомлюсь с ним», — отвечал Кассо, — и назначение это действительно состоялось, причем Шевякову он поручил именно университетские дела.

На этом мой обмен мнений с новым министром, по вопросам, касавшимся его ведомства, и прекратился на несколько месяцев.

Но к весне он снова возобновился, ибо отношения Кассо с его унаследованным от министра Шварца вторым товарищем министра, Л.А. Георгиевским, решительно не налаживались. Ведь Лев Александрович Георгиевский был в свое время директором Николаевского лицея в Москве и в этом качестве своего рода начальником Кассо, а теперь этот второй Лев сделался его собственным принципалом..., а подобные комбинации всегда приводят к разным личным трудностям и кончаются разрывом. Так оно случилось и тогда.

«Ваш бывший учитель латинского языка в VI гимназии прекрасный работник, — сказал мне Кассо как-то, — но Вы понимаете всю деликатность наших теперешних отношений после Москвы, и он уже несколько раз просил меня освободить его от должности товарища министра. Сейчас он в служебной командировке по ревизии наших учебных заведений в Сибири и в Туркестане, и я хотел бы к его возвращению разрешить этот тягостный вопрос... Примите, все-таки этот его пост — очень прошу Вас».

Я опять ответил моему другу столь категорическим отказом, как и осенью; к моим тогдашним аргументам присоединились теперь еще те деловые соображения, что с тех пор выяснилось, что мне предстоит вскоре заняться одним сложным международным процессом в Гаагском третейском трибунале⁹¹.

«Да, все это так, — сказал мне Кассо, — но мне кажется, что за всеми Вашими возражениями скрываются еще и некие «идеологические» колебания: ведь еще в Харькове мы были с Вами далеко не единомышленниками в некоторых политических вопросах».

Пришлось изложить мне Льву Аристидовичу мой взгляд и на этот сугубо деликатный вопрос.

«Да, действительно, — отвечал я ему, — расхождение взглядов на внутренние дела у нас были и вероятно осталось. Это тоже,

конечно, играет известную роль в моем отказе. Позвольте формулировать эту сторону вопроса так...»

И дальнейший обмен мнений столь важен для характеристики министра Кассо, что я привожу тут его во всех его существенных подробностях.

«По складу всего Вашего характера, — сказал я моему харьковскому другу, — Вы стоите за то, что Ваши учителя и товарищи по парижскому Lycée Condorcet* называли “La manière forte””, и это в государственной жизни, очевидно, необходимо иногда, — вплоть до “сильной манеры” Петра Великого. Но я думаю, что времена такого состояния для России прошли и сейчас могут только ускорить катастрофу, о приближении которой мы с Вами так часто говорили в Харькове. Хорошо ли это или худо, но у нас во главе громадной разноязычной империи, потрясаемой внутренними судорогами, нет ни Ивана Грозного, ни Петра I, ни даже Николая I или Александра III, а есть Николай II, менее чем кто-либо из его предшественников похожий на “самодержца”, прежде всего по своей слабой воле, и к тому же окруженный (как мы петербуржцы, близко наблюдаем это уже около 20 лет) действительно самодержцами — в лице его министров, которые тянут его каждый в свою сторону, к числу которых теперь присоединились и Вы, и отягощенный унаследованным им от его боготворимого им отца лозунгами “самодержавие” и “истинно русских людей”. В результате появились, якобы, “сила” — где ее нет на самом деле — и стремление “скрутить в бараний рог” инакомыслящих, вместо политики мирного компромиссного решения острых вопросов и постепенного привлечения к власти широких здоровых общественных кругов. Ваша “manière forte” может увлечь Вас в сторону “бараньего рога” и “реакции”, а я ни в каком случае не “реакционер”...»

«Да, ведь, и я не реакционер, — возразил мне Кассо, — я только думаю, как и Столыпин, что когда на корабле в трюмах появилась течь, то нужно, прежде всего, законопатить дыру, а потом говорить о мирном сожительстве и широких реформах».

“Вот именно, — отвечал я, — Вам кажется неизбежной дилемма: “manière forte” или революция, а мне и моим друзьям немедленные, пока не поздно, реформы, или революция! Ведь Вы сами считали в Харькове, что система “бараньего рога” бессильна, вредна и, прежде всего по отношению ко всей окраинной политике нашего правительства со времени Александра III; к чему привела система “истиннорусских людей” в Финляндии, в При-

* Лицей Кондорсе (*фр.*).

** Решительные меры (букв.: сильная манера) (*фр.*).

балтийском крае, Литве, Польше и на Кавказе, по отношению к католикам и к евреям? Только к растущему недовольству этого “нерусского” населения окраин против центральной русской власти, — а это когда-нибудь сыграет свою роль при вновь начавшемся революционном движении⁹². Дорогой Лев Аристович, ведь в России, на мой взгляд, спор не о деталях, а о самой основе всей политической проблемы. Как 600 лет тому назад во всей нашей “Евразии”: английская “Magna Charta Libertatum”⁹³ или — Чингисхан...»

«Итак, Вы считаете меня Чингисханом?» — смеясь, спросил Кассо.

«Вы не Чингисхан, но на Вас очень скоро наклеют эту этикетку, и таким Вы и будете считаться даже в “умеренных” кругах, тогда как наши “черносотенцы”, “зубры” будут продолжать Вас ненавидеть, зная, что Вы на самом деле человек не их лагеря!»

«Да, то, что Вы сейчас сказали, — сразу заметил Кассо, — пожалуй верно, и я сейчас же, на всякий случай, хочу дать справку о моем отношении к еврейскому вопросу, столь жгучему в правых наших кругах. Как уроженец Бессарабии, я, конечно, никакой симпатии к этому племени не имею, но как юрист и как христианин правовым ограничениям гражданских и политических прав евреев в России не сочувствую. Я готов объявить, при первом удобном случае, что стою за отмену знаменитой “черты оседлости” и “процентной нормы” в наших университетах¹, но... пока эти ограничения существуют в законе, — я — опять-таки как юрист — буду придерживаться их строго, а не тайными путями министерских распоряжений обходить в угоду этих “гонимых”, но на самом деле всегда могущественных отпрысков “избранного народа”. Поживем-увидим, как все это утрясется при мне на практике. А пока от моей “*manière forte*”, как Вы ее называете, отказаться не могу: не для этого призвал меня к власти П.А. Столыпин!»

«Позвольте же и мне, — так заключил я нашу беседу, — пожить и увидеть, что у нас будет твориться — увидеть из моего международно-правового далека».

Казалось, что всем этим я был застрахован от дальнейших покушений на мою свободу со стороны Кассо. Но я ошибался. Именно по его «сильной манере» он решил применить ко мне правило немецкой стихотворной поговорки: «*Und bist du nicht willig, so brauch ich Gewalt*», то есть: «Не хочешь согласиться, так заставлю тебя силой».

¹ Великая Хартия вольностей (*лат.*).

Но сила была тут облечена (по Бисмарковскому рецепту) в бархатные перчатки — и случилось сие так:

Пришла весна, и Кассо (заходивший ко мне довольно все-таки часто) как-то мне сказал:

«Вы все мне отказываете в моей главной просьбе, но есть к Вам и небольшая: я хочу назначить Вас председателем Государственной юридической испытательной комиссии⁹⁴ в Юрьевский университет⁹⁵. Вы знаете, что с Дерптом меня связывают дорогие мне воспоминания первой моей профессорской работы в России, и мне будет особенно приятно, что именно Вы повезете мой сердечный привет разным моим тамошним бывшим коллегам».

«Да, мне будет, конечно, только лестно, — отвечал я, — быть Вашим представителем в этом почтенном старом научном гнезде — основанном, между прочим, около 300 лет тому назад при одном из моих шведских родичей...»¹¹

И я уже заканчивал свои лекции в университете и училище правоуказания⁹⁶, в ожидании этой приятной предстоявшей мне поездки на берега Эмбаха⁹⁷ и в знакомую мне уже богатейшую библиотеку тамошнего университета.

Но вот тут-то и случился совершенно для меня неожиданный инцидент. За несколько дней до моего отъезда заходит ко мне Л.А. Кассо.

«Вы знаете, — говорит он, — Вы все отказываетесь быть у меня товарищем министра, а вот вчера я был с докладом у Его Величества и государь назначил мне товарища».

«С чем Вас и поздравляю», — прервал я его, подумав: «но и себя тоже».

«А я Вас! — сейчас же отозвался он мне, неподозревавшему о двойном смысле этого ответа. — Итак, отгадайте, кто же у нас будет товарищем министра?»

«Понятия не имею», — воскликнул я, — и начал перечислять фамилии более или менее подходящих кандидатов из наших почителей учебных округов.

«Да нет, да нет, — все отвечал мне Кассо, — Вы ищите не там: это один из профессоров С.-Петербургского университета».

Опять с моей стороны «поминание» — и, наконец возглас потерпевшего терпение Кассо:

«Все не то! Неужели Вы не догадываетесь? Не буду более заставлять Вас терять Ваше драгоценное время: это Вы!»

И видя, вероятно, весьма «смешанные» чувства, отразившиеся при этом на моем лице, он быстро добавил:

«Это было непременно желание самого государя, и указ Сенату о Вашем назначении уже подписан».

Что было мне возразить на это заявление — и как проверить его правдивость? Оставалось «faire bonne mine à mauvais jeu!»* С таким известием я уехал в Юрьев, от которого, как и от моих коллег в Петербурге — это назначение должно было пока оставаться в секрете.

Но вот, уже в мае, я возвращаюсь в Петербург, уже официально объявленным товарищем министра народного просвещения, который (в мое отсутствие) уже поручил мне в своем Министерстве заведовать делами средней и низшей школы. И тут ожидал меня новый сюрприз «сильной манеры» моего нового министра — так сказать «боевое крещение» в делах ведомства Чернышева моста.

Это был уже май месяц. Дня через два—три после моего возвращения в Петербург, не успел я более или менее осмотреться в своем новом Министерстве и познакомиться со старшими его служащими, как Кассо прямо ошеломил меня поручением:

«На завтра назначен так называемый “малый Совет министеров”⁹⁸ для междуведомственного обсуждения проекта государственного управления в Туркестане⁹⁹. С этим краем у нас, конечно, связаны разные пожелания по расширению всей «школьной сети», увеличению содержания учителей и, следовательно, все эти вопросы теперешней Вашей компетенции. Итак, придется отправиться Вам представителем нашего министерства на заседания».

«Но, Лев Аристидович, — попробовал я возразить, — этой формальной моей компетенции отвечает на практике абсолютная некомпетентность в этих вопросах, о которых я не имею ни малейшего представления».

«К завтрашнему вечеру Вы о них будете иметь полное представление, ибо Георгиевский оставил Вам в наследство превосходный отчет о его ревизионной командировке в Туркестан, и Вы на завтрашнем заседании отлично его резюмируете; а если Вам будут задавать какие-нибудь сакраментальные вопросы, Вам неясные, то для ответа на них при Вас, как и при других товарищах министров будет находиться директор департамента. Все, Вы увидите, пройдет для Вас благополучно, и не это меня сейчас интересует, а вот что: никого я не могу убедить, что Вы назначены мне в помощники самим государем (да и Вы сами, может быть, не очень этому верите!), а все вероятно говорят, что Кассо навязал государю Таубе, который в деловом отношении более нужен по иностранным делам, чем по народному просвещению. Значит Кассо успел за полгода войти в полный фавор, доверие и силу у Николая II. А потому ко всему, что от него идет, нужно сейчас относиться с особой

* Делать хорошую мину при плохой игре (*фр.*).

осторожностью. И вот, я поручаю Вам внимательно смотреть за отношением к этому нашему туркестанскому делу и к Вам лично со стороны председателя малого Совета министров, Государственного контролера Харитонов. Это — старый (но хорошо сохранившийся несмотря на свою полную плешь) умный, остроумный, иногда язвительный чисто петербургский бюрократ-оппортунист с девизом «нос по ветру», а так как ветер дует сейчас, по-видимому, в мою сторону, то Вам будет вероятно, оказано в Малом Совете полное благоволение. Вот Вы в этом направлении все точно и замечайте...»

Кассо в своем предсказании оказался прав. Хотя, для начала Харитонов и воздержался (как сделал бы француз) особо приветствовать впервые появившегося в Совете нового коллегу, но когда очередь дошла до моих объяснений (по действительно превосходной записке моего предшественника), то он милостиво заметил:

«Планам товарища министра народного просвещения весьма обстоятельным и пожеланиям этого ведомства при будущих реформах в Туркестане можно только сочувствовать, если только не окажется каких-либо затруднений по финансовой их стороне», — прибавил он, обращаясь к товарищу министра финансов Веберу. Вот где придется выпустить на арену Вильева, подумал я., но Вебер тотчас же лаконически ответил:

«По сметной части я должен сказать, что ходатайства Министерства народного просвещения довольно умеренные и Министерство финансов против них не возражает».

Итак, Кассо оказался прав, с чем я его и поздравил через 24 часа. Дело в том, что на следующий день было назначено заседание «Большого» Совета министров¹⁰⁰; в такие дни, как было у нас условлено, я мог его увидеть только уже вечером, на его комфортабельно устроенной квартире на Фонтанке, у Аничкова моста (рядом с Екатерининским институтом).

«Ну, что я Вам говорил? — С торжеством воскликнул он, выслушав мой краткий доклад о заседании. — Но я в свою очередь могу сообщить Вам нечто не менее интересное и показательное, знаете, что мне сказал Харитонов, как только мы поздоровались? Вот его слова: “Много я встречал типов на своем веку, но такого, как Ваш новый товарищ еще не встречал. Ведь он без года недели как в народном просвещении, а вчера докладывал нам в Малом Совете с таким апломбом и авторитетом, точно он всю свою службу провел в этом Туркестане! Поздравляю Вас с таким мощником...”».

«Дорогой Михаил Александрович! Надеюсь, Вы в конце концов забудете свое непрошенное повышение в ранге по моему ми-

нистерству. Ведь в конце концов я ничего не разрушил в Ваших занятиях по международно-правовой части и поступил с Вами, как Вы с нотой Чарыкова в рассказанном мне Вами инциденте с ним: разрезал эти Ваши занятия пополам и только вставил в них некоторую легкую надгрузку из области народного просвещения... Вы с ней, надеюсь, справитесь, а Ваши связи с Министерством Сазонова останутся пока что без изменения. В указе о Вашем назначении, ведь, специально оговорено, что Вы остаетесь в ведомстве Министерства иностранных дел и мне известно, что государь просил дать туда указания, чтобы все важнейшие международно-правовые вопросы направлялись к Вашему рассмотрению; а сверх того и Ваше представительство от Министерства иностранных дел в Адмиралтейств-совете¹⁰¹, и Ваш Гаагский трибунал, и даже Ваши дипломатические экзамены у Певческого моста, перед которым трясутся Ваши молодые дипломаты, — все это остается за Вами. “Mein Liebchen, was willst du mehr?” — спрошу я Вас немецкой поговоркой». (Милый мой! Чего тебе еще нужно?)

«Да, да, — ответил я ему в заключение, — все это, может быть к лучшему, вопрос для меня теперь только в том, будет ли эта, по вашему выражению “надгрузка” действительно такой легкой, как Вы говорите».

* * *

«Надгрузка» оказалась, в конце концов, далеко не легкой, и я имел полное основание озаглавить эту часть моих воспоминаний словами: «В пекле Министерства народного просвещения».

На четыре года я оказался почти лишенным своей свободы и насильственно привлечен к сложным беспокойным делам, для которых себя совершенно не готовил.

Для начала и в эти июньские и июльские дни 1911 года, совсем улетучилась моя летняя свобода и обычный мой летний отдых на милом патриархальном курорте Мерекюль на Эстляндском взморье¹⁰¹: нужно было спешно, но основательно ознакомиться со всеми деталями порученных мне дел, высиживая часами в своем новом кабинете на Чернышевой площади, а вечерами дома над такими же делами, которые в нескольких портфелях доставлялись мне теперь из отделений средней школы, начальной школы, департамента общих дел, Кассы народных учителей¹⁰², Ученого Совета министров¹⁰³. Все это входило теперь в мою «компетенцию» по воле моего самодержавного министра. А прерывались эти дневные занятия этим летом 1911 года лишь бесконечными официальными представлениями и визитами, да еще, по четвергам, несносными

приемами всевозможных просителей по всевозможным (большей частью несправедливым) делам, затягивавшимся надолго.

Моральным и умственным отдыхом в этой картине моего лета 1911 года оказались только три моих представления высоким особам мира сего, то были:

1) Аудиенция у государя, который был очарователен, любезен к новому товарищу министра Кассо.

2) Интересное представление великому князю Николаю Михайловичу с беседой о моих историко-юридических работах и об его «Императорском Русском историческом обществе»¹⁰⁴, в члены которого вскоре я и был избран^{IV}.

3) Представление председателю Совета министров, Петру Аркадьевичу Столыпину, оставившее во мне глубокое и трогательное воспоминание: это был действительно государственный человек первого ранга — прямой, честный, твердый в своих убеждениях монархиста-конституционалиста, действительно желавший вести Россию по новому пути свободного правового государства и скорбевший о временной, как ему казалось, строгости, с которой приходилось бороться с крайними левыми элементами в народе и, в частности, в Государственной думе.

Однако, все это и в самом деле еще не прерывало моих занятий (теперь только урывками) моими старыми международно-правовыми вопросами. Как это мне теперь ни странно вспоминать, но этот 1911 год и начался и кончился для меня именно двумя любопытными международными делами, не особенно крупного политического масштаба, но все-таки занявшими свое определенное место в истории мирных разрешений междугосударственных конфликтов по чисто правовым претензиям, между Россией и Турцией и между Россией и Германией. Воспоминаниями о них я и закончу эту главу о первом моем годе «под эгидой Кассо».

* * *

Первое из этих дел, ставшее известным в международном мире под именем процесса об «отсроченных процентах» (*Intérêts moratoires*) дошло до меня еще при Извольском, летом 1910 года и вызвало затем, после избрания меня одним из третейских судей, поездку в Париж и в Гаагу в феврале 1911 года; в январе в Париже для ознакомления с документами по этому делу, привезенными туда спорящими сторонами, а в Гаагу уже для третейского судебного рассмотрения и его решения. Спорящими сторонами были Русское правительство, как истец, представлявшее интересы группы своих проживавших в Турции подданных, и

правительство Турецкое, как ответчик. Существо же их спора заключалось в следующем.

Вскоре после Сан-Стефанского и Берлинского мирных договоров, закончивших собою русско-турецкую войну 1877—1878 гг.¹⁰⁵, была у нас заключена особая конвенция с правительством султана Абдул-Гамида о вознаграждении семей русских подданных «фанариотов»¹⁰⁶, большей частью греков и армян, живших в Турции, но в течение многих поколений приписанных уже к русскому подданству, которые так или иначе материально пострадали от действия турецких властей в связи с упомянутой войной. Это многомиллионное возмещение за ущерб и было им постепенно уплачено — частями, в течение многих лет, после энергичных каждый раз напоминаний русского посольства в Константинополе. Но когда весь этот долг был выплачен, заинтересованные лица возбудили требование об уплате им также и процентов, которые текли на оставшуюся сумму долга в течение этих многократных отсрочек платежа. Оттоманское правительство платить эти «проценты по отсрочке» категорически отказывалось, заявив, что по турецким законам таких дополнительных платежей кредиторам не полагается, но пострадавшие некогда «фанариоты», а за ними и вступившее за них русское посольство — встали на ту точку зрения, что обязательство Турции в данном случае вытекает не из турецких законов, а из общих принципов международного права. И вот, так как турки отвергли и такую точку зрения, то и было предложено посольством разрешить спор третейским судом, на что султанское правительство и согласилось.

После некоторых затруднений теперь уже со стороны нашего Министерства иностранных дел^V, в конце концов, летом 1911 года между Петербургом и Константинополем было заключено соответствующее соглашение — компромиссная запись — и определен состав третейского трибунала, долженствовавшего разрешить этот спор в Гааге — двое судей с русской стороны — я и А.Н. Мандельштам (драгоман посольства в Константинополе) и двое турецких судей должны были заседать под председательством «суперарбитра» — каковым был избран очень известный тогда в международных кругах швейцарский юрист и посол Швейцарского союза во Франции Ларди. Под его искусным руководством исход процесса наметился довольно быстро.

Несмотря на все усилия моего друга Мандельштама, который уж очень воспламенился в защиту его константинопольских фанариотов, я вместе с Ларди не могли не признать, что доказать существование в международном праве обязательства платежей, подобных указанным выше, невозможно, и что, следовательно,

турецкое правительство право в своем отказе платить такие «отсроченные проценты». Таким образом, большинством четырех голосов третейских судей против одного (Мандельштама) выиграло свой процесс турецкое правительство; однако заинтересованные хитроумные фанариоты заявили, что по существу дела — не в международном, а в одностороннем государственном масштабе — они свое дело выиграли, ибо если им ничего больше не должно оплатить оттоманское правительство, то должно правительство русское!

Почему? Да потому, говорили они, что по всем этим их требованиям российское посольство при султানে только два—три раза настаивало на платеже перед «Блистательной Портой», а потом дело бросило и молчало, несмотря на повторные их напоминания: итак, а вдруг турки, в конце концов, одумались бы и заплатили? Другими словами, в данном случае ответчиком является уже русское посольство в Константинополе, якобы «проспавшее» это дело. Тут, следовательно, международный процесс превращается во внутренний русский казус, так называемой «административной юстиции», поджевавшей у нас, как известно, ведению I-го Департамента Сената¹⁰⁷.

Итак: жалоба в Сенат на Императорское Российское посольство в Константинополе?

«Как Вы на этот счет думаете?» — запросил меня тогда частным образом главный представитель этих фанариотов — русских поданных, пострадавших больше чем за 30 лет перед тем в Турции — почтенный, старый армянин с мудреным именем Mihran de Savalan-Khan.

«Да, что же? Подавайте жалобу, — ответил я ему, — но исход, по-моему, более чем сомнителен, и, во всяком случае, переживет — по необычности такого дела — и следующую еще (не дай Бог!) нашу войну с Турцией!»

«Так что же нам делать тогда? — чуть не со слезами спросил он меня. — Ведь, все мы люди нуждающиеся, а тут еще израсходовались, как Вы знаете, на этот Гаагский процесс, так как Ваше Министерство иностранных дел все расходы по нему возложило на нас».

Ответил я ему, что единственным выходом для них я нахожу не в жалобе в Сенат, а в обращении к «Высочайшему милосердию» — т.е. в возможно трогательно и убедительно написанном прошении в «Канцелярию прошений на Высочайшее имя приносимых»¹⁰⁸. «Если министр иностранных дел Ваше прошение там поддержит, то, может быть, из этого что-нибудь и выйдет».

Так этот Савалан-Хан и поступил. В общем доброжелательный к людям Сазонов — особенно по началу своей министерской

карьеры — отказать фанариотам не пожелал и что-то они все-таки от столь доброго сердцем государя, в конце концов, и получили.

Не получили ничего только я с Мандельштамом, ибо полагавшееся нам по Гаагскому третейскому трибуналу вознаграждение за потерянное время и судейскую работу, никто конечно не заплатил...

* * *

Это тогда меня не очень огорчило, и с неменьшим интересом я принялся за аналогичное дело «минлоса» в германском правительстве — аналогичное в том смысле, что и в этом случае международный в своей основе казус — требование вознаграждения за убытки — выродился во внутренне государственный инцидент столкновения различных взглядов. Он длился также немало месяцев и благополучно разрешился лишь в конце того же 1911 года.

«Минлос» — это было торговое судно германской национальности, которое было задержано нашим крейсером «Бекут» в Финском заливе по подозрению в провозе в Финляндию оружия и военной контрабанды; ибо все в том же неосновательном предположении о готовящемся будто бы в Финляндии вооруженном восстании, специальная охранная эскадра под начальством великого князя Александра Михайловича крейсировала у побережья «Великого Княжества» и по мере сил оберегала там Российскую Империю от несуществовавшей опасности.

И вот этот «Минлос» был задержан, отведен в Кронштадт, разоружен, обыскан — и оказался самым мирным торговым судном, никакой «контрабанды» в себе не заключавшем. Отсюда извинения, соответствующее удостоверение морских властей, требование вознаграждения владельцу судна, за потерянное время, расходы по стоянке в Кронштадте, по новой нагрузке судна и пр. Предъявленные по этим пунктам счета морское наше начальство нашло не преувеличенными, и, следовательно, оставалось уплатить. Но кто будет платить? В Морском министерстве сумм по бюджету для таких экстравагантных расходов нет, а Министерство финансов платить категорически отказывается: «Ничего не знаем, дело не нашего ведомства и платить не будем!» И пошла, конечно, канитель длительной переписки, требований германского посольства, визиты ко мне его представителей и даже самого посла:

«Помилуйте, — говорил он, — у нас ведь требование по совершенно ясному и основательному делу к Русскому правительству, как таковому; какое нам дело до того, что одно из Ваших министерств препирается с другим о том, из какого кармана будет нам уплачено по претензии, вами же признанной справедливой и исчисленной весьма умеренно?»

Естественно, что я мог только присоединиться к этому взгляду, и то же случилось и со стороны Сазонова, который и тут оказался выше разных представителей наших «иностранных дел». Но победить Министерство финансов было не так-то легко; В.Н. Коковцов недаром имел такую установленную репутацию более Государственного казначея, крепко сидящего на казенном ящике и никого к нему не подпускающего, чем министра финансов, понимающего, что золотые рубли нужны России не только для накопления в подвалах Государственного банка на Садовой улице в Петербурге, а и для рационального их расходования на нужды внутреннего благосостояния и внешних интересов той же Империи.

В результате «канитель» дотянулась до Совета министров, который в заседании 22-го декабря — при моем присутствии и содействии — разрешил, наконец, дело, предоставив министру финансов незамедлительно уплатить «Минлосу» требуемое вознаграждение убытков.

В министерских кругах было потом слышно, что император Николай II в своем чутком отношении к вопросам справедливости и законности (как мы увидим это и далее), немало был недоволен столь неуместным упорством своего министра финансов, — тем более что как раз в том же году было только что налажено — о чем будет тоже впереди — дальнейшее, по примеру октября 1907 года, сближение с Германией на политической почве.

* * *

Декабрь месяц 1911 года с его делом «Минлоса», дошедшим до меня из Министерства иностранных дел, не смог меня оторвать от дел моего нового министерства. Именно в течение того же месяца происходил в Петербурге 1-ый Всероссийский съезд преподавателей древних языков¹⁰⁹, и пользоваться он должен был помещением VI-ой гимназии, смежной с домом Министерства народного просвещения. Поэтому вполне естественно было обращение ко мне Л.А. Кассо:

«В качестве бывшего ученика этой гимназии, не хотите ли Вы пройти прямо через мой кабинет в большую залу гимназии и приветствовать съезд от моего имени несколькими словами о значении для нас античной культуры?»

Речь моя пришлась, кажется, по вкусу многочисленному собранию филологов в старой хорошо мне известной великолепной зале стиля «Empire»^{*110} и под председательством выдающегося латиниста Зоргенфрея, тогдашнего директора моей бывшей, всегда

* Амфир (фр.).

любимой мною классической гимназии, которой вскоре был присвоен титул «Гимназии цесаревича Алексея»^{VI}.

В своей речи я с полной искренностью восхвалял самоотверженную культурную работу учительских съездов и их единомышленников в области посильного укрепления тех традиционных основ всех общеевропейских цивилизаций, которым в те смутные времена угрожали не только явно уже «грядущий хам», но и «грядущий варвар», отрицающие весь наш правовой строй, вместе с накопленными духовными ценностями свободной человеческой личности^{VII}.

Мои слова закончились неожиданной и очень тронувшей меня церемонией. Директор Зоргенфрей поблагодарив меня в прочувствованных словах за приветствие съезду, подвел меня, через расступившиеся ряды присутствовавших, к той, хорошо мне знакомой овальной доске, на которой виднелось, покрытое уже 24-летней пылью, мое имя, как получившего 1-ую золотую медаль при выпуске из VI-ой гимназии 1887 года.

* * *

Примечания

^I Кажется еще до моего назначения министр Кассо как-то высказался в этом смысле перед депутацией евреев из Западного края¹¹¹, явившейся с каким-то ходатайством под предводительством еврея — члена Государственной думы от города Риги. Последнему Кассо советовал, вместо постоянных нападок в прессе на Министерство народного просвещения за строгое применение «еврейской процентной нормы»¹¹² (в каковом вопросе оно связано прямыми законами) лучше позаботиться о проведении в порядке законодательной инициативы закона об отмене всех противоеврейских законов, — обещая в таком случае свою поддержку этой инициативе в Совете министров.

^{II} Дерптский университет был основан в 30-х годах XVII столетия шведским правительством в бытность тогда в Дерпте губернатором Юста Таубе.

^{III} Мерекюль — старинный русско-немецкий курорт в 15 верстах от города Нарвы и в семи от более нового и очень известного в Петербурге курорта Гунгербурга — устье Наровы.

^{IV} Это представление великому князю положило начало милостивому благосклонному расположению Августейшего историка к автору этих строк, и их довольно частым беседам и повело через несколько месяцев (12 марта 1912 года) к моему избранию членом Императорского Русского исторического общества, в которое под председательством самого государя входили многие известные русские историки, археологи и архивисты.

^V Так как в области международных отношений «субъектом права» являются государства, а не частные лица, то и международные процессы, хотя бы и по частноправовым интересам, ведутся правительством от имени их государств, а

следовательно и расходы по таким процессам ложатся принципиально на правительства. Однако в данном случае наше Министерство иностранных дел, при Извольском постоянно не знавшее, как свести концы с концами, категорически отказалось внести процесс об «Intérêts moratoires»^{*} на рассмотрение Гаагского третейского трибунала, если все расходы по этому производству не обязуются покрыть сами заинтересованные лица.

Соответствующее обязательство и пришлось подписать представителям группы «фанариотов», настаивавшей на начатии процесса с Турецким правительством.

^{VI} Наличие в помещении VI-ой классической гимназии в Петербурге этой великолепной залы и особой домовою церкви объясняется тем, что вся эта часть большого полукруглого здания, выходящего на Чернышеву площадь, составляла некогда казенную квартиру одного из первых министров народного просвещения (если не ошибаюсь, графа Уварова). От тех времен сохранился и незаделанный, прямой ход из этой залы в помещение министерства, а именно в кабинет самого министра.

^{VII} Эта моя речь, кажется весьма непонравившаяся в известных левых кругах, была тогда напечатана и в газетах, и в заключительной брошюре с отчетом об этом I-ом Всероссийском съезде русских педагогов-классиков. Съезд этот был мною открыт 28 декабря 1911 года.

^{*} Отсроченные проценты (*фр.*).

Глава IX

1. В пекле Министерства народного просвещения.
2. Два года между самодержавными министрами и «Конституционным самодержцем» (1912 и 1913 гг.)

Двойное заглавие этой главы моих воспоминаний точно соответствует той общей деловой обстановке, в которой новому товарищу министра народного просвещения, как и старому товарищу, В.Т. Шевякову, пришлось работать в течение нескольких лет: в невероятной перегрузке делами их ведомства, лавировать между далеко не всегда согласными между собой — фактически совершенно самодержавными министрами, под благожелательным, но слабым надзором «Конституционного самодержца».

Но, прежде всего, откуда этот странный термин для характеристики юридического положения государя в этом его новом правительственном строе, созданном манифестом 17 октября 1905 года?¹¹³

Этот парадоксальный термин отнюдь не выдумка пишущего эти воспоминания. Он черным по белому фигурировал во главе объяснений о русском государственном строе в «Готском Альманахе»¹¹⁴ того времени, текст которого, как известно, всегда рассылался для предварительной проверки соответствующим государствам... *Russie — monarchie constitutionnelle sous un souverain autocrate*¹.

И «конституционность» этого русского самодержца выражалась для императора Николая II в том, что (как это и будет видно дальше) в самых трудных случаях он старался не выходить из рамок закона, — увы! при весьма недостаточном надзоре за своими министрами; ибо за все время существования в России министерств, никакой законодатель, как это ни странно — не подумал о

¹ Россия — конституционная монархия при самодержавном государе (*фр.*).

необходимости установить регулярные, периодические собрания Совета этих фактически самостоятельных глав отдельных ведомств под председательством самого государя.

Итак, что происходило в действительности в Совете министров и в чем заключались разногласия между отдельными его членами, это либо вовсе не доходило до Его Величества, либо доходило в одностороннем освещении председателя Совета, или, в исключительных случаях, в докладе того из министров, который брал на себя смелость сообщить государю — «на всякий случай» — о своем мнении, хотя уже и отвергнутом Советом министров.

А между тем их разногласия — и по самым важным государственным вопросам — бывали постоянно; и если мелкие расхождения почти всегда успешно устранялись в заседаниях так называемого «Малого Совета министров» (как мы видели в предыдущей главе), то очень крупные вопросы так и оставались подчас нерешенными на многие годы...

Весь этот государственный порядок — или беспорядок — нового строя, автор теперь и должен иллюстрировать несколькими характерными примерами, которые ему пришлось непосредственно наблюдать.

Но до того, надо еще все-таки сказать несколько, почти еще не разглашенных слов о тех трагических внутренне государственных условиях, в которых 1 сентября 1911 года¹¹⁵ насильственно исчез с русской государственной сцены тот единственный человек, который в те годы мог еще своим авторитетом и силой своего характера держать в равновесии высший государственный аппарат империи, о разрозненности которого только что шла речь.

Приблизительно за год с небольшим до убийства Петра Аркадьевича Столыпина, летом 1910 года, в моих усиленных разъездах по Петербургу, я случайно встретился со столь известным уже читателю П.И. Рачковским, который был вызван из Парижа для доклада секретных дел к председателю Совета министров.

И вот, мой парижский знакомец, 1904—1905 гг., с глубоким волнением сообщил мне следующее:

«Я должен был категорически заявить главе нашего правительства, — сказал он, — что работа крайних революционных кругов за границей внушает мне самые серьезные опасения насчет дальнейшего развития противоправительственной агитации и преступлений в России. Конкретные наши указания из Парижа о лицах, и путях террористической работы в империи как-то расплываются в Департаменте полиции¹¹⁶ в ряде неясных, не приводящих к цели репрессий и скорее только раздражают общественное мнение, чем пресекают зло, идущее из-за границы. И вот я сказал Петру

Аркадьевичу, что, имея в настоящее время в руках все нити этой преступной деятельности, скрывающейся во Франции и Швейцарии, я чувствую себя в силах радикально пресечь все зло, ликвидировав так или иначе десятка два главарей этой крайней — “большевистской” — террористической группы: без всякого шума, один за другим начнут они неожиданно умирать в результате какой-нибудь болезни, станут жертвой автомобильной катастрофы или ночного столкновения с каким-нибудь уличным гангстером. И если эти люди исчезнут, то я гарантирую нашему отечеству долгие годы спокойствия, относительно, конечно, и без ежедневных убийств сотен верных слуг государя и отечества. Итак, я прошу Вас дать мне устное разрешение на ряд таких необходимых экзекуций; без него я не могу взять это на свою личную ответственность. И Вы знаете, Михаил Александрович, что мне ответил наш благородный “конституционный” председатель Совета министров? — Он сказал мне (дословно): “Вы забываете, Петр Иванович, что мы не в Афганистане, и не в Персии. Я не могу дать Вам такого разрешения”».

«Тогда, — возразил я, — мы не в силах будем остановить тот террористический поток, который прольется на Россию и в случае — не дай Бог — какой-нибудь новой войны, неизбежно приведет к общей революции и к концу Императорской России».

На этом кончил свою скорбную реляцию Рачковский. А через год с небольшим в Киеве был убит мученик своего долга, мужественный и стойкий П.А. Столыпин, совершенно явно недостаточного убереженный своим Департаментом полиции...

С его исчезновением и с назначением на его место В.Н. Коковцова, идея «Объединенного Правительства» осталась уже только в его воображении, да в бесконечных его — нестерпимых по своей длине — объяснениях Совету министров. Что это было действительно так, и что внутренняя борьба ведомств и соответствующих министров продолжалась подчас подлинно безрезультатно, — о том и скажут нижеследующие отрывки моих воспоминаний.

Пример первый: безрезультатный конфликт министров внутренних дел, народного просвещения, иностранных дел и Святейшего синода в 1913 году.

Вскоре после убийства Столыпина новый директор Департамента полиции, энергичный двоюродный брат Кассо, Золотарев, решил все-таки поближе ознакомиться с заглохшим в его департаменте при довольно неясных условиях делом о революционных течениях во франко-русском масонстве, якобы запрещенном в России, но благополучно в ней существующим; пусть процветает декоративный его «Гог и Магог»¹¹⁷, внушительный видом Максим

Максимович Ковалевский, милый человек и большой ученый, но интересно все-таки несколько заглянуть за кулисы этого общества «сынов вдовы» и «почитателей Харона»¹¹⁸. И вот возникла мысль через научные круги, а следовательно, через Министерство народного просвещения, проконсультировать по этому поводу многоученых отцов-иезуитов — кровных врагов западноевропейского, и в частности, французского франкмасонства¹¹⁹.

Для установления такой чисто осведомительной только связи обратились к большому и очень известному ученому-историку — как русскому подданному — отцу Пирлингу, автору великолепно многотомного труда и «La Russie et le Saint Siègue»¹²⁰, проживавшему тогда в Брюсселе в иезуитской коллегии. Престарелый ученый за несколько лет перед тем обрадованный сделанным по Высочайшему повелению ценным редким подарком его богатой библиотеке¹¹ — полным экземпляром «Полного собрания законов Российской Империи»¹²¹ — не мог отказаться от этого неожиданного поручения и согласился, по соглашению, с его принципалами направить двух членов их Ордена, которые были бы одновременно осведомленными более или менее в противомасонской работе их общества и небезызвестными работниками в ученом мире. Оба запросили русское посольство в Париже о выдаче им паспортной визы на въезд в Россию, один — как астроном, желавший ознакомиться с нашей Пулковской обсерваторией¹²², другой, как ориенталист, желавший изучить знаменитый древний кодекс Корана, захваченный в свое время русскими войсками в Самарканде¹²³ и хранившийся в Императорской публичной библиотеке¹²⁴.

И вот началась официальная переписка. Ведь въезд иезуитов в Россию был запрещен Уставом о паспортах¹²⁵ и нужно было устранить это формальное затруднение: Парижское посольство запросило Министерство иностранных дел, а М.И.Д. — Департамент полиции, который, конечно, не имел бы никаких возражений. Но... это «бы» необходимо поставить в моем тексте потому, что по дороге из Парижа в Петербург и из Министерства иностранных дел в Министерство внутренних дел, дело о предполагаемом приезде двух иезуитов в Россию дошло до сведения отцов Святейшего синода¹²⁶, — и началась форменная буря..., если не в стакане воды, то в чернильницах нескольких российских «ведомств».

Ни Пулковская обсерватория, ни самаркандский Коран не могли рассеять в глазах блюстителей православия уверенности в том, что приезд двух иезуитов является прямой угрозой насажденной Петром I в России синодальной форме веры Христовой. Этим святым отцам было, очевидно, либо неизвестно, либо безразлично, что они являются в данном случае союзниками не менее

строгих масонов, как это слово писалось в торжественных случаях в черносотенных изданиях, — и вот, вероятно благодаря тем «масонским союзникам» в Петербурге, Святейший синод натравил на Департамент полиции... Департамент общих дел¹²⁷ того же Министерства внутренних дел — и «пошла писать губерния»!

Таким образом, при обсуждении этого дела в среде «Объединенного Правительства» В.Н. Коковцова схватились друг с другом не только несколько ведомств, но и два разных Департамента того же ведомства внутренних дел. Казалось бы, выход был ясен: министр внутренних дел должен был успокоить свой Департамент общих дел, а председатель Совета министров — Святейший синод, сиречь его всевласть обер-прокурора.

Но ни Н.А. Маклаков, ни В.Н. Коковцов не оказались способными на такую героическую акцию, — и оба ученых иезуита визы на въезд в Россию так и не получили!

Было бы слишком скучно приводить еще другие примеры в подтверждение очевидного факта отсутствия в то время в России «Объединенного Правительства»¹¹¹.

Я здесь ограничусь поэтому лишь рассказом о том, как мне лично пришлось вполне наглядным образом доказать этот факт никому другому, как В.Н. Коковцову.

Случайно, в это лето 1913 года, когда за отъездом Л.А. Кассо в краткий заграничный отпуск, я временно исправлял его должность.

Незадолго до его отъезда профессор римского права в С.-Петербургском университете, М.Я. Пергамент, позволил себе бестактный и ложный выпад против Министерства народного просвещения в газете «Речь» (известный орган партии «к.-д.»)¹²⁸ и министр решил не оставить этой выходки безнаказанно, тем более, что Пергамент занимал свою кафедру по особой снисходительности к нему министерства: он не имел требуемой Университетским уставом степени доктора своей науки.

«Я решил, — сказал мне министр, — назначить его “для пользы службы” в Харьковский университет; пусть пишет себе он там свою докторскую диссертацию, как в свое время писали там ее и Вы. Он уже извещен об этом Шевяковым, а Вас я прошу озаботиться без меня опубликованием этой меры, не смущаясь тем “гвалтом”, который не преминут поднять вокруг нее и его университетские друзья, и разные газетчики, и левые члены Государственной думы. Прошу Вас стойко выдержать эту осаду».

«Гвалт» после отъезда Кассо действительно начался, а в осаде нашей позиции принял участие — чего он не предвидел — сам председатель Совета министров. И вот какая курьезная сце-

на разыгралась между ним и мной после ближайшего же заседания Совета министров на его казенной даче на Аптекарском острове¹²⁹.

Установленный с незапамятных времен церемониал этих заседаний состоял в том, что после заслушания их «порядка дня», члены Канцелярии Совета удалялись, и начинался более интимный деловой обмен мнениями между отдельными министрами, а по окончании такого дополнительного совещания, председатель Совета задерживал еще у себя, по мере надобности, того или другого министра для еще более доверительной беседы с ним с глазу на глаз.

И вот в это памятное летнее заседание 1912 или 1913 года, В.Н. и попросил меня остаться еще у него на несколько минут.

«Я хотел вас просить, — сказал он мне, — как управляющего сейчас Вашим министерством, отменить, или, по крайней мере, отсрочить — проведение в исполнение приказа Льва Аристовича о переводе профессора Пергамент в Харьков. Вероятно, второпях перед отъездом Ваш министр принял эту строгую меру по ничтожному в сущности поводу. Всех нас ежедневно в газетах обстреливают столь несправедливым образом, и на это, право, не стоило обращать внимания. Во всяком случае, ввиду этого распоряжения поднимается шум, весьма нежелательный в наше и без того беспокойное время.

Итак, я прошу Вас отменить эту меру. К тому же Вам и самому, вероятно, будет только приятно избавить Вашего бывшего коллегу по юридическому факультету от этой неприятной ссылки в Харьков».

«К сожалению, — отвечал я Владимиру Николаевичу, — я должен заметить, прежде всего, что профессор Пергамент является тем единственным членом юридического факультета моего времени, о котором у меня сохранилось самое отрицательное воспоминание. За год до моего назначения товарищем министра, в сессии Государственной Испытательной Комиссии 1910 года¹³⁰, он, якобы, со слов какой-то своей знакомой студентки Берты С., блистательно провалившейся на своем первом же экзамене по международному праву, требовал от меня назначения ей переэкзаменовки, угрожая мне в противном случае “апеллировать к общественному мнению” (буквально) против моего пристрастного отношения к этой бездарной особе. Его немедленно тогда же осадил, хотя и левый, но весьма уравновешенный и справедливый декан факультета Д.Д. Grimm, бывший председателем экзаменационной комиссии, который присутствовал при неудачных ответах Берты С., а я заявил, что если эта “апелляция к общественному мнению”

примет форму какой-либо инсинуации меня в газетах, я тотчас же опубликую там, как в заседании нашей комиссии профессор Пергамент шантажировал меня по этому случаю. Пергамент “съел” тогда эту моральную пощечину и никакой “апелляции” к кому бы то ни было не состоялось».

«Я, конечно, ничего не знал об этом странном казусе, но тогда тем более есть у Вас основания проявить к нему рыцарскую незлопамятность и снисходительность...»

«Хорошо это или нет, — отвечал я, — но это от меня не зависит. Я получил по этому делу определенный приказ от своего министра и обязан его исполнить».

Тогда В.Н. Коковцов заговорил со мной официальным тоном:

«Но, барон Таубе, я предлагаю Вам воздержаться от опубликования этого приказа Кассо не только “доверительно” и частным образом, но и как председатель Совета министров и глава объединенного правительства. В общеполитической атмосфере, которая нас окружает, я считаю меру Вашего министра несвоевременной и нежелательной, и официально предлагаю Вам ее отменить».

«Ваше Высокопревосходительство, позвольте доложить, — возразил я, переходя также на официальный тон, — что мера принятая моим министром, принята им в пределах своей законной компетенции — Вы не изволили обратить внимания на то, что Пергамент, как не имеющий еще докторской степени, вообще не имеет, собственно, права занимать какую бы то ни было университетскую кафедру; министр же предлагает ему также “и.д.” (исполняющий должность) профессора отправиться в Харьков для подготовки своей докторской диссертации, ничего больше».

«Но если глава правительства считает это нежелательным?» — упорствовал еще Коковцов.

«Тогда выход из этого затруднения только один, — отвечал я, — глава Правительства (я мог бы лучше, чем когда-либо прибавить: “необдуманно”) требует от одного из его членов отменить меру, принятую им в порядке закона, а он отказывается подчиниться этому требованию. Тогда глава правительства немедленно может, ведь, доложить об этом “конфликте компетенций” верховному главе государства. Доведите обо всем этом до сведения государя императора в Ваш ближайший докладный день, и если Его Величество так прикажет, конечно, распоряжение моего министра будет мною отменено».

Реакция Коковцова на эти мои слова получилась немедленно, но и в самой решительной форме (привожу ее буквально).

«Нет-с, по делам министра народного просвещения я ничего докладывать Его Величеству не буду!»

Он встал, и мы распрощались... впрочем, в самой светской любезной форме^{IV}.

* * *

Этот ответ председателя Совета министров меня несколько не удивил, ибо, во-первых, всем было тогда известно, с каким исключительным доверием относился государь к своему министру народного просвещения, а затем и сам В.Н. Коковцов вероятно не раз имел случай наблюдать, какое внимание и бдительность к исполнению постановлений закона возбуждали в Николае II вопросы, связанные с попытками его нарушения. В этом государь был действительно «конституционным самодержцем» и в интересах справедливости можно только пожалеть, что эта черта в характере Екатеринбургского мученика либо вовсе ускользает от его биографов, или же освещается весьма недостаточно.

Именно такое освещение — и чрезвычайно яркое — получается из следующего моего рассказа о двух удивительных случаях 1912 и 1913 года, из которых первый произвел громадный скандал в кругах близких к Государственному совету, но был тщательно там затушеван, а другой остался вообще известным лишь самому ограниченному числу лиц.

Виновником «скандала» оказался я, а второй казус проистек из некоего сенсационного доклада государю со стороны министра народного просвещения, который из-за него едва не лишился своего поста.

Первое из этих двух одинаково удивительных дел, рисующих безупречное и вдумчивое отношение императора Николая II к вопросам законного высшего государственного управления, состояло в следующем.

Вероятно, мало кто помнит в настоящее время, что и после реформы 1905—1906 гг. Государственный совет¹³¹, превращенный уже во вторую, сверх Думы, законодательную палату, сохранял еще некоторые из своих прежних функций: именно как последняя инстанция для дел, не получавших решения в общих собраниях Правительствующего сената; для рассмотрения и решения таких дел в Государственном совете существовало «Особое присутствие»¹³², состоявшее из ежегодно (1-го января) назначаемых в него членов Государственного совета под председательством одного из них — особенно заслуженного и опытного старого сановника. И вот, случилось так, что до этого «Особого присутствия» после долгих бюрократических мытарств докатилось из Сената

дело об евреях Т., проживавшем, вопреки закону об «еврейской черте оседлости»¹³³, на Северном Кавказе, пустившем там глубокие корни разных своих афер и самым усиленным образом обходившем все старания местных казачьих властей от него избавиться. К этому делу оказалось привлеченным, не помню уже на каком основании, также и Министерство народного просвещения, причем представителем которого ехать в Государственный совет пришлось мне.

Только что я вошел в залу Особого присутствия в Мариинском дворце (отведенном для занятий Государственного совета), как навстречу мне направился член этого высокого собрания, граф С.А. Толь, бывший С.-Петербургский губернатор.

«Простите, что я сразу на Вас так нападаю, но это дело очень беспокоит меня и моих здешних друзей. Ведь закон вполне ясен, а вот ему удалось протолкнуть свое беззаконие до самого Государственного совета, где его будут поддерживать некоторые из моих коллег и даже представители некоторых министерств. Надеюсь, Ваше министерство не за Т.?» И на мой ответ, что я имею поручение от министра голосовать в полном соответствии с законом о черте еврейской оседлости, граф Толь заметил:

«Да, мы так и думали. А все-таки, Вы знаете, в этом деле нам угрожает разделение голосов поровну, а в таких случаях пост председателя дает перевес; председатель же наш, старик Сабуров, все равно по какой причине, — неизменно во всех вопросах голосует за евреев! И дело у нас может провалиться...»

Граф Толь оказался пророком: при голосовании получилось разделение голосов поровну. Сабуров голосовал за Т. и дело, казалось, было решено в пользу ловкого еврея.

Трудно повторить ругательства представителя Главного управления казачьих войск¹³⁴, когда мы с ним спускались по великолепной дворцовой лестнице.

«Черт знает, что такое! И это одно из наших высших государственных учреждений! Явное и наглое попираание закона! И есть еще представители министерств, которые поддерживают этого хитрого жида!» и т.д. и т.д.

«Но Вы, ведь, еще можете исправить дело, — старался я его успокоить. — Эти дела в форме особых “меморий”, т.е. докладных записок направляются еще на утверждение государю и Вашему министру, по Вашему докладу, ничего не стоит обратить внимание Его Величества на противозаконное решение этого дела».

«Эх! Не знаете Вы нашего министра (Сухомлинова), — отвечал он мне. Никогда он не решится нажать себе врагов в Государст-

венном совете, да еще и министра финансов, представитель которого, ведь, голосовал за этого Т.!»

На этом мы расстались — и я рассказал обо всей этой истории своему министру.

«Вы знаете, — сказал мне Кассо, если бы государь был здесь, т.е. в Царском Селе, а не в Крыму, я решился бы как-нибудь доложить ему об этом, принципиально достаточно возмутительном деле, раз Его Величество начнет говорить со мною и не только о делах народного просвещения. Но писать об этом скандале в Ливадию¹³⁵ я, конечно, не могу. Итак, поставим точку на этом ловком Т.; не он первый и не он последний является большой мухой, прорывающей паутину, — в которой запутываются только бедные маленькие мушки...»

Однако скоро оказалось, что эта «точка» превратилась в «много точек», а все это дело выродилось в большую — выражаясь фигурально — бюрократическую трагикомедию в четырех действиях с блистательным апофеозом — как это сейчас и будет демонстрировано читателю.

Действие I-ое.

После ближайшего заседания Совета министров Кассо мне рассказывает:

«Вы знаете, что у нас случилось в Совете? Когда чины Канцелярии удалились, Коко (так в интимных разговорах мы называли В.Н. Коковцова) обратился к министрам с следующей аллокацией:

«Господа, члены Совета знают, с каким трудом иногда у нас проходят дела, касающиеся интересов нескольких ведомств. Для согласования разногласий имеется у нас Малый Совет министров¹³⁶, а если и там наши товарищи не придут к согласному постановлению, то дело решает наш Большой Совет. Но раз дело, таким образом, решено, оно является решением объединенного правительства и ни один из его сочленов не имеет, уже, конечно, права против него протестовать. Между тем, до сведения моего дошло, что по одному спорному делу, которое было, в конце концов, разрешено, один из товарищей министра, несогласный с таким решением, взял на себя смелость от своего личного имени писать об этом деле одному влиятельному лицу в Ливадию, дабы обратиться через него внимание на это дело самого государя. Вы понимаете, что подобный образ действий совершенно недопустим, и я прошу вас всех внушить вашим товарищам, чтобы подобные факты впредь не повторялись. Посыпались, конечно, вопросы (продолжал Кассо), какое министерство, какой товарищ министра, и какое дело он имеет в виду, и Коковцов отвечал, что его сведения,

идущие из, безусловно, верного источника, все-таки строго доверительны, и что поэтому он ничего более к сказанному прибавить не может. Итак, — закончил Кассо, — уж не Вы ли, грешным делом, писали об этом в Крым?»

«Да, *mea culpa, mea maxima culpa*», — ответил я. Но Кассо имел деликатность меня о деталях моего «действия» не расспрашивать.

А случилось на самом деле следующее.

Не знаю, какой дух, какого древнего римского юриста мучил меня своим «*fiat justitia, pereat mundus*» (пусть погибнет мир, но да осуществится справедливость), пока я не вспомнил, что в моем распоряжении есть прямой и верный путь обратить внимание государя на это злополучное дело. Ведь, после моей аудиенции у императора Николая II весной 1909 года, начальник Канцелярии государя¹³⁷ и один из самых близких к нему лиц, — князь Владимир Орлов неожиданно сказал мне:

«Вы знаете, государь с большим интересом читает все Ваши лондонские донесения. Итак, если и впредь Вам представится случай осведомить Его Величество по какому-нибудь делу, пишите мне, а я доложу государю».

Вот я написал князю Орлову, само собой не навязывая Его Величеству своего мнения, а просто прося моего посредника обратить особое внимание на принципиально важное дело Т.

Пока же из слов Коковцова было ясно лишь то, что мое письмо в Ливадию подверглось перлюстрации в Главном почтамте¹³⁸, и содержание его было сообщено «для сведения» председателю Совета министров.

«То же самое угрожает и корреспонденции министров, — сделал из этого свой вывод Кассо, — примем это к сведению, *Quelle boutique!* (что за лавочка!)»^V.

В «лавочке» происходили между тем дела, остававшиеся неизвестными моему министру. Действительно, вот что открывается в следующем действии этой трагикомедии.

Действие 2-е.

Телефон графа Голя барону Таубе:

«У нас творится что-то странное. Состоялось свидание Сабурова с Коковцовым, и наш председатель приказал отложить отправку в Ливадию заготовленного уже Канцелярией¹³⁹ пакета со всеми накопившимися “мемориями”. Не знаете ли Вы в чем дело?»

«Ничего не знаю, — отвечал я, — но очень благодарю Вас за сообщение и прошу сообщить, когда все-таки “мемории” будут посланы, и за каким номером будет идти дело Т.»

* Моя вина, моя сугубая вина (*лат.*).

Затем антракт в несколько месяцев между вторым и третьим актом: проходят весь август, сентябрь, октябрь, ноябрь и, наконец, в конце декабря:

Действие 3-е.

Вторичный телефон графа Толя:

«Пакет “меморий”, наконец, послан; дело Т. под номером таким-то».

Ответ: «Очень благодарю Вас», — телефон князю Орлову:

«Известное Вам дело выслано — номер такой-то».

Действие 4-е.

В последних числах декабря третий телефон графа Толя:

«Полный скандал в Государственной канцелярии. Пакет наших “меморий” возвратился из Крыма с надписью государя, необычайной до сих пор: «Сг. (т.е. согласен) — за исключением номера такого-то». Открывает пакет номер такой-то, это дело Т., а на мемории прямо сокрушительная для нашего Особого присутствия резолюция:

«Удивляюсь, как некоторые члены Государственного совета вместе с председателем Особого присутствия могли голосовать вопреки ясному смыслу закона... Приказываю считать дело решенным согласно мнению меньшинства».

И, наконец, апофеоз — к Новому году:

Высочайший указ о составе Особого присутствия на 1913 год: ни один из членов Государственного совета, голосовавших за Т., вновь в Особое присутствие не назначен, а Сабуров отрешен от должности.

* * *

Еще более удивителен был второй казус, аналогичный первому (ибо и он касался исключительных еврейских законов), в котором уважение императора Николая II к существующим законам, заставило его, в конце концов — после некоторого колебания, едва не приведшего к отставке Кассо — капитулировать перед своим министром народного просвещения. Случилось это так.

Во время того же моего летнего управления министерством в 1913 году, о котором была речь выше, в связи с моим деловым столкновением с В.Н. Коковцовым, перед самым возвращением министра из-за границы, получил я из Ливадии пакет разных поступивших туда прошений на Высочайшее имя для исполнения по принадлежности без всяких пометок Государя, при одной телеграмме, снабженной подписью императора Николая II: «Желательно исполнить»^{VI}.

Это была телеграмма на имя императрицы Александры Федоровны, посланная неким евреем из Ташкента в день рождения цесаревича Алексея Николаевича и содержащая в себе в трогательных выражениях ходатайство о приказе государя принять сына этого еврея сверх нормы в один из университетов¹⁴⁰.

Дело было, следовательно, принципиального характера, и, как у нас было условлено раз навсегда, не подлежало по этому решению в отсутствие министра. Телеграмму я, поэтому отложил без исполнения, а возвратившийся министр прочел ее с большим смущением.

Что делать? Желание царя, ведь, почти приказ; а исполнить такой приказ, это значит не только прямо нарушить существующий закон, но и открыть дверь для разных дальнейших попыток его обойти, как это без конца было при министре Шварце.

«Надо подумать», — сказал Кассо, и его думы привели к тому, что накануне своего отъезда в Крым для доклада накопившихся дел, требовавших Высочайшего разрешения, он доверительно поведал мне следующее:

«Я решил все-таки уклониться от исполнения этого царского желания и, на всякий случай, заготовил вот какой “всеподданнейший доклад”» (привожу текст его, конечно, только приблизительно).

«Чувствуя себя при сложившихся условиях неспособным более управлять вверенным мне ведомством, всеподданнейше ходатайствую перед Вашим Величеством об увольнении меня от должности министра народного просвещения».

Через несколько дней, крымская поездка Кассо была окончена и о своей аудиенции у государя он рассказал мне доверительно удивительные вещи:

«Телеграмму императрицы я отложил до конца доклада, и доложил государю, что исполнения по Его пометке еще не последовало».

«Как так? — сказал государь. — Я знаю, что Вы были в отпуску, но почему дела не исполнил барон Таубе?»

«Ваше Величество! Барон Таубе не мог его исполнить, так как оно принципиального характера и потому требует личного решения министра. А министр также затрудняется дать приказ о принятии этого молодого еврея в университет сверх нормы, ибо это означало бы ломку всей моей в течение трех лет практики точного соблюдения закона о еврейской норме в учебных заведениях; пока этот закон существует, я обязан его точно исполнять».

Государь задумался:

«Итак, Вы затрудняетесь по редкому исключению исполнить желание императрицы?»

«Так точно, Ваше Величество, я затрудняюсь», — отвечал я, опуская руку в левый карман вицмундира, где лежало мое прошение об отставке.

Государь заметил мой жест... Томительная пауза, потом:

«Как это, все-таки, досадно! Но я Вас понимаю, — оставьте телеграмму без исполнения».

«Я нескоро мог оправиться от охватившего меня волнения, — заключил свой рассказ Кассо, — а Вы знаете, что это случается не очень часто!»

«Я это вполне понимаю, — отвечал я. — ...Но как мог наш государь, уволивший Сабурова за неисполнение закона, уволить Вас за его исполнение?»

* * *

Все это показывало только одно — как высоко ценил император Николай II своего, совершенно еще неизвестного ему три года перед тем, министра народного просвещения. И было, конечно, за что. Ведь, если не обращать внимания на постоянную лживую критику Министерства народного просвещения в левых газетах и в левом секторе Государственной думы, работа в нем за эти три года шла огромная. Мне лично, со знаменитой «надгрузкой» к своей старой работе, данной моим харьковским другом, это чувствовалось самым определенным образом: это положительно было настоящее «пекло». Вне краткого летнего отдыха и моих заграничных международных дел, от которых Кассо не смог меня оторвать, я тогда себе вовсе не принадлежал: утренняя и дневная работа в министерстве, вечерняя — дома, разъезды в Малый Совет министров, в Сенат, в Государственную думу, в Государственный совет — все это вспоминается сейчас с некоторым удивлением, как это еще я мог выдержать такую «мерку» в течение почти четырех лет (до назначения моего в Сенат в феврале 1915 года). Но само собою, разумеется, что такая же нелегкая работа по Министерству народного просвещения лежала и на других товарищах министра и, в особенности, на самом министре. И я думаю, что по ее интенсивности едва ли какой-нибудь период в истории этого ведомства мог сравниться с тем временем, когда во главе его стояли не «бюрократы», а три профессора столичных университетов.

Этого не могли не сознавать все, кто только не был ослеплен предвзятой политической партийностью или личной недоброжелательностью к Кассо, и я должен сказать, что в этом смысле отношения наши в Государственной думе складывались совсем не так плохо, как это старалась изобразить наша левая, в част-

ности, «кадетская» пресса. В частности справедливость требует констатировать, что в Государственной думе у нас были ценные помощники, как в работе, так и в возобновлявшейся к концу каждого года борьбе с Министерством финансов, старавшемся урезать самые насущные сметные предположения (в особенности неизменный в ней докладчик по делам народного просвещения Е.П. Ковалевский). Да и в чисто личном вопросе, если не говорить о самом министре, который перестал бывать в Государственной думе, где его не любили за докторальный и иногда язвительный тон его объяснений, наши с Шевяковым отношения к народному представительству ничего ненормального или нежелательного из себя не представляли.

Только раз, кажется, я потерял терпение от какой-то несправедливой инсинуации и невольно увлекся до не особенно вежливой формы, которая не преминула среди общего шума вызвать замечание с места профессора Милюкова, что товарищ министра народного просвещения позволил себе употребить в Государственной думе «непарламентские выражения».

Но и это непарламентское по форме выражение было вполне основательно по существу с деловой точки зрения, что, конечно, не могло не сознавать, по крайней мере, громадное большинство членов Государственной думы.

Я сказал тогда, что лучшее, что они могли бы сделать это не предпринимать неосновательных нападков на деятельность моего министра, а раскататься в деловом смысле и наконец приняться за рассмотрение 48 законопроектов Министерства народного просвещения, которые покоятся без движения в Канцелярии Государственной думы.

Вот все это, вместе взятое, и ценилось по достоинству скольконибудь объективными людьми, и, прежде всего, самим государем, до самой смерти Кассо не переставшим оказывать ему и полное доверие, и самое сердечное благорасположение.

И, так как это всегда было ясно видно и хорошо известно, можно только удивляться, что к концу описываемого сейчас периода министерства Кассо (1912—1913 гг.) были сделаны одна за другой, две весьма плохо инсценированных попытки добиться его отставки. Обе оказались по юридическому выражению, «покушением с негодными средствами», и обе отозвались весьма тяжело на карьере их инициаторов.

Кратким о них рассказом я и закончу эту главу моих воспоминаний, не вдаваясь в их подробности, могущие еще донныне болезненно задеть некоторых живых персонажей этой довольно странной истории.

Первая из этих весьма легкомысленных попыток свалить министра народного просвещения Кассо исходила, как это ни странно, от одного из самых видных и энергичных наших попечителей учебных округов, который, между прочим, зарекомендовал себя перед нами совершенно исключительными достоинствами — бескорыстной щедростью, с которой он из своих личных (очень значительных) средств приходил на помощь материальным нуждам учебных заведений своего округа, когда Министерство финансов урезывало желательные ему бюджетные ассигновки. Это был мой университетский товарищ Сергей Михайлович Прутченко, прежний попечитель Рижского учебного округа, магистр Русского государственного права (за его прекрасную диссертацию о Сибирском приказе XVII века) и сверх всего камергер Высочайшего двора, которого Кассо перевел попечителем округа в Петербург, по моему же представлению, после довольно скандальной отставки графа Мусин-Пушкина^{VII}. К сожалению, при всех его качествах Сергей Михайлович отличался прямо болезненным самолюбием, повышенной нервной чувствительностью и излишним доверием к столичным слухам и сплетням, в особенности, когда они облекались в приятную его честолюбию форму его восхваления и критики его начальства.

Словом, в один прекрасный день ему пришла в голову несчастная мысль проверить у самого источника всех милостей и назначений, действительно ли, как ему нашептывали услужливые друзья (и враги Кассо), будто он был переведен в Петербург по личному желанию и настоянию государя, дабы иметь под рукой готового кандидата вместо непопулярного министра Кассо. Так или иначе, но он испросил у императора Николая II аудиенцию — помимо своего министра и как камергер, — и принятый государем, стал недвусмысленно намекать царю на целесообразность расстаться, наконец, с Кассо и, следовательно, назначить его, Прутченко. Все это на другой же день сам государь рассказывал вызванному в Царское Село министру и, несмотря на попытку Кассо смягчить крайнее неудовольствие Николая II, категорически приказал немедленно уволить этого неосторожного попечителя не только от должности, но и вообще от службы; соответствующий указ Сенату было приказано заготовить и прислать к подписи государю в тот же день!

Как и в случае с графом Мусин-Пушкиным, государь не терпел в служащих, прежде всего забвения прямого служебного долга и дисциплины. А в данном случае была сделана ведь даже попытка

подсказать царю новое решение министерского вопроса, что не могло не показаться уже совершенно недопустимым.

* * *

Второй наскок на министерский портфель Льва Аристидовича был, пожалуй, еще более легкомысленным и столь же неудачным, хотя он и был задуман в среде целой группы наших государственных деятелей — несколькими недоброжелателями Кассо в Совете министров с самим В.Н. Коковцовым во главе!

Исходным основанием для нападения перед государем на его министра народного просвещения было весьма бестактно избрано нашумевшее осенью 1913 года дело о раздорах в близкой Льву Аристидовичу семье члена Государственного совета (по выборам) Д., сын которого, студент Петербургского университета, запутавшись в кутежах и долгах, покончил жизнь самоубийством. Досужие и лживые столичные сплетни связали эту семейную трагедию с существовавшими якобы интимными отношениями Кассо с матерью несчастного молодого человека^{viii}. Пошли грубые нападки в левых газетах на эту тему и в результате, как сказано выше, решение группы членов Совета министров послать своего представителя к государю с поручением прямо заявить Николаю II, что, по их мнению, оставление Кассо при таких условиях, мол, главой ведомства, воспитывающего юношество представляется правительству нежелательным. Коковцов испросил себе у государя экстренный прием для доклада по этому делу. Экстренный докладной день был ему назначен, чего государь очень не любил, но далее произошло нечто для него совершенно неожиданное и сыграло не последнюю роль в его собственной отставке. О связи одного с другим — как и обо всем этом инциденте — В.Н. Коковцов не говорит в своих воспоминаниях, конечно, ни слова.

А произошло тогда в Царском Селе вот что.

Кассо от своих друзей в Совете министров своевременно узнал о готовившемся на него нападении и, испросив у царя (тоже вне очереди) аудиенцию, точно и откровенно изложил Его Величеству все, что он знал по этому делу, включая и пущенные по всему городу сплетни и клевету. Государь очень внимательно его выслушал и затем сказал:

«Мне по этому делу известно гораздо больше, чем Вам. Все эти сплетни и клевета против Вас действительно возмутительны. Прошу Вас не терять спокойствия и так же, как и до сих пор, продолжать твердо вести порученное Вам министерство».

А с В.Н. Коковцовым на другой день произошла в Царском Селе следующая сцена.

Глава правительства, очевидно, довольно плохо осведомленный о действительном положении вещей в этом деле, навязанном ему для доклада государю, изложил свою версию печальных событий в семье Д. и закончил выражением пожелания многих из своих коллег министров не видеть более Кассо в роли распорядителя судьбами народного просвещения...

В ответ он однако не получил никакого ответа, а лишь вопрос:

«Неужели в сегодняшний воскресный день Вы просили принять Вас для экстренного доклада только по этому прискорбному частному делу?»

Коковцов, конечно, сразу понял, что его миссия потерпела фиаско и что теперь нужно только для него самого «спасать лицо» — и он моментально извлек из бесконечного запаса своих финансовых дел какое-то новое особенно спешное дело...

Государь и на эту половину доклада не реагировал ни словом, и, только проводя его к выходу, уже в дверях неожиданно промолвил: «А все-таки, Владимир Николаевич, какой у нас прекрасный министр народного просвещения!» и «тихо за мной затворил дверь».

Так по рассказу самого Коковцова своим единомышленникам в тот же день по возвращении из Царского Села — один из них тотчас же передал все по телефону Кассо, который, в свою очередь, поспешил передать обо всем своему товарищу министра.

Так закончился этот курьезный эпизод из области министерских «мин и контрмин» 1913 года... в ожидании того дня, когда, вскоре потом, дверь царского кабинета вновь «тихо закрылась» за В.Н. Коковцовым и на этот раз навсегда. Это случилось, как известно, 30 января 1914 года^{IX}, когда после милостивого приема в Царском Селе, 24 января он был поражен узнавши из царского письма, что он более не министр финансов и не глава «Объединенного» правительства Российской Империи.

В Министерстве народного просвещения никто, очевидно, не имел оснований оплакивать такую метаморфозу в высшем управлении государством и новый «граф» был заменен не жадвавшим его заменить умным и хитрым министром земледелия А.В. Кривошеиным, а, казалось, уже дряхлым и «вышедшим в тираж» И.Л. Горемыкиным. И вот объективный историк этого времени должен признать, что несомненный (с моей точки зрения) подвох, устроенный Коковцову его «друзьями», повел к такой новой расстановке главных фигур на российской министерской доске, которая на новый 1914 год явно угрожала крупными осложнениями в международном плане и, наконец, повела к безумной схватке с

нашими сильными непосредственными соседями. Об этом пойдет речь в последней главе моих воспоминаний.

Примечания

^I См.: «Almanach de Gotha» в отделе «Russie» за 1911 год. «Monarchie constitutionnelle sous un Tzar autocrate».

^{II} По смерти отца Пирлинга его великолепная библиотека по его завещанию была переведена в Париж, где и составила общеизвестную Bibliothèque Slave¹⁴¹ на 33 рю де Сэвр.

^{III} Те же четыре ведомства препирались в течение многих лет и никак не могли столкнуться по вопросу о систематическом ополчении белорусских униатов, присылаемыми из Польши священнослужителями и законоучителями в наших школах, ибо Святейший синод противился вообще появлению на Литве русских католических священников. Все это продолжалось, пока по Высочайшему повелению Министерство иностранных дел не договорилось—таки с Ватиканом об учреждении русско-католических духовных семинарий.

^{IV} По возвращении в Петербург Кассо, в виде уступки председателю Совета министров, перевел Пергамент в конце концов не в Харьков, а в Юрьев.

^V Перлюстрация писем в С.-Петербургском почтамте не всегда бывала так удачна! Как-то за несколько лет перед тем, германский посол барон Шен приехал ко мне жаловаться (но в добродушной иронической форме) на следующий казус: посланное ему вдогонку письмо из посольства в его германский курорт (где его уже не застало), было возвращено в Петербург уже... в другом конверте сфабрикованном чиновниками почтамта!

^{VI} В данном случае дело шло о молодом человеке не попавшем в университет вследствие еврейской нормы не по конкурсу гимназических аттестатов, а уже по жеребьевке, введенной нами взамен конкурса аттестатов. Это было сделано ввиду неоднократно поступавших в Министерство жалоб из Западного и Юго-Западного краев, указывавших на то, что при системе конкурсов аттестатов каким-то чудом проходят в университет сыновья преимущественно богатых еврейских родителей, в ущерб детям еврейской бедноты. За введение жеребьевки, при которой могли присутствовать местные раввины, нас и благодарили несколько раз из черты оседлости, тогда как столичная левая пресса разразилась по этому поводу новыми нападкамии на Министерство народного просвещения.

^{VII} Граф Мусин-Пушкин, несмотря на все свои придворные связи и особое покровительство императрицы Марии Федоровны, был немедленно отрешен от должности, как только государь узнал, что этот попечитель С.-Петербургского учебного округа весной 1912 года в разгар учебного времени и в период студенческих волнений в Университете оказался без всякого разрешения министра в заграничном странствовании... для присутствия на карнавале в Ницце.

^{VIII} Хорошо мне известные сердечные дела Кассо связывали его с совершенно иными общественными кругами и не имели никакого касательства к семье Д. Любители романических розысков должны были бы обратиться в Москву, куда он нередко и выезжал на воскресные дни.

^{IX} См.: Воспоминания графа В.Н. Коковцова. Т. II. С. 282—283.

Глава X

В преддверии Великой войны. Характеристика министра Сазонова. — Попытка вызвать его отставку. — Министерские мины и контрмины. — Петербургское затишье перед грозой (январь—июль 1914 г.)

Если две последних главы этих воспоминаний оставили в читателе впечатление, что их автор, заваленный работой в Министерстве народного просвещения, в те годы почти совсем забыл свои старые юридические работы и потерял интерес к вопросам международной политики вообще и русской, в особенности, то, хотя это до известной степени и соответствовало действительности, но нуждается в известном фактическом коррективе.

Во-первых, как было уже упомянуто в своем месте выше, некоторые функции по Министерству иностранных дел еще за мною сохранялись¹; во-вторых, почетное звание члена Гаагского трибунала продолжало изредка приводить к роли третейского судьи в международных процессах¹¹ и, наконец, и в области международной политики причудливые и иногда весьма странные зигзаги управления русскими внешними делами С.Д. Сазонова не могли, по старой памяти, не привлекать к себе моего внимания.

И вот, так как эти «зигзаги» привели Россию в конце концов в этом трагическом 1914 году к преступной (с точки зрения подлинных интересов русского народа) войне с Германией и Австрией, мои воспоминания об этом времени естественно связаны именно с этим грандиозным международным конфликтом Первой мировой войны, и со всем, что с ним оказалось в непосредственной связи в частности в делах Министерства народного просвещения. Итак, русская иностранная политика, приведшая к войне 1914 года, и следовательно ее руководители — официаль-

ный — т.е. Сазонов, закулисные — т.е. те, которые при его слабости толкали Россию на войну.

Что же такое, прежде всего, представлял собою Сергей Дмитриевич Сазонов?

Несмотря на мое определенно отрицательное отношение к Сазонову, как к министру, я думаю, что могу воздержаться от уверенных в полной объективности его характеристики; ибо, как частный человек — и даже как министр, но во внеполитических отношениях, он возбуждал только искреннюю симпатию во всех его знавших.

Простой, прямой и заведомо честный в самом прекрасном значении этого слова, он вместе с министерским портфелем Извольского, не унаследовал ни малейшей черты его «снобизма»: связей в придворных кругах и в высшем светском обществе не искал, бутафорских книжных шкафов и батальных портретов предков в приемных залах Министерства не ставил и хронический дефицит в кассе своего Министерства противозаконными удержаниями из содержания своих служащих не пополнял¹⁴¹. А если прибавить к этому, что к нуждам несправедливо обиженных (как мы уже видели) он относился с большим участием, а в морально-религиозном смысле был нормальным православным русским человеком — после религиозного индифферентизма Извольского — то становится понятным и мое двойственное к нему отношение: в оболочке превосходного человека — весьма слабый министр, после Извольского производивший впечатление недоучившегося студента, влезшего на профессорскую кафедру.

Ибо, в роли министра его характеризовали, к сожалению, следующие черты: недостаток соответствующей деловой подготовки, как бывшего только секретарем и советником посольства в Лондоне, а затем министром-резидентом при Ватикане, весьма слабое представление обо всем развитии русской иностранной политики до XX века, случайность, непоследовательность, нервность в его собственных политических исканиях, крайнее англофильство и сантиментальная любовь к «братушкам»¹⁴², постоянная склонность принимать свои желания, иллюзии и фантазии за реальные факты...

В подтверждение этого «синодика»¹⁴³ недостатков Сазонова, как министра, здесь уместно, именно из моих личных воспоминаний привести ряд характерных эпизодов из его деятельности — взятых последовательно из всех его министерских лет вплоть до войны и до эмиграции: 1911, 1912, 1913, 1914 и... 1920.

1911 год.

Менее чем через год после назначения Сазонова управляющим Министерством иностранных дел, 25 сентября 1910 года государь,

уже обеспокоенный его крайним англофильством, заметно ухудшавшим наши отношения с Германией, приказал Сазонову искать с нею сближения и 19 августа 1911 года, при свидании монархов в Потсдаме, состоялось соглашение с германским правительством¹⁴⁴, давшее немцам возможность продолжить их Багдадскую железную дорогу в Турции до Персидских районов, «опекаемых» частью Россией, частью Англией.

И вот в этом же первом своем большом международном акте Сазонов показал свое полное неумение воспользоваться выгодным тогда для России положением в Турции и в Персии: он мог, воспользовавшись тогдашним желанием немцев, пойти с нами на более широкое соглашение по всем спорным вопросам после Извольского — подобно его соглашению с Англией по азиатским вопросам в 1907 году — он этого не сделал, в то же время, все-таки, раздражил английскую дипломатию этим пропуском немцев до самых опекаемых Россией и Англией пределов Персии. А за это ему пришлось пойти на другие уступки Англии, вплоть до отозвания из Тегерана, по указу из Лондона, нашего энергичного и даровитого посланника И.Я. Коростовца.

1912 год.

С Балканского полуострова из всех наших миссий и консульств, а равно и из частных писем в Петербург, приходят известия, что образовавшаяся там коалиция славянских государств¹⁴⁵ подготавливает войну с ослабевшей Турцией: болгары стремятся захватить Адрианопольскую область, сербы — Северную Македонию, Черногория — Северную Албанию... Сазонов, справедливо полагал, что такой новый кризис в «восточном вопросе» очень перепутавший общеевропейские отношения, может привести их к серьезным осложнениям, решает использовать для умиротворения «братьев-славян» свой авторитет русского министра иностранных дел и отправляется в круговую поездку по Балканским странам.

Возвращается он весьма довольным сам собою и объявляет в Совете министров, что опасность войны им там совершенно уничтожена... Ему верит даже Кассо, но я только замечаю, что надежная информация с Балкан утверждает, что миссия Сазонова никакого успеха не имела: со дня на день можно ждать там военных действий.

Кассо: «Ну, послушайте! Не может же Сазонов ошибаться до такой степени».

Я: «Хотите пари?»

Кассо: «Отлично. Я выигрываю бутылку шампанского; Вы — какую-нибудь интересную французскую книгу».

И далее: к ближайшему Совету министров телеграфное известие, что союзники в трех местах перешли турецкую границу.

Я получил от Кассо книгу мемуаров Corberon'a¹⁴⁶ (французского дипломата при дворе Екатерины II) в великолепном переплете известного петербургского переплетчика француза Rau.

1913 год.

Балканские союзники успели, конечно, перессориться при дележе турецкой добычи¹⁴⁷, и турки перешли в наступление, угрожая отвоевать у болгар Адрианополь. Большое волнение у Певческого моста и беспокойные заседания Совета министров у В.Н. Коковцова на даче на Аптекарьском острове.

Председатель Совета министров к Сазонову: «Его Величество крайне озабочен этим неожиданным поворотом в балканских делах. Имеет ли Министерство иностранных дел что-либо в виду, чтобы понудить Турецкое правительство остановить движение турецких войск на Адрианополь?»

Сазонов: «Как же. Я имел совещание с моими сотрудниками по восточным делам, и мы предполагаем, объявить в Константинополе, что, если движение турецких армий не будет немедленно остановлено, мы приступим к блокаде всего Анатолийского побережья. Да. Но, само собою разумеется, — к так называемой “мирной блокаде”».

Коковцов к Сазонову (но, продолжая смотреть на меня): «Это вероятно, барон Таубе посоветовал Вам такое средство воздействия на противника по учебнику Мартенса?»¹⁴⁸»

Я: «Никак нет. Меня никто не запрашивал по этому вопросу, и я полагаю, что блокада малоазиатских портов Турции нанесет только большой ущерб нашей собственной торговле с ними, отнюдь не остановив движения турецких войск».

Министр торговли: «Само собою».

Коковцов ко мне: «Какой же, по-вашему, выход из положения?»

Я: «Выход из положения, на мой взгляд, один: угроза не “мирной блокадой”, а переброской экспедиционного корпуса русских войск в тыл наступающей на Адрианополь армии».

Военный министр: «Войска нашего Одесского военного округа не мобилизованы».

Морской министр: «Достаточных перевозочных средств для такой экспедиции сейчас на юге у нас нет».

Коковцов: «Так нечего нам зря ломать голову над этими вопросами. Турки, очевидно отберут Адрианополь».

И они его отобрали, издав даже по этому поводу марку с видом главной Адрианопольской мечети.

1914 год (сентябрь).

Великая война уже началась. К нашим врагам присоединяется Турция: два сильных немецких крейсера, «Гебен» и «Бреслау»,

каким-то чудом прошедшие под носом англичан из Северного моря в Черное и переданные там турецкому правительству, неожиданно напали на русское Черноморское побережье, обстреляв (кажется так) Севастополь, Одессу и какой-то третий порт¹⁴⁹. Волнение в Совете министров (в Мариинском дворце) в ожидании прихода Сазонова.

Председатель Совета к нему: «Итак, война еще и с Турцией?»

Сазонов: «Никоим образом. Это — невероятный взгляд наших газетчиков, а на самом деле наши отношения с Турецким правительством превосходны. Гирс (Николай Николаевич, тогдашний посол в Константинополе) еще недавно писал мне, что великий визирь очень к нам расположен, и что можно в скором времени ожидать присоединения к нам Турции, в качестве союзницы против Австрии и Германии».

И.Л. Горемыкин: «А как же этот обстрел наших портов?»

Сазонов: «Да это просто провокация этих двух военных немецких судов. И вообще я прошу Совет министров не беспокоить себя этим делом. Вопросы иностранной политики ведению Совета не подлежат, и веду ее я, с одобрения Его Величества».

Горемыкин: «Перейдемте, господа, к очередным делам Совета министров».

Минут через десять — стук в дверь, появляется придворный лакей с телеграммой для военного министра.

Сухомлинов (раскрыв телеграмму) к Горемыкину: «Разрешите огласить важное сообщение Верховного главнокомандующего»¹⁵⁰. «Вследствие нападения турецкого флота на наше побережье, я приказал Кавказской армии перейти оттоманскую границу».

Глаза всех устремляются на Сазонова. Переменившись в лице, он вскакивает с места и поспешно оставляет зал заседания.

И вот, наконец, уже после окончательного крушения всей его политики, последний штрих в его характеристике.

1920 год, в Париже в отеле «Meurice»¹⁵¹.

Вызванный Сазоновым на откровенный обмен мнений, я пытался объяснить ему всю фатальность для России его политики, которая, полагаю, позволила Англии осуществить свою заветную цель — стравить обоих своих соперников в Европе и в Азии — Германию и Россию.

Сазонов: «Мое англофильство было лишь ответом на русофобство германской политики со времен Бисмарка, ненавидевшего Россию».

Я: «Мне очень странно слышать эти слова. У нас могли ненавидеть Бисмарка за то, что он на Берлинском конгрессе не хотел защищать русские интересы больше наших собственных неудачных

дипломатов, с впавшим в старческий рамолимент¹⁵² князем Горчаковым. Но, во всяком случае, не он ли был творцом этих выгодных для нас договоров 1880 годов?»¹⁵³.

«Да о каких договорах Вы говорите?» — спросил меня с недоумением Сазонов.

«О тайных союзных договорах царствования Александра III — 1881, 1884 и 1887 гг., из которых третий, заключенный уже без Австрии, не был возобновлен в 1890 году опрометчивым Вильгельмом II, уволившим Бисмарка в отставку»¹⁵⁴.

Сазонов: «Откуда Вы все это берете? Это какая-то новая выдумка немецких газетчиков?»

Я: «Это не выдумка, а настолько известные факты, что как раз за их незнание я был вынужден в свое время срезать на дипломатическом экзамене Вашего племянника Сандика Таубе».

Сазонов (в полном конфузе): «И эти договоры не миф?»

Я: «Этот миф хранился с подписями государей, их министров и государственными печатями в несгораемом шкафу директора Вашей канцелярии».

Сазонов (со свойственной ему откровенной прямоотой): «Я, к сожалению всего этого не знал».

Я: «О Вашем этом незнании должна сожалеть теперь вся Россия».

* * *

Из этих «зарниц» Сазоновских выступлений и заявлений вытекает, что отрицательное мнение о нем двух министров не было преувеличенным, а именно:

Извольский (в 1910 году, как уже упоминалось выше): «Разве я могу оставить Министерство иностранных дел Сазонову?»

Кассо (после неоднократных заседаний Совета министров от 1910 до 1914 года): «J'ai rarement vu un homme plus bête». («Я редко встречал более глупого человека», конечно, не в общечеловеческом смысле, но, увы, именно в деловом, как министра).

При министре иностранных дел, охарактеризованном выше, при русском после во Франции (Извольском), кипевшем нескрываемой злобой к Австрии и Германии, после всех неудач 1908—1909 гг., при русском после в Лондоне, давно заменившем собственный взгляд на текущие дела формулой «Grey m'a dit»^{1V} уход В.Н. Коковцова с политической арены означал не только исчезновение опытного министра финансов и государственного казначея, но и убежденного сторонника международного мира,

* Грей мне сказал (*фр.*).

способного в критический момент (как это было весной 1910 года)¹⁵⁵ наложить свое вето (veto) на расхорившиеся воинственные страсти.

Теперь такого задерживающего тормоза по иностранным делам в Совете министров больше не было, и при первом сколько-нибудь значительном инциденте в пороховом погребе, именуемом Балканами, можно было ожидать серьезных осложнений, и, наконец, войны. Отсюда мысль, бродившая в головах очень многих лиц, близко стоявших к нашим государственным делам: необходимо удалить Сазонова, заменив его спокойным, уравновешенным человеком, известным государю с очень положительной стороны; а такой давно уже имелся в Министерстве иностранных дел в лице Петра Сергеевича Боткина^v.

И вот, в первые два месяца 1914 года в Петербурге состоялся настоящий заговор для приведения в исполнение этого плана. Надо было так или иначе обратить серьезное внимание императора Николая II на то, что безрассудное англофильство Сазонова может нас привести к конфликту с Германией, о чем в Лондоне давно уже только и мечтали.

На эту тему как-то и заговорил со мной один из «заговорщиков».

«Вы знаете, — сказал мне Константин Аркадьевич Губастов (товарищ министра у Извольского в первые, и самые удачные годы его министерства), — сама судьба предназначила Вас к роли “публичного обвинителя” неудачной политики Сазонова. Ведь в середине марта Вы должны читать свой доклад в Царском Селе, у государя, на годичном собрании Императорского Русского исторического общества. А, если не ошибаюсь, великий князь Николай Михайлович поручил Вам представить на этом заседании отчет о подготовленных Вами к печати депешах австрийского посла в Петербурге в годы царствования императора Николая I и, следовательно, об австро-русской политике того времени, приведшей нас, в конце концов, при предательстве той же Австрии, к неудачной Крымской кампании¹⁵⁶. Пунктов политического сходства между той эпохой и нашей довольно много. Отчего бы Вам ни закончить Вашего чисто исторического изложения легким экскурсом в область современной нам международной политики? Очень было бы интересно и важно в деликатных, но достаточно прозрачных выражениях показать государю, что, как упорное австрофильство графа Нессельроде, заставило его проспать образование противорусской коалиции на Западе и привело к катастрофе Крымской войны из-за “Восточного вопроса”¹⁵⁷, так и в наше время тот же “Восточный вопрос” может привести нас к еще худшей катастро-

фе; упорное англофильство Сазонова толкает нас на конфликт с немецкими империями. Подумайте, как бы это устроить».

Подобное предложение было мне, в личном отношении, конечно, мало приятно, но в деловом оно не было лишено основательности, ни даже известной занимательности, что же из всего этого, действительно выйдет?

И вот, в конце концов, взяв на себя бремя такого «публичного обвинителя», я решился — по русской поговорке «назвался груздем, полезай в кузов».

Грибным кузовом была в данном случае одна из зал Александровского дворца в Царском Селе, в которой обычно происходили собрания Русского исторического общества, а полез я в него в марте 1914 года.

Собрание под председательством Его Величества было довольно многолюдным, исторические доклады его членов довольно интересны, а до моего доклада очередь дошла только в конце, по времени избрания, я был только младшим из докладывавших членов Общества.

Итак, вот, наконец, как это было принято по установившемуся ритуалу, я занял место прямо перед государем, за большим овальным столом, вокруг которого разместились слушатели.

Старые дипломатические депеши наблюдательного графа Фикельмона были действительно политически интересными и остроумными, а я читал свой доклад с таким же увлечением, с каким читал эти депеши и потом свое введение к предстоящему их изданию в одном из очередных томов знаменитого «Сборника Императорского русского исторического общества»^{VI}.

Слушали меня с большим вниманием и, в частности, государь не спускал глаз с докладчика, дошедшего, наконец, до критической части, — послесловия — своего доклада.

И тут сразу почувствовалось, что атмосфера моей аудитории изменилась. Прежде всего, бросилось в глаза — государь теперь все чаще наклонялся к лежавшему перед ним листу бумаги и стал тщательно выводить на нем какие-то арабески; сидевший от него справа, его личный друг, граф Сергей Дмитриевич Шереметев, поглядывал с видимым любопытством, но и некоторым смущением; наконец наш фактический председатель Общества великий князь Николай Михайлович не скрывал своего неудовольствия, то, метая на меня строгие взгляды, то пожимая плечами, и непрерывно «ерзая» на своем кресле слева от государя. Остальные присутствовавшие теперь уставились каждый в лежавший перед ним лист бумаги.

Все то же затишье перед грозой...

«Что же еще будет? — подумал я, — если начнут обмен мнений по поводу моего доклада».

Но никакого обмена мнений не случилось. Немедленно по окончании моего сообщения государь встал с места и начал, как это всегда бывало, обход членов собрания с двумя—тремя словами на прощенье каждому из них, — начиная с правой стороны, от графа Шереметева. Между тем, — сразу это было занятно видеть — слева и справа от меня образовалось пустое пространство и я стоял одиноко на несколько шагов позади от места докладчика...

«Вот, — думал я, — будет большая неприятность, если сейчас, дойдя до ряда ожидающих его справа историков, он повернет назад, станет прощаться с сидевшими от него слева».

Но такого афронта для меня, к счастью, не случилось.

Напротив. Пройдя несколько шагов пустого пространства и подавая мне руку, государь со своей обычной приветливостью громко сказал: «Благодарю Вас за Ваш чрезвычайно интересный и серьезный доклад».

И, окончив свой обход, «удалился во внутренние апартаменты». Между тем пустое пространство справа и слева от меня опять заполнилось, и все мы двинулись в соседнюю залу, где, по обычаю, ждал нас ужин, *à la fourchette* — тоже по обычаю довольно скромный.

Великий князь за ним не задерживался, и немедленно начался отъезд в придворных экипажах к ожидавшему нас для отъезда в Петербург министерскому поезду Императорской царскосельской железной дороги.

Входя (последний) в салон-вагон, я увидел вокруг великого князя настоящий митинг наших историков, оживленно и шумно о чем-то переговаривавшихся.

«А вот и виновник скандала, — воскликнул великий князь Николай Михайлович, увидя меня. — Как это Вас дернуло превратить свой научный исторический доклад о Фикельмоне в политическую атаку против теперешней нашей внешней политики? Хорошо еще, что при этом не было Сазонова»^{VI}.

Я молчал в сознании сугубой вины своей явной бестактности, — но и чувствовал внутреннее облегчение от исполненного своего рода «гражданского долга».

«Во всяком случае, вот что, — продолжал свою аллокацию¹⁵⁸ великий князь, — отныне ни один доклад в нашем Обществе не будет допущен без моей предварительной цензуры».

Неудовольствие на меня великого князя продолжалось недолго. Звонок по телефону: «Здесь великий князь Николай Михайлович... Я хотел сказать Вам, чтобы Вы не очень сокрушались из-за моего вчерашнего гнева. Я сегодня завтракал у государя. Оказалось, что Его Величество остался чрезвычайно доволен всеми

вчерашними докладами, в частности и Вашим. О нем мы говорили довольно много — и государь находит, что все это очень сложные и трудные вопросы, о которых нужно серьезно подумать... Итак, все хорошо, что хорошо кончается».

Я, конечно, был очень обрадован этим сообщением так же, как и разные мои «заговорщики». Значит, бестактное заключение моего доклада оставило все-таки известное впечатление у государя. Для меня лично уже было важно то, что оно не возбудило в нем никакого неудовольствия за такое вмешательство в область внешней нашей политики, порученной Сазонову; но, кроме того, оно могло дать какие-то реальные результаты, раз о его выводах было признано необходимым «серьезно подумать».

Однако, пока что, реальные результаты стали проявляться лишь в форме городских слухов и сплетен:

«Вы знаете, Сазонов, вновь назначается куда-то за границу...

Вы знаете, Петр Боткин, оказался замешанным в какую-то денежную аферу, не без участия немцев...»

Сазонов только и держится, что поддержкой великого князя Николая Николаевича...» и т.д. и т.д.

* * *

«Все эти министерские мины и контрмины мне очень не нравятся, — сказал мне как-то Кассо уже в конце весны. — Действительных результатов Вашего выступления в Историческом обществе пока не видно, а разные закулисные политические силы, желающие использовать в своей игре карту Сазонова, могут пожелать это сделать пока она не выпала из его рук. И вот достаточно вызвать какой-нибудь инцидент в Болгарии или Сербии, подстрелить русского посланника в Софии или австрийского в Белграде, чтобы поднялся отчаянный дипломатический кавардак во всей Европе, а из него общеевропейская драка...»

«Но пока, — прибавил он успокоительно, — наступают дни летнего затишья в делах. Я лично думаю на месяц поехать за границу, а Вы отправитесь в Ваш загадочный для меня Мерекюль, оставив министерство на попечение Шевякова».

До осуществления этих благих намерений, два, касавшиеся нашего министерства инцидента должны были еще прервать это ожидание летнего затишья.

Один из них быстро и безболезненно был ликвидирован при моем посредстве, другой, вызвавший также прямое мое в нем участие, оставил по себе (как будет видно из следующей главы) тяжелое впечатление прямого подвоха против Кассо, исходившего из недр Совета министров.

Первый из этих двух казусов не заслуживал бы, собственно, упоминания, если бы он не задел умного, хитрого и злонамеренного министра земледелия А.В. Кривошеина, который ведь и без того никак в друзья Кассо причислить было нельзя.

Случилось так, что как-то на повестке очередного заседания Совета министров, просмотрев вместе с Львом Аристовичем список дел, назначенных для рассмотрения в нем, мне бросилось в глаза дело о крупной (как помнится), денежной поддержке некоей еврейской земледельческой колонии¹⁵⁹ в одной из губерний Юго-Западного края¹⁶⁰. И вот мне вспомнилось, что в эпоху описанной в одной из первых глав этих воспоминаний об истории английских субсидий еврейским революционным ячейкам в России, как раз эта якобы чисто земледельческая колония играла не последнюю роль в тогдашних деяниях иудейского «Бунда»¹⁶¹.

«Все то давно было, — сказал я Льву Аристовичу, — девять лет тому назад, и может быть эта колония теперь действительно заслуживает всяческого сочувствия и содействия со стороны Министерства земледелия¹⁶². Но все-таки нелишнее быть осмотрительным в этом деле».

«Само собою, — отвечал мне министр, — я сейчас же сообщу об этом министру внутренних дел для наведения точных справок, а так как времени до завтрашнего заседания Совета осталось мало, то прошу Вас немедленно съездить к И.Л. Горемыкину и предупредить лично его — раз пока все покоится на Вашем заявлении».

Кассо предупредил председателя Совета министров о моем визите по спешному делу, и я отправился в занимаемый им особняк на Кировной улице.

Застал я Ивана Логиновича посреди семейной идиллии за карточным столом: имел против себя свою почтенную симпатичную старушку супругу, председатель Совета министров в халате и туфлях раскладывал карточный «пасьянс».

«Да что такое случилось?» — воскликнул он полунедовольным, полузаинтересованным тоном, — и я объяснил ему, почему Кассо решил его беспокоить в этот поздний час.

«Конечно, Ваш министр отлично сделал, что предупредил меня; само собою, этого дела я совершенно не знаю, а между тем из него еще может выйти большая неприятность».

И, как Кассо мне сообщил через 24 часа, дело это — к великому неудовольствию Кривошеина, было в Совете министров «снято с очереди»^{VIII}.

Может быть, как своего рода «реванш» со стороны министра земледелия по адресу министра народного просвещения надо рассматривать второй из двух казусов, которые я здесь имел в виду,

ибо он оказался прямым подвохом против Кассо, к концу года отозвавшемся на его товарище, пишушем эти строки.

Дело сводится к тому, что по одному из многочисленных мелких препирательств между правительством и Государственной думой, являлся вопрос о том, можно ли ее допустить составлять свои законопроекты по делам, законодательный почин по которым уже был взят на себя тем или другим из наших министерств. Кассо думал, что препираться об этом с Думой не стоит: такая конкурентная двойная работа может даже оказаться даже полезной и для государства, и, во всяком случае, для ускорения дел. Но Совет министров стал на другую строго формальную точку зрения и было решено, что при первом конкретном столкновении по этому вопросу между Думой и правительством, представитель этого последнего должен энергично протестовать против неправильной точки зрения народных представителей и немедленно «оставить зал заседания» — другими словами, вызвать громкий скандал и лишний конфликт с нашей законодательной машиной. Решение есть решение и со стороны законной точки зрения оно, может быть, было правильно, хотя и заведомо неприятно для Думы.

Но что было явно неправильно со стороны Совета, — или со стороны послушной каким-то идущим из него течениям Канцелярии Государственной думы¹⁶³ — что таким первым делом, по которому должен был разразиться означенный конфликт, оказалось как раз дело министра народного просвещения...

Производство скандала своим «немедленным оставлением зала Государственной думы» любезно предоставлялось, таким образом, министру Кассо и без того, как известно, мало популярному в этом учреждении, а в этом деле стоявшему вовсе не в оппозиции к нему.

Обойти этот явный подвох Кассо мог, конечно, только не поехав в Думу для объяснений по этому делу и послав туда для этого своего товарища... М.А. Таубе^{IX}.

С приятным воспоминанием об этом подвохе Кассо и уехал в свой заграничный отпуск. Для меня же «летнее затишье» началось к счастью, с гораздо более приятного воспоминания, с которым в конце июня я и уехал в свой, по выражению Кассо, «загадочный Мерекюль».

Незадолго до моего отъезда на этот летний отдых я получил именное приглашение на великолепный банкет в германском посольстве, участие в котором оставило во мне тройное воспоминание:

1) Радужных хозяев — симпатичный посол граф Пурталес со своей красивой русской бородой и с монументальной супругой, напоминавшей блаженной памяти императрицу Анну Иоанновну.

2) Внушительная элегантная фигура обер-гофмаршала Высочайшего двора графа Бенкендорфа (брата нашего посла в Лондоне) со своей графиней Марией Сергеевной, 40 лет тому назад известной красавицей рожденной княжной Долгорукой, которая с очаровательным лицемерием благосклонно приветствовала родного племянника своего заклятого врага и зятя — Ивана Фердинандовича Таубе^X, и наконец

3) Милый мой сосед по столу убежденный русофил барон Люциус, советник посольства, забавлявший меня дипломатическими сплетнями и через несколько дней собиравшийся ехать по секрету от «папа Pourtales»^{*} не на какие-то немецкие воды для леченья, а прямехонько в Париж, в который его привлекали глубокие сердечные связи^{XI}.

Итак, с международной точки зрения для этого «летнего затишья» 1914 года все складывалось, по-видимому, вполне благополучно: обер-гофмаршал Николая II, чествуемый послом Вильгельма II, русский министр (Кассо) — в Германии, германский дипломат Люциус — в Париже...

Но вот, не успел я отдышаться от всех этих весенних петербургских впечатлений, как над всеми нами грянул страшный удар грома: 15/28 июля в боснийско-герцеговинской столице Сараеве был убит, вместе с супругой, наследник престарелого императора Франца-Иосифа, эрцгерцог Франц-Фердинанд.

Начался дипломатический кавардак (которого так опасался Кассо) и международный мир оказался висющим на одном волоске. Волосок порвался, как известно, через неделю — 19 июля — 1 августа мы очутились в войне с Германией. На сцене мировой истории занавес поднимался над 4 1/2-летней преступной и бессмысленной бойней, между якобы христианскими народами и над русской революцией — революцией, к которой Россия фатально шла с 1905 года, по злобе одних, по слабости других и по глупости третьих.

* * *

Примечания

¹ К этим функциям присоединялись, между прочим, производство мною экзамена в Министерстве иностранных дел два или три раза в год молодых дипломатов по международному праву и истории международных договоров. Испытания эти происходили в Совете министров, всегда очень интересовали главу ведомства иностранных дел и потому по одному курьезному казусу в конце 1913 года приве-

* Папа Пурталес (фр.).

ли меня к некоторому, впрочем весьма легкому, столкновению с министром С.Д. Сазоновым: мне пришлось «провалить» на экзамене его любимого племянника, уже приглашенного им в свою канцелярию, и вместе с тем моего собственного двоюродного брата Александра Михайловича Таубе. Этот весьма способный, но несколько ленивый и самоуверенный молодой человек, отлично окончивший С.-Петербургский университет, смело понадеялся на влияние своего дядюшки (двоюродного брата его матери). Мать С.Д. Сазонова и мать А.М. Таубе, Анна Александровна Таубе, рожденные Барановы, были родные сестры и баронессы Фредерикс.

^{II} Я участвовал в качестве члена Чрезвычайной коллегии в двух громких в то время международных процессах между Францией и Италией, по различным требованиям вознаграждения со стороны французов за убытки, понесенные ими от итальянских военных судов, в Средиземном море во время итальянско-турецкой войны 1911 года. В этих делах, известных под титулом «Carthage» и «Manouba» (по именам главных потерпевших французских торговых судов), моими коллегами были: известные уже читателям французский и германский юрисконсульты Министерства иностранных дел Рено и Крюге, блестящий профессор-юрист Фузинато и в качестве нашего председателя высокоуважаемый шведский государственный человек Хаммаршельд (Hammarskjöld), бывший шведским министром иностранных дел и премьер-министром. Эти процессы описаны мною во французском и немецком изданиях моих старых воспоминаний.

^{III} Как было упомянуто выше официальный кабинет министра Извольского был украшен громадным портретом... деда его жены, боевого генерала и министра путей сообщения графа Толя. В соседнем зале по приказу министра был водворен большой шкаф, наполненный какими угодно книгами, что привело тогда меня к столкновению с ним, так как оказалась опустошенной нужная мне часть библиотеки Второго департамента. Бархатный ковер, лежавший от входной двери до приемной министра со времен князя Горчакова, если еще не графа Несельерде, никому собственно глаз не колол (кроме самого Извольского), ибо иностранные дипломаты поднимались к нему по лифту и дефектов ковра не могли заметить. Наконец урезки Департамента хозяйственных дел¹⁶⁴ размеров денежных выдач, по делу служащих мотивировались приказом министра сокращать выдаваемые золотом суточные и прогонные деньги лицам, назначаемым за границу. Более «зубастые» из таких обсчитанных служащих добивались-таки им должного, угрожая скандалом директору департамента и, следовательно, самому министру. (Один из таких казусов дошел до моего сведения и был урегулирован моим вмешательством в дело.)

^{IV} Этой кличкой «Grey m'a dit»^{*} многие в Министерстве иностранных дел в шутку и обозначали графа Бенкендорфа, ибо значительная часть его письменных и телеграфных донесений начиналась именно этими словами, занимаясь передачей мнения главы британского Foreign Office. Составилась даже легенда, будто в Берлине удалось расшифровать один из труднейших наших шифров, исходя из предположения, что первая серия цифр в одной из его телеграмм должна была начинаться «Grey m'a dit». Но это только легенда, ибо немцам нечего было трудиться

^{*} Грей мне сказал (фр.).

над расшифровкой этого шифра; у нас рядом с ним, в качестве одного из секретарей посольства сидел постоянный осведомитель-предатель, продававший им все (или почти все), что писалось послом в Петербург и из Петербурга к нему (кроме конечно писем посылавшихся дипломатическим курьером).

^V Петр Сергеевич Боткин, член богатой московской купеческой семьи, известный всей императорской фамилии благодаря знаменитому лейб-медику Александру II, был одним из самых даровитых наших дипломатов. В то время, будучи в звании камергера, он занимал пост представителя России в Марокко (в городе Танжере) с личным титулом посланника и полночного министра.

^{VI} Великий князь Николай Михайлович был очень горд получением, благодаря его добрым отношениям с бывшим австрийским послом в Париже, Петербурге князем Лихтенштейн, этих депеш графа Фикельмона для напечатания в сборнике Русского Императорского исторического общества. Это порученное мне и уже начатое издание прекратилось вследствие войны. Но мое историческое к нему «Введение» было все-таки напечатано и даже в трех разных изданиях в течение 1915 года.

^{VII} Министр иностранных дел считался *ex officio** членом Русского исторического общества.

^{VIII} Министру А.В. Кривошеину, который не принадлежал к русской дворянской фамилии этого имени, в Петербурге упорно приписывали еврейское происхождение, будто бы из кантонистов николаевских времен. Но в противоположность другой министерской фамилии из евреев, — Гирса (министр иностранных дел), он внешне своим видом еврея нисколько не напоминал.

^{IX} Этот подвох был формулирован ровно через неделю после моего доклада в Царском Селе письмом председателя Совета министров на имя министра народного просвещения от 20 марта 1914 года, а мое выступление в Государственной думе по этому делу имело место 28-го того же месяца. Письмо это воспроизводится «*in extenso*»** в Приложениях в настоящей работе.

^X Мой дядя Иван Фердинандович Таубе, офицер лейб-гвардии Гусарского полка и атташе нашего посольства в Париже, женился в 1883 году на княжне Ольге Александровне Долгорукой, дочери Марии Сергеевны, рожденной Долгорукой (по второму мужу графине Бенкендорф) и с первых же дней брака повел с тещей целый ряд процессов из-за невыплаты ему приданого дочери... Напротив мы оставались в вполне нормальных отношениях с обоими братьями Ольги Александровны, Александром и Василием (Валей); оба они были убиты большевиками; Валя в качестве гофмаршала, не оставившего царской семьи в Екатеринбурге, вместе со всей семьей царя-мученика (3/4—16/17 июля 1918 года).

^{XI} Мне тогда было еще неизвестно, что барон Люциус находился в связи с известной парижской артисткой Eve Lavalliere, которая впоследствии порвав эту связь и уйдя из тогдашнего мира — «мира» вообще, начала жизнь истинной подвижницы и кающейся грешницы. От нее и о ней остался значительный сборник писем и листов из дневника, напечатанных в Париже в 1939 году¹⁶⁵.

* По должности (*лат.*).

** В продолжение (*лат.*)

Глава XI

Впечатление первых шести месяцев Великой войны (июль—декабрь 1914 г.)

**Глубокие и ближайшие причины Великой войны. —
Ее отражение на делах Министерства народного просвещения. —
Болезнь и смерть министра Кассо. — Мое управление
министерством. — Личный доклад у императора Николая II
28 декабря 1914 года**

О том, как в роковой день 19 июля (1 августа) 1914 года русский народ нежданно-негаданно очутился в войне с Германией, потом с Австро-Венгрией, потом с Турцией и даже с Болгарией, накопились бесконечные сборники документов на всех европейских языках. У немцев основан был после войны даже специальный журнал — «Die Kriegsschuldfrage»¹⁶⁶ — для якобы объективного вывода из всей этой исторической литературы, кто же собственно был виновником этой грандиозной бойни почти всех государств¹ «цивилизованной» и «христианской» Европы? Участвовал и я в попытках разобраться в этом историко-юридическом вопросе. Это было естественно перед и после 1919 года (т.е. Версальского мира)¹⁶⁷, но в настоящее время — особенно после повторения такой же бойни, но в еще более грандиозных размерах в 1939—1945 гг., позволительно сомневаться в целесообразности подобных розысков. Ясно, что все участники этого коллективного позора с культурной точки зрения должны были стараться валить вину за него друг на друга, и столь же ясно, что причины — тоже коллективные — этих братоубийственных войн лежали гораздо глубже, чем это можно было первоначально думать.

Эта глубокая историческая подпочва всех международных столкновений и войн заключается в отходе громадного большинства народов и государств — за исключением, может быть, так называемых «вечно нейтральных» (как Швейцария или Бельгия) — от христианских начал любви и мира, т.е. мирного сожительства и

мирного между собою соревнования к грубо-эгоистическому корыстному взаимоотношению, основанному на государственном аморализме: ибо, если не открыто и цинично, как в свое время Макиавелли, то всеми своими действиями государства и их правительства показывали, что для них нет ничего ни справедливого, ни несправедливого, ни честного, ни позорного, а только полезное или вредное, выгодное или невыгодное в данную минуту. И сообразно с этим, и решаются вопросы, не прибегнуть ли к силе для достижения желанной цели, — если, само собою, есть реальная надежда осилить более слабого соседа¹¹. Ведь классическим примером этой международной анархии может служить исторический пример Польши, живое тело, которой тремя знаменитыми «разделами» XVIII века было разодрано, как известно, тремя хищными соседями — Пруссией, Австрией и Россией¹⁶⁸.

Из такого международного аморализма, который не исключает наличности известных правовых норм между государствами в мирное время, и получается время от времени такой «Гордиев узел»¹⁶⁹ противоположных междугосударственных интересов или идеологий, который правительства с более или менее легким сердцем побуждают свои народы разрубить мечом: из аморальной подпочвы вырастают зловредные силы, готовые столкнуться одна с другой в смертельной схватке.

Такое сцепление международных враждебных сил и наметилось вновь в Европе с конца XIX века, когда построенная на трех для нее удачных войнах (1864, 1866 и 1870 гг.)¹⁷⁰ Германия превратилась в промышленно-торговое государство, стала явным и опасным экономическим конкурентом Англии, и для «City»¹⁷¹ сокрушение немецкого конкурента стало заветной мечтой.

Так мы доходим до одной из реальных основных причин лежавших в основе Первой мировой войны 1914–1919 годов. Из общей аморальной подпочвы родилось аморальное стремление разгромить ненавистного конкурента — о возможности чужими руками — а это конкретное международное сцепление противоположных интересов уже сравнительно легко нашло себе конкретного поджигателя, бросившего свою зажженную спичку в европейский пороховой погреб.

Как в нашем случае сплелись эти международные силы, чтобы включить и Россию в сеть своих политических ходов и затем, кто, где и когда явился «конкретным» «поджигателем» это не очень трудно установить в качестве начала для той части моих воспоминаний, которая посвящена Великой войне и рожденной ею русской революции.

В международной конъюнктуре начала XX века созданное министром Делькассэ «сердечное согласие» (*Entente cordiale*) с

Англией в 1904 году¹⁷², при наличии военного франко-русского союза¹⁷³ и определенном саботаже в Петербурге соглашения двух императоров в Бьерке (1905 г.)¹⁷⁴ сыграло фатальную роль в истории постепенного нарастания европейского конфликта. Ведь в Берлине могли справедливо опасаться быть зажатými во франко-русские клещи, а такое опасение привело там и к созданию даже прямо против России направленного плана предупредительной войны (Präventionkrieg), пока Россия не совершенно еще оправилась после Японской войны и революции, не разгромить ли ее под каким-нибудь предлогом, чтобы затем все свои силы бросить на Францию, нисколько не стесняясь при этом и «вечным нейтралитетом Бельгии»¹⁷⁵, если представится целесообразным пройти через ее территорию. Существование таких планов, которым сочувствовали и некоторые из берлинских стратегов, не могло, конечно, остаться тайной от Петербурга и Парижа, где им отвечали не только соответственными военно-завершительными мероприятиями, но и глубокой враждой ко всему германскому. Ведь и в Париже была своя группа «воинствующих» политиков и военных, не забывавших о «реванше», и в Петербурге группа единомышленников великого князя Николая Николаевича, неприязнь которого к Германии поддерживалась и ненавистью к ней и к Австро-Венгрии со стороны обеих черноморских великих княгинь.

При таких условиях, если общеевропейская война не вспыхнула еще до 1914 года, например, после германского «ультиматума» 1909 года¹⁷⁶ — то в значительной степени надо приписать личному нежеланию всех трех императоров вступить в смертельную для их монархий борьбу.

Действительно, не говоря уже о миролюбивом императоре Николае II, который (как увидим дальше) лично подтвердил автору этих строк, что твердо уверен в сохранении мира в его царствование, ни Вильгельма II, ни Франца-Иосифа нельзя подозревать в желании начать войну с Россией: германский император в те годы только и мечтал о том, чтобы загладить свою непоправимую ошибку 1890 года (т.е. невозобновление союзного договора с Россией) тесным сближением с русским царем — чего он добивался и в 1905, и в 1907, и 1910 годах. Тогда как престарелый Франц-Иосиф, опираясь на свое Мюрцштатское соглашение с Россией 1903 года¹⁷⁷, прямо боялся войны со своим более сильным восточным соседом; а наследник его умный эрцгерцог Франц-Фердинанд был, прежде всего, занят своим замечательным планом превращения Австро-Венгрии в Триединую немецко-венгерско-словенскую державу¹⁷⁸, что при конфликте с Россией никак уже не могло осуществиться.

Итак, при наличии в Европе определенных факторов толкавших этих государей на войну, вовлечь их в эту всеевропейскую свалку, можно было лишь устроив поджог со стороны, — как оно и случилось в 1914 году.

Кто же явился таким поджигателем европейского колебавшегося уже, но все еще державшегося мира?

Официальный ответ общеизвестен: сербско-босно-герцеговинское сообщество «Черна Рука»¹⁷⁹ с его злодейским убийством эрцгерцога Франца-Фердинанда 15/28 июля 1914 года, ибо последовавших за этим убийством политических и военных событий уже никто не смог остановить...

И вот возникает вопрос: эту «Черную Руку» не направляла ли из-за кулис «белая» рука из того или другого военно-политического лагеря, на которые распадалась якобы единая и якобы мирная Европа.

В наше время, через сорок лет после этих событий, ответить ясно на этот вопрос трудно, и только, может быть, когда-нибудь выяснится вся правда.

Как это выяснилось через несколько лет, «белая» рука оказалась рукой полковника сербского генерального штаба Димитриеви́ча, организатора заговора против эрцгерцога, не без ведома русской военной агентуры в Белграде¹⁸¹. А если это последнее указание справедливо, то конечно и русский посланник в Сербии недалек был от всей этой преступной махинации: ведь Н.Г. Гартвиг, бывший директор 1-го Департамента министерства иностранных дел — неосторожно назначенный Сазоновым в Белград — отличался не только своими способностями и рвением к службе, но и известной всем грубостью, заслужившей ему прозвище «старшего дворника», соединенной с самовольными политическими замашками. Вдали от Петербурга, в специфической заговорщической обстановке Сербии он легко мог поддаться соблазну вести там свою собственную «энергичную политику» — за что судьба и послала ему, как известно, вскоре после Сараевского убийства, апоплексический удар при его таинственных объяснениях об этом злодеянии в австрийском посольстве в Белграде.

Как бы там ни было, «поджог» совершился; в течение целого месяца никто не смог потушить начавшийся пожар, и 19 июля (1 августа) 1914 года мы оказались в войне с Германией, потом с Австро-Венгрией и, наконец, — с Турцией и с Болгарией.

* * *

Печальные события первых месяцев этой ужасной войны не входят в задачу и в план наших заметок.

Одним из первых печальных последствий начавшейся войны для внутренних русских дел было то прямо-таки жалкое состояние, в котором министр Кассо вернулся в Петербург. Подобно многим другим русским подданным, находившимся в Германии в момент разрыва дипломатических сношений и наступления «*état de guerre*»* между обеими соседними империями, Лев Аристович был задержан где-то под Берлином и чуть ли не «по этапу», несмотря на свой министерский сан и германское звание доктора юридических наук, был, в конце концов, доставлен в какой-то мелкий порт Северно-германского побережья, а оттуда на каком-то допотопном суденышке переправлен не то в Данию, не то в Швецию; откуда он и добрался домой, в Петербург, совершенно неузнаваемым, глубоко потрясенный и физически и морально.

Последствия этого состояния сказались очень скоро. Недели через две после его возвращения (в середине августа) доктор определил у него признаки начавшегося рака желудка; пришлось лечь в частную клинику, передав важнейшие дела своего министерства своим двум товарищам.

За этот полуторамесячный период, который закончился, как увидим дальше, весьма необычным актом его в середине октября, только очень немного заслуживает быть отмеченным в этих воспоминаниях — поскольку пишущий эти строки оказался свидетелем тех или других удивительных сцен, которые разыгрывались в Совете министров.

Одна из таких сцен — начало войны с Турцией — была уже описана выше. Еще более водевильный характер имел, к сожалению, другой факт касавшийся не менее важного вопроса.

Дело происходило в одном из вечерних заседаний Совета министров у И.Л. Горемыкина, на его новой казенной квартире на Моховой. По окончании указанных на повестке дел и по удалении членов Канцелярии, при доверительном обмене мнений между министрами Сазонов вызвал общее одобрение (редкий случай) и даже аплодисменты неожиданно радостным сообщением, что ему удалось путем переговоров с английским послом в Петербурге, убедить британское Министерство иностранных дел более не противиться осуществлению традиционной русской мечты, — в случае удачной войны завладеть Константинополем и турецкими проливами. Министр юстиции (И.Г. Щегловитов) внес, однако некоторую холодную струю в этот общий энтузиазм, заметив, что было бы неосторожно доверять британским устным уверениям, которые необходимо было бы закрепить формальным договором,

* Состояние войны (*фр.*).

при участии в нем и Франции. Сазонов немедленно с этим согласился и обещал постараться закончить дело именно таким соглашением, которое, в конце концов, после довольно нудных переговоров и было осуществлено, наконец, в марте 1915 года¹⁸⁰.

Этот пока только теоретический триумф Сазонова имел, однако совершенно неожиданные последствия.

Первое заключалось в том, что после заседания Щегловитов провожая меня часть дороги до дому, продолжал свои скептические замечания по поводу этого «триумфа» и предложил мне составить совместно с ним памятную записку для Совета министров и государя, в которой указывалось бы, что даже и при наличии секретного договора с Англией об эвентуальной¹⁸¹ уступке России онстантинополя, настоящей гарантией против традиционного британского вероломства было бы возможно скорое завладение нами турецкой столицей с обоими проливами. Такая записка и была нами составлена и, будучи подписана несколькими министрами, представлена председателем Совета государю, от которого была препровождена на усмотрение Верховного главнокомандующего. Но, увы, у этого последнего не оказалось, очевидно, возможности осуществить этот план, так как его силы завязли на германском и австрийском фронтах. За осуществление нашего плана (но конечно для себя) взялись... англичане. Их Галлиполийская операция¹⁸² окончилась, однако, как известно, полным, дорого им обошедшимся, провалом, жестоко отозвавшимся впоследствии на падении всего их политического престижа на Востоке.

Второе последствие доверительного сообщения Сазонова в Совете министров выразилось в инциденте чисто водевильного характера.

Не успела пройти одна ночь после торжественного предупреждения Горемыкиным своих коллег, что сообщение должно рассматриваться, как особенно секретное, как на другое же утро очень точная заметка о нем появилась в первом же выпуске «Биржевки», т.е. газеты «Биржевые Ведомости»¹⁸³, руководимой пронырливым евреем Проппером. Скандал получился полный и для Совета министров все-таки редкий. Даже Горемыкин вышел из своего обычного хладнокровия. Наряжено было формальное следствие и оказалось, что в ту же ночь и только что вернувшись домой, Пропперу протелефонировал эту сенсационную новость товарищ морского министра¹⁸⁴, которого с «Биржевкой» очевидно соединяли какие-то общие интересы. Что же вышло из этого скандала, причем еще во время войны? Прогнали его со службы? Да нисколько. Дело как-то замяли, и государь при своем добросердечии его простил.

Наконец третье последствие Сазоновского успеха проявилось — и тоже неожиданно — комическим образом, как тогда мно-

гие говорили, в высоко почтенных залах Святейшего синода¹⁸⁵. Там тоже в архисекретном заседании был поднят политическо-канонический вопрос о том, что же в случае присоединения Царьграда к России, произойдет в тамошнем так называемом «вселенском» патриархате? И синодалы разрешили этот деликатный вопрос следующим образом.

Раз Константинополь превращается просто в губернский город Российской империи, то нет никакого основания выделять «вселенского» из ряда всех других русских епархиальных архиереев: да превратится он посему в архиепископа Константинопольского и вызываться он будет время от времени для заседания в Святейшем синоде и, как и другие архиереи по особому Высочайшему вызову. Так через 14 с половиной веков после святого Льва Великого, папы Римского, запретившего Константинопольскому архиепископу называть себя «вселенским», об этом как будто вспомнили русские иерархи.

Для всего этого, только что рассказанного пришлось, однако отступить в какой-то далекий угол своей памяти, ибо середина октября несла мне крупную новость в ходе моей бюрократической петербургской карьеры.

На 20 октября было назначено очередное заседание Совета министров и, перед Мариинским дворцом, как у нас установилось, я зашел на всякий случай к бывшему министру в его лечебницу близ Греческой церкви. Кассо был в тот день в отличном расположении и сказал мне: «Никаких особенных директив для сегодняшнего заседания Совета у меня нет. Потрудитесь только после его окончания попросить несколько минут разговора с председателем Совета и передайте ему от меня вот эту бумагу».

И с этими словами министр достал из-под подушки маленькую папку с серебряной надписью — «Всепопданнейшие доклады» и прочел мне накануне им полученный из Царского Села документ с собственноручной резолюцией государя: «Вследствие ухудшения в состоянии моего здоровья и необходимости, по утверждению врачей, продолжительного моего больничного лечения, приемлю долг всепопданнейше просить Ваше Величество о назначении ныне же управляющим Министерством народного просвещения моего товарища по должности, действительного статского советника барона Таубе». На документе стояла подпись: «Сг. (т.е. согласен) — Желаю Вам скорейшего выздоровления».

И передавая мне малиновую обложку, Кассо прибавил: «Это будет некоторым сюрпризом для нашего “великого визира” (он любил называть старого Горемыкина “le grand vizir”), но иногда полезно нашему самодержавному Совету министров противопоставить непосредственную волю нашего государя».

Не буду описывать эффекта, произведенного на Горемыкина чтением этого доклада и Высочайшей резолюции; председатель Совета министров почувствовал себя, так сказать, лично задетым и «обойденным», но закончил выражения своего неудовольствия на Кассо словами: «Ваш министр создал неслыханное у нас положение: при живом министре и в том же городе другой управляющий министерством. Ну что же — воля государя, и мы должны преклониться».

Работа нового «временного управляющего Министерством народного просвещения», которая должна была продолжаться около трех месяцев, в общем, мало отличалась от его обычной работы по этому ведомству за три с половиной минувших года. Хотелось только с удвоенной энергией довести до конца большие законопроекты, оставленные теперь на его попечение больным министром (что и удалось осуществить, как будет сказано дальше) да, кроме того, военное время давало себя все-таки чувствовать некоторыми перебоями в повседневной работе.

Из таких «перебоев» назову здесь только три рода приводящих инцидентов, покушавшихся на нормальный ход общих занятий по народному просвещению. Все они, к счастью, быстро были ликвидированы и остались в памяти лишь как... комариные укулы в жаркий летний день.

Первая категория таких покушений на мое рабочее время состояла в довольно частых телеграммах с военного фронта от энергичного нашего «Сумбур-Паши», т.е. от принца Александра Петровича Ольденбургского, превратившегося теперь в верховного заведующего всей санитарной частью. В качестве такового он засыпал Министерство народного просвещения требованиями немедленной эвакуации разных школ по всей Российской империи, помещения которых якобы необходимы для размещения раненых или пленных. «Сумбур-Паша» был мне уже достаточно известен для того, чтобы по отношению к его (иногда грозным) телеграммам была принята определенная тактика, почти всегда приводившая к желанным результатам: никого никуда не эвакуировать — ибо в большинстве случаев вторая телеграмма по тому же делу отменяла первую и, таким образом, в противность по известной поговорке «*ordre — contre-ordre — désordre*»* никакого «*désordre*» не получалось, а когда освобождение школьных помещений для раненых бывало действительно необходимо, то мы своевременно об этом уведомляли другим еще путем, и все благополучно устраивалось совместными усилиями Министерства народного просвещения и внутренних дел, а также энергичной деятельностью наших земств и городов.

* Приказ — контрприказ — беспорядок (*фр.*).

Вторая категория фактов — время от времени повторявшиеся в Совете министров обращенные ко мне инсинуации министра Кривошеина — с ясным намеком на мою фамилию — насчет желательности каких-то репрессивных мер или даже закрытия наших великолепных старых немецких школ в Петербурге, а также в Варшаве. Вспоминаю по этому поводу начавшуюся уже травлю всего «немецкого», имевшегося в обширной Российской империи, и те лавры, которые себе стяжал на этом «патриотическом» поприще пресловутый Ренников (правильно Селитренников) на страницах «Нового Времени».

Но эти инсинуации министра земледелия отклика в Совете министров не находили, а мое приглашение, как-то сделанное почтенному Александру Васильевичу, непосредственно схватиться по этому вопросу с попечителем этих школ, сенатором бароном Паленом, способствовало немедленному охлаждению противонемецкого пыла этого «истинно русского» министра.

Наконец, третье мое воспоминание о перебоях в министерстве касается сенсационного имени, которое пока еще не появлялось на этих страницах: дело идет о маленьком инциденте, связанном с именем «старца Григория» (Распутина).

Надо заметить, что имя его, как это ни странно, только раз промелькнуло передо мною в Министерстве народного просвещения за все до того времени три с половиной года моей службы по народному просвещению. И действительно случай интересен, может быть, потому что доказывает, как преувеличены все слухи и сплетни об его закулисном влиянии и вмешательстве в дела разных министерств.

Вспоминаю, как во время одного директорского доклада у министра в присутствии обоих его товарищей, в дверях появилась растерянная и даже несколько испуганная фигура нашего неизменного чиновника особых поручений Дорожкина с письмом, принесенным каким-то господином прямо от «старца Григория» по какому-то спешному и важному делу. Кассо открывает письмо, я к нему придвигаюсь, чтобы лучше рассмотреть эти крупные кривые буквы явно безграмотного человека, и мы видим две исписанных им страницы, начинавшиеся словами:

«Милый, дорогой...»

«Я ничего здесь не понимаю, — говорит Кассо Дорожкину, — спросите его, в чем дело, что ему нужно».

Через несколько минут Дорожкин приносит ответ:

«Этот человек, ссылаясь на письмо, требует, чтобы Вы Ваше Высокопревосходительство назначили его инспектором народного училища в его родную (такую-то) губернию...»

«Спустите его с лестницы», — так буквально приказал Кассо и хотел разорвать письмо, когда я его остановил: «Что Вы делаете? — Забываете мою коллекцию автографов?» и каракули Распутина скрылись в моем кармане.

(Я должен тут заверить читателя, что эти «каракули» были все-таки значительно хуже той рукописи, которой написаны мемуары их сейчас полуслепым автором).

Но в какой же форме имя Распутина появилось вновь во второй и последний раз на моем служебном горизонте?

Одна из дальних родственниц с умилением следившая за моей (по ее словам) головокружительной карьерой^{IV} как-то предупредила меня по телефону, что в ближайший мой приемный день ко мне явится одна почтенная старая ее знакомая — и знакомая Распутина — с какой-то трудной просьбой; «помогите ей и Ваше имя станет в хвалебных тонах известно святому старцу; а то о Вас в этих кругах мало знают — а это жаль, может пригодиться для Вашей будущей карьеры...»

Я ей ответил, что если просьба ее знакомой касается чего-либо незаконного, то пусть она не трудится приходить ко мне; а что в моей власти, я всегда рад исполнить без всякого Распутина.

Но оказалось, что ее молодой родственник — «талантливый юноша» — провалился на выпускных экзаменах в такой-то гимназии, но подготовился за лето к блестящей передержке, в которой ему «бессердечные педагоги» отказали; а ее просьба к министру Кассо приказать педагогическому совету гимназии пересмотреть прошение была оставлена без ответа; пусть же новый управляющий министерством по своей доброте допустит ее племянника до нового экзамена на аттестат зрелости — «ибо Вы все можете», так закончила она свою нелепую просьбу.

Убедить почтенную старушку, что я «не все могу» не было никакой возможности и так как без применения к ней физических мер воздействия тоже не было никакой возможности удалить ее из моего кабинета, то мне пришлось ее оставить в кабинете и отправиться лично обходить просителей, собравшихся в большом зале — пока тетушке «талантливого юноши» не надоело сидеть в моем кабинете...

* * *

С подобными интермедиями (которых было немало) время пролетело быстро до конца ноября, когда 26-го числа, мой бедный Лев Аристович скончался на руках своего отца, спешно вызванного из Бессарабии.

Мне оставалось уведомить только телеграммой о его кончине государя (находившегося тогда для объезда войск в Тифлисе) и вместе с В.Т. Шевяковым, усердно принять участие во всех церемониях перед отвозом его гроба в его родные Четулешты.

Не могу не прибавить, что на заупокойной литургии при его отпевании в церкви Св. Симеона и Анны (на Моховой улице) в переполненном храме, впереди стоявших у гроба его двух товарищей, среди находившихся представителей петербургского чиновного мира и членов дипломатического корпуса во время пения «Отче Наш», кроме нас двоих — одно лицо потрудились опуститься на колени: это был японский посол Мотоно...

«И той же Самарянин» — вспомнил я из Евангелия¹⁸⁶ и подумал: созрели вы все для рассеяния, как иудейские современники того Самарянина.

* * *

Недели через две нахлынули новые впечатления. К 6-му декабря государь прибыл в Москву, и для поздравлений с его тезоименитством туда выехали некоторые члены императорской фамилии и высшие военные и гражданские чины с председателем Совета министров во главе. И вот, что об этой поездке И.Л. Горемыкина поведал мне через несколько дней, вызвавши меня к себе, великий князь Николай Михайлович:

«Вы знаете, что председатель Совета воспользовался своим приемом у Его Величества, чтобы доложить государю среди других текущих дел, о своих заботах о назначении не “временного”, а постоянного управляющего Министерством народного просвещения, каковым по его мнению мог бы быть теперешний товарищ министра Кривошеина граф Игнатъев»... На это государь, по его собственным словам, ответил: «Благодарю Вас за эти заботы, но у меня есть свой кандидат».

«Вы не удивитесь, когда узнаете, что Его Величество к этому прибавил, что он имеет в виду Вас. И по моим сведениям Гофмаршальской части¹⁸⁷ дан уже приказ послать Вам в свое время приглашение явиться 1 января в Царскосельский дворец для принесения Его Величеству новогодних поздравлений, вместе и наравне со всеми министрами».

Я поблагодарил великого князя за его всегданнее ко мне благоволение и тем усерднее стал готовиться к моему первому (оказавшемуся и последним) докладу у государя, назначенному уже у императора Николая II, вследствие значительного количества накопившихся дел, требовавших Высочайшей резолюции.

Этот доклад был назначен на 29 декабря, в 4 часа и моя сделанная тогда же запись о нем помогла мне верно сохранить в памяти все его детали до сегодняшнего дня^V.

Доклад этот длился довольно долго, ибо мне хотелось, в память моего покойного друга и министра, обстоятельно изложить государю, какое было то наследство в смысле принципиально законченных при Кассо дел по народному просвещению, которые были им мне оставлены и доведены до конца: ряд важнейших законопроектов с проектом закона о введении всеобщего начального обучения в Империи¹⁸⁸, который должен был составить эпоху в истории народного образования в России^{VI}.

По окончании моего доклада государь сейчас же спросил меня о моих отношениях с Государственной думой, и я объяснил Его Величеству, что считаю свои личные отношения вполне корректными, не скрыв от государя двух (рассказанных выше) моих «инцидентов» в большом зале Таврического дворца, но, воздержавшись от прочтения того официального письма председателя Совета министров, которым второй из этих инцидентов был так сказать письменно навязан моему покойному министру и через него и мне.

Не успел я закончить мой ответ, как государь неожиданно спросил меня:

«А как идут теперь Ваши работы по истории России?»

На что я мог только сказать, что во время войны и моего управления Министерством, они совершенно остановились и что только летом до разрыва с Германией, мне удалось приготовить нечто для доклада в ближайшем собрании Императорского Русского исторического общества.

«Надеюсь, что оно все-таки состоится, как всегда в марте, — заметил тотчас же государь и прибавил. — А вы знаете, при Вашем последнем докладе в Обществе я во время чтения был Вами несколько недоволен: вот, думал я, теоретик-профессор, который из прошлой неудачной русской политики времен моего прадеда, выводит свои опасения относительно сохранения мира при мне, — а я, ведь, был твердо уверен, что если когда-нибудь дело дойдет до столкновения с Германией, то это будет, во всяком случае, уже не при мне...»

Это признание очень скорбно прозвучало, и очень было мне тяжело его выслушать. Но тон царской речи сразу переменялся на спокойный и уверенный, когда, удержав еще жестом меня на моем месте, он стал говорить о недавно законченном им объезде войск на всех фронтах наших военных действий, указав при этом, что в разных местах ему пришлось видеть или слышать о разных членах моей фамилии.

«Так точно Ваше Величество, поспешил я подтвердить это замечание, — сейчас на различных фронтах военных действий

находится около двадцати членов рода Таубе — чисто русских, прибалтийских, финляндских, польских...»

«Я знаю, живо заметил государь, — как верны мне и России представители фамилий, носящие древние немецкие имена, и меня только удивляет, что некоторые из их членов, испугавшись теперешних разговоров о “немецком засилии”¹⁸⁹ просят меня о замене их старых немецких фамилий русскими».

«Разрешите сказать, Ваше Величество, ответил я — как я счастлив, слышать эти слова, ибо и на меня и на многих из моих родственников делается давление заставить нас изменить памяти наших предков. Но мы думаем, что верность этой памяти не исключает верности Вашему Величеству».

«Государь многоязычной и многоплеменной России отлично это знает», — сказал государь, вставая с места и на прощанье очень крепко пожимая мне руку.

* * *

В тогдашней закулисной борьбе за портфель министра народного просвещения, в которой сам его объект, т.е. пишущий эти строки, не принимал никакого участия, конец 1914 и начало 1915 года ознаменовалось тройным его успехом: после незабываемых впечатлений о моей более чем часовой аудиенции у Николая II, я получил накануне Нового года уведомление о пожаловании мне вне очереди, очевидно по личному усмотрению государя, ордена Св. Анны первой степени и приглашение Гофмаршальской части прибыть 1 января в Царское Село для личного принесения Его Величеству новогодних поздравлений, вместе и наряду со всеми министрами.

* * *

Примечания

¹ Проблема трагического взаимоотношения мира и войны — выразившаяся в Древней Руси меланхолической народной поговоркой — «мир до брани, и брань до мира», не осталась, конечно, без внимания в литературе международного права и, в частности, немецкие авторы издали несколько интересных работ о «Biologie des Krieges»* (имеющиеся даже в моей теперешней скромной эмигрантской библиотеке). Но это не сократило общих вооружений и не увеличило стараний к длительному обеспечению международного мира.

¹¹ Мою работу «Вечный мир или вечная война» (Берлин, 1922) издательство «Детинец» само собою замолчали тогдашние новейшие поклонники созданной в 1919 году эффективной «Лиги наций»¹⁹⁰ (Société des Nations), которой я предсказывал недолговечность и скорое крушение.

* Биология войны (нем.).

III См. обо всем этом интересную сводку в немецком издании моих мемуаров (стр. 321—322). Для связи главного заговорщика полковника Дмитриевича (расстрелянного в 1917 году за покушение на убийство короля Александра) с русской военной агентурой в Белграде служил, по-видимому, капитан Верховский. Об этом с его же слов определенно говорит поляк-эмигрант Тривдар-Буржинский в своих политических мемуарах. Louis de Trywdar-Burzinski — «Le crépuscule d'une autocratie» (Florence, 1926. P. 127); «Le meurtre fut consommé grâce aux bons offices des agents militaires russes à Belgrade. Le jeune capitaine Werchowsky adjoint de l'attaché militaire, plus tard ministre de la guerre sous Kerensky, que je connaissais depuis longtemps, ainsi que sa famille, me confirma, sans trop se gêner, la vérité au sujet de l'initiative, préparation et mise en exécution de l'odieux complot».

IV Вот хронология моей служебной *vanitas vanitatis*** с 1911 по 1916 год:

1 января 1911 года — чин действительного статского советника.

1 января 1912 года — Высочайшая благодарность за работу по Министерству народного просвещения.

1 января 1913 года — орден Св. Станислава I степени.

18 марта 1913 года — золотая табакерка с бриллиантовым вензелем государя.

1 января 1914 года — Высочайшая благодарность за управление Министерством народного просвещения.

1 января 1915 года — орден Св. Анны I степени.

11 февраля 1915 года — чин тайного советника и звание сенатора.

23 мая 1916 года — орден Св. Владимира 2 степени (звезда этого ордена).

V Подлинник Высочайшего доклада с подписью императора Николая II о дне и часе приема находится в настоящее время у моей старшей дочери, г-жи Hollrap в Швеции (Turelg близ Стокгольма).

VI Удивительное неведение фактов и соответствующее извращение истины в отличном в других отношениях руководстве по русской истории профессора П.Е. Ковалевского приписывает часть этой громадной работы весьма слабому управляющему Министерством графу Игнатьеву. (См. его «Manuel d'Histoire Russe». Paris, 1948. P. 311.)¹⁹¹

Подробная сводка фактических данных о грандиозной работе по народному образованию за время управления министерством профессора Кассо (с участием Государственной думы или без нее) даны в моей деловой автобиографии «За XXV лет» (стр. 42—49), там же в частности (стр. 48—49) список главнейших законов, проведенных в этот период (1910—1914), а также совершенно готовых законопроектов, оставленных моему преемнику (и им в значительной степени не проведенных в жизнь); среди них такие законопроекты, как о всеобщем начальном обучении и целый ряд законопроектов об улучшении материального положения преподавателей и служащих в различных учреждениях Министерства.

Относительно роста бюджета по народному просвещению в царствование императора Николая II интересно констатировать, что в 1894 г. равнялся всего 25 млн. рублей, а в 1914 г. перевалил уже за 160 млн рублей.

* Убийство было совершено благодаря посредничеству русских военных агентов в Белграде. Юный капитан Верховский, помощник военного атташе — впоследствии военный министр в правительстве Керенского, — которого, как и его семью, я знал издавна, мне подтвердил, не слишком стесняясь, истину относительно инициативы, подготовки и исполнения гнусного заговора (фр.).

** Суета сует (лат.).

Глава XII

Два последних года Императорской России (1915—1916 гг.)

Министерские интриги вокруг портфеля министра народного просвещения. — Мое назначение в Сенат. — Два года беспокойного наблюдения за грядущей революцией. — Последняя «Монаршая милость» и загадочные планы великого князя Николая Михайловича летом 1916 года. — Смутный конец года

День 1 января 1915 года я должен был бы, по заветам древнего классического мира, отметить белым камешком¹⁹², так он был для меня счастлив и интересен по своим новым впечатлениям: поездка в Царское Село для принесения новогодних поздравлений Его Величеству вместе со всем Советом министров.

Но именно из-за этой поездки, он должен был начаться маленькой неприятной домашней церемонией, не повторявшейся у меня со времени Романовских торжеств 1913 года. Я имею в виду мое переодевание в тяжелый и неуклюжий расшитый золотом мундир товарища министра, с новой Анненской лентой и несколькими из моих немногочисленных звезд... Но зато, когда я в этом наряде появился в министерском вагоне отходившего в Царское Село поезда с приглашенными на церемонию 1 января, эффект получился довольно большой. И даже один из г.г. министров счел уместным сказать мне: «Вы также получили специальное приглашение?»

В ответ я демонстрировал ему полученный несколько дней тому назад пригласительный картон Гофмаршальской части¹⁹³.

«Я думал, — поспешил он лицемерно исправить свою бестактность, — что Вы и без этого могли решить присоединиться к нам: ведь всем известно, что на днях Вы будете утверждены управляющим Министерством».

«Мне это неизвестно, — холодно отвечал я, — и, во всяком случае, без такого приглашения я в Царское не поехал бы».

В огромном Екатерининском дворце за этим диалогом последовали уже более интересные сцены.

Совету министров в нем была отведена первая зала, в которой были собраны приглашенные, и церемониймейстеры расставили нас в несколько групп: близ входных дверей встал председатель Совета, у выходных, шедших в залу великих князей, был, как младший поставлен я. Водворилось гробовое молчание и только из соседней залы раздавались громкие разговоры, смех, радостные возгласы перекликавшихся между собой членов Августейшей семьи. Контраст был полный, и застывшие в оцепенении министры напоминали мне рассказы византийских хроников, по которым тогдашние придворные костюмы были скроены так, чтобы приводить греческих вельмож в положение неподвижных кукол перед Базилевсом.

Это «византийское» впечатление только усилилось, когда стук церемониймейстерских жезлов из соседней, входной, залы возвестил о приближении государя. Затих шум и в великокняжеской комнате.

В дверях показался император Николай II, на этот раз с довольно угрюмым, озабоченным выражением лица, и начался обход министерского полукруга.

Государь остановился на несколько минут перед Горемыкиным, чтобы выслушать довольно длинное приветствие от главы Совета министров, ответил пожатием руки и несколькими любезными словами своему «великому визирию» (вспомнилось мне сравнение Кассо), который чуть ни до земли склонил свою закованную в золото старческую фигуру. А дальше государь пошел медленным шагом, давая руку каждому из кланяющихся ему министров, но, не произнося ни слова. Только дойдя до центра полукруга, где стоял министр путей сообщения, царь заговорил взволнованным голосом: «Надо же как-нибудь разгрузить (такую-то) железнодорожную линию. Верховный главнокомандующий мне опять телеграфирует, что она совсем забита подходящими вагонами».

«Делаем, Ваше Величество, все что возможно, — отвечал Рухлов, — положение технически очень трудное».

«Знаю, знаю, — но на этом участке дело особенно тревожно. Приложите все усилия» — и после рукопожатия государь пошел дальше, опять медленно, опять не произнося ни слова. И вдруг, подойдя уже к дверям в соседнюю залу и протягивая мне руку, с милой своей прежней улыбкой промолвил: «Желаю Вам счастливого Нового года».

Так окончился прием в министерской зале, оставив, кажется, у всех (кроме меня и вероятно Горемыкина) довольно тяжелое впечатление, как будто Николай II был не только чем-то озабочен, но и недоволен своим Советом министров. Под таким впечатлением угрюмо и почти молча сидели министры в Императорском поезде, отвозившем их в Петербург, и я не ошибусь, когда скажу, что все вздохнули с облегчением, когда их выгрузили на Загородном проспекте.

В тот же день я поехал еще расписаться в поздравительной книге великих князей Михайловичей — у Николая и у его брата Георгия, известного нумизмата (у которого я был товарищем председателя по его историко-генеалогическому обществу). В ответ — было получено приглашение от первого из них приехать к нему через несколько дней лично.

И вот, осведомившись, был ли я 1 января в Царском Селе, великий князь сообщил мне, что недавно был у государя, который остался очень доволен моим декабрьским докладом и окончательно решил вычеркнуть слово «временно» в моем титуле управляющего министерством.

«Искренно благодарю Ваше Высочество, — сказал я, — за Ваше всегдашнее ко мне благорасположение, но я думаю, что и вычеркнутое Его Величеством «временно» останется все-таки фактически за мною».

«Что Вы хотите этим сказать?» — с неудовольствием отозвался Николай Михайлович, который не любил, что кто-либо в чем-либо не соглашался с ним.

«Я имею в виду, — отвечал я, — что открытая кампания, которую подняли против меня некоторые министры, будет продолжаться, тут пушено в ход все, что возможно; мое назначение покойным министром помимо Совета министров, моя немецкая фамилия, моя (будто бы) неприемлемость для Государственной думы, даже прошлое выступление против Сазонова в историческом обществе...»

«Да, все это пустяки, — сказал великий князь, — рядом с волей Его Величества. Итак, поздравляю Вас — до свидания».

Великокняжеское поздравление оказалось, однако преждевременным.

Мне пришлось еще выслушать с разных сторон предупреждения, что Кривошеину удалось мобилизовать даже не сочувствовавший ему вообще черносотенный «салон» графини Игнатьевой, которой лестно будет видеть «Павлика» во главе одного из министерств — и вот через немного дней после великокняжеского поздравления в мой кабинет товарища министра (из которого я не

перебрался в кабинет Кассо) с растерянным видом влетел Н.В. Вестман (директор Департамента общих дел и также мой товарищ по университету) с известием, что в Сенатской типографии печатается указ о назначении управляющим нашим министерством графа Павла Игнатьева.

«Что и следовало ожидать», — ответил я ему, без всякого, я должен сказать, неудовольствия на непостоянство государя, но лишь с чувством досады на этот лишний пример его слабой воли.

А затем, вот, что произошло дальше. Мое положение было аналогичным рассказанному выше инциденту с Извольским, когда он после смерти Мартенса хотел, передав мне все его деловое наследство, назначить на его пост абсолютно некомпетентного «графа» Прозора.

Существенная разница заключалась лишь в том, что тогда это было еще только предположением (разрушенным мною), а теперь я был поставлен перед совершившимся фактом, облеченным в форму решения принятого государем. Парадоксальность моего положения увеличивалась тем, что только что государем, очевидно по собственной его инициативе была пожалована мне Анненская лента, и всего за год перед тем изъявлена Высочайшая благодарность за управление министерством.

Итак, очевидно за эти дни Николаю II была подсказана кем-то хитрая бюрократическая комбинация, по которой «либеральный» граф Игнатьев являлся бы «парламентским статс-секретарем» для успокоения Государственной думы, а «консервативный» барон Таубе продолжал бы фактически управлять министерством. Такая комбинация была бы, может быть, приемлема и для меня, если бы мне на шею был посажен кто-либо из наших дельных и энергичных попечителей учебных округов или выдающихся университетских профессоров; но работать в такой форме вместе с абсолютно (также как и Прозор) некомпетентным в деле народного просвещения графом Игнатьевым — старым моим приятелем по университету — представлялось насмешкой над здравым смыслом. Надо было, поэтому найти немедленно определенный и ясный выход из этого двусмысленного положения. И он был найден.

В тот же день, 10 января, я посетил графа Игнатьева, жившего по соседству со мною и категорически объявил ему, что работать вместе с ним я не буду, что теперь же сажусь в «бест» у себя на квартире, а все текущие дела, восходившие к управляющему министерством, будут ему немедленно доставлены с моими пометками и разъяснениями.

Игнатьев был немало озадачен и раздосадован моим заявлением, не скрыл от меня существование означенной выше «парла-

ментской комбинации», долго меня уговаривал остаться при нем в министерстве, но, в конце концов, был сражен следующим моим аргументом:

«Дорогой граф, ведь при таком двойственном распределении между нами деловых ролей, совершенно ясно, что при первом же у нас расхождении с Государственной думой по какому-либо серьезному школьному вопросу, Вы все припишете готовому “козлу отпущения”, т.е. мне, и для умиротворения Думы торжественно принесете меня на алтарь отечества... Прошу заранее избавить меня от такой комедии. Мы останемся с Вами добрыми приятелями, соседями и посетителями нашей соседней военно-морской церкви, но служить с Вами я решительно отказываюсь».

В конце концов, мы заключили следующий «договор»: никаких официальных выступлений в форме прошения об отставке я делать не буду, останусь сидеть у себя дома, а он немедленно доложит Совету министров о моем желании получить другое назначение, и будет просить о назначении меня в Государственный совет.

Однако, прошла неделя, другая, а граф Игнатъев не исполнил данного им мне обещания. В Совете министров не только ничего не знали о фактическом оставлении мною Министерства народного просвещения, но напротив, ползли какие-то слухи, что я продолжаю мирно работать в своем кабинете у Чернышева моста в трогательном сотрудничестве с моим якобы «старым другом» Павликом Игнатьевым.

Пришлось принять другие меры.

Я попросил письменно председателя Совета министров принять меня для доклада о создавшемся положении и повторил ему все, что было мною сказано Игнатьеву. Горемыкин, мне показалось искренно, отозвался полным неведением обо все этом и сказал: «Мне очень неприятно все, что Вы мне рассказываете. Вы знаете, как я к Вам расположен (?), ведь один мой зять (И.А. Овчинников) вот уже десять лет, как не перестает Вам петь хвалу. Это все устроил министр земледелия... Я совсем тут ни при чем...»

Здесь, вспомнив мою старую отповедь Извольскому, в деле Мартенса—Прозора, я позволил себе прервать старого хитреца:

«Что все устроил министр земледелия, — сказал я, — это весьма вероятно; но относительно того, что Ваше Высокопревосходительство в этом деле ни при чем, разрешите внести поправку: ведь 6 декабря прошлого года¹⁹⁴ в Москве именно Вы докладывали Его Величеству о желательности назначения графа Игнатьева управляющим Министерством народного просвещения...»

И я подумал, как теперь вывернется «великий визирь», уличенный во лжи.

Но он вывернулся легче «Колумбова яйца»¹⁹⁵.

«Я не знал, что это Вам известно», — не моргнув глазом, сказал он и сейчас же перешел к следующей теме.

«Как бы там ни было, надо считаться с создавшимся положением — и в Вашей собственной выгоде остаться пока служить с Игнатьевым. Подумайте. Ведь Вы столько раз управляли этим министерством — при заграничных поездках Кассо и после его смерти, и потому естественно должны были бы быть назначены в Государственный совет. А вот, как нарочно сейчас у нас нет там ни одной вакансии из замещаемых по Высочайшему усмотрению. Итак, надо подождать немножко, все мы стары и быстро умираем, и я обещаю Вам, что на первую освободившуюся вакансию будете назначены Вы».

«Нет, Иван Логинович, — ответил я, — ждать быстрой смерти одного из Ваших почтенных коллег я не хочу; если не Государственный совет, то я Вам буду благодарен и за Сенат, если не устроится почему-либо и Сенат, я готов выйти в отставку, но служить с Игнатьевым я не буду».

«Я вижу, что это серьезно, — сказал, вставая, председатель Совета, — хорошо я доложу государю о назначении Вас в Сенат».

Однако и это обещание исполнено не было. Опять прошла неделя, другая — и я решил прибегнуть к последнему имевшемуся у меня средству воздействия. В вежливых, но очень холодных выражениях, я напомнил Ивану Логиновичу, что и он продолжает держать государя в неведении относительно создавшегося положения и предупредил его, что буду вынужден воспользоваться предстоявшим в марте собранием Императорского Русского исторического общества, чтобы в обычной беседе Его Величества с членами Общества лично доложить государю о прекращении моей работы по Министерству народного просвещения с ходатайством о каком-либо ином назначении по его усмотрению.

Это моя «угроза» вызвала, наконец, желанный успех. На ближайшем своем докладе Горемыкин доложил государю о моем деле, и 11 февраля 1915 года именной указ о назначении моем в Правительствующий сенат был подписан.

Это назначение, как сообщил мне тогда же министр юстиции (И.Г. Шегловитов) сопровождалось чрезвычайно тронувшей меня подробностью. Когда он, по установившейся практике, спросил государя, может ли он в принесенную одновременно финансовую ведомость о содержании вновь назначенному сенатору вписать обычную цифру «10000 рублей», государь ему сказал: «Дайте-ка мне Вашу ведомость, я сам впишу нужную сумму», — и вписал: «12000 рублей».

Дело тут, конечно, не в этих лишних двух тысячах рублей (хотя и они были не безразличны при моей большой семье и отсутствии других средств, кроме службы), а в этом жесте царской симпатии к «временно управляющему» одним из его министерств...

Так началось для меня то, что можно назвать моей борьбой на «внутреннем фронте». Но как все это было мелко и ничтожно в сравнении с той «борьбой на внутренних фронтах», которая поднималась уже против царского правительства.

Стоившие громадных человеческих жертв неудачные военные действия особенно на германском фронте, с их «отходом на заранее заготовленные позиции» (по странной трафаретно усвоенной формуле Ставки Верховного главнокомандующего) огорчали и раздражали самые широкие круги нашей общественности; разные недочеты в тылу и внутри России по заготовке снарядов, подвозу вооружения и продовольствия, эвакуация раненых и пленных и пр. — возбуждали против правительства, а постоянное появление среди самой царской семьи пьяного и развратного сибирского мужика (Распутина), которого несчастная императрица считала за своего рода ангела-хранителя ее сына и наследника престола — подрывали доверие и моральный авторитет Николая II, распространяя, таким образом, революционное против него настроение до самых глубоких слоев народа. Мало того, поощряемая из Ставки так называемая «борьба с немецким засилием» весьма быстро, уже через год с небольшим после Романовских торжеств 1913 года, обратилась и против самого этого Дома Романовых, ибо подпольной пропаганде было нетрудно приобщить к ней и его немецкую (по отдаленному происхождению) Гольштейн-Готторпскую династию¹⁹⁶, якобы всецело окруженную и руководимую немецкими элементами в стране.

С этой точки зрения грубой политической близорукостью были плохо скрываемые надежды одержимой нервными припадками черногорки Станы, что «на путях к дворцовому перевороту» (как озаглавлена интересная книга Мельгунова¹⁹⁷) именно ее супругу, Верховному главнокомандующему, придется в качестве Николая III заменить собою Николая II.

Эти революционные настроения и начавшаяся уже революционная пропаганда были ясно видны уже в конце 1914 года.

Я могу привести здесь очень интересное, дошедшее тогда до меня, так сказать, документальное подтверждение только что сказанного.

Во время моего управления Министерством народного просвещения я получил, именно, любопытное анонимное письмо, целый политический памфлет, против «немецкого засилья» в России, и,

прежде всего, против немецкого Императорского дома quasi* — Романовых, который, по мысли автора памфлета, в первую голову подлежал изгнанию из Российской империи. Это произведение на четырех больших страницах фолио, написанное тщательно выведенными заглавными буквами, начиналось словами: «Ваше Превосходительство, глубокоуважаемый Михаил Александрович», а кончалось выражением сожаления, что «несмотря на полное к Вам уважение» и я должен буду в общем числе «немцев» быть изгнан из России. Было ясно, что эта пропаганда не только велась, но в значительной степени направлялась уже из некоторых кругов служащего правительству персонала — в данном случае исходя, очевидно, от лично меня знавшего чиновника моего министерства.

Вот с какими впечатлениями садился я в феврале 1915 года в «курульное кресло» 1-го Департамента Правительствующего сената¹⁹⁸. Тем не менее, предстоявшие мне два года работы перед Фальконетовским «Медным всадником» прошли для меня лично в мирной деловой обстановке среди интересных и симпатичных моих новых коллег и притом в новой моей комфортабельно устроенной квартире на Моховой улице (поближе к Училищу правоведения, где я усердно продолжал читать лекции), куда я с моей уже многочисленной семьей переселился тогда же из большой, но неудобной нашей квартиры в старом доме на Галерной улице.

И главное, что тогда ощущалось прямо физически благотворно, это было сознание освобождения от почти четырехлетней прямотаки «каторжной» работы по Министерству народного просвещения. Теперь, после моих лекций и после докладов в Сенате (где по 1-му Департаменту они писались лично самими сенаторами, а не обер-секретарями) я опять становился свободным человеком и с увлечением почти молодого человека принялся вновь за свои почти совсем заброшенные научные занятия: история международного права и международных политических отношений, история древней Руси, история моей собственной фамилии за последние семь (если не восемь) веков и, наконец — *last, but not the least*** — история христианской письменности первых веков, опять целыми часами, без всякой усталости, удерживали меня либо в моей теперь специально библиотечной комнате, либо в моем обширном кабинете, за письменным столом, где на меня строго смотрел рыцарь-крестonosец, великолепная бронза, работы *Prémier*, с распростертыми руками, державшими ленту с надписью: «*Credo*»***.

* Как будто, как если бы, как бы (*лат.*).

** Последнее по счету, но не по важности (*англ.*).

*** Верую (*лат.*).

И вот с этим лозунгом «верую» началась в те годы автором новая по существу, научная работа, вытекавшая из изучения древних текстов и старого моего исследования 1902–1905 гг. «О христианстве и международном мире»¹⁹⁹.

Теперь эта моя историко-литературная работа направлялась по новым путям почти археологических научных раскопок, которые наверное еще более чем в 1902–1905 гг. захватили бы особое внимание Льва Николаевича Толстого, если бы он был в них посвящен.

Дело шло о так называемой «Аграф», т.е. не включенных в канонические книги словах и изречениях Христа Спасителя, частью совершенно достоверных, частью только вероятных, которые нам в значительном количестве сохранены не только древней христианской чисто апокрифической письменностью, но и некоторыми древнееврейскими и мусульманскими записями¹.

Первая по времени, появившаяся в печати из этих моих работ того времени была написанная для Императорского Русского исторического общества биография-некролог Л.А. Кассо, не как министра, а как талантливого профессора-юриста и (что мало кому было известно) замечательного историка его родной Бессарабии¹¹, а затем в том же 1915 году была напечатана упомянутая уже выше работа об австро-русской политике времен Николая I.

В этих занятиях, да еще в довольно частных собраниях семейного общества нашей ветви рода Таубе — под председательством старшего в ней члена сенатора Гражданского кассационного Департамента²⁰⁰ барона Николая Эрнестовича Таубе — мирно для нас прошел этот 1915 год, как и первые два месяца следующего года. Но в конце февраля 1916 года (23 числа) нашу семью неожиданно поразил тяжелый удар — кончина моей 83-летней, но еще очень бодрой старушки-матери, Анны Яковлевны, рожденной Буторовой¹¹¹, с которой меня связывала самая горячая любовь; женщина деятельной веры, ясной, без компромиссов христианской морали, она в течение 50 лет была настоящим всех объединявшим и все умиротворяющим центром нашей фамилии. И не скоро оправившись от этого удара, я должен сказать, что в течение многих месяцев меня неудержимо влекло на кладбище Воскресенского Новодевичьего монастыря, я проводил у ее могилы, близ там же похороненных моего отца и ее матери, моей дорогой «бабиньки» больше времени, чем в зале заседаний 1-го Департамента Правительствующего сената.

Но параллельно назревали опять другие вопросы, снова влекшие к тревожной политической деятельности. Первый сигнал

возвращения к ней явился в конце мая этого 1916 года в форме новой, совершенно неожиданной для меня «Монаршей милости». Произошло тогда следующее.

В мае исполнялось 50 лет со времени основания Императорского Русского исторического общества²⁰¹, и великий князь Николай Михайлович известил меня о своем желании включить меня вместе с некоторыми другими членами Общества в число награжденных по этому случаю Его Величеством. Я ответил, что сыпавшиеся на меня с 1911 года награды нарушили уже все положенные для них сроки и что я прошу не представлять к столь высокой очередной награде, как Владимирская звезда, дабы не входить из-за меня в неприятную переписку с «сих дел мастером», т.е. с А.С. Танеевым (председатель Комитета о службе чинов гражданских и о наградах)²⁰². Тем не менее секретно великий князь уведомил меня, что представление обо мне все же сделано... Но затем, за два дня до юбилея, протелефонировал, что как я и предвидел, Танеев моему награждению воспротивился и что присланный ему уже в корректуре номер «Сенатских Ведомостей»²⁰³ в списке награжденных моего имени не содержит.

И вот... рано утром в день этого торжества курьер Капитула Орденов²⁰⁴ привозит мне Владимирскую звезду с соответствующим дипломом.

Что же случилось? Оказалось, что великий князь был так рассержен отклонением его просьбы (уже получившей одобрение свыше), что телефонировал обо мне отдельно государю, который и приказал Танееву немедленно включить меня в великокняжеский список со звездой Владимира 2-ой степени.

Пришлось перепечатать в Сенатской типографии список награжденных по случаю юбилея Общества. Вот таким образом, к полному негодованию многих я получил еще эту третью свою русскую звезду, через 17 месяцев по получении второй.

Эта очень для меня лестная, но, по-моему, скорее комическая история с орденом (которыми я всегда интересовался очень мало) навела меня, однако, на некоторые чисто деловые мысли. Почему (спрашивал я себя) великий князь так «вцепился» в это мое награждение? Не было ли тут его желания этой экстраординарной наградой обязать меня впредь к исполнению какого-то, тоже экстраординарного, поручения с его стороны.

Мое предположение оказалось справедливым, и разгадка этого не заставила себя долго ждать. Как оказалось, великий князь тогда живо интересовался мирным конгрессом; для этого должна была бы быть сформирована в Петербурге международная комиссия под председательством самого великого князя.

Вспоминая не особенно технически удачный подбор русских делегатов на прежних больших мирных конгрессах — например, Парижский 1856 года и особенно Берлинский 1878 года²⁰⁵, можно было отнести к мысли великого князя только с полным сочувствием, но оставалось неясным, кого еще при этом нужно было устранить заблаговременно из представителей России в иностранных столицах.

Для разъяснения всего этого проекта я отправился к великому князю, но и личный обмен мнений с ним ничего мне в этом деле не объяснил, а скорее прибавил новое недоумение: оказалось, что по его мысли в эту международную комиссию не должны были входить — ввиду пропаганды о «немецком засилье» никакие представители министерств, носящие немецкие фамилии. Итак, от Министерства финансов в совещаниях не должен был участвовать фактический министр Барк, от Министерства земледелия — фактический его глава, способный и энергичный А.А. Риттих, а по вопросам международным либо автор этих воспоминаний, либо барон Нольде.

3 июня (точно по моему дневнику) явился ко мне от великого князя г. А.А. Папков, один из его сотрудников по изданию «Сборника» Императорского Русского исторического общества, работавший в то время, по его поручению, в Стокгольме над предположенной к опубликованию шведско-русской дипломатической перепиской последних годов царствования императрицы Екатерины II. Переданная мне им просьба заключалась в том, чтобы я выхлопотал ему в нашем Министерстве иностранных дел приглашение в качестве атташе к русской миссии в Стокгольме.

Чем такое желание и просьба ко мне была вызвана, представлялось мне непонятным: по своему старому опыту я давно знал, что единственная администрация шведского Государственного архива в Стокгольме, всегда с величайшей предупредительностью относилась к занимающимся в этом богатейшем архиве и что поэтому для успеха этих работ г. Папкову никакого превращения в quasi-дипломата было не нужно. Ergo: великим князем возлагались на него там еще какая-то другая функция, давалось какое-то другое поручение. Но какое?

Объяснение моего визитера по этому пункту было очень туманное. Оказалось, что великий князь сейчас озабочен мыслью о необходимости — ввиду, по его мнению, близкого окончания войны — заблаговременной подготовкой достойных России, в деловом отношении, представителей ее на будущем международном конгрессе.

* Следовательно (лат.).

После этих объяснений Папкова я имел столь же неясный обмен мнениями с великим князем Николаем Михайловичем, которому я устроил через А.А. Нератова свидание с С.Д. Сазоновым. Последний категорически заявил, что главой русской делегации на будущем конгрессе ни в каком случае не может быть член царской семьи, а на этот пост уже назначен наш посол в Лондоне граф Бенкендорф.

Итак, С.Д. Сазонов вперед обрекал русские мирные переговоры на руководство тем, «истиннорусским» дипломатом, который порусски объяснялся с трудом, а в самом его министерстве был известен (как читатель уже знает) под кличкой «Grey m'a dit», а также «второго британского министра иностранных дел». К счастью и этот сазоновский проект не имел уже никаких шансов осуществиться.

Со всем тем, великокняжеская комбинация с г. Папковым оставила по себе (в моих мыслях) лишь открытый вопрос о действительных целях всей этой загадочной политической конструкции, столь неожиданно придуманной великим князем.

Все изложенное выше подсказывает, на мой взгляд, единственно возможное решение этой загадки.

Великий князь задумывал, вероятно, вести в Стокгольме через Папкова доверительные переговоры с идеологически совершенно преданным России тамошним германским послом бароном Люциусом, чтобы подготовить возможные переговоры о сепаратном мире с Германией — тот, кого в Петербурге считали самым умным из членов императорской фамилии, не мог не видеть, что по военной и политической обстановке 1916 года единственный шанс для России избежать дальнейших военных неудач и революции, заключался в прекращении во что бы то ни стало опротивевшей всему народу войны. Бесспорно, что Николай II, так тесно связанный своими союзниками, не мог и никогда не пошел бы на такое решение вопроса, но не думал ли великий князь Николай Михайлович, что государь, в конце концов, осуществит теперь свое давнишнее желание отказаться от престола, и что тогда Регентский совет при несовершеннолетнем Алексее Николаевиче мог бы осуществить эту меру, при проклятиях Лондона и Парижа, но в силу абсолютной политической необходимости. Разве в Лондоне и в Париже не поступили бы так же, если бы находились в тогдашнем нашем положении?^{IV}

Не забудем, что ответил знаменитый Клемансо Петру Боткину, когда тот напомнил о необходимости помочь погибавшей в большевизме России: «Eh, la Russie? Je m'en f...!»^V.

^{IV} А, Россия? Мне на нее...! (фр.)

Но осень 1915 года готовила России не меньшие сюрпризы, чем неосуществившийся секретный мир с немецкими империями.

Всем памятно еще, конечно, решение государя расстаться, наконец, с «Николашей», как Верховным главнокомандующим и приняв на себя главное командование всеми армиями, протест министров против такого решения, их отставка, а затем, к сожалению началась «министерская чехарда» со случайным назначением абсолютно некомпетентных лиц, что возбуждало во всей стране недоумение, насмешки и негодование. Исключение делалось только для умного и энергичного А.Ф. Трепова, но и он удержался на своем посту недолго.

В этом министерском калейдоскопе прошли передо мною и два последних царских министра иностранных дел — председатель Совета министров Штюрмер и бывший товарищ министра финансов Покровский. Оба пожелали меня видеть, и оба свидания прошли совершенно бесцветно. Штюрмер захотел почему-то, чтобы я присутствовал на одном докладе ему барона Нольде по международным делам, вероятно ожидая, каких-нибудь замечаний и критики с моей стороны; но ни замечаний, ни критики не оказалось, по той простой причине, что доклад был очень обстоятелен, а я в тогдашних международных делах вовсе ориентирован не был. После этого я Штюрмера вообще больше не встречал.

Что касается Покровского, с которым раньше неоднократно приходилось заседать вместе в различных комиссиях, то краткая беседа с ним не оставила во мне никакого впечатления, может быть потому, что в течение ее мое внимание было отвлечено безмолвным ее свидетелем: на нас со своей язвительной улыбкой упорно смотрел бронзовый Вольтер (по знаменитой Эрмитажной статуе Гудона), который сидя перед Покровским между двумя черно-белыми министерскими столами, явно недоумевал, зачем он попал в эту необычную компанию и обстановку...

В эти смутные последние месяцы 1916 года революция приближалась уже усиленным темпом, а случившиеся в то время две смерти восприняты были в исторически-суеверных кругах Царского Села, как знамение начала конца. Умер маг и «великий Могол» Папюс — как оказывается поддерживавший до самого 1916 года какие-то таинственные сношения с царской семьей — и был убит Распутин. А эта последняя смерть только еще окончательно перепутала все взаимные отношения между самыми близкими к Николаю II членами Императорского дома. Год кончился в полном — внешнем и внутреннем — политическом сумбуре.

Оглядываясь в заключение этой главы на общий колорит моих тогдашних впечатлений от этих двух последних годов Императорской России, я должен еще отметить, что кроме общего тревожного настроения ввиду приближавшейся революции над всей нашей семьей нависли глупые, но злобные инсинуации в связи с нашим старым датско-немецким фамильным именем^{VI}.

Это настроение настолько характерно для тогдашнего времени, что я здесь и приведу несколько частью прямо гнусных, а частью только курьезных случаев диких «истинно русских» атак.

1. Начались они — уже вскоре после начала войны — с атаки против... уже умершего барона Таубе. То был очень дальний мой родственник и глава эстляндской ветви нашего рода генерал-адъютант Федор Федорович Таубе, который волей судеб был поставлен (конечно, без всякого соответствия с его фамилией) на почетный пост наказного атамана Донского казачьего войска. Своим умом и энергией он, однако, заслужил такое общее уважение и любовь тамошнего казачества, что за время его атаманства в Петербург сыпались просьбы о наименовании разных станиц «Таубскими», а после его кончины казаки требовали, даже от местного архиерея, чтобы Федора Федоровича (лютеранина) похоронили в Новочеркасском соборе. И вот, в течение войны от тех же станиц стали сыпаться в столицу ходатайства об их переименовании. К счастью еще, что в свое время архиерей (естественно!) воспротивился погребению этого атамана «немца» в православном соборе, а то, вероятно, его останки пришлось бы так же выбросить с земли «Всевеликого» Войска Донского, как выбросили оттуда его имя.

2. Из здравствовавших во время войны членов нашей фамилии (т.е. из более или менее видных военных) оставили в покое кажется только моего дважды раненого (на германском и австрийском фронтах) двоюродного брата Дмитрия Фердинандовича, который очень долго лежал в Царскосельском лазарете — и которого в своих письмах императрица называет не раз «наш Таубе»²⁰⁶.

С тем большим рвением напали на моего старшего брата, Александра Александровича, генерал-лейтенанта и командира 4-й Сибирской стрелковой дивизии, которая на Равке, Бзуре и под Перемышлем (одна из самых славных побед в эту несчастную войну) не избавили его ни от внушений из Ставки о желательности перемены его фамилии, ни, в конце концов, от разных инсинуаций, вроде того, что с занимаемого его стрелками участка фронта не поступает никаких донесений о «немецких зверствах» (?). В результате, ввиду этого его «немецкого зверства» он, будучи все-таки награжден, кроме Георгиевского золотого оружия, всеми орденами

вплоть до Анны 1-й степени с мечами, к великой радости его жены и детей, был переведен на высокий пост начальника штаба Омского военного округа, в качестве «правой руки» степного генерал-губернатора²⁰⁷.

3. Чуть не стоили жизни аналогичные нападки на его и моего двоюродного брата Георгия Ивановича, улана Его Величества. Ему настолько надоели постоянные сближения его фамилии с германскими «Tauben» — военными авионами, — что, в конце концов, он, пройдя курс аэропланного обучения, сам перешел на роль военного авиатора, и вскоре с подстреленным немцами своим аппаратом грохнул с громадной высоты на землю, настоящим чудом не погибнув под своим вдребезги разбитым аэропланом^{VII}.

4. На третьего из моих двоюродных братьев, полковника Генерального штаба и командира одного из пехотных полков на австрийском фронте, поступали постоянные жалобы — наивные, но уже характерные для революционного настроения, проникнувшего и в действующую армию, указывающие на его главные грехи: он продолжает всюду именовать себя не только «Таубе», но и бароном, и сверх того со всей строгостью принуждает своих людей идти во что бы то ни стало вперед и сражаться с австрийцами.

5. Рядом со всеми этими характерными случаями (а были и другие, в том же стиле) собственный мой личный опыт был скорее неприятен не мне, а одному из моих бывших коллег по Совету министров.

Дело в том, что в те годы существовавшая в Петербурге уличная газетка «Копейка»²⁰⁸ напечатала как-то явно провокационный «слух» будто я переменял свою фамилию. И вот, в тот же день меня запрашивает по телефону редакция московского «Русского Слова»²⁰⁹, верно ли это; я отвечаю, что нет, и меня просят высказаться принципиально по этому вопросу о перемене фамилий. Я объясняю все свое отрицательное отношение к трусам, жертвующим своим старым честным именем под угрозой этих бессмысленных нападков; меня спрашивают, может ли «Русское Слово» опубликовать эти мои заявления, я отвечаю утвердительно...

И вот на другой же день присылают очередной номер этой распространенной русской газеты с точно переданными моими заявлениями, но... с напечатанным рядом, в соседнем столбце, фактическим известием, что тайный советник и обер-прокурор Святейшего синода Владимир Карлович Саблер с Высочайшего соизволения превратился в Десятовского...

Излишне подчеркивать, что последовавшие мои встречи в Сенате с господином Десятовским были лишены всякого удовольствия для обоих.

В результате, все-таки, как и все мои родные с отцовской стороны, мы перешли в новый трагический 1917 год, не изменив ни чести нашего рода, ни нашей верности и преданности Императорской России.

* * *

Примечания

^I Эта область научных разысканий, вызвавших целый ряд замечательных сочинений на английском, французском и, в особенности, на немецком языках, оставалась, к сожалению, совершенно неизвестной в русской церковно-исторической литературе. Первый публичный доклад о ней был сделан мною в Петербурге 31 января 1917 года, а дальнейшая моя работа по всем этим вопросам продолжалась уже в эмиграции и закончилась только к 1952 году, дав три выпуска под общим заглавием «Аграфы», напечатанные в Варшаве (1937 г.) и в Париже (1949 и 1951 гг.).

^{II} Главная из этих работ: «Россия на Дунае и образование Бессарабской области, т.е. эпоха 1812 года» (Петербург, 1913).

^{III} Буторовы — малоизвестный (вследствие его малочисленности и постоянных в старину смертей его членов в молодых годах), но древний дворянский род, происходящий от павшего под Казанью (1552 г.) воеводы Ивана Грозного Федора Бутора, который принадлежал к выехавшему из Литовской Руси роду князей Селеховских, из дома смоленских Рюриковичей.

^{IV} Об этих загадочных комбинациях великого князя Николая Михайловича неоднократно упоминается в его переписке с государем. См.: «Lettres des Grands Ducs a Nicolas II» (Paris, 1926).

^V Я упоминаю об этом подробно в конце старого издания моих мемуаров на французском языке.

^{VI}

^{VII} Он приписывал свое поистине чудесное спасение драгоценному кресту с частицей Животворящего Креста, пожалованному ему патриархом Иерусалимским при посещении им Святой Земли, перед войной. Этот Крест был передан им, при торжественной церковной церемонии в построенный тогда в Берлине новый православный собор.

* * *

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Революция и прощание с Россией

Заключение к моим воспоминаниям, касающееся только еще последнего года моего пребывания на родине, может быть здесь представлено в форме кратких заметок по отдельным моментам моей тогдашней жизни в связи со всеми известными событиями того времени в России.

Ясная сама по себе связь между ними и последовательное развитие их взаимоотношений и доведет нас в конце этого революционного года к логически неизбежному акту многолетнего фильма моей жизни и деятельности, развернутому в этих записках.

Вот хронология моих воспоминаний о трагическом для России 1917 года:

1 января последовало мое назначение членом Государственного совета. Надежда многих (но не моя!), что все еще как-то благополучно устроится в России — и на военных фронтах, и внутри страны.

Январь—февраль. Повторный доклад мой об «Аграф» (незаписанных в Евангелиях изречениях Иисуса Христа) на многочисленном очередном собрании религиозно-философского кружка в доме А.Г. Шварц. Присутствовавший на собрании митрополит Киевский Владимир (впоследствии убитый большевиками) горячо приветствует мою работу и трогательно благословляет автора на ее продолжение.

Февраль—март. Революционные дни в Петербурге: отвратительное зрелище мчавшихся по улицам грузовиков, переполненных вооруженными солдатами и рабочими с красными флагами; повсеместные обыски, грабежи, аресты и убийства (в особенности полицейских чинов), моя квартира за все это время каким-то чудом остается вне, и избегла внимания революционеров.

(Я это приписываю незримой охране того из их главарей, который за полтора года перед тем, предсказывая мне отъезд из России, расписывался все-таки в «глубоком уважении» ко мне).

2 марта. Отречение государя от престола за себя и (совершенно незаконно) за сына, а вслед затем и фатальное уклонение великого князя Михаила Александровича от принятия бремени правления...¹

Сформирование «Временного правительства». Барон Нольде, который из почтительного докладчика Штюмера превращается в товарища министра иностранных дел Милюкова и запрашивает меня по телефону (!), что я думаю об их долговечности, и получает в ответ, что бессильное Временное правительство вскоре будет сметено второй и более сильной революционной волей — «рабочих и солдатских депутатов».

Мое мнение о бессилии Временного правительства подтверждается тогда же двумя актами, касавшимися моих родных.

Мой брат Борис Александрович, бывший «порт-артурец» вернувшийся в армию во время войны и бывший тогда начальником штаба Кронштадтской крепости, был арестован и брошен в тюрьму тамошней «красой и гордостью русской революции», с которой военный министр Гучков ничего не мог поделать для освобождения брата; его вызволили из тюрьмы солдатские депутаты его прежней воинской части, где он снил себе общее уважение.

В аналогичное положение попал мой троюродный брат — начальник Владивостокского торгового порта; из тюрьмы с уголовными преступниками его смог извлечь только местный английский консул, его приятель, который и переправил его через U.S.A. в его Лифляндию, где он был помещиком и где немедленно принялся за формирование противобольшевистской «Балтийской земской обороны» (Baltischer Landeswehr)²¹⁰.

Апрель—май. В этих мало успокоительных условиях я приступил к ликвидации моей чудной квартиры на Моховой улице. Вначале распределяются мои рукописные материалы и деловая корреспонденция по Министерству иностранных дел и народного просвещения. 14 больших картонов передаются в Государственный архив (см. Приложение). Семейный архив моей ветви рода Таубе относится на хранение моей тетке баронессе Ольге Фердинандовне Медем, а квартира сдается писателю князю Вл.Вл. Барятинскому¹¹.

Июнь—август. Моя семья, вслед за семьей брата Бориса, отправляется на лето в Финляндию, в симпатичный семейный пансион богатого землевладельца финна «Ампиолы» близ города Кексгольма (на Ладожском озере) куда я приезжаю в июле, после устройства разных дел в Петербурге и едва не сложив голову в первых числах этого месяца, случайно попав на

Исаакиевской площади под перестрелку «правительственных» войск с поднявшим в первый раз вооруженное выступление против Временного правительства закулисным правительством большевиков²¹¹.

Сентябрь—октябрь. Возвращение моей семьи в Петербург, несмотря на неосторожность этого предприятия, для окончательного устройства семейных (материальных и нематериальных дел).

25 октября. Большевистский переворот и спешный вторичный отъезд в Финляндию, в то же имение «Ампиола».

21—23 декабря. Невероятно рискованное (и даже удивительно странное, если сейчас о нем вспоминать) вторичное возвращение мое в Петербург; окончательное прощанье с родными, с дорогими семейными моими, спасение некоторых документов, рукописей, книг и вещей, нагруженный которыми я отправляюсь обратно в Финляндию в трескучий мороз на площадке переполненного вагона, держа в руках наш древний образ Распятия — драгоценное наследие моих предков с материнской стороны.

24 декабря. Поздно вечером я, слава Богу, в Кексгольме — и по телефону обмениваюсь рождественскими поздравлениями с обитателями «Ампиола».

1 января 1918 года. Новогодний привет и прощанье с Россией — уже из православного собора в Кексгольме.

Это переселение в Финляндию было тогда, конечно, по французскому выражению, «скачком в неизвестность». Ведь начавшийся 1918 год, который оказался годом зверского убийства царской семьи²¹², а немного позже в Петербурге и массового избияния офицеров²¹³ (когда погиб и мой брат, полковник Яков Александрович) — и в Финляндии ознаменовался жестокими судорогами проникшего в нее коммунизма²¹⁴. Уже 20 апреля был распят самый выдающийся член финляндской ветви моего рода — благочестивый и популярный пастор Густав-Адольф Таубе. Но с запада, продвигаясь к «советской» границе, уже спешил освободительный корпус немецких войск, и нам в мирном пансионе «Ампиола» недолго пришлось с тревогой прислушиваться к канонаде, доносившейся за 20 километров, с бело-красного фронта... и отклонить советы «бежать еще дальше на север, в непроходимые финские леса». Ибо я вспоминал любимый псалом моего прадеда:

«Надеющиеся на Господа —

Как гора Сион, не подвигнутся» (Псалом 124)^{III}.

А сейчас на 86-м году жизни и после еще 36 лет протекших с тех пор, — слава Богу — в научной работе, в дни скорбные и

трудные, как и в светлые и счастливые, вспоминаю и другое правило жизни — завет великого Апостола:

«Всегда радуйтесь, непрестанно молитесь, за все благодарите, ибо такова о Вас воля Божия во Христе Иисусе» (1 Фессал, V, 17).

Конец

М. Таубе

Париж,
в день Преображения Господня
6/19 августа 1954 года

Примечания

^I Этот роковой для Императорской России день ознаменовался, как об этом в эмиграции узналось много позже, чудесной находкой в селе Коломенском под Москвой, старинного образа «Державной Божией Матери» (См. журнал «Наш Приход» за 1954 г.). Свидетель этого чудесного явления, один из самых младших моих родственников, мой двоюродный брат и тезка, Михаил Михайлович Таубе, незадолго перед тем окончивший свой курс юридического факультета в С.-Петербургском университете, и отбывший свою воинскую повинность, неожиданно отказался от мира и ушел в Оптину пустынь, где и был пострижен в монахи, под именем Агапита. После захвата этой обители большевиками, о. Агапит будучи уже священником, пошел в глубокой нищете странствовать по России, читая и объясняя Евангелие народу. Побывав во многих концентрационных лагерях, он скончался лет 20 тому назад.

^{II} Во время этих последних недель моего пребывания в квартире на Моховой, состоялось и мое последнее свидание со старшим братом моим Александром, вызванным для объяснений в Петербург, и обвиняемым в контрреволюционной пропаганде в войсках Степного генерал-губернаторства. Он объяснил в Военном министерстве, что в реальных сибирских условиях, при глухой ненависти в народе к захватившему в столицах власть «буржуазному» правительству, имелась только альтернатива: либо большевизм, либо царь. А мне он пояснил, в дополнение к этому, что если, как он осведомлен, царскую семью перевезут в Сибирь, а его к тому времени — что было возможно, войска провозгласят своим командующим и генерал-губернатором, то он, верный своей присяге, поведет их на освобождение государя и восстановит монархию в лице законного наследника Алексея Николаевича. Этим планам не суждено было осуществиться; раньше государя, моего брата с женой и старшим сыном эпидемия сыпного тифа унесла в могилу, а второй его сын, Николай, при виде большевистской анархии — застрелился. Между прочим, брат мой тогда же увез к себе в Омск оставленный у меня за год перед тем оригинальный «сувенир», из одного из последних своих сражений на германском фронте: стальной конус, составлявший верхушку громадного снаряда — чемодана, разорвавшийся близ него и подбросивший его и окружающих офицеров высоко в воздух.

^{III} Мой прадед, Иоганн-Георг фон Таубе, бывший офицер егерей короля Фридриха Великого (род. 1750, умер в 1830 г.) в имении Рутцау в Курляндии завещал написать этот псалом на своем надгробном памятнике.

ПРИЛОЖЕНИЯ

**к воспоминаниям
барона
Михаила
Александровича
ТАУБЕ**

I (к стр. 39)

Выдержка из статьи барона М.А.Таубе «Лев Николаевич Толстой и идея международного права».

(Статья эта была помещена в бюллетене Русского православно-вселенского (католического) прихода в Париже в № 9 за 1951 г.)

В 1902 году в качестве продолжения моей двухтомной «Истории зарождения современного международного права» (1894 и 1899 гг.) в С.-Петербурге была напечатана небольшая работа по объему под заглавием: «Христианство и организация международного права». Кажется, впервые в русской научной литературе читателям здесь предлагался исторический очерк развития идеи мира между народами с выяснением капитального в этом смысле значения христианства и, в частности, учений некоторых древнейших отцов и учителей церкви.

На эту работу, по-видимому, не очень оцененную в наших интеллигентских кругах — обратил, зато особое внимание Л.Н. Толстой и на этой почве с ним завязалась интересная переписка (октябрь 1903 г. — январь 1904 г.), практическое значение которой заключалось в следующем. Лев Николаевич возымел мысль через любимое им московское книгоиздательство «Посредник» провести новое популярное издание указанной выше работы, т.е. перепечатать ее без тяжелого научного аппарата греческих и латинских текстов и с большим углублением ее христианско-моральной части. При этом, ввиду довольно критического отношения автора, как, конечно и самого Л.Н. Толстого, к положению вопроса о международном мире в современном нам «христианском» обществе, столь во многом уже отклонившемся от кристально чистого учения Иисуса Христа и апостолов, Лев Николаевич опасался лишь вмешательства цензуры в некоторые «антимилитаристические» объяснения работы и был весьма озабочен тем, как бы через своих влиятельных знакомых в Москве парализовать эту предполагаемую опасность.

Однако сверх его ожидания цензура оказалась в данном случае совершенно безобидной и в 1905 году книжка (прошедшая, между прочим, собственноручную корректуру Льва Николаевича) благополучно появилась в свет под титулом «Христианство и международный мир» и, кажется, получила довольно большое распространение в широкой публике.., но все-таки не в наших академических кругах. Ведь в те времена говорить о высококультурном значении христианства было «не в моде» и некоторые (определенно «сектантские») друзья самого Толстого отнеслись, кажется, довольно холодно к тому его решению присоединить свой голос к возвеличению христианства с точки зрения идеи мирного

устройства общества народов — «града Божия» в противоположность «граду Дьявола» (Св. Августин).

Как бы то ни было ценным памятником отношения Льва Николаевича к этому вопросу осталось главное его ко мне письмо от 18—19 декабря 1903 г., которое я здесь полностью и привожу, как трогательный знак его глубокой преданности основной моральной идее христианства.

«Дорогой Михаил Александрович!

Извините, что так долго не отвечал Вам. Я сегодня получил Вашу статью и сегодня же прочел ее и пишу Вам. Статья в новом виде очень хороша и я, прочитывая ее, испытал то же, как и в первый раз, чувство полного удовлетворения и сознания духовного приобретения.

Мне жаль, что Вы исключили рассуждения о международном праве в древности и, в особенности о католической идее мира. И особенно последнее было интересно и своей противоположностью с субъективным христианским отношением к вопросу отте- ния его отношение.

Как мне показалось, что когда Вы указываете на проявление до христианства идеи мира в еврействе, буддизме, Вы упускаете проявление этой идеи в очень определенной и сильно выраженной форме у китайцев, у Конфуция и Лаотзе.

Одно меня огорчило при чтении этой прекрасной статьи, это мысль о том, что она же пройдет через нашу цензуру. Друзья мои будут стараться перевести ее и будут пользоваться Вашим разрешением смягчать и выпускать, с Вашего согласия, места, которые могут вызвать запрещение. Для того же, чтобы статья была напечатана и внесла бы тот свет, который она должна внести в сознание людей, я бы предложил следующее: напечатать ее за границей по-русски или по-английски, если не найдется издателя для русского издания.

Что Вы об этом думаете?

В ожидании Вашего ответа и истинным уважением остаюсь готовый к услугам Лев Толстой.

19 декабря 1903 г.

Я так дурно написал эту приписку, что попросил переписать ее. Ваш Л. Толстой.

19 декабря 1903 г.»

Приписка к письму Л.И. Толстого, написанная другой рукой:

«Прочел Вашу статью и хочется сделать еще следующие замечания. По-моему Ваша оценка буддизма и стоицизма не верна или скорее не полна. Буддизм так же, как и стоицизм, учит тому, что истинная сущность человека не в его теле, не свободном и потому

страдающем, а в его духовном сознании, не подлежащем никакому стеснению и потому никакому страданию. Первый ставит целью — освобождение от страданий, второй — благо личности.

Стоицизм действительно разрушает те камни, из которых составлено здание теперешнего мира, но разрушение это, если и вредно для существования международного права, как оно теперь понимается, но несомненно благотельно для человечества, разрушая то, что разъединяет его.

Учение буддизма и стоицизма, как и еврейских пророков, в особенности того, что известно под именем Исаии, а также и китайские учения Конфуция, Лаотзе и малоизвестного Ми-Ти, все возникшие почти одновременно около VI века до Рождества Христова, все одинаково признают сущностью человека его духовную природу и в этом их величайшая заслуга. Отличаются же они от христианства, явившегося после них, тем, что они останавливаются на признании духовности человека, видя в этом признании спасение и благо личности. Христианство же делает дальнейший вывод. Выходя из признания людьми своей духовности, по христианскому выражению признания в себе Сына Божия, оно провозглашает возможность и необходимость установления на земле царства Божия, т.е. всеобщего блага, включающего в себя понятие всеобщего мира.

Значительность содержания Вашей статьи вызвала во мне эти замечания, за которые прошу простить меня, если они Вам покажутся неуместными».

Факсимиле этого письма Л.Н. Толстого было приложено к выпущенной в Берлине в 1922 г. издательством «Детинец» книге барона М.А. Таубе «Вечный мир или вечная война».

II (к стр. 174)

Копия письма председателя Совета министров М.Л. Горемыкина на имя министра народного просвещения Л.А. Кассо от 20 марта 1914 г.

Председатель
Совета министров

Срочно.

20 марта 1914 г.
№ 1799

Милостивый государь, Лев Аристидович!

В одном из ближайших заседаний Общего собрания Государственной думы предстоит, по имеющимся сведениям, рассмотрение «законопроекта» об улучшении материального положения

служащих в женских учебных заведениях Министерства народного просвещения и об изменениях некоторых узаконений о женских гимназиях и прогимназиях. Законопроект этот возник в порядке законодательного почина Государственной думы (Учр. Госу. думы ст. 55) и получил дальнейшее направление, согласно § 67 наказа Думы, невзирая на изъявленное представителем Высочайше вверенного Вашему превосходительству ведомства в Общем собрании Государственной думы 12 ноября 1913 года согласия принять на себя разработку признанного названной Думой желательным законодательного предположения по означенному предмету.

Обсудив настоящее дело в заседании 20 марта 1914 года и имея в виду, что упомянутый законопроект внесен на рассмотрение Государственной думы вопреки точному смыслу статьи 57 ее учреждения, Совет министров, в согласность с бывшими в заседании 6 текущего месяца суждениями об отношении правительства к движению подобного рода законодательных предположений, признал необходимым, чтобы представитель Министерства народного просвещения при слушании вышеуказанного законопроекта в Общем собрании Государственной думы заявил о неправильном, не отвечающем закону направлении этого дела и затем оставил заседание Общего собрания Думы.

Сообщая об изложенном для зависящих, в чем следовать будет, распоряжений, прошу Вас, милостивый государь, принять уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности.

И.Л. Горемыкин

Его Пре-ву Л.А. Кассо

III (к стр. 210)

Письмо директора Государственного и Петроградского главных архивов от 5 мая 1917 года

Министерство иностранных дел

Директор Государственного
и Петроградского главных архивов

Милостивый государь, барон Михаил Александрович!

На письмо Ваше от 22 апреля с.г. имею честь уведомить Вас, что Петроградским главным архивом Министерства иностранных дел приняты на хранение 3 сего мая 14 картонов и папок с бумагами и печатными материалами, касающимися Вашей деятельности

по ведомству иностранных дел, на условиях, изложенных в означенном письме Вашем и согласно списку картонов и папок, к нему приложенному.

О таком Вашем распоряжении мною будет доведено до сведения г. министра иностранных дел; с своей же стороны приемлю долг принести Вам глубокую благодарность за передачу Вами в Архив ценного материала, касающегося Вашей деятельности, и прошу Вас принять уверение в искреннем моем уважении и совершенной преданности.

Князь И. Голицын

Барону М.А. Таубе

5 мая 1917 г.

№ 34.

Комментарии

¹ 17 октября 1888 г. на железной дороге Харьков—Азов близ станции «Борки» произошло крушение императорского поезда. Александр III и его семья не пострадали по счастливой случайности. По официальной версии катастрофа произошла вследствие халатности должностных лиц.

² Согласно Университетскому уставу 1884 г. окончательная проверка знаний студентов за весь университетский курс проводилась в особых государственных испытательных комиссиях при университетах по каждому факультету отдельно. Председатель и члены комиссий назначались министром народного просвещения. Общие для всех университетов правила испытаний в комиссиях и требования к испытуемым также утверждались министром. Выдержавшие испытания получали дипломы 1-й или 2-й степени. Учреждение испытательных комиссий было одним из главных принципов университетской реформы 1884 г. Замена университетских выпускных экзаменов государственными должна была привести к более строгой и объективной оценке знаний студентов.

³ II экспедиция канцелярии МИД занималась составлением ежедневных отчетов по содержанию зарубежной прессы.

⁴ Второй департамент МИД был создан в 1832 г. До 1897 г. именовался Департаментом внутренних сношений. В ведении департамента находились дела по составлению дипломатических грамот и писем и заключению международных договоров. Департамент вел также дела, связанные с государственной границей империи, пребыванием русских подданных за границей и иностранцев в России и т.д. Директором департамента в 1897—1905 гг. был Н.А. Малевский-Малевич.

⁵ Восстание в Северном Китае (1899—1901 гг.), направленное против засилья иноземцев, подготовленное тайным обществом Ихэцюань («Кулак во имя справедливости и согласия»), позже Ихэтуань («Отряды справедливости и согласия»). Восстание было подавлено войсками Германии, Японии, Великобритании, США, Франции, России, Италии и Австро-Венгрии. Иностранцы стали называть это восстание «боксерским».

⁶ Речь идет о Русском лесопромышленном товариществе на Дальнем Востоке (устав утвержден в мае 1903 г.), ключевое положение, в котором занимал А.М. Безобразов, имевший прочные связи в придворных кругах и определенное влияние на императора. Возглавляемая им группа рассматривала лесные концессии вдоль реки Ялу в качестве опорного пункта, ко-

торый прикрывал Порт-Артур с востока, — предполагалось даже под видом лесных рабочих посылать сюда солдат. В перспективе это означало ухудшение русско-японских отношений (см.: Романов Б.А. Очерки дипломатической истории Русско-японской войны. М.; Л., 1955).

⁷ Орден мартинистов был создан в Париже в 1890 г. Папюсом (Ж. Энкосс) и О. Шабосо, пытавшимися создать синкретическое эзотерическое учение. Отличительной особенностью было отрицание обычных масонских ритуалов. В 1910 г. орден создал ложу в России, которая вскоре отделилась от французских мартинистов и положила начало течению «неомартинистов», существовавшему в 1910—1920-е гг. Отличалось склонностью к хиромантии и финансовым аферам.

⁸ Великий могол, великие моголы — титул, данный европейцами государям знаменитой тюркской династии, правившей в Индии и основанной султаном Бабуром в 1526 г.

⁹ «Эдельвейс» — масонская ложа, существовавшая в 1920-е гг. в Германии. Идеологической основой ложи являлся расизм, сочетание христианства с древнегерманским язычеством и отрицание Ветхого завета.

¹⁰ Первый департамент МИД существовал с 1897 по 1917 г. До 1897 г. назывался Азиатским департаментом. В компетенции Первого департамента находились дела о личном составе чиновников МИД, кадровая политика министерства и подготовка законопроектов, касавшихся министерства. Переименован в марте 1917 г. в Департамент общих дел МИД.

¹¹ См. комментарий 4.

¹² Николаевская академия Генерального штаба, важнейшая военная академия в Российской империи, существовала в 1832—1918 гг., готовила офицеров Генерального штаба, давала высшее общее военное образование офицерам всех родов сухопутных войск.

¹³ К 1904 г. в Порт-Артуре и Владивостоке было сосредоточено 7 броненосцев и 11 крейсеров. Со стороны Японии в этом регионе находилось 6 броненосцев и 20 крейсеров. Таким образом, русский флот уступал японскому по крейсерам, к тому же разнотипность русских кораблей затрудняла их совместные маневры в составе эскадры. На суше японские силы численностью 150 тыс. чел. также превосходили русские войска, численность которых составляла около 100 тыс. чел.

¹⁴ Речь идет о всеподданнейшем докладе С.Ю. Витте о поездке на Дальний Восток в июле—сентябре 1902 г. Значительное место в докладе заняли вопросы международных отношений. Витте отмечал, что начало русскому влиянию в Маньчжурии было положено вполне мирным предприятием — постройкой дороги, которое не вызвало враждебности у Китая и европейских государств. Однако занятие Порт-Артура, утверждение на Ляондунском полуострове и проведение Южной маньчжурской железной дороги нарушили традиционно дружественные русско-китайские отношения, возбудили ревность и недовольство западноевропейских государств и особенно Японии. Отношения с Японией Витте характеризовал как темную точку на горизонте русской политики на Дальнем Востоке. Министр считал невозможным нормализовать их пока Япония не перестанет считать Россию главным соперником в корейских делах. Отсюда делался вывод о необходимости пойти на уступки Японии в Корее и, в крайнем случае «временно даже и

совсем поступиться Кореею». Войну с Японией в ближайшие годы он считал для России «большим бедствием». Если бы удалось нормализовать отношения, то в перспективе, после окончания сооружения КВЖД он предвидел даже возможность сближения с Японией на почве торгово-промышленных интересов (См.: Игнатьев А.В. С.Ю. Витте — дипломат. М., 1989).

¹⁵ Во второй половине ноября 1901 г. в Петербург прибыл видный японский дипломат, маркиз Ито Хиробуми для ведения полуофициальных переговоров относительно разграничения сфер влияния на Корейском полуострове и в северо-восточном Китае. Однако его миссия в России потерпела неудачу, после чего он отправился в Лондон, где 30 января 1902 г. был подписан англо-японский союзный договор. Миссия маркиза Ито в Петербурге сыграла роль прикрытия для англо-японского сближения (См.: Там же).

¹⁶ В ночь на 27 января (9 февраля) 1904 г. отряд японских миноносцев без объявления войны внезапно напал на русскую эскадру, стоявшую на внешнем рейде Порт-Артура, и подорвал 2 броненосца и 1 крейсер.

¹⁷ Речь идет о 1-м столе 1-го отделения Второго департамента МИД, который занимался взаимными претензиями российского и иностранных правительств, а также частных лиц; иностранными колонистами в России; сношениями с римским двором по делам церкви.

¹⁸ Речь идет об обстреле эскадрой вице-адмирала З.П. Рожественского мирных английских рыбацких судов, которые он ошибочно принял за японские торпедные катера, в ночь с 8 на 9 октября 1904 г. Для расследования инцидента Англия и Россия согласились создать международную следственную комиссию. В результате выводов комиссии Россия признала обязанность возместить причиненный ущерб и заплатила Англии 1625 тыс. франков.

¹⁹ Гагская конференция мира (6 мая — 17 июля 1899 г.) была созвана по инициативе Российского правительства. В ее работе принимали участие 110 представителей из 26 стран. На ней было принято 13 конвенций относительно законов и правил ведения войны и мирного урегулирования межгосударственных конфликтов.

²⁰ Название Министерства Иностранных Дел Великобритании.

²¹ Название Министерства Иностранных Дел Российской империи.

²² Название Министерства Иностранных Дел Франции.

²³ Капитан Н.Л. Кладо, военно-морской теоретик и бывший сотрудник штаба командующего Второй Тихоокеанской эскадрой весной 1905 г. выступил с серией резких критических статей в газете «Новое время» о плохой подготовленности эскадры к боевым действиям, за что был отправлен в отставку. Статьи вышли отдельным сборником (После ухода второй эскадры Тихого океана. СПб., 1905).

²⁴ 26 февраля 1909 г. на Лондонской военно-морской конференции представители Германии, США, Австро-Венгрии, Испании, Франции, Великобритании, Италии, Японии, России и Нидерландов подписали декларацию о Праве морской войны. В ней впервые были систематизированы правила и обычаи морской войны. Лондонская декларация содержит 26 статей, регламентирующих следующие основные вопросы: о блокаде во время войны портов и берегов,

принадлежащих неприятелю или им занятым; о военной контрабанде; об услугах воюющему государству; о законности совершенного захвата нейтрального судна и грузов; о перемене флага; о конвоировании нейтральных судов и т.д. Несмотря на то, что Лондонская конвенция не была ратифицирована подписавшими ее государствами, она сохраняет свое значение, поскольку формулирует ряд общепризнанных международно-правовых норм.

²⁵ Название разведывательной службы Великобритании.

²⁶ Название английского юмористического журнала.

²⁷ Речь идет о сближении Франции и Англии после заключения 8 апреля 1904 г. в Лондоне между представителями этих стран соглашения по основным колониальным вопросам, известного как Англо-Французская Антанта. Вместе с тем, Франция, связанная с Россией союзом, стремилась к сближению России с Англией для создания «тройственной» Антанты как противовеса усиливавшемуся Германскому блоку.

²⁸ 30 января 1902 г. в Лондоне был подписан англо-японский союзный договор. По нему обе державы объявляли своей целью поддержание статус-кво на Дальнем Востоке, охрану независимости и территориального единства Китая и соблюдения принципа «открытых дверей». Участники договора присваивали себе право «на вмешательство», если их особым интересам в Китае и Корее будет угрожать опасность. Также договор предусматривал строгий нейтралитет одного из союзников в случае войны другого с третьей державой. В августе 1905 г. договор был возобновлен.

²⁹ Амфитрион, греч. — царь Тиринфа, герой греческой мифологии. В новой литературе, благодаря трактовке образа Мольером, Амфитрион стал синонимом гостеприимного, радушного хозяина.

³⁰ См. комментарий 27.

³¹ Тройственный союз Бисмарка — Военно-политический блок Германии, Австро-Венгрии и Италии, сложившийся в 1879—1882 гг. 7 октября 1879 г. был заключен союз между Германией и Австро-Венгрией. После заключения союза с Австро-Венгрией Германия с целью изолировать Францию стала искать сближения с Италией. В условиях острого конфликта между Италией и Францией из-за Туниса Бисмарку удалось побудить Италию к соглашению не только с Германией, но и Австро-Венгрией. 20 мая 1882 г. в Вене был заключен секретный договор между Германией, Австро-Венгрией и Италией, направленный против Франции и России. Участники договорились не принимать участия в каких-либо союзах, направленных против одного из них и оказывать друг другу взаимную поддержку. Германия и Австро-Венгрия обязались оказать военную поддержку всеми силами Италии в случае неспровоцированного нападения Франции. Италия взяла на себя обязательство оказать помощь Германии в случае нападения на нее Франции. Обязательства Австро-Венгрии в случае нападения Франции на Германию ограничивались сохранением нейтралитета до вступления России в войну на стороне Франции. Участники обязывались сохранять взаимно благожелательный нейтралитет в случае войны кого-либо из них с любой великой державой кроме Франции и оказывать военную помощь друг другу в случае нападения двух или более держав. Договор был заключен на 5 лет и после нескольких продле-

ний просуществовал до 1915 г., когда Италия вступила в войну на стороне стран Антанты, а не на стороне своих партнеров по Тройственному союзу.

³² В июле 1905 г. состоялось свидание Вильгельма II с Николаем II на борту царской яхты близ острова Бьерке, в результате чего был подписан союзный договор, который предусматривал взаимную военную помощь в Европе в случае нападения на Россию или Германию какой-либо европейской страны. После возвращения в Петербург Николай II по категоричному требованию председателя Совета министров С.Ю. Витте и министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа фактически отказался от своей подписи. В письме от 26 ноября 1905 г. император подчеркивал, что договор может вступить в силу только в случае согласия с ним Франции, что было равносильно расторжению договора.

³³ Автор ошибается. Мирные переговоры с Японией проходили при посредничестве США в Портсмуте (Portsmouth, США, штат Нью-Хэмпшир). В ходе переговоров С.Ю. Витте удалось отклонить японское требование о контрибуции. Однако по условиям Портсмутского мирного договора, заключенного 23 августа 1905 г., Россия уступала южную часть Сахалина, а также арендные права на Ляондунский полуостров с Порт-Артуром.

³⁴ В России масонство (преимущественно религиозно-философское) получило распространение с первой половины XVIII в., однако в 20-е годы XIX в. практически прекратило существование. В первые годы XX в. при поддержке французских «братьев» (ложа «Великий Восток Франции») деятельность масонских лож была возобновлена, но теперь они имели, как правило, политический характер (т.н. «политическое масонство»). С 1909–1911 гг. представители российского освободительного движения (кадет Н.В. Некрасов, трудовик А.Ф. Керенский, меньшевик Н.С. Чхеидзе и др.) предпринимали попытки создать на базе масонства надпартийную политическую структуру оппозиции. В составе лож значилось до 400 человек. В годы Первой мировой войны деятельность масонских лож постепенно снижалась, после Февральской революции — практически прекратилась.

³⁵ Вольт — кавалерийский термин в манежной езде, обозначающий описывание кругов шагом, рысью или галопом.

³⁶ Манифест 17 октября 1905 г. был подготовлен председателем Комитета министров гр. С.Ю. Витте и подписан императором Николаем II в разгар всеобщей Октябрьской политической стачки. Манифестом в Российской империи провозглашались основные политические свободы и введение законодательного народного представительства. Манифест 17 октября стал главной уступкой самодержавной власти в период Первой русской революции 1905–1907 гг. и ознаменовал ее вступление в кульминационную фазу.

³⁷ М.А. Таубе цитирует отрывок из басни Жана де Лафонтена «Ваятель и статуя Юпитера» (См.: Басни Лафонтена. Полное собрание сочинений с биографией и примечаниями. М., 2001).

³⁸ Имеются в виду события «кровавого воскресенья» 9 января 1905 г. В этот день войска расстреляли демонстрацию рабочих, направлявшихся к Зимнему дворцу с намерением подать императору Николаю II петицию о своих нуждах.

³⁹ «Бунд» — Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России — с.-д. партия еврейских ремесленников и промышленных рабочих. Партия была образована на учредительном съезде, прошедшем с 25 по 27 сентяб-

ря 1897 г. в Вильно. Организации Бунда руководили экономической борьбой еврейских рабочих в Северо-Западном крае и Царстве Польском. В революцию 1905—1907 гг. действовало 274 организации Бунда, которые участвовали в подготовке забастовок и политических демонстраций.

⁴⁰ В докладе от 3/16 января 1906 г. министр иностранных дел В.Н. Ламздорф утверждал, что русская революция не только поддерживается, но и направляется из-за рубежа еврейским капиталом и социалистическими кружками, выступающими в единстве с масонской верхушкой. Главной целью еврейско-масонских кругов является ликвидация монархий, торжество атеизма и космополитизма. Главным препятствием на пути к достижению этих целей является православная самодержавная Россия, против которой сосредоточены все усилия. Но вслед за Россией наступит очередь Германии и католической церкви во главе с Ватиканом. Общая опасность создает условия для объединения всех консервативных сил Европы. В заключение В.Н. Ламздорф предложил обменяться мнениями по этому вопросу с правительством Германии. Николай II согласился с министром и 8 января Ламздорф передал германскому послу Альвенслебену записку, в которой повторялись доводы доклада от 3 января. От германского правительства ответа не последовало.

⁴¹ Федор Кузьмич — почитаемый Православной церковью старец, скончался в 1864 г. в Томской губернии. Распространенная легенда отождествляла его с личностью императора Александра I, который якобы не скончался в 1825 г. в Таганроге, а странником тайно удалился из мира.

⁴² См. комментарий 24.

⁴³ В 1880-е гг. Россией был заключен ряд договоров с Германией и Австро-Венгрией. 6 июня 1881 г. представители России, Германии и Австро-Венгрии подписали русско-пруско-австрийский договор о нейтралитете. Согласно его условиям, союзные государства были обязаны соблюдать нейтралитет в случае, если одно из них окажется в состоянии войны с четвертой державой. По истечении 3-летнего срока 15 марта 1884 г. в Берлине договор был возобновлен. В июне 1887 г. был подписан двухсторонний русско-германский договор («перестраховочный»). По нему державы обязывались соблюдать благожелательный нейтралитет в случае войны одной из них с третьей державой, однако, это правило не касалось войны России против Австро-Венгрии и войны Германии против Франции. В 1890 г. Германия отказалась возобновлять этот договор.

⁴⁴ Франко-русский союз сложился в 1891—1893 гг. и просуществовал до 1917 г. Во второй половине 1880-х гг. в период нового резкого обострения франко-германских отношений, правительство Франции стало стремиться к сближению с Россией. В начале 1890-х гг. отношения России с Германией и Австро-Венгрией значительно ухудшились. Отказ Германии от возобновления русско-германского договора в 1890 г., возобновление в 1891 г. Тройственного союза и слухи о присоединении к нему Англии создали почву для заключения русско-французского политического соглашения. 15(17) августа 1891 г. министры иностранных дел двух стран обменялись письмами. Россия и Франция договорились о проведении консультаций по всем вопросам, могущим «угрожать всеобщему миру», а в случае если одно из государств оказалось бы под угрозой нападения, договориться о принятии совместных мер. 5(17) августа 1892 г. представители русского и французского генеральных

штабов подписали военную конвенцию. Стороны обязались в случае нападения Германии оказать друг другу военную помощь. В декабре 1893 г. Россия и Франция ратифицировали военную конвенцию.

⁴⁵ См. комментарий 28.

⁴⁶ См. комментарий 33.

⁴⁷ Микадо (*япон.*, букв. — величественные врата) — титул императора Японии.

⁴⁸ Предсоборное присутствие было создано решением Святейшего Синода от 14 января 1906 г. для предварительного обсуждения всех вопросов, намеченных к рассмотрению предстоящим Поместным собором Православной Российской церкви. Начало работу в марте 1906 г. в С.-Петербурге в составе нескольких десятков православных архиереев, священников и мирян (богословов и общественных деятелей, например А.А. Киреева, Д.А. Хомякова, Ф.Д. Самарина). Рассмотрело вопросы о составе Поместного собора, организации церковного управления, суда и образования. По завершении работ присутствия в декабре 1906 г. Поместный собор так и не был созван, однако материалы присутствия были использованы в работе Предсоборного совещания 1912–1917 гг. и Поместного собора 1917–1918 гг.

⁴⁹ Азиатский департамент Министерства иностранных дел — существовал в 1819–1897 гг., ведал дипломатическими сношениями России с восточными странами и делами о личном составе чиновников МИД данного направления как в центральном аппарате Министерства, так и за границей. В 1897 г. преобразован в Первый департамент МИД.

⁵⁰ Совет министров — центральный координационный, совещательный и административный орган Российской империи. Существовал в октябре 1905 — марте 1917 г. Состоял из министров, главноуправляющих, государственного контролера и обер-прокурора Святейшего Синода. Возглавлялся председателем, который также мог являться министром. Делопроизводство Совета министров осуществлялось его канцелярией.

⁵¹ «Основные государственные законы» — первая часть первого тома «Свода Законов Российской Империи», в которой регламентировались основы функционирования высших институтов власти. 23 апреля 1906 г. была опубликована новая редакция «Основных государственных законов», отражавшая изменения в государственном устройстве Российской Империи. Она представляла собой развитие положений Манифеста 17 октября 1905 г.

⁵² См. комментарий 40.

⁵³ Речь идет о союзе Австрии, Пруссии и России, заключенном в Париже 26 сентября 1815 г. Акт о его создании составил Александр I. Текст имел религиозно-мистический характер и содержал обязательства христианских монархов оказывать друг другу помощь. Под религиозной оболочкой скрывалась общая политическая задача — поддержка старых монархических династий и защита принципа легитимизма. В 1815 г. к Священному союзу присоединились Франция и ряд др. европейских государств. На конгрессах в Троппау и Лайбахе члены Священного союза санкционировали вооруженную интервенцию и подавление австрийскими войсками революций в Неаполе (1820–1821) и Пьемонте (1821) и французскими войсками в Испании (1820–1823). В конце 1820-х гг. фактически распался.

⁵⁴ Будучи министром иностранных дел, А.П. Извольский, заботясь о налаживании сотрудничества с Францией и Великобританией, стремился избежать втягивания России в конфликт с Германией. Переговоры по интересовавшим российскую дипломатию вопросам, как с Парижем и Лондоном, так и с Берлином и Веной, были характерной чертой курса Извольского (см.: Игнатьев А.В. Внешняя политика России. 1907–1914. Тенденции. Люди. События. М., 2000).

⁵⁵ К Парижскому мирному трактату 18 марта 1856 г., который ознаменовал собой окончание Крымской войны, прилагался особый документ, объявлявший о демилитаризации Аландских островов на Балтике, принадлежавших России.

⁵⁶ Канроберский договор — англо-французско-шведское соглашение, заключенное 3(21) ноября 1856 г. и направленное против России. Назван так в честь французского генерала Канробера, сыгравшего важную роль в заключении этого договора. Согласно договору Англия и Франция гарантировали территориальную неприкосновенность Швеции и обещали в случае необходимости оказать военную помощь против России.

⁵⁷ См. комментарий 24.

⁵⁸ В конце июля — начале августа 1907 г. произошло свидание Николая II и Вильгельмом II в Свинемюнде. В ходе переговоров стороны пришли к соглашению о создании специального протокола, который сохранял бы статус-кво на Балтийском море. К этому соглашению позднее присоединились Дания и Швеция. Российская сторона настаивала на включении в этот документ специального пункта об устранении Англии из Балтики, однако, Германия не согласилась с этим положением. Во время встречи также обсуждался вопрос о строительстве Багдадской железной дороги и ряд других вопросов.

⁵⁹ 16(29) октября 1907 г. в Петербурге между Германией и Россией было подписан протокол, согласно которому две державы договорились о сохранении существующего положения в районе Балтийского моря, обязались взаимно соблюдать права на континентальные и островные владения в регионе, согласились с возможностью допустить к данному соглашению Швецию и Данию. Германия согласилась также с тем, что возможная отмена условий конвенции об Аландских островах 1856 г. не противоречит данному соглашению. Протокол должен был оставаться секретным.

⁶⁰ Имеется в виду русско-шведско-датско-германский договор 10 апреля 1908 г, который фактически означал присоединение Швеции и Дании к вышеупомянутому русско-германскому протоколу 16/29 октября 1907 г.

⁶¹ Великое княжество Финляндское вошло в состав Российской империи в ходе русско-шведской войны 1808–1809 гг. Основы особого статуса Финляндии были заложены решениями Боргосского сейма в 1809 г., на котором император (великий князь) Александр I обязался «нерушимо хранить и оберегать» финляндские законы. В их основе лежали Форма правления 1772 г. и Акт соединения и безопасности 1789 г. (ранее регулировавшие положение Финляндии в составе Шведского королевства), наделявшие монарха большой властью, которая в то же время была ограничена сословиями. В 1863 г. в Гельсингфорсе созван финляндский Сейм (не собиравшийся с 1809 г.), работа которого положила начало реформам, укрепившим автономный статус княжества. С кон. 1880-х гг. политика российского правительства была направлена на

ограничение внутренней автономии Финляндии, что вызвало сопротивление Сейма и местной общественности.

⁶² Имеется в виду Брюссельская конференция 1874 г. (открылась 15 июля), которая была созвана с целью попытаться «ограничить бедствия войны посредством точного определения взаимных прав воюющих сторон». Конференция была созвана по инициативе России, представитель которой, Ф.Ф. Мартенс, составил для принятия 5 общих и 71 специальную статью. Принятая на конференции Декларация явилась наиболее авторитетным сводом обычного права ведения сухопутной войны в XIX веке. Относительно Гаагской конференции мира 1899 г. — см. комментарий 19.

⁶³ См. комментарий 15.

⁶⁴ 15 июля 1907 г. Россией и Японией были подписаны торговый договор и рыболовная конвенция, а двумя днями позже, 17 июля, русско-японское соглашение по политическим вопросам, которое содержало гласную и секретную части. В последней предусматривался раздел Маньчжурии на сферы влияния: на русскую (северную) и японскую (южную). Также в русскую сферу влияния была включена Внешняя (Северная) Монголия, а в японскую — Корея.

⁶⁵ 18 августа 1907 г. в Петербурге между Россией и Англией были подписаны конвенции об Иране, Афганистане и Тибете. Иран делился на три зоны: северную — сферу влияния России, юго-восточную — сферу влияния Англии и промежуточную между ними — нейтральную (в которой обе державы имели равные права). Афганистан признавался сферой влияния Англии. В отношении Тибета стороны договорились о неприкосновенности его территории и уважении суверенных прав на нее китайского правительства.

⁶⁶ Вторая Гаагская конференция состоялась осенью 1907 г. при участии 44 государств. Официальной целью этой конференции (как и первой Гаагской конференции 1899 г.) являлось ограничение вооружений и обеспечение мира. Однако никаких результатов в этом отношении достигнуто не было вследствие противоречий между участниками. Вместе с тем, на конференции был принят ряд конвенций и деклараций, в которых сформулированы принципы и нормы международного права, относящиеся к ведению войны на суше и на море.

⁶⁷ См. комментарий 24.

⁶⁸ См.: Боткин П.С. Картинки дипломатической жизни. Париж, 1930.

⁶⁹ См. комментарий 66.

⁷⁰ См. комментарий 56.

⁷¹ Постоянная палата третейского суда (арбитражный международный орган) была создана в соответствии с конвенцией о мирном решении международных столкновений, принятой на 1-й Гаагской конференции мира 1899 г. и пересмотренной на 2-й Гаагской конференции мира в 1907 г. Создание палаты имело целью облегчить государствам возможность обращаться к арбитражу в случае возникновения международных споров, которые не могут быть урегулированы дипломатическим путем. В соответствии с Конвенцией 1907 г. для разбора каждого конкретного дела образуется третейский суд, в состав которого входят несколько арбитров по выбору сторон из списка членов Палаты. Обращение к третейскому суду влекло за собой обязанность подчи-

ниться его решению. Россия принимала активное участие в создании деятельности Палаты.

⁷² Призовой суд — особый судебный орган, который разрешает дела, касающиеся применения призового права. В соответствии с международным правом военные корабли могут захватывать вражеские торговые суда и грузы, а также суда нейтральных стран, нарушившие морскую блокаду, перевозящие военную контрабанду или оказывающие помощь неприятелю. Захваченное судно или груз приводятся в порт государства флага военного корабля или его союзника. Здесь призовой суд устанавливает законность захвата. Если владелец судна или груза не докажет, что захват был произведен необоснованно, то имущество считается захваченным по праву и должно принадлежать захватившему его государству. Призовые суды функционируют только во время ведения военных действий. Организация призового суда зависит от властей воюющей державы: в одних — его состав исключительно судебный, в других — в него включены представители других ведомств. В России призовые суды были организованы по второму принципу и имели две инстанции. В качестве судов первой инстанции выступали флагманские (создавались при флоте из 4-х офицеров под председательством командира эскадры или отряда кораблей) и портовые (председатель назначался из военно-морского судебного ведомства, остальные члены из морского ведомства, Министерства юстиции, Министерства иностранных дел). Высший призовой суд образовывался из Адмиралтейств-совета с присоединением к нему двух сенаторов и одного чиновника Министерства иностранных дел.

⁷³ 5 октября 1908 г. Австро-Венгрия опубликовала рескрипт императора Франца-Иосифа, согласно которому Босния и Герцеговина переходили во временное управление Австро-Венгрии, но формально оставались частью Османской империи. Это являлось прямым нарушением Берлинского конгресса 1878 г. Аннексия Боснии и Герцеговины вызвала охлаждение отношений России с Австро-Венгрией и Германией.

⁷⁴ Поражение Франции во франко-прусской войне 1870—1871 гг. дало возможность министру иностранных дел А.М. Горчакову объявить в циркуляре от 19(31) октября 1870 г. об отказе России от 2-й статьи Парижского мира 1856 г. о нейтрализации Черного моря и добиться признания этого державами на международной конференции 1871 г.

⁷⁵ В соответствии с Парижским мирным трактатом, подписанным 18 марта 1856 г. и ознаменовавшим собой окончание Крымской войны, Черноморские проливы Босфор и Дарданеллы объявлялись закрытыми для российских военных судов.

⁷⁶ Правительство младотурок было сформировано в результате революции, произошедшей в Османской империи в июле 1908 г., из лидеров партии «младотурок» — «Иттихад ве терраки» (Единение и прогресс) — выступавшей с либеральными и националистическими лозунгами против консервативного султанского правительства. Младотурки восстановили действие конституции 1876 г., установили парламентский строй, начали проведение образовательной реформы. Во внешней политике произошла смена ориентации с Великобританией на Германию. При правительстве младотурок Османская империя оказалась втянутой в итало-турецкую войну 1911—1912 гг., I и II Балканские войны 1912—1913 гг., Первую мировую войну 1914—1918 гг., в результате которых империя потерпела сокрушительные поражения и прекратила свое

существование. В 1918—1922 гг. младотурецкое правительство стало марионеточным под полным контролем победившей в мировой войне Антанты, а затем прекратило свое существование в ходе гражданской войны в Турции.

⁷⁷ В июне в ходе свидания в Ревеле (современный Таллин) российский император Николай II и английский король Эдуард VII договорились о проведении ряда реформ в Македонии, а также предложили ряд преобразований правительству Османской империи. Английская сторона выразила свою заинтересованность в разделе Османской империи, что позволяло России надеяться в перспективе на отмену акта о нейтрализации проливов.

⁷⁸ На основании решений Берлинского конгресса 1878 г. Босния и Герцеговина были временно (но без установления срока) оккупированы австрийскими войсками.

⁷⁹ В июне 1876 г. в г. Рейхштад состоялась встреча русских и австрийских представителей, на которой велись секретные переговоры по рассмотрению возможных вариантов исхода войны Османской империи с балканскими народами и выработке совместных действий в каждом из предполагаемых случаев. В случае победы восставших Болгария, Босния и Герцеговина должны были получить автономию, территория Сербии, Черногории и Греции увеличивалась. В январе 1877 г. в Будапеште была подписана секретная конвенция между Россией и Австро-Венгрией (на основе Рейхштадского секретного соглашения 1876 г.). Суть конвенции сводилась к тому, что в обмен на австрийский благожелательный нейтралитет в русско-турецкой войне Россия предоставляла Австро-Венгрии право «выбора момента и способа занятия» ее войсками Боснии и Герцеговины.

⁸⁰ См. комментарии 31, 43.

⁸¹ 22 сентября (5 октября) 1908 г. австрийский император Франц-Иосиф подписал рескрипт об аннексии Боснии и Герцеговины. Одновременно Болгария провозгласила себя независимым царством. Эти события положили начало Боснийскому кризису. В условиях нарастания угрозы общеевропейской войны венский кабинет искал способов добиться согласия турецкого правительства на аннексию за соответствующую компенсацию. После долгих переговоров 13(26) февраля 1909 г. Австро-Венгрия при посредничестве Германии подписала соглашение с Османской империей. За 2,5 млн турецких лир Турция отказалась от своего номинального суверенитета над Боснией и Герцеговиной. За это в свою очередь Австро-Венгрия отказалась от оккупации Новопазарского санджака, право на который ей было предоставлено Берлинским договором 1878 г.

⁸² Петербургский клуб общественных деятелей 1905—1906 гг. Образован по инициативе гласных С.-Петербургской городской думы с целью объединения общественных деятелей для обсуждения вопросов государственной жизни. Высший орган клуба — общее собрание, руководящий орган — Совет старшин; были образованы также секции по различным направлениям деятельности: по делам охраны, по вопросам внешней политики, по аграрному и рабочему вопросам, по народному просвещению, вопросам юстиции, торговли и др. Для подготовки докладов была избрана ученая комиссия, при клубе существовала библиотека, клуб занимался издательской деятельностью.

⁸³ Норфольки — герцогский род, ведущий свое начало с XIV в. и происходящий от сына короля Эдуарда I Томаса Вротерна.

⁸⁴ Букингемский дворец — главная королевская резиденция в Лондоне; во дворе перед дворцом ежедневно происходит церемония смены караула королевских гвардейцев. Дворец построен в 1703, назван по имени первого владельца герцога Букингемского (Duke of Buckingham).

⁸⁵ Ашинов Николай Иванович (1856—1890-е гг.), пензенский мещанин, в 1883—1889 гг. организовал экспедицию в Абиссинию (Эфиопию) с целью укрепления там русского политического и религиозного влияния. В 1888 г. во главе отряда из 150 терских казаков основал на сомалийском побережье колонию «Новая Москва». В 1889 г. колония была разгромлена французскими войсками, поселенцы арестованы и выданы русскому правительству.

⁸⁶ См. комментарий 40.

⁸⁷ См. комментарий 71.

⁸⁸ Императорское училище правоведения — высшее юридическое заведение для детей дворян в Петербурге в 1835—1917 гг.

⁸⁹ Министерство народного просвещения.

⁹⁰ См. комментарий 43.

⁹¹ См. комментарий 71.

⁹² Со второй половины XIX в. правительство Российской империи начинает проводить политику культурно-языковой, правовой и административной унификации («русификации») национальных окраин. Политика «русификации» нашла поддержку у значительной части русского общества, что было связано с процессом развития русского национального самосознания. Проявлением новой национальной политики явились меры, направленные на полную унификацию губерний Западного края и Закавказья (с 1860-х гг.), Балтийских губерний (с 1880-х гг.) и Финляндии (с 1890-х гг.). Политика «русификации» обострила национальный вопрос в Российской империи и усилила революционное движение в начале XX в., в котором активное участие приняли представители нерусских народов.

⁹³ Великая Хартия вольностей — грамота, подписанная в 1215 г. английским королем Иоанном Безземельным. Ограничивала в интересах аристократии права короля и предоставляла некоторые привилегии рыцарству, верхушке свободного крестьянства, городам. Входит в число действующих актов конституции Великобритании.

⁹⁴ См. комментарий 2.

⁹⁵ Юрьевский университет — Дерптский университет (ныне Тартуский университет).

⁹⁶ См. комментарий 88.

⁹⁷ Университет на р. Эмбах — Дерптский университет (ныне — Тартуский университет).

⁹⁸ Малый Совет министров был образован 23 мая 1906 г. для решения вопросов текущего государственного управления, предварительного обсуждения дел, поступавших на рассмотрение Совета министров, координации взаимодействия отдельных ведомств с Государственной думой. Состоял из

товарищей и помощников министров. Председателем Малого Совета в 1911–1916 гг. являлся государственный контролер П.А. Харитонов.

⁹⁹ Особое совещание по преобразованию управления Туркестанским краем было создано в мае 1911 г.

¹⁰⁰ Имеется в виду обычный состав Совета министров.

¹⁰¹ Адмиралтейств-совет был создан в 1827 г. для управления хозяйственной частью морского ведомства. С 1907 г. рассматривал и решал возникавшие законодательные дела по морскому ведомству. Подчинен непосредственно императору, председателем являлся морской министр (с 1911 г. — И.С. Григорович).

¹⁰² Управление пенсионной кассы народных учителей и учительниц было образовано в Министерстве народного просвещения в соответствии с положением о пенсионной кассе народных учителей от 12 июня 1900 г. Касса имела целью обеспечить пенсионным содержанием оставляющих службу народных учителей и учительниц — участников кассы и их семейства. Касса содержалась за счет обязательных вычетов с участников, отчислений из средств казны, доходов с капиталов и имуществ, принадлежавших кассе, а также добровольных пожертвований.

¹⁰³ Ученый совет (комитет) Министра народного просвещения — совещательный орган МНП, существовал в 1863–1917 гг., ведал рассмотрением педагогических вопросов и предложений, учебных руководств и программ преподавания, разработкой проектов уставов учебных заведений, надзором за книгами для народного чтения и т.п. С 1904 г. имел три отдела: основной, по начальному образованию и по техническому и профессиональному образованию. Председателем в 1898–1914 гг. был Н.Я. Сонин.

¹⁰⁴ Русское историческое общество — научное общество, существовало в 1866–1917 гг., занималось сбором и публикацией документов и материалов по русской истории.

¹⁰⁵ Сан-Стефанский мирный договор между Российской и Османской империями был подписан 3 марта 1878 г. в местечке Сан-Стефано (12 км от Стамбула). Завершил русско-турецкую войну 1877–1878 гг. В соответствии с его статьями Сербия, Черногория и Румыния получали независимость от Османской империи, Болгария приобретала статус автономного княжества, в Боснии и Герцеговине должны были быть проведены реформы местного управления, Россия возвращала себе Южную Бессарабию (без устья Дуная) и получала стратегически важные города Ардаган, Баязид, Батум и Карс в Закавказье. Берлинский трактат был подписан 13 июля 1878 г. в результате конгресса европейских держав и менял условия Сан-Стефанского мирного договора. Границы новых государств значительно урезались, южная часть Болгарии (Восточная Румелия) и Баязид возвращались под турецкий контроль, Босния и Герцеговина оккупировались Австро-Венгрией. Россия под угрозой конфликта с европейскими державами (прежде всего, Великобританией и Австро-Венгрией) вынуждена была отказаться от значительной доли полученных в результате военной победы приобретений.

¹⁰⁶ Фанариоты (*новогреч. Phanariotes*, буквально — житель Фанара). Жители стамбульского квартала Фанар, в северо-западной части старого города на берегу бухты Золотой Рог, где находилась резиденция православного Константинопольского патриарха и располагалась греческая община города. С конца XVII в. турецкое правительство привлекает фанариотов к себе на службу,

пользуясь их знаниями и талантами. Фанариотами также назывались участники антиосманского греческого сопротивления в начале XIX в., в результате которого Греция в 1830 г. получила независимость.

¹⁰⁷ Первый департамент Сената создан в 1763 г. для надзора за местным управлением, являлся органом административной юстиции. Обер-прокурором Первого департамента в 1900—1915 гг. являлся Н.А. Добровольский.

¹⁰⁸ Канцелярия Его Императорского Величества по принятию прошений, на Высочайшее имя приносимых, существовала в 1895—1917 гг., рассматривала вопросы усыновления, перемены фамилии, брачные дела, прошения о предоставлении словных прав, служебных прав и должностей, пенсий, пособий и ссуд, жалобы на постановления высших и центральных органов власти, действия высших должностных лиц, прошения о помиловании и смягчении приговора, прошения иноверцев и т.д. В 1899—1913 гг. канцелярией заведовал барон А.А. Будберг.

¹⁰⁹ Съезд преподавателей древних языков — состоялся в Петербурге 28—31 декабря 1911 г. М.А. Таубе открывал первое заседание съезда. На съезде были приняты резолюции о необходимости повышения уровня преподавания классических языков, прежде всего греческого как более значимого для отечественной культуры, в русских гимназиях. Материалы съезда были опубликованы (см.: Труды Первого Всероссийского съезда преподавателей древних языков, 28—31 декабря 1911 г. СПб., 1912).

¹¹⁰ Ампи́р (*от фр. Empire* — империя) — стиль архитектуры и декоративно-прикладного искусства, завершающая стадия развития классицизма. Возник в наполеоновской Франции, существовал в первой трети XIX в. Впитывая традиции искусства Древнего Рима, греческой Архаики, Древнего Египта, представляет собой сочетание простоты и геометрии конструкций и пышности декора. Характерен для мемориальной и дворцовой архитектуры.

¹¹¹ Западный край — губернии Виленская, Ковенская, Гродненская, Минская, Могилевская, Витебская, Подольская, Волынская и Киевская.

¹¹² 10 июля 1887 г. министр народного просвещения И.Д. Делянов издал циркуляр, который устанавливал процентную норму в средних учебных заведениях: в черте оседлости 10%, вне черты — 5%, в столицах — 3%. Такие же нормы были вскоре введены в высших учебных заведениях.

¹¹³ См. комментарий 36.

¹¹⁴ Готский альманах (*Almanach de Gotha, Gothaischer Hofkalender*) — иллюстрированный ежегодник, издавался в немецком герцогстве Саксен-Кобург-Гота с 1763 г. Выходил на французском и немецком языках. Включал дипломатические, политические и статистические сведения по европейским и другим странам мира.

¹¹⁵ 1 сентября 1911 г. в Киевском оперном театре Д.Г. Богровым (членом кружка анархо-коммунистов и агентом Киевского охранного отделения) был смертельно ранен П.А. Столыпин, скончавшийся 5 сентября.

¹¹⁶ Департамент полиции Министерства внутренних дел — центральный орган государственной полиции Российской империи. Существовал в 1880—1917 гг. Директором департамента с марта 1909 г. по февраль 1912 г. был Н.П. Зуев.

¹¹⁷ Гог и Магог — в Ветхом Завете имена князя и народа, которые, по пророчеству Иезекииля, в отдаленном будущем придут с севера в Святую землю для

истребления Израиля, но будут истреблены Богом на горах Израилевых (см.: Иез. 38.2). В Апокалипсисе Гог и Магог означают все земные царства, которые в последние дни мира восстанут против Бога, но погибнут, вместе с сатаной, в озере огненном и серном (см.: Откр. 20.7). Здесь употребляется, видимо, в значении «страшный враг, угроза».

¹¹⁸ «Дети вдовы» — распространенное обозначение масонов. Выражение «сын вдовы» по одной из версий восходит к библейской характеристике Хирама, строителя Храма Соломонова (см.: 3 Цар. 7.13–14), по другим — к различным гностическим течениям, где «сыном вдовы» называли либо Иисуса Христа, либо Мани (основателя манихейства). Почитание Харона не было отличительной чертой масонства, оно вообще распространено в оккультных течениях.

¹¹⁹ Иезуиты — члены католического монашеского ордена («Общество Иисуса», лат. «*Societas Jesu*»), основанного в 1534 г. в Париже Игнатием Лойолой. Орден стал главным орудием католической церкви в борьбе с реформацией.

¹²⁰ См.: Pierling Paul. *La Russie et le Saint Siègе*. Vol. 1–5. Paris, 1896–1912. Русский перевод (не окончен): Пирлинг П.О. Россия и папский престол. М., 1912. Кн. 1.

¹²¹ См.: Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1-е. 1649–1825. Т. 1–45. СПб., 1830; Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2-е. 1825–1881. Т. 1–55. СПб., 1830–84; Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е. 1881–1913. Т. 1–33. СПб., 1885–1916.

¹²² Пулковская обсерватория расположена под Санкт-Петербургом, на Пулковских высотах. Построена по архитектурному проекту А.П. Брюллова и открыта в 1839 г. Организована выдающимся русским ученым В.Я. Струве, который был первым ее директором. Обсерватория была оснащена самыми современными инструментами, в частности тогда самым большим в мире 38-см рефрактором. Основное направление работ состояло в определениях координат звезд и астрономических постоянных, а также открытиях и измерениях двойных звезд. В конце XIX — начале XX в. в стенах Пулковской обсерватории развивались исследования в области астрофизики и астрофотографии. В 1893 г. Обсерваторией начато издание «Трудов», в 1907 г. — «Известий».

¹²³ В 1869 г. Туркестанский генерал-губернатор фон Кауфман передал в Императорскую публичную библиотеку так называемый Коран Османа или «Самаркандский куфический Коран», принадлежавший мечети Хваджа Ахрара в Самарканде.

¹²⁴ Императорская публичная библиотека в Санкт-Петербурге (ныне — Российская национальная библиотека) была основана Екатериной II в 1795 г., открыта для посещения в 1814 г. С 1811 г. библиотека начала получать бесплатный обязательный экземпляр отечественной печати, что способствовало созданию единственного в мире по полноте собрания русских книг и периодических изданий XIX в. К 1914 г. библиотека насчитывала в своих фондах свыше 3 млн произведений печати. Собрание рукописей библиотеки — одно из крупнейших в России, включает памятники письменности на каменных плитах, древесной коре, папирусе, пергаменте, шелке и др.

¹²⁵ Въезд иезуитов в Россию был запрещен — в 1820 г. по причине конфликта иезуитов с Библейским обществом они были высланы из пределов Российской империи, а деятельность ордена на ее территории была полностью запрещена. Запрет действовал до Октябрьской революции 1917 г.

¹²⁶ Святейший Синод — высший государственный орган Российской империи по делам Православной Русской церкви. Существовал в 1721—1918 гг. Состоял из нескольких архиереев, архимандритов, императорского духовника и протопресвитера армии и флота. Члены Синода подразделялись на постоянных и временных, которые замещались поочередно. Управление делами церкви осуществлялось коллегиально, однако императорская власть была представлена обер-прокурором, который фактически возглавлял Синод, ведал кадровыми вопросами и делопроизводством Синода, а с 1905 г. входил в Совет министров на правах министра. В 1911—1915 гг. должность обер-прокурора занимал В.К. Саблер.

¹²⁷ Департамент общих дел Министерства внутренних дел ведал делопроизводством и личным составом МВД, а также вопросами, не имеющими отношения к какому-либо подразделению Министерства или подлежащими непосредственному разрешению министра; существовал в 1842—1918 гг. В 1905—1913 гг. директором департамента состоял А.Д. Арбузов.

¹²⁸ «Речь» — ежедневная, политическая, экономическая и литературная газета, орган Конституционно-демократической партии. Выходила с 23 февраля 1906 г. по 26 октября 1917 г. в Петербурге (Петрограде).

¹²⁹ Аптекарский остров в С.-Петербурге расположен между р. Большая Невка, р. Малая Невка и р. Карповка. На острове располагались министерские дачи.

¹³⁰ См. комментарий 2.

¹³¹ В ходе государственных реформ в 1905—1906 гг. законодательная власть в Российской империи была разделена между императором, Государственным советом и Государственной думой, что было закреплено Основными государственными законами (ст. 7). В принципы формирования Государственного совета было введено выборное начало: православное духовенство избирало 6 членов, дворянство — 18, земство — по 1 от губернии (в неземских губерниях — съезды уездных землевладельцев), Академия наук и университеты — 6, торгово-промышленные организации — 12, финляндский сейм — 2. Члены Государственного совета избирались на 9 лет (в случае досрочных выборов могли быть назначены внеочередные выборы), однако каждые три года треть членов по каждому разряду обновлялась. Половина членов Государственного совета, его председатель и вице-председатель ежегодно назначались императором. Государственный совет рассматривал поступившие из Государственной думы законопроекты (отклонял или принимал, в результате чего законопроект направлялся на Высочайшее рассмотрение) и законодательные предположения собственных членов (с последующей передачей в Думу). По законодательному статусу Государственный совет был равен Государственной думе.

¹³² Особые присутствия Государственного совета — временные совещания, создававшиеся из нескольких членов Совета по его усмотрению для решения каких-либо частных вопросов, непосредственно не подпадавших под компетенцию определенного государственного органа. Предварительные решения особого присутствия утверждались Государственным советом.

¹³³ Чертой оседлости в России в 1791—1917 гг. называлась территория, за пределами которой запрещалось постоянное жительство евреям (за исключением купцов I-й гильдии, ремесленников, лиц с высшим и специальным образованием, солдат, проходивших службу по рекрутскому уставу, и их потомков).

Законодательство о черте оседлости, в т.ч. определение ее территории, претерпело изменения. К началу XX в. в черту оседлости входили губернии: Ковенская, Сувалкская, Виленская, Витебская, Могилевская, Минская, Гродненская, Волынская, Киевская, Черниговская, Полтавская, Екатеринославская, Таврическая, Херсонская и Бессарабская, а также девять губерний Царства Польского. В Курляндской губернии, на Кавказе и в Средней Азии разрешалось проживание лишь «местных евреев». В пределах черты евреям запрещалось жительство в селах, а также в Киеве (кроме некоторых районов), Севастополе и Ялте. Даже временный выезд из черты оседлости был осложнен. Упразднена 20 марта 1917 года законом «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений».

¹³⁴ Главное управление казачьих войск Военного министерства являлось главным органом военного и гражданского управления казачьими войсками в Российской империи, существовало в 1879–1910 гг. После упразднения большая часть функций передана Казачьему отделу Главного штаба.

¹³⁵ Ливадия (Большой Ливадиийский дворец) — летняя резиденция императорской семьи в Ялте (Крым).

¹³⁶ См. комментарий 98.

¹³⁷ Военно-походная Его Императорского Величества канцелярия ведала делопроизводством монарха в период его присутствия на театре военных действий и военных учениях, существовала в 1797–1917 гг.

¹³⁸ Перлюстрация на Главном почтамте — просмотр секретными государственными органами (т.н. «черными кабинетами» Главного управления почт и телеграфов Министерства внутренних дел) разнообразной принадлежащей учреждениям, общественным организациям, частным лицам переписки с целью цензуры или надзора осуществлялся на почтамтах.

¹³⁹ Государственная канцелярия объединяла деятельность Государственного совета и заведовала его делопроизводством, существовала в 1810–1917 гг. В ведении Государственной канцелярии находилась Государственная типография. В 1911–1917 гг. государственным секретарем был С.Е. Крыжановский.

¹⁴⁰ См. комментарий 112.

¹⁴¹ Таубе неточен: «Славянская библиотека» («Bibliothique Slave») в Париже была основана в 1855 г. иезуитом кн. И.С. Гагариным. Существует до настоящего времени; фонд насчитывает ок. 50 тыс. томов, не считая обширной подборки периодических изданий и богатой коллекции рукописей.

¹⁴² Имеется в виду славянское население Балкан.

¹⁴³ Синодик, поминальник, памятная книжка, куда вписывались имена для поминовения родственников и близких на литургиях и вселенских панихидах.

¹⁴⁴ В конце 1909 — нач. 1910 г. в условиях ухудшения отношений с Берлином в МИД России было решено сделать уступку Германии в персидском вопросе. В августе 1910 г. германское правительство усилило нажим на Россию, заявив, что не признает за ней каких-либо особых прав в Персии. В октябре 1910 г. во время визита в Берлин министр иностранных дел России С.Д. Сазонов дал согласие на соединение Багдадской железной дороги с сетью железных дорог в Персии в обмен на отказ Германии от преследования в северной части Персии политических и иных некоммерческих целей. После трудных

переговоров 6(19) августа 1911 г. в Потсдаме Россия и Германия подписали соглашение, согласно которому германское правительство признавало наличие у России особых интересов в Персии, и обязалась не добиваться концессий в русской сфере влияния (Северная Персия), ограничиваясь торговой деятельностью. Русская сторона обязалась не противодействовать строительству Багдадской железной дороги. Россия также соглашалась при создании сети железных дорог в Северной Персии испросить концессию на строительство линии Тегеран—Ханекин для соединения с веткой Багдадской железной дороги Садидже—Ханекин.

¹⁴⁵ Коалиция славянских государств (Балканский союз) оформилась в марте—сентябре 1912 г. и включала Болгарию, Сербию, Черногорию и Грецию. Воспользовавшись неудачами Османской империи в итало-турецкой войне 1911—1912 гг., союзники намеревались окончательно изгнать турок из Европы. Это им почти удалось в ходе Первой Балканской войны (октябрь 1912 — май 1913 г.): из своих европейских владений Османская империя сохранила лишь Стамбул и небольшую часть Восточной Фракии.

¹⁴⁶ См.: Corberon, Marie Daniel Bourrée, baron de. *Journal intime du chevalier de Corberon, chargé d'affaires de France en Russie. Vol. 1—2.* Paris, 1901. Русский перевод: Корберон М.Д., барон. *Интимный дневник шеваляе де Корберона, французского дипломата при дворе Екатерины II.* СПб., 1907.

¹⁴⁷ Речь идет о Второй Балканской войне, вызванной спорами стран Балканского союза вокруг раздела бывших османских владений. Против Болгарии выступили Греция, Сербия и Черногория, к которым чуть позже присоединились Румыния и Османская империя. В ходе военных действий (июнь—июль 1913 г.) Болгария потерпела поражение и была вынуждена уступить значительную часть Македонии и Фракии, а также Южную Добруджу. Османская империя вновь присоединила Адрианополь.

¹⁴⁸ См.: Мартенс Ф.Ф. *Современное международное право цивилизованных народов.* Т. I—II. СПб., 1882—83. Учебник выдержал несколько изданий и оставался наиболее распространенным учебным пособием по международному праву в дореволюционной России, переведен на многие языки мира.

¹⁴⁹ 16(29) октября 1914 г. германо-турецкий флот, в составе «Гебена», «Бреслау» и нескольких турецких судов, под командованием контр-адмирала Вильгельма Сушона, без объявления войны нанес удар по Севастополю, Новороссийску, Феодосии и Одессе.

¹⁵⁰ Верховным главнокомандующим русской армии с 20 июля (2 августа) 1914 г. по 23 августа (5 сентября) 1915 г. был вел. кн. Николай Николаевич (Младший).

¹⁵¹ «Мёрис» («Meurice») — один из наиболее престижных парижских отелей; расположен в самом центре города, на улице Риволи, напротив сада Тюильри. Построен в 1837 г., был излюбленным местом проживания английских аристократов, нередко останавливались здесь и коронованные особы различных стран.

¹⁵² Рамолимент (*от фр. ramollissement*) — старческий маразм.

¹⁵³ См. комментарий 43.

¹⁵⁴ См. комментарий 43.

¹⁵⁵ Весной 1910 г. произошло серьезное обострение отношений между Россией и Китаем, возникла угроза русско-китайской войны, усилившаяся по причине воинственных настроений в среде русской общественности.

¹⁵⁶ Крымская компания 1853–1856 гг., Восточная война, — война России с коалицией Англии, Франции, Турции и Сардинии за господство на Ближнем Востоке. Закончилась поражением Российской империи и заключением Парижского мира.

¹⁵⁷ Восточный вопрос — условное, принятое в дипломатии и исторической литературе обозначение международных противоречий кон. XVIII — нач. XX в., связанных с наметившимся распадом Османской империи и борьбой великих держав Австрии (с 1867 г. — Австро-Венгрии), Великобритании, Пруссии (с 1871 г. — Германии), России и Франции за раздел ее владений, в первую очередь европейских.

¹⁵⁸ Аллокация (от фр. *allocation*) — зл.: обвинение.

¹⁵⁹ В начале XIX в. сенатор Г.Р. Державин после изучения причин голода в Белоруссии (по поручению Павла I) выработал рекомендации по устройству жизни евреев и одним из первых предложил расселить евреев по территории Российской империи. По «Положению о евреях» от 9 декабря 1804 г. евреям дозволялось селиться на казенных землях в Астраханской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической губерниях; на Кавказе и в Западном крае для занятия сельскохозяйственным трудом. С 1866 г. переселение евреев на казенные земли было прекращено.

¹⁶⁰ Юго-Западный край — в России XIX — нач. XX в. название трех губерний Правобережной Украины (Киевской, Волынской, Подольской). В 1832–1914 гг. Киевское генерал-губернаторство.

¹⁶¹ См. комментарий 39.

¹⁶² Министерство земледелия и государственных имуществ было образовано 21 марта 1894 г. в результате преобразования Министерства государственных имуществ. Министерство ведало вопросами сельского хозяйства, распространением агрономических знаний, развитием кустарных промыслов, организовывало все-русские и местные сельско-хозяйственные выставки, оказывало помощь сельско-хозяйственным обществам и кооперации. В 1905 г. Министерство земледелия было преобразовано в Главное управление землеустройства и земледелия. В 1908–1915 гг. главноуправляющим являлся А.В. Кривошеин.

¹⁶³ Канцелярия Государственной думы учреждена 6 августа 1905 г. для ведения делопроизводства Государственной думы. Управление канцелярией возлагалось на избравшегося думой из числа ее членов секретаря Государственной думы. 18(31) декабря 1917 г. Канцелярия была упразднена декретом СНК.

¹⁶⁴ Департамент хозяйственных дел МИД (Департамент личного состава и хозяйственных дел МИД) — создан в 1832 г. (до 1868 г. — Департамент хозяйственных и счетных дел), упразднен в 1914 г. В 1897–1910 гг. директором был барон К.К. Буксгевден.

¹⁶⁵ См.: Lavallière Eve. *Ecrits spirituels*. Paris, 1939.

¹⁶⁶ См.: Die Kriegsschuldfrage. Berliner Monatshefte für internationale Aufklärung. Berlin. <...> — 6/1928. Переименован в: Berliner Monatshefte für internationale Aufklärung. Die Kriegsschuldfrage. Berlin. 7/1929–9/1931.

¹⁶⁷ Версальский мирный договор, подписанный 28 июня 1919 г. державами победительницами — США, Великобританией, Францией, Италией, Японией, Бельгией и др., с одной стороны, и побежденной Германией — с другой, завершил Первую мировую войну.

¹⁶⁸ Три раздела Речи Посполитой — произошли в царствование Екатерины II. Первый из них был осуществлен в 1772 г. под предлогом защиты прав диссидентов (некатолического населения Польши): Россия получила Восточную Белоруссию и часть Ливонии, Пруссия — Поморье (кроме Гданьска) и часть Великой Польши, Австрия — Галицию. В 1791 г. польский сейм принял новую конституцию, согласно которой резко усиливалась королевская власть, отменялось «liberum veto». Это противоречило интересам России и Пруссии, которые в ответ оккупировали территорию Польши и в 1793 г. провели второй ее раздел: к России отошли Правобережная Украина и центральная часть Белоруссии, к Пруссии — Гданьск и почти вся Великая Польша. В знак протеста в Польше вспыхнуло восстание во главе с Т. Костюшко (1794); оно было подавлено, после чего польское государство в ходе третьего его раздела в октябре 1795 г. прекратило свое существование. Россия приобрела Западную Белоруссию, Западную Вольню, Литву и Курляндию, Пруссия — часть Подляшья и Мазовецких земель с Варшавой, Австрия — малопольские земли с Люблиным и Краковым.

¹⁶⁹ Гордиев узел, согласно древнегреческой легенде, запутанный узел, которым фригийский царь Гордий привязал ярмо к дышлу телеги. Предсказание оракула гласило, что развязавший узел получит господство над миром. По преданию, Александр Македонский в 334 г. до н.э. в ответ на предложение распутать узел разрубил его мечом (отсюда «разрубить Гордиев узел» — принять быстрое и смелое решение запутанного и сложного вопроса).

¹⁷⁰ Имеется в виду: 1) австро-пруско-датская война февраля–октября 1864 г., закончившаяся для Пруссии приобретением Шлезвига, а для Австрии — Гольштейна; 2) прусско-итало-австрийская война июня–октября 1866 г., в результате которой Пруссия приобрела Гольштейн, Ганновер и некоторые другие германские княжества, получила возможность создать Северо-Германский союз; Италии досталась Венеция; 3) франко-прусская война июля 1870 — января 1871 гг., где Франция потеряла Эльзас и Лотарингию. Дипломатические успехи Бисмарка (министр-президент в 1862–1890 гг.) обеспечили Пруссии выгодное международное положение в этих конфликтах, и прежде всего — поддержку России. 18 января 1871 г. в покоренном Версале прусский король Вильгельм I провозгласил себя германским императором.

¹⁷¹ Сити (City) — центральный район Лондона. В 1694 г. здесь был основан Банк Англии, и со временем Сити стало финансовым центром Великобритании и символом английской экономики.

¹⁷² 8 апреля 1904 г. в Лондоне была заключена англо-французская конвенция, урегулировавшая основные спорные вопросы колониальной политики этих стран (по Египту, Марокко, Сиаму, Ньюфаундленду и Западной Африке). Конвенция оказалась наиболее значимой в ряду подобных соглашений и заложила основу для создания англо-французского (а затем — англо-франко-русского) военно-политического союза.

¹⁷³ См. комментарий 44.

¹⁷⁴ См. комментарий 33.

¹⁷⁵ 26 июня 1831 г. на Лондонской конференции великих держав была признана независимость Бельгии, полученная в ходе бельгийской революции 1830 г., а также ее вечный нейтралитет.

¹⁷⁶ 14 марта 1909 г. Германия, выступившая в ходе Боснийского кризиса 1908—1909 гг. в поддержку Австро-Венгрии, предложила России и другим государствам признать аннексию Боснии и Герцеговины. 21 марта, в обстановке военных приготовлений Австро-Венгрии, германское правительство в ультимативной форме потребовало от царского правительства немедленного ответа, дав при этом понять, что отрицательный ответ поведет к нападению Австро-Венгрии на Сербию. Вследствие отказа Франции и Англии поддержать Россию, русское правительство вынуждено было 25 марта 1909 г. принять ультиматум Германии.

¹⁷⁷ Соглашение между Россией и Австро-Венгрией о проекте реформ в Македонии, заключенное в Мюрцштеге (Австрия) 3 октября 1903 г. предусматривало учреждение должностей русского и австро-венгерского гражданских агентов для контроля за деятельностью турецких властей, реорганизацию турецкой жандармерии, преобразование административных и судебных учреждений и проч. Соглашение в большей своей части не было выполнено. Обострение противоречий между Антантой и австро-германским блоком на Балканах положило в 1908 г. конец совместной политике России и Австро-Венгрии в македонском вопросе.

¹⁷⁸ После аннексии в 1909 г. Боснии и Герцеговины для Австро-Венгрии на первый план снова вышли вопросы балканской политики, юго-славянский вопрос и проблема дуализма. Свое решение этих проблем предложил наследник престола, племянник императора эрцгерцог Франц Фердинанд, и близкий к нему круг молодых политиков разных национальностей. Они разработали план преобразования Австро-Венгрии из дуалистической в триалистическую монархию, где были бы обеспечены равные с немцами и венграми права славянских народов. Югославянский вариант триализма мог бы избавить Вену сразу от нескольких острых проблем: положить предел сепаратистским устремлениям Венгрии, прглушить освободительные движения югославян и возродить их традиционную лояльность к Австрии, наконец подорвать влияние Сербии на югославян Австро-Венгерской монархии.

¹⁷⁹ Тайная офицерская организация создана в 1910 г. полковником Драгутином Дмитриевичем-Аписом, шефом военной разведки Сербского Генерального штаба. Организация имела жесткое конспиративное устройство. К началу 1914 г. в рядах «Черной руки» насчитывалось более 2000 членов, в их числе — начальник Генерального штаба воевода Радомир Путник и 9 генералов. «Черная рука» создала на Балканах сеть тайных организаций. Одной из таких организаций стала «Молодая Босния».

¹⁸⁰ 4 марта 1915 г. министр иностранных дел России С.Д. Сазонов и послы Франции и Англии М. Палеолог и Бьюкенен составили памятную записку для передачи английскому и французскому правительствам. В ней говорилось о присоединении проливов к России и определялась территория, отходящая к ней: Константинополь, проливы Босфор и Дарданеллы, все европейское побе-

режье Мраморного моря и часть Азиатского побережья между Босфором и пунктом, подлежащем определению на берегу Измирского залива, острова Мраморного моря и острова Тенефс и Имброс в Эгейском море. Российское правительство брало на себя обязательство строго соблюдать интересы Франции и Англии в означенной области и выражало готовность благожелательно относиться к осуществлению планов союзников в др. районах Османской империи. 12 марта 1915 г. сначала английское, а 10 апреля 1915 г. французское правительство официально признали притязания России в районе Черноморских проливов.

¹⁸¹ Эвентуальный (*от лат. eventus* — случай) — условный, возможный при соответствующих обстоятельствах.

¹⁸² Галлиполийская (Дарданелльская) операция (19 февраля 1915 г. — 9 января 1916 г.) — действия англо-французского флота и десантных войск с целью овладения Дарданеллами, Босфором и Константинополем, вывода Турции из войны и восстановления связи с Россией. С 19 февраля по 11 марта 1915 г. англо-французская эскадра безрезультатно бомбардировала турецкие форты. Попытка 18 марта форсировать пролив закончилась потерей 3 кораблей. Попытки в течении апреля—августа 1915 г. захватить Галлиполийский полуостров силами англо-французского десанта также не дали результата. Общие потери англо-французских войск составили 145 тыс. человек. Турки потеряли 186 тыс. человек. Провал Галлиполийской операции способствовал вступлению Болгарии (14 октября 1915 г.) в войну на стороне центральных держав.

¹⁸³ «Биржевые ведомости» — иллюстрированная, ежедневная, политическая, общественная и литературная газета. Основана С.М. Проппером. Издавалась в С.-Петербурге с 1901—1916 гг.

¹⁸⁴ М.В. Бубнов — товарищ (помощник) морского министра в 1911—1915 гг.

¹⁸⁵ См. комментарий 126.

¹⁸⁶ См.: Лк. 17.16.

¹⁸⁷ Гофмаршальская часть была создана в 1891 г. в составе Министерства императорского двора для заведования довольствием императорского двора. В 1912—1917 гг. гофмаршальскую часть возглавлял обер-гофмаршал гр. П.К. Бенкендорф.

¹⁸⁸ Законопроект о всеобщем начальном обучении внесен правительством П.А. Столыпина в III Государственную думу 1 ноября 1907 г. Предполагал создание в течение двух лет после издания закона единой сети начальных школ (для детей обоего пола, с четырехлетним сроком обучения), находящихся в ведении органов местного самоуправления. В январе—марте 1911 г. Государственная дума рассмотрела законопроект и приняла его с поправками (в частности, был определен минимум суммы (10 млн руб.), на которую должны были ежегодно в течение 10 лет увеличиваться выделяемые Министерством народного просвещения ассигнования на создание начальных школ, а также определен предельный срок для их создания (10 лет)). Государственный совет при рассмотрении законопроекта увеличил минимальную сумму до 10,5 млн руб., однако снял предельный срок, вывел церковно-приходские школы из единой школьной сети, а также усилил административный контроль над земской школой. Представитель министерства М.А. Таубе в целом присоединился к поправкам Государственного совета. Однако созданная согласительная

комиссия законодательных палат к единому мнению по поводу внесенных поправок не пришла. В мае 1912 г. Государственная дума отклонила поправки Государственного совета, который, в свою очередь, 6 июня проголосовал против думского варианта законопроекта, что в соответствии с Основными государственными законами означало его окончательное отклонение.

¹⁸⁹ «Борьба с немецким засильем» — ряд правительственных мероприятий, осуществлявшихся с осени 1914 г., по ограничению, сокращению и ликвидации в России движимой и недвижимой собственности подданных Германской империи и ее союзников (а также лиц, перешедших в российское подданство после 1880 г.). Мероприятия сопровождалась националистической пропагандой и пользовались активной поддержкой русских землевладельцев, буржуазии, а также представителей национальных меньшинств в западной части империи (латышей, поляков и т.д.).

¹⁹⁰ Лига наций — международная организация, имевшая своей целью «развитие сотрудничества между народами и гарантию их мира и безопасности». С идеей создания Лиги наций выступил президент США В. Вильсон в «четыренадцати пунктах». В 1919–1920 гг. на Парижской мирной конференции была создана специальная комиссия по выработке Устава Лиги наций, который был одобрен и включен в Версальский мирный договор 1919 г. и другие мирные договоры, которыми завершилась Первая мировая война. Основными органами Лиги наций являлись Ассамблея, Совет и Секретариат. Все решения Ассамблеи и Совета должны были приниматься единогласно. При Лиге наций на правах автономных организаций были созданы Постоянная палата международного правосудия, Международное бюро труда и др. организации. Местом пребывания основных органов Лиги наций была Женева (Швейцария). Лига наций просуществовала до 1946 г.

¹⁹¹ См.: Kovalevsky Pierre. Manuel d'Histoire Russe. Étude critique des sources et exposé historique d'après les recherches les plus récentes. Paris, 1948.

¹⁹² Празднование 300-летия дома Романовых в 1913 г.

¹⁹³ См. комментарий 187.

¹⁹⁴ 6 декабря (ст. ст.) — тезоименитство императора Николая II, день св. Николая Мирликийского («Никола зимний»), его небесного покровителя.

¹⁹⁵ Выражение «Колумбово яйцо» означает неожиданно простой выход из затруднительного положения. Бецони в «Истории Нового Света» (1565) рассказывает, что когда Колумб вернулся из Америки, некий царедворец попытался умалить его открытие, сказав, что такое мог сделать любой. В ответ великий мореплаватель предложил ему поставить яйцо вертикально. После нескольких попыток тот отказался, заявив, что сделать это посложнее, чем открыть Америку. Тогда Колумб ударил концом яйца по столу. Скорлупа смялась, и яйцо осталось стоять вертикально.

¹⁹⁶ Гольштейн-Готторпская династия — немецкая герцогская династия, правившая в 1544–1773 гг. в части Шлезвига, в 1751–1818 гг. на шведском королевском престоле. Сыном гольштейн-готторпского герцога Карла Фридриха был российский император Петр III.

¹⁹⁷ См.: Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту (Заговоры перед революцией 1917 года). Париж, 1931.

¹⁹⁸ См. комментарий 107.

¹⁹⁹ См.: Таубе М.А. История зарождения современного международного права. Т. 3: Международный строй средневековой Европы во время мира. Гл. 1: Христианство и организация международного мира. СПб., 1902; Таубе М.А. Христианство и международный мир. М., 1905. Историю написания этих работ см. в Главе I и Приложении 1.

²⁰⁰ Гражданский кассационный департамент являлся высшей судебной инстанцией для кассации гражданских дел по жалобам на решения пореформенных судебных палат, окружных судов, мировых съездов.

²⁰¹ См. комментарий 104.

²⁰² Комитет о службе чинов гражданского ведомства и о наградах был создан 27 февраля 1892 г. для рассмотрения представлений к высочайшим наградам. Комитет был упразднен 7 апреля 1917 г. постановлением Временного правительства.

²⁰³ «Сенатские ведомости» издавались в С.-Петербурге в 1901–1916 гг.

²⁰⁴ Капитул орденов — создан в 1842 г. для заведования орденским делом Российской империи. Канцлером Капитула российских императорских и царских орденов являлся министр императорского двора (с 1897 г. — бар. В.Б. Фредерикс).

²⁰⁵ На Парижском конгрессе был заключен 18 марта 1856 г. Парижский мир между Россией, Францией, Великобританией, Турцией, Сардинией, Австрией и Пруссией. Парижский мир завершил Крымскую войну 1853–1856 гг. Россия возвращала Турции Карс, уступала Молдавскому княжеству устье Дуная и часть Южной Бессарабии. Черное море объявлялось нейтральным, Россия и Турция не могли держать там военный флот. Подтверждалась автономия Сербии, Дунайских княжеств. Берлинский конгресс 1878 г.: см. комментарий 105.

²⁰⁶ Таубе Дмитрий Фердинандович — офицер лейб-гвардии 1 стрелкового батальона, ранен в начале Первой мировой войны, проходил лечение в Царском Селе. Упоминается в письмах императрицы Александры Федоровны Николаю II, но без местоимения «наш» (Переписка Николая и Александры Романовых / Под ред. М.Н. Покровского. Т. 3. М.—Л., 1923. С. 261, 311).

²⁰⁷ Степное генерал-губернаторство было образовано на территории Средней Азии в 1882 г. в результате упразднения Западно-Сибирского генерал-губернаторства. В состав Степного генерал-губернаторства вошли Акмолинская, Семипалатинская, Семиреченская, Уральская и Тургайская области. Центром генерал-губернаторства стал г. Омск.

²⁰⁸ «Газета-Копейка», издавалась в С.-Петербурге в 1908–1916 гг.

²⁰⁹ «Русское слово», ежедневная газета, издававшаяся в Москве в 1901–1916 гг.

²¹⁰ 14 апреля 1918 г. собравшийся в Риге ландрат в составе 58 делегатов от Лифляндии, Эстландии и «Герцогства Курляндского» объявил об отделении Эстонии и Литвы от России и образовании «Балтийского Герцогства». Одновременно было объявлено об «унии с Пруссией», которую возглавил принц Генрих Гогенцоллерн (брат Вильгельма II). 11 ноября 1918 г. под давлением Антанты и революции в Германии «Балтийское Герцогство» распалось, в результате чего образовались Эстонская и Латвийская республики. 7 декабря 1918 г. латвийское правительство подписало договор с Германией о формиро-

вании «Балтийского Ландесвера» (белолатышские и белоэстонские войска). В январе 1919 г. большевикам удалось захватить и распространить свою власть во всей Латвии (за исключением Либавы, куда ранее вошли военные корабли Антанты). Особый русский корпус Бермондт-Авалова и немецкая «железная дивизия», развернутая в добровольческий корпус генерала фон дер Гольца в феврале и весной 1919 г. предприняли решительное наступление на большевистские войска Советской Латвии. 1 апреля 1919 г. на оккупированной германскими войсками части Латвии генерал фон дер Гольц спровоцировал государственный переворот, создав правительство А. Анедра. 24 марта 1919 г. германские войска, части отрядов князя Ливена и Бермондт-Авалова захватили Ригу, большевики ушли из Латвии.

²¹¹ 2—5 июля 1917 г. в Петрограде произошли антивоенные выступления рабочих, солдат Петроградского гарнизона и кронштадтских матросов против Временного правительства. Волнения начались стихийно, однако большевики использовали влияние в войсках и на флоте, чтобы объединить недовольных под своими лозунгами. 4 июля присланные в Петроград верные Временному правительству войска разогнали 400-тысячную демонстрацию. Временное правительство объявило зачинщиками событий большевиков. Были закрыты большевистские газеты, многие лидеры оказались в тюрьме. Ленин перешел на нелегальное положение и переехал в Финляндию.

²¹² В ночь с 16 на 17 июля 1918 г. в Екатеринбурге в Ипатьевском доме была расстреляна царская семья.

²¹³ 30 августа 1918 г. студент-эсер Л. Канегисер убил председателя петроградской ЧК М. Урицкого. В тот же день в Москве эсерка Фани Каплан тяжело ранила В. Ленина. В ответ 5 сентября 1918 г. был издан Декрет СНК, который предписывал расстреливать на месте всех связанных с белогвардейскими заговорами лиц («красный террор»). Массовым явлением стало заложничество. По оценкам историков в сентябре—октябре 1918 г. на территории Советской России было расстреляно около 15 тыс. человек. Главными жертвами стали представители офицерства, дворянства, буржуазии, интеллигенции. Одновременно по стране развернулось создание сети концентрационных лагерей.

²¹⁴ 6 декабря 1917 г. Финляндия провозгласила свою независимость. 31 декабря 1917 г. Совнарком Советской России принимает Постановление о признании независимости Финляндской республики, которое было ратифицировано 4 января 1918 г. ВЦИК РСФСР. В ночь с 27 на 28 января 1918 г. в Финляндии началась социалистическая революция. Левое крыло Социал-демократической партии захватило власть в Хельсинки и провозгласила Финскую рабочую социалистическую республику. 29 января 1918 г. было образовано правительство — Совет народных уполномоченных (СНУ), — которое подписало с правительством РСФСР Договор об укреплении дружбы и братства между РСФСР и Финляндской Социалистической Рабочей Республикой. В феврале 1918 г. Финская рабочая социалистическая республика разгромлена немецкими и финскими войсками. Несколько тысяч финских красногвардейцев отступили в Советскую Россию, где участвовали в Гражданской войне в составе Красной Армии в качестве отдельного формирования.

Географический указатель

- Австрия (Австро-Венгрия) 20, 84, 106, 113–119, 128, 164, 168–170, 179–181
Адрианополь 167
Азия 103, 104, 168
Азов 24
Аландские острова 101
Албания 166
Ампиола 210, 211
Анатолия 167
Англия 11, 17, 52, 58, 63, 72, 75, 78, 79, 84, 85, 88, 99, 100, 103, 114, 119, 120, 166, 168, 180, 181, 184
Аптекарский остров 150, 167
Аргентина 80
Афганистан 103, 147
Африка 70
- Балканы 116, 166, 170
Балтийское море 100
Белград 173, 182, 192
Бельгия 99, 179, 181
Берлин 6–8, 30, 32, 47, 84, 100, 104, 107, 111, 112, 114, 115, 118, 177, 181, 183, 191, 208, 217
Бессарабия 133, 188, 201
Бзур 206
Болгария 129, 173, 179, 182
Борки, станция 24
Босния и Герцеговина 20, 115, 116
Брюссель 103, 105, 148
Будапешт 6, 116
Бухлау 19, 20, 114, 115
Буэнос-Айрес 93
Бьерке 84–86, 91, 93, 99, 181
- Варшава 9, 187, 208
Вена 114, 115, 118
Вольмар 123
Вольфсгартен 127
- Гаага 6–8, 53, 105, 109, 110, 126, 128, 138, 139
Гатчина 24, 31
- Гент 105
Германия 7, 8, 19, 20, 45, 46, 84, 85, 98–100, 104, 106, 111, 114, 118, 119, 128, 138, 142, 164, 166, 168–170, 176, 179–183, 190, 204
Голландия 119
Гуль 57, 67
Гунгербург 144
- Дальний Восток 40, 41, 47, 52, 58, 103
Дания 183
Дармштадт 7, 127
Дувр 115
- Европа 7, 10, 44, 52, 87, 91, 92, 97, 98, 111, 115, 122, 168, 173, 179, 180, 182
Екатеринбург 178
- Западный край 90, 143, 163, 174
- Испания 52, 119
Италия 84, 119, 177
- Кавказ 133, 153
Казань 208
Кексгольм 210, 211
Коломенское 212
Константинополь 38, 114, 139, 140, 167, 168, 183, 185
Кронштадт 141
Крым 154–157
Курляндия 212
- Ладожское озеро 210
Ла-Манш 79
Ливадия 154–156
Лион 44
Литва 6, 133, 163
Лондон 58, 66, 72, 79, 84, 89, 99, 103, 110, 113–115, 119–123, 127, 165, 166, 169, 170, 176, 204

- Мадрид 127
 Македония 166
 Мерекюль 137, 143, 173, 175
 Москва 12, 21, 37, 130, 131, 163, 189, 197, 212, 215

 Нагасаки 61
 Нарва 143
 Нарова, р. 143
 Нева, р. 29, 86
 Немецкое море 98
 Норвегия 98–100, 104, 105
 Носи-Бей 70
 Нью-Йорк 9–11, 48

 Одесса 168
 Омск 212

 Париж 6–11, 18, 30–33, 47, 49, 54–70, 75, 77, 78, 80, 82, 84, 92, 105, 111, 112, 114–116, 127, 128, 138, 146, 148, 163, 168, 176, 178, 181, 204, 208, 212, 215
 Перемышль 206
 Персия 103, 147, 166
 Польша 9, 10, 133, 163, 180
 Порт-Артур 17, 41, 49–51
 Прибалтийский край 133

 Равка 206
 Ревель 114, 115
 Рейсшадт 116
 Рига 143
 Роминтьен 86
 Россия 5–7, 11, 13–17, 19, 20, 23, 28–30, 32, 36, 39, 41–45, 47, 49, 50, 52–54, 58, 61, 69, 75, 83–85, 87, 89, 91, 92, 96, 98, 100, 101, 104, 105, 114–116, 118–120, 122, 123, 126–129, 132–134, 138, 142, 145–149, 164–166, 168, 169, 174, 176, 178, 180, 181, 184, 185, 190, 191, 193, 199, 200, 203–206, 208, 209, 211, 212
 Рутцау 212

 Самарканд 148
 Санкт-Петербург 5
 Свиномюнд 99
 Святая земля 208
 Севастополь 168
 Северное море 52, 56, 57, 67, 74, 100, 168
 Северный Кавказ 153
 Сербия 173, 182
 Сибирь 131, 212

 Соединенные Штаты Северной Америки (США, USA) 9, 11, 119
 София 173
 Средиземное море 177
 Стокгольм 8, 100, 129, 192, 203, 204

 Ташкент 157
 Тегеран 166
 Тибет 103
 Тифлис 189
 Туркестан 131, 135, 136
 Турция 51, 114, 116, 117, 138–140, 166–168, 179, 182, 183

 Упсала 6, 31

 Финляндия 6, 21, 101, 102, 132, 141, 210, 211
 Финский залив 142
 Фонтанка р. 136
 Франция 6, 10, 11, 20, 26, 31, 50, 57, 58, 64, 69, 75, 77, 84–86, 88, 100, 111, 119, 139, 147, 169, 177, 181, 184

 Харьков 15, 24, 30, 35, 39, 40, 131, 132, 150, 151, 163

 Царское Село 30, 42, 44, 117, 122, 154, 160–162, 170, 171, 178, 185, 191, 193–195, 205
 Цусима, пролив 79

 Черногория 166
 Черное море 114, 168
 Четулешты 189

 Швеция 6, 19, 45, 98, 100, 104, 105, 129, 183, 192
 Шпицберген, архипелаг 99

 Эмбах р. (Совр. назв. Эмайыги) 134
 Эстляндское взморье 137
 Эфиопия 121

 Юго-Западный край 163, 174
 Южная Америка 82, 124
 Юрьев (Дерпт) 135, 163

 Япония 11, 17, 35, 40, 41, 49, 51–53, 58, 75, 79, 85, 86, 93, 102, 119

 Turelg 192

Аннотированный указатель имен

- Абаза Алексей Михайлович (1858–1915) — контр-адмирал, тов. нач. Гл. упр. торг. морепл. (1902–1903), управляющий делами Особого комитета Дальнего Востока (1903–1905) — 42, 82, 92
- Абдул-Гамид (Хамид) (1842–1918) — турецкий султан в 1876–1909 гг. После Младотурецкой революции 1908 г. низложен — 139
- Августин Блаженный (Augustinus Sanctus) Аврелий (354–430) — христианский теолог и церковный деятель, главный представитель западной патристики; родоначальник христианской философии истории (соч. «О граде Божием»); «земному граду» — государству — противопоставлял мистически понимаемый «Божий град» — церковь — 216
- Александр I (1777–1825) — российский император с 1801 г. — 92, 97, 101
- Александр III (1845–1894) — российский император с 1881 г. — 24, 26, 43, 87, 91, 92, 121, 129, 132, 169
- Александр Михайлович (1866–1933) — вел. кн., четвертый сын великого князя Михаила Николаевича, двоюродный дядя императора Николая II, флигель-адъютант (1866), капитан 1-го ранга (1900), контр-адмирал свиты (1903), вице-адмирал и генерал-адъютант (1909), адмирал (1915). Председатель Совета по делам торгового мореплавания (1900), главноуправляющий торговым мореплаванием и портами (1902), младший флагман Балтийского флота (1905–1909). Инициатор создания российской военной авиации. Во время Первой мировой войны — заведующий организацией авиационного дела в армиях Юго-Западного фронта (1914) и во всей действующей армии (1915), полевой генерал-инспектор авиации (1916–1917) — 7, 30, 141
- Александра Федоровна (Алиса-Виктория-Елена-Луиза-Беатриса) (1872–1918), урожд. герцогиня Гессенская, российская императрица (1894–1917), жена императора Николая II, расстреляна большевиками — 15, 42, 43, 127, 157
- Алексей Николаевич (1904–1918) — наследник-цесаревич и великий князь, сын императора Николая II, расстрелян большевиками — 143, 157, 204, 212
- Анастасия Николаевна (Стана) (1867/1868–1935) — вел. кн., младшая дочь черногорского князя Николая I Негош-Петровича, сестра великой княгини Милицы Николаевны, жена герцога Г.М. Лейхтенбергского, светлейшего князя Романовского; с 1907 — жена великого князя Николая Николаевича (Младшего) — 43, 48
- Анна Иоанновна (1693–1740) — российская императрица с 1730 г., племянница Петра I, герцогиня Курляндская с 1710 г. — 175
- Антоний (Вадковский Александр Васильевич) (1846–1912) — митрополит Петербургский и Ладужский (1898) — 91, 92

- Базилевский Владимир Александрович (?—1934) — полковник, проходил службу в Семиречье, участник Белого движения, эмигрировал в пограничный Китайский Туркестан — 11
- Барк Петр Львович (1869—1937) — действительный статский советник (1911), тайный советник (1915). Директор Отделения заграничных операций Петербургской конторы Государственного банка (1897), председатель Правления Учетно-ссудного банка Персии (1898), член правления Русско-китайского банка (1899—1905), товарищ председателя фондового отдела петербургской биржи (1901), управляющий Петербургской конторой Государственного банка (1905), товарищ управляющего Государственным банком (1906), директор-распорядитель Волжско-Камского банка (1907—1911), товарищ министра торговли и промышленности (1911), министр финансов (1914—1917), член Государственного совета по назначению (1915—1917) — 203
- Барятинский Владимир Владимирович (1874—1941) — князь, муж известной драматической актрисы Л.Б. Яворской. Драматург и журналист — 210
- Бахметев Борис Александрович (1880—1951) ученый в области гидродинамики, политический и общественный деятель. Профессор Петербургского политехнического института (1905—1917); член Военно-промышленного комитета и Закупочной комиссии (1914—1917); товарищ министра торговли и промышленности Временного правительства (1917), посол России в США, (1917—1922), глава Российского гуманитарного фонда в США, профессор Колумбийского университета (1931), член-учредитель Американского национального фонда научных исследований (серед. 1940-х гг.) — 9
- Безобразов Александр Михайлович (1855—1931) — действительный статский советник (1898). Член Особого комитета по делам Дальнего Востока (1903—1905), статс-секретарь Его Величества (1903—1917) — 42, 49
- Бенкендорф Александр Константинович (1849—1916) — граф, гофмейстер, камергер. Первый секретарь посольства в Риме (1878—1886), в Вене (1886—1893), посланник в Дании (1897—1902), чрезвычайный и полномочный посол в Англии (1903—1916) — 121, 176—178, 204
- Бенкендорф Мария Сергеевна (урожденная Долгорукова) — графиня, жена графа П.К. Бенкендорфа — 178
- Бенкендорф Павел Константинович (1853—1921) — граф, флигель-адъютант (1878), генерал майор свиты (1896), генерал-адъютант (1905), генерал-лейтенант (1907), генерал от кавалерии (1912). Гофмаршал (1893) и обер-гофмаршал Высочайшего Двора (1912—1917). Участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Член Государственного совета по назначению (1916—1917). Эмигрировал — 121, 176, 177, 204
- Бентковский Альфред Карлович (?—1930) — директор II Департамента МИД (1905—1916), сенатор (1916—1917). Эмигрировал — 90, 93
- Берта С. — студентка С.-Петербургского университета — 150
- Бирилев Алексей Алексеевич (1844—1915) — военно-морской деятель, адмирал (1905). Службу начал в 1859 г. юнкером на Балтийском флоте. Командовал различными кораблями, в т.ч. эскадренными броненосцами «Сисой Великий» и «Гангут». Младший флагман Балтийского флота (1897); командир отряда кораблей в Средиземном море (1900); флагман Балтийского флота (1903); командир Кронштадтского порта и военный губернатор Кронштадта (февраль 1904); командир Балтийского флота (май 1904); командующий Тихоокеанским флотом (май 1905); морской министр (июнь 1905). Член Государственного совета (1905—1914) — 85, 93
- Бисмарк фон Шёнгаузен, Отто Эдуард Леопольд (1815—1898) — князь, гер-

- манский государственный деятель, посланник Пруссии в России (1859—1862), посланник во Франции (1862), прусский министр-президент и министр иностранных дел (1862), первый канцлер Германской империи (1871—1890) — 92, 168, 169
- Боткин Петр Сергеевич (ок. 1865—1937) — камергер. Второй секретарь миссии в Вашингтоне, секретарь дипломатического представительства в Софии, первый секретарь посольства в Лиссабоне, затем в Лондоне, министр-резидент в Марокко (1907), посланник и полномочный министр в Лиссабоне (1912) — 105, 170, 173, 178, 204
- Буксгевден Карл Карлович (1856—1935) — барон, вице-директор (1892—1897) и директор Департамента личного состава и хозяйственных дел Министерства иностранных дел (1897—1910); российский чрезвычайный посланник и полномочный министр в Копенгагене (1910—1917) — 124—126
- Бутор Федор — воевода Ивана Грозного. Погиб во время взятия Казани в 1552 г. — 208
- Буторы — древний русский дворянский род — 208
- О'Бэйн (O'Veirn) — советник посольства Великобритании в Париже — 57, 63, 68
- Бьюмонт Луи (Louis Beaumont) — английский адмирал — 62
- Бюлов фон Бернгард (1849—1929) — князь, германский дипломат и государственный деятель, первый секретарь посольства Германии в России (1884—1888), статс-секретарь Министерства иностранных дел (1896—1900), канцлер Германской империи (1900—1909) — 99
- Вальронд — лейтенант флота; офицер эскадры 3.П. Рождественского — 70, 73
- Вебер Сергей Федорович (1857—?) — титулярный советник (1906). Товарщик министра финансов (1914—1917) — 136
- Вельмин Анатолий Петрович (1883—1958) — юрист, публицист. Участник мировой войны при штабе 11-й армии. Эмигрировал в Польшу (1924), затем во Францию, сотрудник Народно-трудового союза в Париже, секретарь Союза писателей и журналистов, официальный представитель Русского архива при Колумбийском университете — 9—11
- Верховский — 192
- Вестман Н.В. — директор департамента Общих дел Министерства народного просвещения — 196
- Виктория (1819—1901) — королева Великобритании с 1837 г., последняя из Ганноверской династии — 73
- Вильев — директор департамента Министерства народного просвещения. 136
- Вильгельм I Гогенцоллерн (1797—1888), прусский король (1861) и германский император (1871) — 61, 115, 129
- Вильгельм II (1859—1941) — прусский король и германский император (1888—1918). После отречения жил в Голландии — 84—87, 92, 99, 169, 176, 181
- Витте Сергей Юльевич (1849—1915) — граф, статс-секретарь Е.В. (1896), действительный тайный советник (1899). Управляющий Юго-Западной железной дорогой (1886), директор Департамента железнодорожных дел Министерства финансов и председатель тарифного комитета (1889), управляющий Министерством путей сообщения (1892), министр финансов (1892—1903), председатель Комитета министров (1903—1905), глава российской делегации на мирных переговорах с Японией в Портсмуте (1905), председатель Совета министров (1905—1906), член Государственного совета по назначению и председатель Комитета финансов (1906—1915) — 49, 58, 85, 86, 88, 90, 91, 93
- Владимир (в миру Богоявленский Василий Никифорович) (1848—1918) — митрополит Киевский и Галицкий (1915). Церковный публицист и проповедник. Убит большевиками. Канонизирован Русской Православной Церковью — 209
- Владимир Александрович (1842—1909) — великий князь, президент Академии

- художеств (1876–1909), главнокомандующий войсками гвардии и С.-Петербургского военного округа (1884–1905), сенатор (1868), член Государственного совета (1872) — 129
- Вольтер (наст. имя Мари Франсуа Аруэ) (1694–1798) — французский писатель и философ — 205
- Вонлярлярский Владимир Михайлович (1852–1940) — гвардейский полковник в отставке, шталмейстер. Лесопромышленник, владелец золотых приисков на Урале, крупный землевладелец. Активный деятель «безобразовской клики» — 42
- Гапон Георгий Аполлонович (1870–1906) — священник; основатель «Собрания русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга» (1904), инициатор вручения петиции Николаю II 9 января 1905 г.; лишен сана; эмигрировал; амнистирован в октябре 1905 г.; возвратился в Россию, вступил в связь с охранным отделением; убит эсерами — 87
- Гартвиг Николай Генрихович (1855–1914) — тайный советник. Делопроизводитель Азиатского департамента Министерства иностранных дел (1885–1896), директор 1-го Департамента Министерства иностранных дел (1904), посланник в Персии (1906), посланник в Сербии (1909) — 51, 57, 183
- Генрих VIII (1491–1547), английский король (1509) — 120
- Георг V (1865–1936) — английский король (1910) — 121
- Георгиевский Александр Иванович (1830–1911) — профессор С.-Петербургского ун-та. Редактор «Журнала Министерства народного просвещения» и член Ученого комитета министерства народного просвещения (1866–1871); член Совета министра народного просвещения (1871–1881), председатель Ученого комитета Министерства народного просвещения (1873–1901), сенатор (1901) — 37
- Георгиевский Лев Александрович (1860–?) — директор Императорской Николаевской гимназии в Царском Селе (1887); директор Императорского лицея в память Цесаревича Николая (1896); товарищ министра народного просвещения Шварца (1908); сенатор (1910) — 131, 135, 206
- Германова Мария Николаевна (1885–1940) — актриса. Актриса Московского Художественного театра (1902–1919); эмигрировала (1919); играла в театрах Праги, Парижа и др. городов — 11
- Геффтер Август Вильгельм (1796–1880) — известный немецкий юрист, профессор в университетах Бонна, Галле, Берлина. Был известен трудами по гражданскому процессу (римскому и германскому), уголовному и международному праву — 28, 32
- Гирс Николай Карлович (1820–1895) — русский дипломат. Генеральный консул в Каире (1856–1858), Молдавии и Валахии (1858–1863); чрезвычайный посланник в Тегеране (1863–1869), Берне (1869–1872) и Стокгольме (1872–1875); товарищ министра иностранных дел (1875); министра иностранных дел (1882–1895) — 95, 178
- Гирс Николай Николаевич (1853–?) — русский дипломат, гофмейстер. Советник русского посольства во Франции; посол в Бельгии (1897); посол в Константинополе (1914) — 168
- Глазенап Петр Владимирович (1882–1951) — генерал-лейтенант (1919), командир полка Офицерской кавалерийской школы (1914–1915), командир партизанского отряда (1915–1917); командир «Ударного отряда полковника Глазенапа» (1917). командир конного отряда в 1-м Кубанском походе (1917–1918); командир 1-го конного («конно-партизанского») полка (1918); командир Кубанской отдельной бригады (1918); военный губернатор Ставропольской губернии (1918–1919); командующий Северо-Западной армией (сменил Юденича), (1919–1920), в 1921 г. пытался соз-

- дать в Венгрии антисоветскую «Полицейскую армию» из бывших солдат и офицеров Австро-Венгерской армии. С 1922 г. в эмиграции — 6
- Голицын И. — директор Государственного и Петроградского главных архивов — 219
- Головин Николай Николаевич (1875—1944) — военный теоретик, педагог, историк. Старший адъютант в 37-й и 2-й гвардейской пехотной дивизиях (1901—1902); обер-офицер для особых поручений и помощник адъютанта (1902—1903); начальник строевого отделения в Варшавской крепости (1905); заведующий передвижениями войск Петербургско-Двинского района (1905—1909); экстраординарный (1907) ординарный (1909) профессор Николаевской академии Генерального штаба; командир 20-го Драгунского Финляндского и 2-го лейб-гвардии Гродненского гусарского полка (1914); генерал-квартирмейстер штаба 9-й армии (1914); начальник штаба 7-й армии (1915—1917); начальник штаба Группы армий в Румынии (1917); помощник по военным вопросам С. Сазонова — официального представителя адмирала Колчака и генерала Деникина на Версальском конгрессе (1918—1919); начальник штаба адмирала Колчака (1919); эмигрировал во Францию (1920); один из руководителей Русского общевойскового союза, профессор Русского историко-филологического факультета при Парижском университете, член Русской академической группы (1920—1944); официальный представитель Гувевской военной библиотеки в Париже (1926—1940) — 10
- Горемыкин Иван Логгинович (1839—1917) — дейст. стат. совет. (1875), тайный совет. (1882), дейст. тайный совет. (1896), действ. тайный совет. 1-го класса (1916). Историк и цивилист. Вице-губернатор Плоцкой губ. (1867), вице-губернатор Келецкой губ. (1869—1873), член Временной комиссии при Министерстве внутрен-
- них дел по крестьянским делам губерний Царства Польского (1873) и Консультации при Министерстве юстиции (1882), обер-прокурор 1-го департамента (1882), затем 2-го департамента Сената (1884), товарищ министра юстиции (1891), сенатор (1894), товарищ министра внутренних дел (1895), министр внутренних дел (1895—1899), член Государственного совета (1899—1917), председатель Особого совещания о мерах к укреплению крестьянского землевладения (1905—1906), председатель Совета министров (апрель—июль 1906, 1914—1916), статс-секретарь Е. В. (1910) — 162, 168, 174, 183—185, 189, 194, 195, 197, 198, 217, 218
- Горчаков Михаил Иванович (1838—1910) — протоиерей, доктор богословия, профессор кафедры Канонического права С.-Петербургского университета; член-корреспондент АН. Член ЦК «Союза 17 октября». Член Государственного совета (1906) — 37, 39, 114, 169, 177
- Горяинов Сергей Михайлович — директор Государственного и С.-Петербургского Главного архива Министерства иностранных дел (1902) — 117
- Грегейль (de Gregueil) — виконт, чиновник Министерства иностранных дел Франции — 57, 60
- Грей Эдуард, лорд Фаллодон (1862—1933) — английский государственный деятель, заместитель министра иностранных дел (1892—1895), министр иностранных дел (1905—1916), посол в Вашингтоне (1919—1920) — 169, 177
- Гримм Давид Давидович (1864—1941) — профессор римского права (1901), декан юридического факультета, затем ректор (1910—1911) Петербургского университета. Член Государственного совета от Академии наук и университетов (1907—1917), товарищ министра народного просвещения Временного правительства (1917). Эмигрировал. Декан Русского юридического факультета в Праге (1922—1929) — 150

- Губастов Константин Аркадьевич (1845–1919?) — русский дипломат. На службе в МИД с 1866 г. Работал в дипломатических и консульских представительствах в Турции, Нидерландах. Министр-резидент в Черногории (1897–1900), в Ватикане (1890–1904); посланник в Сербии (1904–1906); товарищ министра иностранных дел (1906–1908); в отставке (1908) — 100, 106, 170
- Гудон (Houdon) Жан Антуан (1741–1828) — французский скульптор. Создал галерею психологических, жизненно ярких портретов представителей эпохи Просвещения, деятелей Великой Французской революции — 205
- Гулькевич Константин Николаевич (?–1935) — начальник 2-го политического отдела Министерства иностранных дел; секретарь министра иностранных дел А.П. Извольского; посланник в Норвегии. Эмигрировал. Товарищ председателя Административного совета офиса им. Нансена. Эксперт по делам беженцев в Лиге наций — 107–109
- Гучков Александр Иванович (1862–1936) — потомственный почетный гражданин, предприниматель. Один из создателей и председатель ЦК «Союза 17 октября». Депутат III Государственной думы, лидер октябристской фракции, в марте 1910 — марте 1911 г. — председатель Государственной думы. Активно поддерживал политику П.А. Столыпина. Ушел в отставку после трехдневного роспуска законодательных палат в марте 1911 г. Перешел в оппозицию. В 1912 г. провалился на выборах в IV Государственную думу. Член Государственного совета по выборам от торгово-промышленников, вошел в академическую группу. В 1915–1917 гг. — председатель Центрального военно-промышленного комитета. Военный и морской министр Временного правительства (март–апрель 1917). Эмигрант — 210
- Даневский — профессор Уголовного права Харьковского университета — 29
- Девис (Davis) — американский адмирал — 56
- Делькассэ Теофиль (Delcassé) (1852–1923) — государственный деятель, дипломат, министр колоний (1894–1898), министр иностранных дел Франции (1898–1905, авг. 1914 — окт. 1915), морской министр (1911–1913), посол в Петербурге (1913–1914) — 74, 75, 83, 84, 87, 180
- Делянов Иван Давыдович (1818–1897) — граф (1888), камергер (1849), действительный статский советник (1851), тайный советник (1858), действ. тайный советник (1873). Попечитель Петербургского учебного округа (1858 — 1861, 1862–1866), дир. Департамента народного просвещения Министерства народного просвещения (1861), дир. Публичной библиотеки (1861), сенатор (1865), товарищ министра народного просвещения (1866–1874), министр народного просвещения (1882–1897). Статс-секретарь Е. В. (1867), член Государственного Совета (1874) — 29
- Демидов Елим Павлович (Сан-Дonato) (1868–1943) — князь, зять И.И. Воронцова-Дашкова. Состоял при посольстве России в Великобритании (1896–1897); российский посланник в Греции — 115, 129
- Десорт (Desort) — лорд, английский государственный деятель — 57, 72, 73
- Дон (урожд. Алленикова) Нина Сергеевна (1895–1984) — 11
- Дорожкин — чиновник особых поручений при министре народного просвещения — 187
- Дризен Николай Васильевич (1868–1935) — русский мемуарист, историк театра. Монографическое исследование «Материалы к истории русского театра» (1905). Мемуары «Сорок лет театра. 1875–1915» (1916). Литературные воспоминания. С 1919 в эмиграции (Париж) — 30, 31
- Дубасов Федор Васильевич (1845–1912) — русский государственный

- деятель, флигель-адъютант (1878), контр-адмирал (1893), вице-адмирал (1899), генерал-адъютант (1905), адмирал (1906). Участник русско-турецкой войны (1877–1878). Командир гвардейского (практического) отряда миноносков (1879–1882), военно-морской агент в Германии (1892), команд. Тихоокеанской эскадры (1897–1899), старший флагман флотской дивизии в Кронштадте (1899), председатель Морского технического комитета (1901–1905), член Совета гос. обороны (1905). Осенью 1905 г. организовал подавление крестьянских волнений в Черниговской, Полтавской, Курской и Орловской губерниях. Московский генерал-губернатор (ноябрь 1905 — апрель 1906). Руководил подавлением Декабрьского вооруженного восстания в Москве. Член Государственного совета по назначению (1906) — 18, 61, 62, 65, 66, 68–71, 74–76, 78, 79, 82, 83
- Дурново Петр Николаевич (1845–1915) — русский государственный деятель. Директор Департамента полиции (1884–1893); товарищ министра внутренних дел (1900–1903); начальник управления почт и телеграфов министерства (1903–1905); член Государственного совета (1905); министр внутренних дел (окт. 1905 — апр. 1906); статс-секретарь (с 22 апр. 1906) — 91
- Екатерина II Алексеевна (1729–1796) — российская императрица с 1762 г. — 167, 203
- Жевахов Николай Давыдович — князь, русский государственный деятель. Помощник статс-секретаря Государственного совета; товарищ обер-прокурора Святейшего Синода (1916–1917) — 93
- Зыбкин М. — профессор — 93
- Золотарев Игнатий Михайлович (1868–1918) — потомственный дворянин, тайный советник, прокурор Ново-черкасской судебной палаты, в октябре 1911 — июле 1915 г. — товарищ министра внутренних дел, затем — сенатор. Двоюродный брат Л.А. Кассо — 147
- Зоргенфрей Густав Густавович (1871–?) — преподаватель в гимназии Императорского Человеколюбивого общества (1894–1903); наставник (1903) и заведующий кафедрой педагогики в Императорском Историко-филологическом институте (1904); директор С.-Петербургской VI гимназии Цесаревича Алексея (1906). Выдающийся латинист. Публицист — 142, 143
- Иван Грозный (Иван IV Васильевич) (1530–1584) — великий князь «всая Руси», первый русский царь с 1547 г. — 8, 132, 208
- Игнатьев Павел Николаевич (1870–1926) — граф, шталмейстер. Председатель Киевской губернской земской управы (1904), киевский губернатор (1907–1908), директор департамента земледелия (1909), товарищ главноуправляющего земледелия и землеустройства (1912), министр народного просвещения (1915–1916). Эмигрировал — 189, 192, 196–198
- Игнатьева — графиня, держала «чернотенный салон» — 195
- Извольская Маргарита Карловна (урожденная Толь) — жена министра иностранных дел А.П. Извольского — 124
- Извольский Александр Петрович (1856–1919) — камергер (1892), действительный статский советник (1895), гофмейстер (1906). Министр-резидент в Ватикане (1894), чрезвычайный посланник и полномочный министр в Сербии (1897), Баварии (1897), в Японии (1899) и Дании (1902), министр иностранных дел (1906–1910), член Государственного совета по назначению (1909–1917), посол в Париже (1910–1917) — 18–20, 47, 94–99, 100–106, 108–111, 114–119, 121–123, 125–129, 138, 144, 165, 166, 169, 170, 177, 196, 197

- Изнар Николай Николаевич (1851–1932) — общественный и государственный деятель. Гражданский инженер Департамента железных дорог Министерства путей сообщений (1879–1885), заведующий коммерческим отделом службы движения по эксплуатации Вильно-Ровенской железной дороги (1885), помощник управляющего временного тарифного железнодорожного отдела (1888), член тарифного комитета Министерства финансов от Министерства путей сообщений и заведующий отделом условий перевозок (1889). В феврале 1892 г. подал в отставку из-за разногласий с С.Ю. Витте. Дальнейшая деятельность Изнара связана с частным предпринимательством. Видный деятель Центрального военно-промышленного комитета (1914–1917) — 30
- Искусль фон Гильденбандт Юлий Александрович (1853–1918) — барон, действительный статский советник (1891), тайный советник (1896), действительный тайный советник (1912). Помощник статс-секретаря Государственного совета (1885), исполняющий должность статс-секретаря (1893) и статс-секретарь Государственного совета (1895), товарищ министра земледелия и государственных имуществ (1899), товарищ государственного секретаря (1899), сенатор (1903, с оставлением в предыдущей должности), государственный секретарь (1904–1909), статс-секретарь Е.В. (1905), член Государственного совета по назначению (1909–1917) — 129
- Иоанн VI Антонович (1740–1762) — российский император (1740–1741), правнук Ивана V, сын принца Антона Ульриха Брауншвейгского. За младенца правили Э.И. Бирон, затем мать Анна Леопольдовна. Свергнут во время дворцового переворота 25 ноября 1741 г., организованной дочерью Петра I Елизаветой Петровной с помощью гвардии. Заключен в Шлиссельбургскую крепость. Убит при попытке освобождения, организованной В.Я. Мировичем — 87
- Ито Хиробуми (1841–1909) — маркиз, японский государственный деятель, премьер-министр (1885–1889, 1892–1896, 1898, 1900–1901), председатель Тайного совета (1903–1905), генеральный резидент в Корее (1906). Погиб в результате покушения — 50, 58, 75, 102
- Казнаков Николай Иванович (1834–1906) — ген.-адъют., капитан 1-го ранга, вице-адмирал, адмирал, начальник штаба главного командующего Черноморского флота и портов, главный командир Кронштадтского порта и военный губернатор г. Кронштадт, член Адмиралтейского совета — 56, 59–62
- Карнеги Эндрю (Carnegie Andrew) (1835–1919) — американский сталепромышленник и филантроп, миллиардер. Создал ин-т Карнеги в Вашингтоне (1902), Фонд Карнеги для усовершенствования преподавания (1906) и Фонд Карнеги за международный мир (1910) — 6, 7, 128
- Карпович Михаил Михайлович (1887–1959) — историк. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1914), сотрудник секретариата при Особом совещании по обороне (1916–1917); сотрудник посольства России в Вашингтоне (1917–1922); преподаватель Гарвардского университета (1927–1959); главный редактор «Нового журнала» (1943) — 9
- Кассо Лев Аристидович (1865–1914) — действительный статский советник (1910), тайный советник (1911). Цивилист и историк права. Профессор Дерптского (1893), Харьковского (1895), Московского (1899) университетов, директор Лицея в память цесаревича Николая в Москве (1908), управляющий Министерством и министр народного просвещения (1910) — 5, 15, 21, 30, 32, 37, 128, 130–138, 142, 143, 147, 149, 151,

- 154—163, 166, 167, 169, 173—176, 179, 183, 185—188, 190, 192, 194, 196, 198, 201, 217, 218
- Катков Михаил Никифорович (1817/1818—1887) — профессор Московского университета (1845—1850), публицист, редактор газеты «Московские ведомости» (1851—1887) и издатель журнала «Русский вестник» (1855—1887) — 43
- Кладо Николай Лаврентьевич (1862—1919) — военно-морской теоретик и историк, генерал-майор по адмиралтейству (1912), заслуженный профессор Морской академии (1916). Преподаватель в Морском училище (1886—1889), флаг-офицер начальника эскадры Тихого океана (1889), преподаватель в Морском кадетском корпусе (1892), стажер Высшей военно-морской школы во Франции (1896), преподаватель (1896—1903, 1906—1917) и начальник (1917—1919) Николаевской военно-морской академии, сотрудник ученого отдела Гл. мор. штаба, затем нач. воен.-мор. (оперативного) отдела штаба команд. флотом на Тихом океане (1904—1905). Автор трудов по военно-морской истории, публицист, печатался в «Новом времени» — 57, 65, 66, 73
- Клемансо Жорж (1841—1929) — французский политический деятель, министр внутренних дел (1906), премьер-министр (1906—1909, 1917—1920) — 204
- Ковалевский Евграф Петрович (1865—1941) — статский советник, землевладелец, чиновник Министерства народного просвещения, губернский гласный. Октябрьист, член II—IV Государственной думы, докладчик комиссии по делам народного просвещения. Эмигрант — 159
- Ковалевский Максим Максимович (1851—1916) — статский советник. Социолог, правовед, историк, этнограф и публицист. Профессор Московского университета (1880). Создатель совместно с Ю.С. Гамбаровым Высшей школы социальных наук в Париже (1901), Создатель и руководи-
- тель Партии демократических реформ (1906), член I Государственной думы и Государственного совета по выборам (1907—1916), издатель журнала «Вестник Европы» (1909—1916), президент Вольного экономического общества (1910—1914), действительный член Академии наук (1914) — 148
- Ковалевский П.Е. — профессор русской истории — 192
- Кованько В.А. — инженер, управляющий Харьковско-Орловской железной дороги — 24, 25
- Кони Анатолий Федорович (1844—1927) — действительный статский советник (1883), тайный советник (1891), действительный тайный советник (1910). Юрист, общественный деятель, выдающийся судебный оратор, профессор кафедры уголовного судопроизводства Петроградского университета (1918). Вице-директор (1875) и директор департамента Министерства юстиции (1877), прокурор (1871—1875), затем председатель Петербургского окружного суда (1877—1881), председатель Гражданского департамента Петербургской судебной палаты (1881), обер-прокурор Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената (1885—1891, 1892—1896), сенатор (1891), член Государственного совета по назначению (1907—1817) — 25
- Конфуций (Кун-цзы) (ок. 551—479 до н.э.) — др.-кит. мыслитель, основатель конфуцианства. Осн. взгляды изложены в кн. «Лунь юй» («Беседы и суждения») — 216, 217
- Кривошеин Александр Васильевич (1857—1921) — русский государственный деятель, действительный статский советник (1904), гофмейстер (1909). Помощник (1896), затем начальник Переселенческого управления Министерства внутренних дел (1902), товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием (1905—1906), член Государственного Совета по назначению (1906), товарищ министра финансов (1906—

- 1908), начальник Главного управления землеустройства и земледелия (1908–1915), статс-секретарь Е. В. (1910), глава правительства Юга России при П.Н. Врангеле (1920) — 163, 174, 178, 187, 189, 195
- Криге — юрисконсульт МИД Германской империи — 111, 112, 119
- Кудашев Николай Александрович (1868–1921) — русский дипломат, князь. Первый секретарь российского посольства в Токио (1902); первый секретарь российского посольства в Константинополе (1906); временный поверенный в делах России в США (1910–1913); директор Дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего (1914–1916), посланник в Китае (1916–1920) — 124
- Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925) — русский военный деятель, генерал-майор (1882), генерал-лейтенант (1890), генерал от инфантерии (1900), генерал-адъютант (1902). Участник экспедиций в Среднюю Азию и русско-турецкой войны (1877–1878). Заведующий Азиатской частью Главного штаба Военного министерства (1878), командир Туркестанской стрелковой бригады (1879), начальник Закаспийской области (1890–1898), военный министр (1898–1904). Во время русско-японской войны командующий Маньчжурской армией (февраль–октябрь 1904), затем главнокомандующий русской армией на Дальнем Востоке (январь 1904 — март 1905). Во время Первой мировой войны командующий Гренадерским корпусом (сентябрь–декабрь 1915), 5-й армией (декабрь 1915 — февраль 1916), главнокомандующий армиями Северного фронта (февраль–июль 1916), туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа (1916–1917) — 41, 42, 46, 49
- Лаваль Иван Степанович (?–1846) — граф, французский эмигрант. Член главного правления училищ; первый управляющий газетной экспедицией МИД — 31
- Ламздорф Владимир Николаевич (1844–1907) — русский дипломат, граф, камергер (1879), действительный статский советник (1881), гофмейстер (1889), действительный тайный советник (1901). Первый секретарь Канцелярии (1875), младший советник (1881), директор Канцелярии (1882), старший советник (1886) Министерства иностранных дел. Товарищ министра иностранных дел (1897), управляющий (1900) и министр иностранных дел (1900–1906), статс-секретарь Е.В. (1902), член Государственного совета по назначению (1906) — 18, 20, 40, 42, 50, 51, 55–57, 60, 61, 69, 75, 83–88, 90, 91, 95–98, 122
- Лао-цзы (Ли Эр) (IV–III вв. до н.э.) — автор древнекитайского трактата «Лао-цзы», канонического сочинения даосизма — 216, 217
- Ларди — швейцарский юрист, посол Швейцарского союза во Франции — 139
- Лев I Великий (?–461) — папа Римский с 440 г., богослов и государственный деятель. Канонизирован церковью — 185
- Лихтенштейн — князь, австрийский дипломат. Посол Австро-Венгрии в Париже и С.-Петербурге — 178
- Львов Николай Николаевич, 1-й (1867–1944) — русский общественный деятель. Депутат I–IV Государственной думы. Один из основателей кадетской партии, член ЦК в 1905–1906 гг., вышел из-за несогласия с аграрной программой партии. Один из организаторов Партии мирного обновления (1906), прогрессивской партии (1912). В 1915 г. перешел к октябристам. Участник Белого движения. Эмигрировал — 58
- Люциус — германский дипломат, барон. Советник германского посольства в Париже и С.-Петербурге; посланник в Стокгольме (1914) — 176, 178, 204

- Магеровский Лев Флорианович (1896—1986) — доктор права, общественный деятель. Командир зенитной батареи (1917); слушатель Военно-юридической академии (1917); участник Белого движения; эмигрировал в Чехославию (1922); создатель и сотрудник Русского исторического архива в Праге; куратор Русского исторического архива (Бахметевского) при Колумбийском университете (1948—1977) — 9—11
- Макиавелли (Макьявелли) (Machiavelli) Николо (1469—1527) — итальянский политический мыслитель, историк, писатель — 63, 180
- Маклаков Василий Алексеевич (1869—1957) — общественно-политический деятель. Адвокат и юрисконсульт Петербургского отделения Московского банка Рябушинских, депутат II—IV Государственной думы, член ЦК кадетской партии (1905), сотрудник «Русских ведомостей» и «Русской мысли»; посол Временного правительства в Париже (1917) — 9
- Маклаков Николай Алексеевич (1871—1918) — русский государственный деятель. Статский советник (1908), камергер (1909), действительный статский советник (1911), гофмейстер (1913). Налоговый инспектор в Суздале (1894—1900), начальник отделения Тамбовской казенной палаты (1900), директор Тамбовского губернского попечительного о тюрьмах комитета (1902), управляющий Тамбовской (1903) и Полтавской казенной палатой (1906), черниговский губернатор (1909), управляющий Министерством внутренних дел (1912), министр внутренних дел (1913—1915), член Государственного совета по назначению (1915—1917). Расстрелян в августе 1918 г. по постановлению СНК — 149
- Малевский-Малевич Николай Андреевич — русский дипломат, сенатор, гофмейстер, директор II департамента Министерства иностранных дел, русский посол в Токио (1908—1916) — 40, 51, 57, 58, 93, 94
- Мандельштам Андрей Николаевич (1869—?) — русский дипломат. Доктор международного права. Служил в МИД, трудясь на различных должностях в Российском посольстве в Константинополе и консульствах в Турции, позднее директором департамента. Первый драгоман Посольства России в Константинополе. В эмиграции активно занимался практической и научно-литературной деятельностью, являлся сотрудником «Современных записок», «Еврейской трибуны», «Права и хозяйства» и др. изданий. Автор двух монографий и серии статей. Член-корреспондент Института международного права — 37, 38, 60, 69, 73, 139—141
- Манасевич-Мануйлов (Мануйлов) Иван Федорович (1869—1918) — надворный советник. Журналист. Агент Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел в Риме (1899), заведующий Особым отделением Департамента полиции (1905), затем — откомандированный в распоряжение председателя Совета министров графа С.Ю. Витте. С 1906 по 1915 г. — в отставке. Во время Первой войны причислен к Министерству внутренних дел (1915), откомандирован в распоряжение председателя Совета министров Б.В. Штюрмера (1916). Расстрелян большевиками — 64, 69
- Мария Николаевна (1819—1876) — дочь императора Николая I, замужем за принцем Максимилианом Лейхтенбергским (1839), после смерти которого вступила в морганатический брак с Г.А. Строгановым (1856), известная благотворительница, президент Академии художеств и Общества поощрения художеств (1852) — 11, 30
- Мария Федоровна (Мария София Фредерика Дагмара) (1847—1928) — дочь датского короля Христиана IX, жена Александра III (1866), российская императрица (1881—1894). Попечительница Ведомства учреждений императрицы Марии, Российского

- общества Красного Креста и общества Спасения на водах. В 1919 г. эмигрировала в Англию, затем в Данию — 26, 27, 61, 163
- Марков Николай Евгеньевич (Второй) (1866—1945) — политический деятель, коллежский советник, землевладелец, председатель Главного совета «Союза русского народа» (1909), депутат III — IV Государственных дум. В 1918—1920 гг. находился в армии генерала Юденича. С 1920 г. в эмиграции — 6
- Маргенс Федор Федорович (1845—1909) — русский дипломат, юрист, публицист. Тайный советник (1891). Профессор международного права Петербургского университета (1873—1905). Автор многочисленных трудов в области международного права. Чиновник особых поручений при государственном канцлере А.М. Горчакове (1873), непрямой член Совета министра иностранных дел (1881), постоянный представитель России на международных конференциях Красного Креста (1884), участвовал в работе 1-й и 2-й Гаагской конференции мира (1899, 1907), вице-президент европейского Института международного права (1885) — 14, 16, 28, 30, 35—39, 39, 47, 50, 53—56, 69, 95, 97, 106, 110, 111, 116, 123—126, 128, 130, 167, 196, 197
- Медем Ольга Фердинандовна — баронесса, тетка М.А. Таубе — 210
- Мейер Юрий Константинович (1897—1993) — Участник Белого движения, офицер 3-го эскадрона лейб-гвардии кирасирского Е.В. полка, член Высшего Монархического совета, эмигрировал в Югославию (1922), начальник отдела внешних сношений и финансов комитета РОА, переехал в США (1953), преподаватель в военной школе под Вашингтоном, один из основателей Конгресса Русских Американцев (1973) — 11
- Мельгунов Сергей Петрович (1879/80—1956) — историк, редактор журнала «Голос минувшего» (1913—1922), народный социалист. Эмигрант — 199
- Меттерних (Меттерних-Виннебург) Клеменс (1773—1859) — князь, австрийский государственный деятель. Министр иностранных дел и фактический глава правительства (1809—1821), канцлер (1821—1848). Один из организаторов Священного союза — 97
- Мещерский Владимир Петрович (1839—1914) — русский общественный деятель, князь, камергер (1869). Писатель и журналист. Издатель-редактор политической и литературной газеты-журнала «Гражданин» (1872—1914), журналов «Добро» (1881), «Воскресение» (1887—1894), «Дружеские речи» (1903—1905), газеты «Русь» (1894—1896) — 43
- Ми-Ти (Мо Ди, Мо Цзы) (ок. 475—395 до н.э.), древнекитайский мыслитель, политический деятель, основатель моизма — 217
- Милица Николаевна (186—1951) — урожденная княжна Черногорская, старшая дочь черногорского князя Негоша (короля Николая I), великая княгиня, жена великого князя Петра Николаевича. После 1917 г. эмигрировала в Италию — 43, 44, 48
- Милюков Павел Николаевич (1859—1943) — русский общественно-политический деятель, историк и публицист. Приват-доцент Московского университета (1886—1895), преподавал в Софийском университете (1897—1898). Основатель «Союза освобождения», председатель «Союза союзов», основатель и председатель ЦК кадетской партии, член III и IV Государственной думы, министр иностранных дел Временного правительства первого состава (март-май 1917). Эмигрировал в Англию (1920), затем переехал во Францию, издавал газету «Последние новости» (1921—1940) — 159, 210
- Мирабо (Оноре Габриель Рикети) (1749—1791) — французский общественно-политический деятель, граф. Депутат Генеральных штатов в 1789 г. от третьего сословия. Странник конституционной монархии — 60—62

- Мотоно Ихиро (1862–1919) — барон, японский дипломат. Посол во Франции (1901–1906), посол в Петербурге (1906–1916), министр иностранных дел (1916–1918) — 189
- Муравьев Николай Валерьянович (1850–1908) — русский государственный деятель, действительный статский советник (1884), тайный советник (1891), действительный тайный советник (1901). Прокурор Петербургской (1882) и Московской (1884) судебной палаты, выступал обвинителем по делу 1 марта, обер-прокурор кассационного департамента Сената по уголовным делам (1891), государственный секретарь (1892), член Комитета финансов (1892), министр юстиции (1894–1905), статс-секретарь Е.В. (1896), посол в Риме (1905–1908) — 30
- Муромцев Михаил Иванович — русский дипломат, вице-директор Департамента хозяйственных дел МИД — 36
- Мусин-Пушкин Александр Алексеевич (1855–1918) — граф, гофмейстер, сенатор. Помощник попечителя Киевского учебного округа (1890–1899), член совета Министерства народного просвещения; попечитель Одесского учебного округа (1906 — декабрь 1907); попечитель С.-Петербургского учебного округа (1908–1909) — 160, 163
- Набоков Владимир Дмитриевич (1869–1922) — общественно-политический деятель, профессор уголовного права в Училище Правоведения, член «Союза освобождения», член ЦК кадетской партии (1905), депутат I Государственной думы, управляющий делами Временного правительства (март — май 1917 г.); заместитель председателя Временного совета Российской республики (сентябрь — октябрь 1917 г.). Эмигрировал. Убит правым террористом во время покушения на П.Н. Милюкова — 6
- Наполеон III (Луи Наполеон Бонапарт) (1808–1873) — французский император (1852–1870). Племянник Наполеона I — 60
- Нарышкин Александр Алексеевич (1839–1916) — русский государственный и политический деятель, тайный советник (1898), действительный тайный советник (1915). Председатель Орловской губернской земской управы (1874), подольский губернатор (1892), товарищ министра государственных имуществ (1894), сенатор (1898), член Государственного совета по выборам (1906–1916), член «Союза русских людей», товарищ председателя Постоянного совета Объединенного дворянства (1906) — 31
- Неклюдов Анатолий Васильевич (1856–?) — русский дипломат, камергер (1903). Первый секретарь российской миссии в Сербии (1891–1898), посланник в Софии (1911–1913), посланник в Стокгольме (1913–1917), посол в Мадриде (апрель 1917), в отставке (с августа 1917). Эмигрировал — 57, 60, 70
- Нелидов Александр Иванович (1835–1910) — русский дипломат, камергер (1872), действительный статский советник (1875), тайный советник (1883), действительный тайный советник (1896). Советник посольства в Константинополе (1874–1877); директор дипломатической канцелярии при главном штабе действующей армии (1877–1878); посланник при саксонском королевском дворе (1878–1882); посланник в Константинополе (1883–1897), Италии (1897–1903) и Франции (1903–1910) — 58, 61, 69
- Нератов Анатолий Анатольевич (1863–?) — русский дипломат, гофмейстер. Вице-директор I-го департамента Министерства иностранных дел (1906–1910), товарищ министра иностранных дел (1910–1916), управляющий Министерством иностранных дел (11 ноября — 30 ноября 1916). Член Государственного совета (1917) — 204
- Нессельроде Карл Васильевич (1780–1862) — русский дипломат, граф

(1828), русский государственный деятель, дипломат. Камергер (1800), тайный советник (1813), действительный тайный советник (1823), государственный канцлер (1845). Советник русского посольства в Париже (1807–1810), статс-секретарь (1811), управляющий делами Государственной коллегии иностранных дел (1816), член Государственного совета (1821). Принимал активное участие в работе Венского конгресса (1814–1815) и конгрессов Священного Союза в Аахене (1818), Троппау (1820), Вероне (1822). Министр иностранных дел (1832–1856), председатель Комитета железных дорог (1858), председатель соединенных присутствий Деп-та гос. экономики Гос. совета и К-та фин. (1860) — 170, 177

Нивэ Андрей Иванович — русский дипломат, начальник газетной экспедиции МИД — 31

Николаевский Борис Иванович (1887–1966) — историк, политический деятель. Активный деятель социал-демократического движения (с 1901 г.); большевик (1903–1906), меньшевик (с 1906 г.); член ЦК меньшевиков (1920); эмигрировал в Германию (1922); один из создателей журнала «Летопись революции» (1923); представитель Русского заграничного исторического архива в Берлине, заграничный представитель Института К. Маркса и Ф. Энгельса (1924–1931); переехал в Париж (1933), затем в США (1940); директор Американского рабочего архива в Нью-Йорке, основал Лигу борьбы за народную свободу (1948), сотрудник Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете (1963) — 9

Николай I (1796–1855) — сын российского императора Павла I, российский император (1825–1855) — 29, 30, 132, 170, 201

Николай II (1868–1918) — сын российского императора Александра III, российский император (1894–1917). Расстрелян большевиками — 8, 15,

18, 35, 42, 43, 49, 60, 78, 83, 84–87, 91, 93, 101, 106, 114, 120–122, 127–129, 132, 135, 142, 145, 152, 155, 156, 158, 160, 161, 170, 176, 179, 181, 189, 191, 192, 194–196, 199, 204

Николай Михайлович (1859–1919) — великий князь, старший сын великого князя Михаила Николаевича, флигель-адъютант (1879), генерал-майор (1896), генерал-лейтенант (1901), генерал-адъютант (1903), генерал от инфантерии (1913). Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Историк и энтомолог. Почетный президент Русского энтомологического общества (1881–1917), председатель Русского географического (1892–1917) и Русского исторического (1910–1917) обществ и Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины (1910–1917). Автор работ по истории России и международных отношений конца XVIII — начала XIX в. Расстрелян большевиками в январе 1919 г. — 138, 170–172, 178, 189, 193, 195, 202, 204, 208

Николай Николаевич (Младший) (1856–1929) — великий князь, старший сын великого князя Николая Николаевича (Старшего), флигель-адъютант (1876), генерал-майор (1885), генерал-лейтенант (1893), генерал-адъютант (1894). Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Командир эскадрона Лейб-гвардии Гусарского полка (1884), 2-й бригады 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии (1890), генерал-инспектор кавалерии (1895), председатель Совета государственной обороны (1905–1908), главнокомандующий войсками Гвардии и Петербургского военного округа (1905–1914). Во время Первой мировой войны — верховный главнокомандующий (июль 1914 — август 1915, март 1917), кавказский наместник (август 1915 — март 1917). В 1919 г. эмигрировал в Италию, затем во Францию — 43–45, 47, 48, 50, 86, 101, 168, 173, 181

Нольде Борис Эммануилович (1876—1948) — русский дипломат, профессор Александровского лицея, Высших женских курсов, заведующий кафедрой международного права Петербургского политехнического университета, с 1917 г. заведующий кафедрой международного права Петербургского университета. Директор второго департамента МИД. Член кадетской партии. Эмигрировал — 110—112, 128, 203, 205, 210

Оболенский Валериан Сергеевич (с 1891 г. — Оболенский-Нелединский-Мелецкий) (1848—1907) — князь, русский дипломат, действительный статский советник (1886), шталмейстер (1896). Директор Канцелярии Министерства иностранных дел (1886), товарищ министра иностранных дел (1900), член Государственного совета по назначению (1906) — 16, 17, 40, 50

Овчинников Иван Александрович (1865—1917) — генерал-лейтенант флота; преподаватель военно-юридической академии. Убит большевиками — 52, 122, 197

Ольденбургский Александр Петрович (1844—1932) — принц, флигель-адъютант (1865), генерал-майор свиты (1871), генерал-адъютант (1880), генерал-лейтенант (1881), генерал от инфантерии (1895). Женат на Евгении Максимилиановне, герц. Лейхтенбергской, кн. Романовской. Командир лейб-гвардии Преображенского полка (1870—1876). Участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Командир 1-й Гвардейской пехотной дивизии (1880—1885), командир Гвардейского корпуса (1885—1889). Член Государственного совета (1896—1917), председатель Комиссии о предупреждении занесения в Империю чумной заразы и борьбе с нею (1897). Филантроп. Попечитель Училища правоведения (1881), основатель и попечитель Института экспериментальной медицины (1890). Во время Первой мировой войны — верховный началь-

ник санитарной и эвакуационной части (1914—1917). После 1917 г. — в эмиграции в Париже — 127

Орлов Владимир Николаевич (1868 — 1927) — князь, флигель-адъютант (1903), генерал-майор свиты (1909), генерал-лейтенант (1915). Помощник начальника (1901) и начальник Военно-походной канцелярии Е.В. (1906—1915), помощник по гражданской части кавказского наместника (1915—1917). Эмигрировал — 155, 156

Пален Константин Константинович (1862—?) — граф, гофмейстер, сенатор (1906). Виленский губернатор (1902). Лишен придворного звания 3 сентября 1916 г. — 187

Палеолог Морис (Paléologue, Maurice) (1859—1944) — французский дипломат, посол в России (191—1917) — 48

Папков А.А. — сотрудник по изданию «Сборника» Русского исторического общества — 203, 204

Папюс (Жерар Анкос) (1865—1916) — оккультный писатель. Великий магистр Верховного совета Ордена мартинистов (1891). Занимался организацией спиритических сеансов для представителей высшего света Петербурга — 43, 44, 48, 91, 205

Пергамент М.Я. — профессор римского права в С.-Петербургском ун-те — 149—151

Пергамент Осип Яковлевич (1868—1909) — присяжный поверенный, один из лидеров кадетской партии член II и III Государственной думы — 163

Перовский Н.Н. — граф — 6

Петр I Великий (1672—1725) — русский царь (1682), первый российский император (1721) — 132, 148

Петражицкий Лев Иосифович (1867—1931) — юрист. Преподавал в Киевском университете (1896), профессор Петербургского университета (1897). Создатель психологической теории права. Один из лидеров кадетской партии, член ЦК. Депутат I Государственной думы. Сенатор

- (1917). Принял польское гражданство (1921) — 37, 38
- Пиленко Александр Александрович (1873—1948) — статский советник. Доктор международного права (1911), профессор Петербургского университета, Александровского лицея и Высших женских курсов. Журналист газеты «Новое время» и председатель Общества думских журналистов. Эмигрировал во Францию — 38, 39
- Пирлинг Павел Осипович (отец Павел) (1840—1922) — историк, иезуит — 148, 163
- Победоносцев Константин Петрович (1827—1907) — русский государственный деятель, действительный статский советник (1863), тайный советник (1868), действительный тайный советник (1883). Цивилист и литератор. Профессор Московского университета (1860), член Консультации при Министерстве юстиции учрежденной (1865), сенатор (1868), член Государственного совета (1872), обер-прокурор Синода и член Комитета министров (1880—1905), статс-секретарь Е.В. (1894) — 43
- Покровский Николай Николаевич (1865—1930) — русский государственный деятель, статский советник (1902), действительный статский советник (1905), тайный советник (1913). Чиновник Департамента окладных сборов Министерства финансов (1889—1893) и канцелярии Комитета министров (1893—1899), товарищ директора (1899—1903) и директор (1904—1905) Департамента окладных сборов, товарищ министра финансов (1906—1914), член Государственного совета (1914), государственный контролер (1916), министр иностранных дел (1916—1917). Эмигрировал — 205
- Посыет Константин Николаевич (1819—1899) — флигель-адъютант (1860), контр-адмирал свиты (1861), генерал-адъютант (1866), вице-адмирал (1868), адмирал (1882). Военный теоретик. Наставник (1858), и попечитель великого князя Алексея Александровича (1870), министр путей сообщения (1874), член Государственного совета (1888) — 23—26, 31
- Принц Уэльсский см. Георг V
- Прозор Маврикий Эдуардович — русский дипломат, граф, чиновник по особым поручениям при министре иностранных дел (1892—1895), младший (второй) советник Министерства иностранных дел (1896—1897) — 123—126, 196, 197
- Проппер С.М. — издатель и редактор газеты «Биржевые ведомости» — 184
- Прутченко Сергей Михайлович — камергер, попечитель Рижского и Петербургского учебного округа — 160
- Пурталес Фридрих (1853—1928) — граф, посланник в Мюнхене, германский посол в России (1907—1914); советник МИД Германии (1914—1918) — 175, 176
- Распутин (Новых) Григорий Ефимович (1869—1916) — крестьянин с. Покровского Тобольской губернии, «старец». Начиная с 1906 г. был близок к царской семье. Убит в ночь с 16 на 17 декабря 1916 г. В.М. Пуришкевичем и князем Ф.Ф. Юсуповым — 87, 187, 188, 199, 205
- Рачковский Петр Иванович (1853—1911) — действительный статский советник (1901). Заведующий заграничной агентурой Департамента полиции (1885—1902). Заведующий Политической частью Департамента полиции (1905—1906). В 1906 г. вышел в отставку и жил в Париже — 18, 50, 64, 65, 69, 80, 146, 147
- Ренников (Селитренников) Андрей Митрофанович (1882—1957) — русский общественный деятель, журналист, публицист. В 1912 г. стал сотрудником и редактором отдела «Внутренние новости» одной из крупнейших газет «Новое время», издаваемой А.С. Сувориным. Под псевдонимом «Ренников» регулярно печатал в газете фельетоны, рассказы и очерки. Быстро стал известен как мастер юмористического сти-

- ля. Отличался крайне правыми политическими взглядами. С 1920 г. в эмиграции — 187
- Рено Луи — французский дипломат, профессор Парижского университета. Первый юрисконсульт Министерства иностранных дел Франции — 111, 112, 119, 177
- Ригтх Александр Александрович (1868—1930) — русский государственный деятель, действительный статский советник (1906), гофмейстер (1913). Чиновник особых поручений Переселенческого управления (1901), чиновник особых поручений в Министерстве финансов (1903), директор Департамента государственных имуществ и управляющий делами Комитета землеустройства Главного управления землеустройства и земледелия (1905—1912), товарищ начальника этого управления (1912—1916), сенатор (1916), министр земледелия и председатель Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу (январь—март 1917 г.). После Октябрьской революции эмигрировал — 203
- Ро (Rau) — известный французский переплетчик — 167
- Рожественский Зиновий Петрович (1848—1909) — контр-адмирал (1898), контр-адмирал свиты (1902), вице-адмирал и генерал-адъютант (1904). Участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Исправляющий должность начальника Главного морского штаба (1902). Во время русско-японской войны — командующий 2-й Тихоокеанской эскадрой. После сражения при Цусиме 17 мая 1905 г. оказался в плену, из которого вернулся в 1906 г. Предан военно-морскому суду, оправдан, вышел в отставку — 17, 49, 52, 54, 55, 57, 58, 64—71, 74, 76—79, 82
- Рухлов Сергей Васильевич (1852—1918) — русский государственный деятель, действительный статский советник (1891), тайный советник (1901), действительный тайный советник (1913). Инспектор 6-го (1882) и 5-го класса (1890) при Главном тюремном управлении Министерства внутренних дел, помощник статс-секретаря (1892), исправляющий должность статс-секретаря (1895) и статс-секретарь Департамента экономии Государственного совета (1897), товарищ главноуправляющего торговым мореплаванием и портами (1903), член Государственного совета (1905—1917), статс-секретарь Е.В. (1912), министр путей сообщений (1909—1915). Расстрелян большевиками — 194
- Рюриковичи — династия русских князей, в том числе великих князей киевских, владимирских, московских, и русских царей (кон. IX—XIV в., последний Рюрикович — царь Федор Иванович), считавшихся потомками Рюрика. К Рюриковичам принадлежали также некоторые дворянские роды, потомки удельных князей — 208
- Саблер (с 1915 г. — Десятовский) Владимир Карлович (1845—1929) — русский государственный деятель, камергер (1880), действительный статский советник (1882), тайный советник (1890), действительный тайный советник (1905). Цивилист. Доцент Московского университета (1872), правитель дел Совета Петербургского женского патриотического общества (1874—1879), состоявший при великой княгине Екатерине Михайловне (1876), юрисконсульт при Синоде (1881), управляющий Канцелярией Синода (1883), товарищ обер-прокурора Синода (1892), сенатор (1896, с оставлением в предыдущей должности), член Государственного совета (1905—1917), обер-прокурор Синода (1911—1915), статс-секретарь Е.В. (1913) — 207
- Сабуров Андрей Александрович (1837—1916) — русский государственный деятель, действительный статский советник (1872), тайный советник (1879), действительный тайный советник (1898). Член Консультации при Министерстве юстиции учреж-

- денной (1872), попечитель Дерптского учебного округа (1875), статс-секретарь Е.В. (1880), министр народного просвещения (апрель 1880 — март 1881), сенатор (1881), член Государственного совета (1899), в 1905 г. — член Особого совещания для пересмотра действующего учреждения Сената и выработки, в связи с преобразованием Сената, законоположений о местных административных судах, председатель 1-го Департамента Государственного совета (1906—1916) — 153, 155, 156, 158
- Савинский Александр Александрович (1868—1927) — русский дипломат, камер-юнкер (1899), церемониймейстер (1902). Чиновник департамента личного состава МИД (1892—1894); чиновник канцелярии Министерства иностранных дел (1895—1896), чиновник особых поручений (1904); директор Канцелярии Министерства иностранных дел (1905) — 107, 116, 117
- Сазонов Сергей Дмитриевич (1860—1927) — русский дипломат, камергер (1898), действительный статский советник (1907), гофмейстер (1910). Секретарь миссии в Ватикане (1894), советник посольства в Англии (1904), министр-резидент (1906) и посланник в Ватикане (1907), товарищ министра (1909) и министр иностранных дел (1910—1916), член Государственного совета по назначению (1913—1917), посол в Англии (1917). В 1918 г. входил в состав Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России А.И. Деникине, в 1919 — министр иностранных дел Всероссийского правительства А.В. Колчака. Эмигрировал во Францию — 20, 21, 127, 128, 137, 140, 142, 164—173, 177, 182—184, 195, 204
- Самойлов Владимир Константинович (1866—?) — полковник (1903). Военный агент в Японии (1902—1904) — 49
- Сансе, де — русский дипломат, граф, начальник газетной экспедиции МИД — 31
- Селеховские — княжеский род, из ветви Смоленских Юриковичей — 208
- Селиверстов Н.Д. — генерал-лейтенант, товарищ шефа жандармов (1878). Убит 7 ноября 1890 г. в Париже эмигрантом Подлевским — 31
- Сергеевич Василий Иванович (1832—1910) — историк права, профессор Московского университета, декан юридического факультета, затем ректор С.-Петербургского университета (1897—1899). Член Государственного Совета (1907) — 37
- Соллогуб — граф, муж дочери Ф.Ф. Мартенса — 37
- Спринг Райс (Spring Rice) — английский дипломат, советник английского посольства — 59
- Степанов — командир транспортного судна «Камчатка» — 65, 66, 69
- Столыпин Петр Аркадьевич (1862—1911) — русский государственный деятель, потомственный дворянин, действительный статский советник, гофмейстер. Гродненский (1901) и Саратовский (1903) губернатор; министр внутренних дел (апрель 1906 — сентябрь 1911); председатель Совета министров (июль 1906 — сентябрь 1911). Убит террористом М. Богровым — 58, 114, 119, 127, 130, 132, 133, 138, 146, 147
- Сухомлинов Владимир Александрович (1848—1926) — генерал-майор (1890), генерал-лейтенант (1898), генерал от инфантерии и кавалерии (1906), генерал-адъютант (1912). Военный писатель. Участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Начальник Офицерской кавалерийской школы (1886), командующий 10-й кавалерийской дивизией (1897), начальник Штаба (1899), помощник командующего (1902) и командующий войсками Киевского военного округа (1904), киевский, подольский и вольнский генерал-губернатор (1905, с оставлением в прежней должности), начальник Главного управления Генерального штаба (1908), военный министр (1909—1915), член Государственного

- Совета по назначению (1911—1916). В июне 1915 г. был снят с поста военного министра. В марте 1916 г. арестован по обвинению в государственной измене. В феврале 1917 г. снова арестован, на суде был признан виновным в недостаточной подготовке армии к войне и приговорен к бессрочной каторге, замененной заключением. В мае 1918 г. освобожден по амнистии и эмигрировал в Финляндию, затем в Германию — 30, 31, 153, 168
- Талейран (Талейран-Перигор) (Talleyrand-Périgord) Шарль Морис (1754—1838) — французский государственный деятель и дипломат. Министр иностранных дел при Директории (1797—1799), в период Консульств и Империи (1799—1807), при Людовике XVIII (1814—1815). Глава французской делегации на Венском конгрессе 1814—1815 гг. Посол в Лондоне (1830—1834) — 97
- Танеев Александр Сергеевич (1850—1918) — действительный статский советник (1885), камергер (1886), гофмейстер (1895), обер-гофмейстер (1906). Композитор. Старший чиновник (1889) и помощник управляющего Собственной Е.В. канцелярией (1892), управляющий Комитетом о службе чинов гражданского ведомства и о наградах, заведующий Инспекторским отделом Собственной Е.В. канцелярии (1894), управляющий (1896) и главноуправляющий этой канцелярией (1897—1917), статс-секретарь Е.В. (1904), член Государственного совета по назначению (1906—1917) — 202
- Таубе Арвид — граф, посол Швеции в Германии, министр иностранных дел Швеции — 100
- Таубе Александр Александрович (1864—1919) — барон, генерал-лейтенант. Родной брат М.А. Таубе. Участник русско-японской и Первой мировой войн. Командир 4-й Сибирской дивизии; начальник штаба Омского военного округа (1916). После Октябрьской революции 1917 г. перешел на сторону большевиков. В сентябре 1918 г. захвачен в плен белыми. В нач. 1919 г. умер от сыпного тифа — 206
- Таубе Александр Михайлович — барон, двоюродный брат М.А. Таубе — 5, 177
- Таубе Анна Яковлевна (Буторова) (1833—1916) — мать М.А. Таубе — 14
- Таубе Анна Александровна (Баранова) — мать А.М. Таубе, племянника М.А. Таубе — 177
- Таубе Александр Фердинандович (1834—1897) — барон, отец М.А. Таубе. Инспектор Императорских поездов — 13, 23
- Таубе Александра Фердинандовна (1859—1919) — младшая сестра отца М.А. Таубе, входила в великосветский кружок великого князя Николая Николаевича (Младшего) — 45, 46
- Таубе Борис Александрович (1865—1941) — родной брат М.А. Таубе; офицер Генерального штаба, участник международной экспедиции, направленной на подавление боксерского восстания (1900); начальник штаба Порт-Артурской крепости (1904—1905); начальник штаба Кронштадтской крепости (1914—1915) — 41
- Таубе Густав Адольф — пастор в Финляндии — 211
- Таубе Георгий Иванович — барон, двоюродный брат М.А. Таубе, русский военный летчик в годы Первой мировой войны — 207
- Таубе Георгий Фердинандович — дядя М.А. Таубе, офицер, окончил Академию Генерального штаба — 47
- Таубе Дмитрий Фердинандович — барон, двоюродный брат М.А. Таубе — 207
- Таубе Елизавета Федоровна — двоюродная тетка М.А. Таубе — 45
- Таубе Иоганн-Георг, фон (1750—1830) — офицер в армии прусского короля Фридриха Великого — 13, 212
- Таубе Иван Фердинандович — барон, дядя М.А. Таубе. Атташе русского посольства в Париже — 176, 178
- Таубе Константин Фердинандович — барон, дядя М.А. Таубе. Переводчик, управляющий 1-й Экспедицией при Канцелярии министра ино-

- странных дел, занимавшейся составлением шифров для дипломатических учреждений — 28, 32
- Таубе Михаил Михайлович — двоюродный брат М.А. Таубе, монах Агапит Оптиной пустыни — 212
- Таубе Николай Эрнестович — барон, дядя М.А. Таубе. Сенатор Гражданского Кассационного департамента — 31, 201
- Таубе Сергей Фердинандович — двоюродный брат М.А. Таубе, офицер, окончил Академию Генерального штаба — 47
- Таубе Фердинанд Иванович (1805—1870) — дед М.А. Таубе, действительный статский советник. Директор в 1856 г. Царскосельской ж/д; вице-директор Департамента железных дорог — 13, 27
- Таубе Фердинанд Фердинандович — дядя М.А. Таубе, офицер, окончил Академию Генерального штаба — 47
- Таубе Федор Федорович — барон, дальний родственник М.А. Таубе, генерал-адъютант, наказной атаман Донского Казачьего войска — 36, 51, 206
- Таубе Юст — барон, губернатор Риги в 30-х годах XVII в. — 143
- Таубе Яков Александрович (1865—1918) — барон, родной брат М.А. Таубе — 211
- Толстой Дмитрий Андреевич (1823—1889) — русский государственный деятель, граф, действительный статский советник (1856), камергер (1858), в должности гофмейстера (1859), гофмейстер (1861), действительный тайный советник (1872). Историк. Директор Канцелярии Морского министерства (1853), член Главного правления училищ Министерства народного просвещения (1860), управляющий Департаментом народного просвещения (1861), сенатор (1861), обер-прокурор Синода (1865—1880), член Государственного совета (1865), министр народного просвещения (1866—1880), почетный опекун (1874), президент Академии наук (1882—1889), министр внутренних дел (1882) — 43
- Толстой Лев Николаевич (1828—1910) — граф, русский писатель — 15, 39, 47, 201, 215—217
- Толь Карл Федорович (1777—1842) — граф (1829), генерал-майор (1812), генерал-лейтенант (1813), генерал от инфантерии (1826), участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1814—1815 гг. Начальник штаба 1-й армии (1823), начальник Главного штаба действующей армии во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. и подавления польского восстания 1830—1831 гг. Член Государственного совета (1830), главноуправляющий путями сообщений и публичными зданиями (1833—1839) — 123, 126
- Толь Сергей Александрович (1848—1918) — граф, действительный статский советник (1883); обер-егермейстер (1914). Товарищ статс-секретаря Государственного совета (1880), санкт-петербургский гражданский губернатор (1889—1903), член Государственного совета (1903). Расстрелян в сентябре 1918 г. по приговору Петроградской ЧК — 153, 155, 156, 177
- Трепов Александр Федорович (1862—1926) — чиновник в Министерстве внутренних дел (1889—1892), помощник статс-секретаря (1899), управляющий делами Александровского комитета (1905), сенатор (1906), член Государственного совета (1914), министр путей сообщений (ноябрь 1915 — ноябрь 1916), председатель Совета министров (ноябрь—декабрь 1916). Эмигрировал — 6, 205
- Тривдар-Буржинский Луи — польский политический деятель — 192
- Трубецкой Сергей Петрович (1790—1860) — князь, декабрист, полковник. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов. Один из организаторов «Союза спасения», «Союза благоденствия» и «Северного общества». Избран диктатором восстания, но на Сенатскую площадь 14 декабря 1825 г. не явился. Приговорен к вечной каторге. С 1826 г. на Нерчинских руд-

- никах, в 1839—1856 гг. на поселении — 31
- Уваров Сергей Семенович (1786—1855) — камер-юнкер Двора Е.И.В. (1804), действительный статский советник (1810), тайный советник (1824), действительный тайный советник (1838). Публицист и историк. Президент Академии наук (1818—1855). Попечитель Петербургского учебного округа (1810—1822), директор Департамента мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов (1822—1824), товарищ министра народного просвещения (1832), министр народного просвещения (1833—1849), член Государственного совета — 144
- Унгерн-Штернберг Роберт Робертович — барон, русский дипломат, российский консул в Мельбурне (1896—1898); генеральный консул в Лондоне — 89
- Федор Иоаннович (1557—1598) — последний русский царь (1584) из династии Рюриковичей. Сын Ивана IV Грозного — 87
- Федор Кузьмич — почитаемый Православной церковью старец, скончался в 1864 г. в Томской губернии. Распространенная легенда отождествляла его с личностью императора Александра I, который якобы не скончался в 1825 г. в Таганроге, а странником тайно удалился из мира — 92
- Фердинанд I Кобургский (1861—1948) — князь (1887) и царь Болгарии (1908—1918). В 1918 г. отрекся от престола в связи с восстанием в Болгарии и бежал в Германию — 118, 129
- Фикельмон Карл Лудвиг (Ficqelmont) (1777—1857) — граф, австрийский генерал и политический деятель. Посланник в России (1829—1839), где при дворе Николая I пользовался значительным влиянием, как представитель политики Меттерниха — 31, 172, 178
- Филипп (Низье Вашо) (1849—1905) — член Ордена маринистов, один из видных представителей французского оккультизма, близкий к царской семье — 9, 10, 43, 44, 47—50, 64
- Франц-Иосиф I (1830—1916) — австрийский император (1848) — 123, 176, 181
- Франц Фердинанд (1863—1914) — эрцгерцог, племянник австрийского императора Франца Иосифа I и наследник австрийского престола. Заместитель главнокомандующего (1898), один из инициаторов аннексии Боснии и Герцеговины (1908). Убит 28 июня 1914 г. в Сараеве членом конспиративной группы «Молодая Босния» Г. Принципом — 176, 181, 182
- Фредерикс — баронесса — 177
- Фрей Эдуард (Eduard Frey) — английский дипломат, юрисконсульт международной комиссии по расследованию «гульского инцидента» — 57, 62, 63, 67, 114
- Фридрих II Великий (1712—1786) — прусский король (1740) — 212
- Фромаже (Fromaget) — французский дипломат, юрист, консультант по вопросам военно-морского права и французского судопроизводства — 57
- Фузинато — профессор-юрист — 177
- Фурнье (Fournier) — французский адмирал — 56, 60, 66, 67, 75—77
- Хаммаршельд (Hammar skjöld) — шведский министр иностранных дел и премьер-министр — 177
- Харитонов Петр Алексеевич (1852—1916) — русский государственный деятель, действительный статский советник (1887), тайный советник (1899), действительный тайный советник (1913). Старший чиновник Кодификационного отдела при Государственном совете (1886), помощник статс-секретаря (1893), затем статс-секретарь Государственного совета (1898), товарищ государственного секретаря (1904), сенатор (1906), член Государственного совета с оставлением в звании сенатора (1906), государственный контролер (1907—1916). Статс-секретарь Е.И.В. (1911) — 136
- Христос — 95

- Чарыков Николай Валерианович (1855–1930) — русский дипломат, камергер и действительный статский советник (1895), гофмейстер (1908). Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Первый секретарь в Константинополе (1890); министр-резидент в Ватикане (1897–1904); товарищ министра иностранных дел (1907–1909); посол в Турции (1909); сенатор (1912–1917) — 106, 110–113, 137
- Черевин Петр Александрович (1837–1896) — генерал-адъютант. Товарищ министра внутренних дел (1880–1883), начальник дворцовой охраны. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — 25
- Шварц Александр Николаевич (1848–1915) — русский государственный деятель, действительный статский советник (1887), тайный советник (1900), действительный тайный советник (1910). Филолог-классик. Доцент (1875) и профессор Московского университета (1884), директор Константиновского межевого института (1897), попечитель Рижского (1900), Варшавского (1902) и Московского (1905) учебных округов, сенатор (1905), член Государственного совета по назначению (1907), министр народного просвещения (1908–1910) — 127, 131, 157
- Шварц А.Г. — хозяин дома, где проводились религиозно-философские собрания — 209
- Шебеко Н.Н. — русский дипломат, советник министра, русский посол в Вене (1913–1914), посол в Бухаресте (1915) — 97
- Шевяков Владимир Тимофеевич (1859–1930) — ученый, зоолог и энтомолог. Член-корреспондент Петербургской АН (1908), Российской АН (1917), АН СССР (1925) — 21, 145, 149, 159, 173, 189
- Шён фон, Вильгельм Эдуард (1851–1933) — барон, германский дипломат, посол в России (1905), статс-секретарь Министерства иностранных дел (1907–1910), германский посол в Париже (1910–1914) — 100, 107, 163
- Шён Эмма (урожд. Сирициус) — родственница Елизаветы Федоровны Гаубе — 46
- Шереметев Сергей Дмитриевич (1844–1918) — граф, флигель-адъютант (1881), действительный статский советник (1884), егермейстер (1892), обер-егермейстер (1904). Историк, генеалог и филантроп. Попечитель Странноприимного дома графа Шереметева в Москве (1871–1917). Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Начальник Придворной капеллы (1883–1894), московский губернский предводитель дворянства (1885–1890), член Государственного совета (1900–1917), председатель Археографической комиссии Министерства народного просвещения (1900–1917) — 171, 172
- Шернваль Кнут Генрихович — барон, главный инспектор железных дорог — 25
- Шпаун (Spraun) — барон, австрийский адмирал, председатель Международной комиссии по расследованию «гульского инцидента» — 56, 59, 60, 76
- Шрамченко — лейтенант флота; офицер эскадры З.П. Рожественского — 57, 73
- Штенгер Василий Александрович (1861–1933) — генерал-лейтенант флота; с 1917 г. в отставке генералом флота. Начальник службы тыла Морского Генерального штаба; член правления Добровольного флота — 57, 65, 70
- Штюрмер Борис Владимирович (1848–1917) — русский государственный деятель, камергер (1888), действительный статский советник (1891), гофмейстер (1896), обер-камергер (1916). Правитель дел Экспедиции церемониальных дел Министерства Императорского двора и уделов (1882), председатель Тверской губернской управы по назначению от правительства (1892), новгородский (1894) и ярославский губернатор (1896), директор Департамента общих дел Министерства внутренних дел (1902), член Государствен-

ного совета (1904), председатель Совета министров (январь — ноябрь 1916) и иностранных дел (июль—ноябрь 1916) — 205, 210

Щегловитов Иван Григорьевич (1861—1918) — русский государственный деятель, действительный статский советник (1899), тайный советник (1907), действительный тайный советник (1914). Криминалист. Вице-директор 1-го департамента Министерства юстиции (1900—1903), член Консультации при Министерстве юстиции учрежденной (1901), обер-прокурор Уголовного кассационного департамента Сената (1903), директор 1-го Департамента Министерства юстиции (1905), товарищ министра юстиции (1906), министр юстиции (1906—1915), член Государственного совета по назначению (1907—1917), статс-секретарь Е.В. (1911), сенатор (1911), председатель Государственного совета (январь—февраль 1917). Расстрелян большевиками — 183, 184, 198

Эдуард VII (1841—1910) — английский король (1901) — 114, 120

Эллис — лейтенант флота; офицер эскадры 3.П. Рождественского — 57, 73

Эренталь фон, Алоиз (1854—1912) — граф, австро-венгерский дипломат и государственный деятель, посол в России (1899), министр иностранных дел (1906—1912) — 115

Юденич Николай Николаевич (1862—1933) — генерал от инфантерии (1915), командир 18-го стрелкового полка (1902—1905), окружной генерал-квартирмейстер штаба Казанского военного округа (1907—1912), начальник штаба Казанского военного округа (1912), начальник Штаба Кавказского военного округа (1913), командующий русской армией на Кавказе (1915—1917), главнокомандующий белогвардейскими войсками на северо-западе (1919—1920) — 6

Ястржембский — магистрант Харьковского университета — 29

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Барон М.А. Таубе и его «Воспоминания»	13
Профессор Барон М.А.Таубе. «ЗАРНИЦЫ» Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900—1917)	
Введение	25
Глава I. Петербург в начале XX-го века. В сумрачном ожидании войны с Японией	35
Глава II. Конфликт и война с Японией. — «Гулльский инцидент» с эскадрой адмирала Рожественского и Англо-русская конвенция о мирном его расследовании. — Личный состав Международной следственной комиссии по этому делу, созданной в Париже. 1903—1904 г.	49
Глава III. «Гулльский инцидент» (II). Международная следственная комиссия. Дело запутывается (декабрь 1904 г.)	59
Глава IV. «Гулльский инцидент» (III). Следственное дело распутывается (январь—февраль 1905 г.)	70
Глава V. На перепутье к новому государственному строю. Сумбур внутренней и внешней политики (1905—1906 гг.)	80
Глава VI. Два года в сложных международных комбинациях министра Извольского (май 1906 — апрель 1908 г.)	94

Глава VII.	Новые международные юридические дела в Министерстве иностранных дел и Боснийско-Герцеговинский аннексионный конфликт с Австро-Венгрией. — Лондонская военноморская конференция. — Беседа с английским наследником престола и аудиенция у императора	106
Глава VIII.	В пекле Министерства народного просвещения ...	130
Глава IX.	1. В пекле Министерства народного просвещения. 2. Два года между самодержавными министрами и «Конституционным самодержцем» (1912 и 1913 гг.)	145
Глава X.	В преддверии Великой войны. Характеристика министра Сазонова. — Попытка вызвать его отставку. — Министерские мины и контрмины. — Петербургское затишье перед грозой (январь—июль 1914 г.)	164
Глава XI.	Впечатление первых шести месяцев Великой войны (июль—декабрь 1914 г.).	179
Глава XII.	Два последних года Императорской России (1915—1916 гг.)	193
	Заключение	209

ПРИЛОЖЕНИЯ

к воспоминаниям барона Михаила Александровича Таубе	213
Комментарии	220
Географический указатель	245
Аннотированный указатель имен	248